

Калининградский филиал
Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

*«Противникам государственности хотелось бы
избрать путь радикализма, путь освобождения
от исторического прошлого, освобождения от
культурных традиций... Им нужны великие
потрясения, а нам нужна великая Россия!»
П.А. Столыпин*

ВЕСТНИК

Калининградского филиала
Санкт-Петербургского
университета МВД России

№ 4 (78) 2024

Vestnik of the Kaliningrad Branch
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia

Калининград - 2024

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер - ПИ № ФС77-84264 от 26 декабря 2022 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ - Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (СПБУ МВД России).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР - доктор юридических наук, профессор М.В. Бавсун.

Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). Калининград: Калининградский филиал СПБУ МВД России, 2024. 196 с.

Журнал включен в Национальную библиографическую базу данных научного цитирования - Научную электронную библиотеку Elibrary.ru и систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);*
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки);*
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки);*
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки);*
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),*
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).*

Научные публикации, включенные в «Вестник», представляют **точку зрения авторов** на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, экономики, образовательного процесса и гуманитарных наук, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии и редакции журнала.

Приказом МВД России от 16 декабря 2011 г. №1250 Калининградский юридический институт МВД России реорганизован в форме присоединения к Санкт-Петербургскому университету МВД России в качестве филиала. В связи с этим издаваемый учебным заведением журнал переименован в «Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России».

Информация о журнале, требованиях к статьям и порядке представления их для опубликования доступна на сайте журнала (переход по QR-коду)

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ ЖУРНАЛА
в сети Интернет: <https://vestnikkf.ru>.
Электронная версия журнала расположена в сети Интернет по адресу: https://klif.univer.mvd.ru/Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala (https://калининградский.университет.мвд.рф/Nauka/ZHurnal_Vestnik_Kaliningradskogo_filiala).

АДРЕС РЕДАКЦИИ, ИЗДАТЕЛЯ И ТИПОГРАФИИ:

Россия, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.

Телефон: 8 (4012) 53-93-51; e-mail: vestnikkf@yandex.ru.

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, научно-исследовательское и редакционно-издательское отделение.

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии -

БАВСУН Максим Викторович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе).

Заместитель председателя редакционной коллегии -

АЛЕКСЕЕВА Анна Павловна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

АСТАФИЧЕВ Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

АНИСИМОВ Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону);

ВЕКЛЕНКО Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

ВИШНЕВСКИЙ Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор факультета права и департамента частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва);

ГРИГОРЬЕВ Анатолий Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России;

ДРОНОВА Ольга Борисовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России;

ЗАЙЦЕВ Анатолий Александрович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой физической культуры Калининградского государственного технического университета;

ИВАНОВА Светлана Витальевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина;

КАПЛУНОВ Андрей Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

КАТКОВ Сергей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России;

КОЖЕВИНА Марина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России;

КОЛОСОВИЧ Марина Сергеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России;

МЕЛИХОВ Александр Иванович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России (г. Москва);

ПРАЦКО Геннадий Святославович, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону);

ПРИМАК Татьяна Клавдиевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград);

РЕДЬКО Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России;

РЫЖЕНКОВ Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (г. Элиста);

УХОВ Владимир Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

ФАДЕЕВА Виолетта Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

The editorial board

Chairman of the Editorial Board, Editor in Chief -

BAVSUN Maxim Viktorovich, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia (for scientific work).

Deputy Chairman of the Editorial Board -

ALEKSEEVA Anna Pavlovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

ASTAFICHEV Pavel Aleksandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

ANISIMOV Alexey Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Public Law Disciplines of the Don State Technical University (Rostov-on-Don);

VEKLENKO Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

VISHNEVSKY Alexander Alexandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Faculty of Law and Department of Private Law of the National Research University Higher School of Economics (Moscow);

GRIGORIEV Anatoly Nikolaevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

DRONOVA Olga Borisovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Forensic Technology of the Educational and Scientific Complex of Expert-Forensic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

ZAYTSEV Anatoly Aleksandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Physical Culture, Kaliningrad State Technical University;

IVANOVA Svetlana Vitalievna, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Orenburg Institute (branch) of the University named after O.E. Kutafina;

KAPLUNOV Andrey Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KATKOV Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Associate Professor,

Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KOZHEVINA Marina Anatolyevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

KOLOSOVICH Marina Sergeevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

MELIKHOV Alexander Ivanovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow);

PRATSKO Gennady Svyatoslavovich, Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Commercial and Entrepreneurial Law of the Don State Technical University (Rostov-on-Don);

PRIMAK Tatyana Klavdievna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law and Process, Baltic Federal University named after I. Kant (Kaliningrad);

REDKO Alexander Aleksandrovich, Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

RYZHENKOV Anatoly Yakovlevich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Process, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista);

UKHOV Vladimir Yurievich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative Law of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

FADEEVA Violetta Vladimirovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Содержание

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

О.Н. СТАРОДУБЦЕВА Гуманизация как устойчивая тенденция развития уголовного закона	9
А.С. СЕНЦОВ, В.В. ВОЛКОЛУПОВА Перспективы криминализации незаконного оборота персональных данных: критический анализ нового законопроекта	16
Е.А. ЛАРИОНОВА, А.В. КОЧУБЕЙ Правовое понятие кибербуллинга	24
М.В. ЕГОРОЧКИНА Уголовная ответственность за вымогательство в цифровом пространстве по зарубежному законодательству	31
С.В. ПИКАЛОВ Квалификация неоконченных преступлений, совершенных с использованием служебного положения	39

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Н.А. СОЛОВЬЕВА Протокольный язык следственных действий как зеркало профессионализма сотрудников правоохранительных органов	46
А.В. КУЛЬЧАРОВА Представление дознавателя как средство устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления	56
С.А. ТАБАКОВ Обеспечение безопасности участников уголовного процесса в условиях реализации фундаментальных положений судебного разбирательства	63

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

А.П. АЛЕКСЕЕВА, В.А. КУЗНЕЦОВ Деструктивная основа современного квадербинга в России: криминологическое исследование	69
С.М. ГОЛЯТИНА Криминалистическое прогнозирование дистанционного мошенничества	75
Ю.А. СЛУЧЕВСКАЯ Криминальные и экологические риски	81
В.А. НЕМИРОВСКИЙ Формирование нетерпимости к коррупции: постановка проблемы	88

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Д.С. ГОРДЕЕВ Современные тенденции, связанные с совершением преступлений лицами с психическими расстройствами, и их учёт в криминалистическом прогнозировании	96
К.А. РЕДОЗУБОВ Криминалистическая характеристика преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	105

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.И. ТАМБОВЦЕВ Содержательно-правовой анализ понятия «предание гласности» в оперативно-разыскной деятельности	112
--	-----

Содержание

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

У.В. САДИОКОВА

Нормирование труда следователей: методология и перспективы 119

Л.С.КРАВЧУК

Медиация на службе полиции: зарубежный опыт..... 127

ГОСУДАРСТВО. ОБЩЕСТВО. ПРАВО

А.И. МЕЛИХОВ, Н.И. КОСТЮЧЕНКО

Ключевые факторы обеспечения
национальной безопасности в сфере миграции..... 134

А.А. РЫЖЕНКОВ

Международное сотрудничество в области
охраны окружающей среды: вопросы теории 142

Т.М. ДЕРЕНДЯЕВА, И.С. СОРОКИН

Перспективы применения цифровых технологий
в сфере управления интеллектуальной
собственностью и её правовой защиты 150

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО

Т.В. АНИСИМОВА

Способы повышения эффективности межпредметных
связей риторики в процессе обучения юристов..... 158

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

В.В. АРТЕМОВА, Н.В. УХАНОВА

Практика как важнейший элемент в механизме
формирования интереса к профессии следователя 167

Е.В. КОВШИКОВА, И.В. ШИНДРЯЕВА

Коммуникативные компоненты методики преподавания
русского языка в образовательных организациях МВД России..... 176

В.И. ТАРАСОВА, И.М. ПАРУНОВ

Использование возможностей служебно-прикладного
спорта в методике профессиональной подготовки
сотрудников полиции (на примере дисциплины «Троеборье») 183

ГОРИЗОНТЫ НАУЧНОГО ПОИСКА

Т.А. ОГАРЬ

Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра.
Международная научно-практическая конференция
(7-8 июня 2024 г., Санкт-Петербург) 190

Contents

CRIMINAL LAW AND FEATURES OF QUALIFICATION OF CRIMES

O.N. STARODUBTSEVA Humanization as a sustainable trend in the development of criminal law	9
A.S. SENTSOV, V.V. VOLKOLUPOVA Prospects for criminalizing the illegal trafficking of personal data: a critical analysis of the new draft law	16
E.A. LARIONOVA, A.V. KOCHUBEY Legal concept of cyberbullying	24
M.V. EGOROCHKINA Criminal liability for extortion in the digital space under foreign legislation	31
S.V. PIKALOV Qualification of incomplete offences committed with the use of official position	39

ARTICLES ABOUT CRIMINAL PROCEDURE

N.A. SOLOVIEVA Protocol language of investigative actions as a mirror of professionalism of law enforcement officers	46
A.V. KULCHAROVA The interrogator's demand as a means of eliminating the circumstances that contributed to the commission of the crime	56
S.A. TABAKOV Ensuring the safety of participants in criminal proceedings under the implementation of the fundamental provisions of judicial proceedings	63

CURRENT PROBLEMS OF CRIMINOLOGY

A.P. ALEKSEEVA, V.A. KUZNETSOV The destructive basis of modern quadrobing in Russia: criminological research	69
S.M. GOLYATINA Criminalistic forecasting remote fraud	75
Y.A. SLUCHEVSKAYA Crime and environmental risks	81
V.A. NEMIROVSKIY Forming of non-tolerance to corruption: formulation of a problem	88

CRIMINALISTICS RESEARCHES

D.S. GORDEEV Modern trends related to the commission of crimes by persons with mental disorders and their consideration in forensic forecasting	96
K.A. REDOZUBOV Forensic characteristics of extremist crimes committed with the use of information-telecommunication technologies	105

THEORY AND PRACTICE OF LAW ENFORCEMENT

A.I. TAMBOVTSEV Content-legal analysis of the concept of «publicity» in operational-investigative activities	112
---	-----

Contents

IMPROVING THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

- U.V. SADIKOVA**
Rationing the work of investigators: methodology and prospects..... 119
- L.S. KRAVCHUK**
Mediation in the service of the police: international experience..... 127

STATE. SOCIETY. LAW

- A.I. MELIKHOV, N.I. KOSTYUCHENKO**
Key factors for ensuring national security in the field of migration..... 134
- A.YA. RYZHENKOV**
International cooperation in the field of
environmental protection: theoretical issues..... 142
- T.M. DERENDYAEVA, I.S. SOROKIN**
Prospects for the use of digital technologies in the field
of management and legal protection of intellectual property 150

EDUCATIONAL PROCESS AND TEACHING SKILLS

- T.V. ANISIMOVA**
Ways to increase the effectiveness of interdisciplinary
relations of rhetoric in the process of training lawyers 158

PEDAGOGICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL TRAINING

- V.V. ARTEMOVA, N.V. UKHANOVA**
Practice as the most important element in the mechanism
of forming interest in the profession of an investigator 167
- E.V. KOVSHIKOVA, I.V. SHINDRYAEVA**
Communicative components of the methodology of
teaching Russian language in educational organizations
of the Ministry of Internal Affairs of Russia..... 176
- V.I. TARASOVA, I.M. PARUNOV**
Using the possibilities of service-applied sports in the
methodology of professional training of police officers
(based on the example of the discipline «Triathlon») 183

HORIZONS OF SCIENTIFIC RESEARCH

- T.A. OGAR**
Criminal law: yesterday, today, tomorrow.
International scientific and practical conference
(June 7-8, 2024, Saint-Petersburg) 190

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Олеся Николаевна СТАРОДУБЦЕВА,
кандидат юридических наук, доцент,
ORCID 0009-0009-0274-0081
Санкт-Петербургский университет
МВД России (г. Санкт-Петербург)
доцент кафедры уголовного права
lsstar189@gmail.com

Научная статья
УДК 343.2/.7:[343.214+343.24]

ГУМАНИЗАЦИЯ КАК УСТОЙЧИВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Гуманизация, уголовный закон, уголовно-правовое воздействие, виды уголовного наказания, альтернатива лишению свободы, правовой статус осуждённого, меры пресечения, социальная помощь.

АННОТАЦИЯ. Введение. В статье автор анализирует процесс гуманизации уголовного закона в ракурсе позитивной трансформации правового статуса осуждённого, оценивает инициативу органов государственной власти по либерализации воздействия на правонарушителей, отмечает системный и глобальный характер реализуемых изменений. Гуманизация уголовного закона рассматривается как одно из приоритетных направлений уголовно-правовой политики в области смягчения мер воздействия. Изучаются возможности службы пробации, которая является субъектом, участвующим в реализации уголовной политики, тогда как ее функции выходят за рамки уголовно-правового воздействия. **Методы.** В ходе проведения исследования, результаты которого представлены в статье, использовались: историко-правовой, сравнительно-правовой, социологический методы, анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, аналогия, индукция, дедукция.

Результаты. Автор приходит к выводу о том, что гуманизация в рамках уголовно-правовой политики представляет собой устойчивую тенденцию, которая в дальнейшем будет прогрессировать. Гуманность в обращении с лицами, совершившими преступления, может быть выражена в индивидуальном подходе при применении мер уголовно-правового воздействия и оказании социальной помощи. Формулируется заключение о том, что гуманизация главным образом связана с изменением отношения к преступнику и состоит в реализации гарантий правового статуса личности, установленных законом, в недопущении жестокого обращения, причинения страданий и унижения человеческого достоинства. При оказании помощи в подготовке к социальной реинтеграции осуждённого в общество и при применении к нему мер воздействия важно понимать потребности и особенности его личности. Перспективными направлениями гуманизации уголовного закона автор считает оптимизацию системы мер воздействия путем включения в нее новых эффективных видов наказаний, альтернативных лишению свободы, новых мер уголовно-правового характера, а также применение рационального подхода к наказанию с учетом индивидуальных особенностей преступников.

ВВЕДЕНИЕ

Гуманизация в уголовном праве прочно ассоциируется с именем Цезаре Беккариа, который в своем научном труде «О преступлениях и наказаниях» 1764 года впервые изложил идею отказа от пыток, смертной казни и других самых жестоких наказаний. Именно после выхода его

книги в свет из многих уголовных кодексов Европы была исключена смертная казнь, а в российском Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года ее сохранили только для применения в исключительных случаях.

Гуманистическое движение XIX века с первых международных тюремных конгрессов по борьбе

Olesya N. STARODUBTSEVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0009-0009-0274-0081

Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Saint-Petersburg, Russia)

Associate Professor of the Department of Criminal Law

lsstar189@gmail.com

HUMANIZATION AS A SUSTAINABLE TREND IN THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW

Keywords. Humanization, criminal law, criminal-legal impact, types of criminal punishment, legal status of the convicted person, alternative to imprisonment, preventive measures, social assistance.

ANNOTATION. Introduction. In the article, the author analyzes the process of humanization of the criminal law in the context of positive transformation of the legal status of a convicted person, evaluates the initiative of public authorities to liberalize the impact on offenders, notes the systemic and global nature of the changes being implemented. Humanization of the criminal law is considered as one of the priority areas of criminal law policy in the field of mitigation of measures of influence. The possibilities of the probation service, which acts as a subject participating in the implementation of criminal policy, are studied, while its functions go beyond the criminal law impact. **Methods.** In the course of the study, the results of which are presented in the article, the following were used: historical and legal, comparative legal, sociological methods, analysis, synthesis, abstraction, generalization, analogy, induction, deduction. **Results.** The author comes to the conclusion that humanization within the framework of criminal law policy is a stable trend that will progress in the future. Humanity in the treatment of persons who have committed crimes can be expressed in an individual approach when applying measures of criminal-legal influence and providing social assistance. The conclusion is formulated that humanization is mainly associated with a change in attitude towards the criminal and consists in the implementation of guarantees of the legal status of the individual established by law, in preventing cruel treatment, causing suffering and humiliation of human dignity. When providing assistance in preparing for the social reintegration of the convicted person into society and when applying measures of influence to him, it is important to understand the needs and characteristics of his personality. The author believes that promising areas of humanization of the criminal law are the optimization of the system of measures of influence by including new effective types of punishment alternative to imprisonment, new measures of a criminal-legal nature, as well as the use of a rational approach to punishment taking into account the individual characteristics of criminals.

с ущемляющим человеческое достоинство обращением переросло в стойкую тенденцию укрепления защиты осуждённых и гарантий реализации их правового статуса. «Права личности, – как отмечает Ю.М. Антонян, – были объявлены сверхценностью» [1, с. 54].

С принятием Основ законодательства СССР 1922 года советские республики предприняли попытку отказаться от термина «наказание» в пользу «мер социальной защиты». Впервые были нарушены традиции, связанные с классическим пониманием мер воздействия: вместо них появились «меры судебно-исправительного, медицинского и медико-педагогического характера» [2, с. 14]. Идея не прижилась, потому что на том этапе исторического развития общества проведенная реформа оказалась преждевременной, «произошла переоценка возможностей, потенциала новой власти и готовности населения поддержать ее» [3, с. 326].

В конце XX века совершившие преступления и отбывающие уголовные наказания лица, признававшиеся до того объектом исправительного воздействия, приобрели правовой статус субъекта – участника уголовно-исполнительных отношений. Этот субъект был наделен комплексом прав, свобод и обязанностей с ограничениями, детерминированными порядком и условиями отбывания наказания того или иного вида (такие ограничения воспринимались как неизбежные последствия совершенного преступления) и обеспечен принудительным воздействием (обязанностью выполнять требования администрации органа, исполняющего уголовное наказание; ограничением

личных прав в форме лишения или ограничения свободы; невозможностью участия в политической жизни государства; обязанностью возместить причиненный ущерб и др.).

МЕТОДЫ

В ходе проведения исследования историко-правовой метод использовался при изучении источников российского права XIX-XX веков; сравнительно-правовой метод – при сопоставлении норм УК РСФСР 1960 года и УК РСФСР 1996 года; социологический метод – при изучении мнений ученых о различных видах наказаний, а также сведений об уголовных делах, поступивших в суды первой инстанции, о числе осуждённых и лиц, в отношении которых уголовное преследование было прекращено, об отклоненных ходатайствах о продлении срока содержания под стражей. Анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, аналогия, индукция, дедукция применялись для определения функций службы пробации и их отличия от мер уголовно-правового воздействия, для формулирования дефиниции гуманизации и общих выводов о тенденциях гуманизации уголовного закона, для формирования представлений об основных направлениях деятельности, которые могли бы способствовать дальнейшей гуманизации уголовного закона.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Принцип гуманизма уголовного закона, согласно ст. 7 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), реализуется в обеспечении безопасности в процессе осуществления мер уголовно-правового воздействия (уголовного наказа-

ния и мер уголовно-правового характера) в отношении лиц, совершивших преступление, а также в недопущении причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства как цели такого воздействия. Признание и закрепление правового статуса осуждённых в правоприменительной практике стало одним из проявлений гуманизма. Как верно отметил М.Д. Шаргородский, «нельзя воспитать человека гуманным, обращаясь с ним негуманно, нельзя в человеке воспитать уважение к закону, если по отношению к нему закон нарушается» [4, с. 53]. Стоит согласиться с мнением И.Я. Козаченко о том, что одним из значений уголовного права является «суровая необходимость и милосердные способы борьбы с преступными проявлениями уголовно-правовыми средствами»¹.

В связи с этим справедливым представляется высказывание И.С. Ноя о том, что «осуждение лица, виновного в совершении преступления, его порицание от имени государства носит карательный характер, так как оно способно причинить чувствительные страдания осуждённому» [5, с. 37]. Важно учитывать, что страдания в виде установленных уголовным законом лишений и ограничений уже охватываются карательной сущностью любого вида наказания, и причинение таких страданий сверх меры недопустимо.

Позитивные изменения в статусе осуждённых, произошедшие в течение последних лет, состоят в повышении уровня гарантированности обеспечения достойных материально-бытовых и социально-экономических условий содержания в местах отбывания наказания, а также при конвоировании для отбывания наказания (это, например, минимизация перевозок по железной дороге и предпочтение автомобильного транспорта и авиации), при отбытии принудительных работ (возможность трудоустройства у индивидуальных предпринимателей и др.). О гуманизации сферы уголовно-правового воздействия также свидетельствуют и другие законодательные новации, в том числе касающиеся защиты персональных данных лиц, отбывающих наказание.

Ограничения прав осуждённых строго регламентированы законом и допустимы только в случаях введения режима особых условий на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях, режима чрезвычайного или военного положения, чрезвычайной ситуации² и исключи-

тельно в целях обеспечения безопасности жизни и здоровья осуждённых к лишению свободы, сотрудников уголовно-исполнительной системы, а также иных лиц, находящихся на территории исправительных учреждений. Такие ограничения подлежат снятию сразу по окончании действия режима особых условий.

Гуманизация уголовного законодательства отражается в характере вносимых в него изменений, свидетельствующих о его смягчении. Если проанализировать последние варианты уголовного закона, сравнивая УК РФ 1996 года с УК РСФСР 1960 года, то можно отметить следующие принятые законодателями меры, направленные на его гуманизацию:

- поднята возрастная планка возможности привлечения к уголовной ответственности – с 12 до 14 лет (причем с 14 лет уголовная ответственность наступает только за совершение преступлений некоторых видов, по большинству составов преступлений уголовная ответственность наступает с 16 лет);

- перечень оснований освобождения от уголовной ответственности дополнен, в него включены: изменение обстановки, прохождение военной службы в периоды мобилизации (при введении военного положения или в военное время);

- декриминализованы некоторые преступные деяния (тунеядство, оскорбление);

- в санкциях некоторых статей упразднены нижние пределы наказания в виде лишения свободы³;

- закреплено право суда на изменение категории преступления на менее тяжкую и на назначение более мягкого наказания;

- как новый вид наказания в уголовном законе закреплены принудительные работы;

- увеличена продолжительность исправительных работ – до 480 часов (что повысило ее правоприменительное значение);

- введена отсрочка отбывания наказания для лиц, больных наркоманией⁴;

- как основание освобождения от уголовной ответственности введена новая мера уголовно-правового воздействия – судебный штраф⁵;

- как вид уголовного наказания упразднена конфискация имущества⁶ и др.

На необходимость продолжения работы, направленной на расширение перечня мер гуманизации правосудия, неоднократно обращал внимание Президент Российской Федерации⁷. Реали-

¹ Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов / М.И. Ковалев, И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова и др. М., 1997. С. 15.

² Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 23.08.2023 № 221 «О внесении изменений в приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы»».

³ Федеральный закон от 07.03.2011 № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

⁴ Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁵ Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности».

⁶ Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

⁷ Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека (утв. Президентом Российской Федерации 12.01.2023 № Пр-19).

зация его поручений действительно привела к некоторому смягчению уголовной политики, что проявилось, например, в постепенном сокращении практики полной изоляции от общества лиц, совершивших насильственные преступления средней тяжести, при применении к ним такой меры пресечения, как заключение под стражей. Более того, речь идет и о стремлении к отказу от применения данной меры пресечения в отношении совершивших преступления небольшой и средней тяжести несовершеннолетних и женщин, имеющих малолетних детей, а также в отношении лиц, страдающих тяжелыми заболеваниями¹.

Вместе с тем необходимо отметить, что предложения Верховного Суда Российской Федерации, направленные на гуманизацию правосудия, Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации регулярно отклоняются. Так, еще в 2020 году Пленум Верховного Суда Российской Федерации выступил с инициативой перевести категорию преступлений небольшой тяжести в категорию «уголовный проступок» с целью ограждения лица, впервые совершившего преступление, от судимости как крайне неблагоприятного последствия². Кроме того, в 2023 году Верховный Суд Российской Федерации предлагал расширить пределы апелляционного обжалования судебных приговоров «в целях дальнейшей гуманизации уголовного законодательства и правоприменительной практики». Все эти инициативы законодателем были отвергнуты.

В мае 2024 года Председатель Совета Судей Российской Федерации В. Момотов внес в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации предложение об изменении Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»: оно касается закрепления в ст. 12.1 определения судебной ошибки и ее признаков, при наличии которых возникало бы основание для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности, что должно способствовать повышению качества работы судей. Дискуссии о целесообразности такого нововведения пока продолжаются.

Считаем важным обратить внимание на заявление председателя Верховного Суда Российской Федерации И. Подносовой, сделанное на пленарном заседании Совета Судей³, о том, что произведенные изменения уголовного закона привели, в частности, к существенному сокращению количества уголовных дел, поступивших в суды первой инстанции. В 2023 году судами было рассмотрено 159 тысяч уголовных дел в отношении 160 тысяч лиц, из них 79,4% осуждены, а в отношении 19,2% уголовное преследование было прекращено. Удовлетворено на 5,9% меньше по сравнению с 2022 годом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, на 11% сократилось количество удовлетворенных ходатайств о продлении срока содержания под стражей.

Одним из показателей гуманизма в уголовно-правовой сфере является полный отказ от применения самого сурового вида наказания – смертной казни. «Смертная казнь не применяется даже в отношении террористов», – отметил Председатель комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А. Клишас. Его слова подтверждает и Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Зорькин: «Конституция РФ допускает ограничение прав, но ставит пределы для этого в виде цели и меры. Для Конституционного Суда РФ одним из таких пределов выступает уверенность в недопустимости возобновления назначения и применения смертной казни в рамках действующей Конституции РФ»⁴. Постепенно снижается количество сторонников смертной казни и среди населения страны. Согласно результатам исследования, проведенного Социологическим институтом РАН, число приверженцев исключительной меры наказания в России сократилось с 56% в 2014 году до 43% в 2023 году⁵. Такая динамика обусловлена, по мнению ученых, изменениями нравственных устоев общества, а также трендом, ориентированным на смягчение наказания.

Проводимая государством политика по сокращению числа осужденных к лишению свободы (за

¹ Законопроект № 381316-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на ограничение применения меры пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений ненасильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей, и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: сайт // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/381316-8> (дата обращения: 15.02.2024).

² Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации не поддержала инициативу Верховного Суда Российской Федерации о включении в УК РФ статьи 15.1 «Уголовный проступок». Под уголовным проступком предлагалось понимать совершенное впервые преступление небольшой тяжести, за которое УК РФ не предусмотрено наказание в виде лишения свободы. К категории уголовных проступков предлагалось отнести 112 составов преступлений, в том числе 53 – в сфере экономики. См.: Лебедев В. Глава Верховного суда: Предлагаем внести в закон понятие «уголовный проступок» // Российская газета: сайт. 13.10.2020 // URL: <https://rg.ru/2020/10/13/glava-verhovnogo-suda-predlagaem-vnesti-v-zakon-poniatie-ugolovnyj-prostupok.html> (дата обращения: 15.02.2024).

³ Председатель Верховного Суда России выступил на пленарном заседании Совета судей // Верховный Суд Российской Федерации: сайт // URL: https://vsrf.ru/press_center/news/33194/ (дата обращения: 15.02.2024).

⁴ Конституционно-судебная защита прав в России: основные свойства. Тезисы доклада, с которым В. Зорькин выступил на сессии «Защита прав и конституционный контроль» в рамках XII Петербургского международного юридического форума // Правовые новости: сайт. 26.07.2024 // URL: <https://pravo.ru/lf/news/253784/> (дата обращения: 15.08.2024).

⁵ В России сократилось число сторонников смертной казни // РБК: новости: сайт. 01.02.2024 // URL: <https://www.rbc.ru/society/01/02/2024/621d63cb9a7947b6d560a333> (дата обращения: 15.02.2024).

счет расширения практики применения наказаний альтернативных ему видов) способствовала снижению количества лиц, находящихся в исправительных учреждениях (с 735340 в 2014 году до 555743 в 2023 году). За последние десять лет также стало меньше осужденных к пожизненному лишению свободы (в 2014 году – 67 человек, 2023 году – 59 человек)¹. Альтернативные виды наказаний становятся всё более востребованными: активно применяются судами ограничение свободы, в практику введено назначение наказания в виде принудительных работ.

Гуманизация уголовного закона носит глобальный характер, поскольку реализуется не только в России, но и в других странах. Она обусловлена воздействием норм международного характера, направленных на обеспечение гарантий прав и свобод личности и гражданина. Так, например, в Уголовном кодексе Республики Беларусь обстоятельствами, смягчающими наказание, признаны наличие иждивенцев и престарелый возраст виновного. Польским уголовным законодательством предусмотрен ряд оснований для «чрезвычайного смягчения наказания» (примирение пострадавшего с виновным; устранение вреда или попытки устранить его, если виновный в неумышленном преступлении или его самое близкое лицо потерпели серьезный ущерб; сообщение органам, осуществляющим уголовное преследование, о лицах, участвующих в совершении преступления, или об обстоятельствах его совершения).

Гуманизация уголовного закона является одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики России. При этом взаимное влияние гуманизации и уголовной политики вызывает дискуссии среди ученых. О.Г. Перминов считает, что «уголовно-правовая политика определяет содержание и принципы уголовного законодательства» [6, с. 247]. О.А. Малышева полагает, что «уголовная политика обуславливает лишь содержание формы права – закона»². По мнению М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина, гуманизм реализуется в рамках основных направлений уголовно-правовой политики в целях обеспечения ее соответствия Конституции Российской Федерации, и он «не должен входить в противоречие с требованиями социальной и криминологической обоснованности уголовного законодательства» [7, с. 8]. И. Финке обращает внимание на то, что гуманизм состоит в обеспечении безопасности других лиц, общества и государства, в реализации «предохранения прав всех его членов» [8, с. 138].

По нашему мнению, следует признать, что политика оказывает влияние на содержание и принципы уголовного законодательства. Процесс очеловечивания закона имеет идеологическое значение и свидетельствует о постепенном смягчении

общественных нравов. Гуманистичные изменения могут касаться области применения строгих мер воздействия, реализуемых в уголовном наказании, при сохранении карательного потенциала наказания в целом как необходимого средства воздействия на лиц, представляющих повышенную общественную опасность. Вместе с тем гуманизм проявляется в сфере применения некарательных мер воздействия (иных уголовно-правовых мер), которым, согласно суждению С.А. Корнеева, «не свойственно наличие карательной составляющей» [9].

М.В. Бавсун связывает гуманизм с реализацией «любых способов воздействия, не имеющих карательного потенциала», посредством индивидуализации и их subsidiarity [10, с. 183]. Индивидуализация состоит в недопустимости игнорирования особенностей личности при применении мер уголовно-правового воздействия. Здесь преследуются две основополагающие цели: «С одной стороны, обеспечение повышенной гарантии охраны безопасности человека, общества и государства от преступных посягательств, которое предполагает применение строгих мер наказания к лицам, признанным виновными в совершении тяжких, особо тяжких преступлений, рецидиве преступлений, а с другой – гуманизация уголовно-правового воздействия»³. Идея принципа subsidiarity состоит в том, что самостоятельной формой реализации уголовной ответственности становятся лишения и ограничения, испытываемые лицом в рамках освобождения от наказания.

Термин «воздействие» используется для обозначения любого действия, направленного на объект с целью повлиять на него, вызвать изменение в нем. Уголовно-правовое воздействие в широком смысле понимается как способ реализации предупредительной функции уголовного права [11, с. 26]. По мнению Н.А. Лопашенко, такое воздействие означает «влияние с целью предупредить совершение преступления» [12, с. 103]. Уголовно-правовое воздействие, на наш взгляд, – это государственное принуждение, реализуемое в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние, в целях выполнения задач, стоящих перед уголовным законом: защиты объектов уголовно-правовой охраны и предупреждения преступлений посредством применения наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Меры уголовно-правового воздействия это – «меры принуждения, назначенные судом лицу, совершившему общественно опасное деяние, и заключающиеся в предусмотренных УК РФ лишении или ограничении прав и свобод этого лица»⁴.

В этом смысле определенный интерес вызывает деятельность в России новой структуры – службы probation, которая, по замыслу законодателя,

¹ Число осужденных по приговорам судов, вступившим в законную силу, снизилось в 2023 году до 556 тысяч человек // Демоскоп: сайт // URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01033/barom03.php> (дата обращения: 15.02.2024).

² Малышева О.А. Современная уголовная политика Российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2006. С. 13.

³ Набиуллин Ф.К. Некарательные меры уголовно-правового характера: природа, система и социально-правовое назначение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. С. 3.

⁴ Чучаев А.И. Уголовный закон: Учебное пособие. Ульяновск: ФМГУ, 1995. С. 55.

должна способствовать достижению цели уголовного наказания, а именно предупреждению совершения бывшим осуждённым новых преступлений. Вместе с тем следует отметить, что служба пробации не является субъектом уголовно-правового воздействия. Функции пробации (коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых пробация применяется) коррелирует с целью уголовного наказания – предупреждение преступлений. Однако пробация не оказывает уголовно-правового воздействия, поскольку не обладает карательными свойствами. Задачи службы пробации состоят в социальном сопровождении лиц, отбывающих уголовные наказания всех видов (кроме штрафа); лиц, в отношении которых исполняются иные меры уголовно-правового характера; лиц, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания; лиц, в отношении которых осуществляется административный надзор; лиц, условно-досрочно освобожденных, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в целях оказания им индивидуальной социальной помощи и предупреждения совершения преступлений. Решение задач, стоящих перед службой пробации, может осуществляться одновременно с реализацией уголовно-правового воздействия (пениitenciарная пробация). Пробационные меры, обладая социальной сущностью, обнаруживают сходство с уголовно-правовым воздействием, поскольку, как верно отметил Л.И. Спиридонов, «сама природа правовых норм носит социальный характер» [13, с. 49]. Однако в отличие от мер уголовно-правового воздействия пробационные меры не предусмотрены уголовным законом, исполняются по инициативе осуждённого, а не по решению суда, и не обладают принудительным характером. Соответственно, социальная эффективность деятельности службы пробации зависит не только от содержания (поставленных задач), но и от практики применения и состоит в степени реализации такой цели, как

снижение уровня преступности бывших осуждённых [14, с. 550; 15, с. 260].

Гуманизация уголовного закона проводится с учетом многообразия социальных потребностей граждан и обуславливает вовлечение в данный процесс большого количества субъектов: это федеральные органы исполнительной власти; органы государственной власти субъектов Российской Федерации; учреждения уголовно-исполнительной системы; государственные учреждения службы занятости населения; организации социального обслуживания. Эффективное осуществление всеми этими субъектами своих функций должно способствовать снижению уровня преступности в России и обеспечению безопасности ее граждан, их защите от преступных посягательств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гуманизация уголовного законодательства отражается в его смягчении, она связана с изменениями, направленными на защиту прав и свобод личности, что проявляется, в частности, в отказе от применения смертной казни и сокращении числа осуждённых к пожизненному лишению свободы. При этом необходимо иметь в виду, что гуманизация обладает глобальным характером и обусловлена международными нормами, предназначенными для обеспечения гарантий прав и свобод личности и гражданина.

Гуманизация уголовно-правового воздействия предусматривает повышение уровня гарантированности достойных условий содержания осуждённых, защиты их прав и свобод. Ограничения прав осуждённых строго регламентированы законом и допустимы только в особых условиях для обеспечения безопасности.

Перспективы дальнейшей гуманизации уголовного закона видятся в оптимизации системы мер воздействия на преступников путем включения в нее новых эффективных видов наказаний, альтернативных лишению свободы, мер уголовно-правового характера, а также использовании индивидуализированного подхода к правонарушителям. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонян Ю.М. Цивилизация как объект криминологического исследования // Вестник университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 4 (102). С. 52-62.
2. Чучаев А.И., Фирсов А.П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация: Монография. М.: Проспект, 2013. 320 с.
3. Упоров И.В. Научные воззрения о сущности и цели наказания в истории уголовного права // Научные труды РАЮН. 2003. № 3. С. 323-330.
4. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность: Монография. Л., 1973. 160 с.
5. Ной И.С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве: Монография. Саратов, 1965. 193 с.
6. Перминов О.Г. Теоретические основы уголовной и уголовно-исполнительной политики // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 2. С. 246-262.
7. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 4. С. 4-12.
8. Финке И. Естественное частное, публичное и народное право: Монография. Казань, 1816. 312 с.
9. Корнеев С.А. Меры уголовно-правового воздействия, не связанные с уголовной ответственностью // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2019. № 3 (49). С. 64-72.
10. Бавсун М.В. Принудительные меры медицинского характера: актуальные вопросы применения // Вестник Кузбасского института. 2020. № 3. С. 179-187.
11. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.

12. Лопашенко Н.А. Размышление об уголовном праве. Уголовное право. Уголовно-правовые принципы. Уголовная ответственность. Авторский курс: Монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 408 с.
13. Спиридонов Л.И. Избранные произведения: Философия и теория права. Социология уголовного права. Криминология: Монография. СПб, 2002. 392 с.
14. Алексеева А.П. Профилактика правонарушений в России: законодательные основы и перспективы реализации // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: Сборник научных трудов. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 549-551.
15. Бульмеринг М. Теория исправления преступников // Журнал Министерства юстиции. 1862. Т. XI. Февраль. С. 259-276.

REFERENCES

1. Antonyan Yu.M. Tsivilizatsiya kak ob"yekt kriminologicheskogo issledovaniya // Vestnik universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. 2024. № 4 (102). S. 52-62.
2. Chuchayev A.I., Firsov A.P. Ugolovno-pravovoye vozdeystviye: ponyatiye, ob"yekt, mekhanizm, klassifikatsiya: Monografiya. M.: Prospekt, 2013. 320 s.
3. Uporov I.V. Nauchnyye vozzreniya o sushchnosti i tseli nakazaniya v istorii ugovnogo prava // Nauchnyye trudy RAYUN. 2003. № 3. S. 323-330.
4. Shargorodskiy M.D. Nakazaniye, yego tseli i effektivnost': Monografiya. L., 1973. 160 s.
5. Noy I.S. Sushchnost' i funktsii ugovnogo nakazaniya v sovetskom gosudarstve: Monografiya. Saratov, 1965. 193 s.
6. Perminov O.G. Teoreticheskiye osnovy ugovnoy i ugovno-ispolnitel'noy politiki // «Chernyye dyry» v rossiyskom zakonodatel'stve. 2003. № 2. S. 246-262.
7. Babayev M.M., Pudovochkin Yu.Ye. Kontseptsiya ugovno-pravovoy politiki Rossiyskoy Federatsii // Ugolovnoye pravo. 2012. № 4. S. 4-12.
8. Finke I. Yestestvennoye chastnoye, publichnoye i narodnoye pravo: Monografiya. Kazan', 1816. 312 s.
9. Korneyev S.A. Mery ugovno-pravovogo vozdeystviya, ne svyazannyye s ugovnoy otvetstvennost'yu // Yuridicheskaya nauka i pravoprimeritel'naya praktika. 2019. № 3 (49). S. 64-72.
10. Bavsun M.V. Prinuditel'nyye mery meditsinskogo kharaktera: aktual'nyye voprosy primeneniya // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2020. № 3. S. 179-187.
11. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov YU.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vkladyuchennykh v ponyatiynnyy apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (66). S. 25-30.
12. Lopashenko N.A. Razmyshleniye ob ugovnom prave. Ugolovnoye pravo. Ugolovno-pravovyye printsipy. Ugolovnaya otvetstvennost'. Avtorskiy kurs: Monografiya. M.: Yurlitinform, 2024. 408 s.
13. Spiridonov L.I. Izbrannyye proizvedeniya: Filosofiya i teoriya prava. Sotsiologiya ugovnogo prava. Kriminologiya: Monografiya. SPb, 2002. 392 s.
14. Alekseyeva A.P. Profilaktika pravonarusheniy v Rossii: zakonodatel'nyye osnovy i perspektivy realizatsii // Prestupnost', ugovnaya politika, ugovnnyy zakon: Sbornik nauchnykh trudov. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2013. S. 549-551.
15. Bul'mering M. Teoriya ispravleniya prestupnikov // Zhurnal Ministerstva yustitsii. 1862. T. XI. Fevral'. S. 259-276.

© Стародубцева О.Н., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Стародубцева О.Н. Гуманизация как устойчивая тенденция развития уголовного закона // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 9-15.

Александр Сергеевич СЕНЦОВ,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-6481-122X
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации (г. Волгоград)
профессор кафедры уголовного права, уголовного
процесса и криминалистики Волгоградского
института управления (филиала РАНХиГС)
sentsov_1951@mail.ru

Владислава Владимировна ВОЛКОЛУПОВА,

ORCID 0009-0006-2604-3764
Санкт-Петербургский государственный
университет (г. Санкт-Петербург)
аспирант
volkolupova.v@yandex.ru

Научная статья
УДК 343.3/.7

ПЕРСПЕКТИВЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОВОГО ЗАКОНОПРОЕКТА *

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Персональные данные, незаконный оборот персональных данных, компьютерная информация, общественная опасность, преступление, уголовная ответственность, внесение изменений в законодательство.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В настоящее время в условиях построения информационного общества существует объективная потребность в усилении противодействия с использованием уголовно-правовых средств незаконному обороту компьютерной информации, содержащей персональные данные. В ходе проведенного авторами исследования, результаты которого излагаются в статье, были определены основные направления повышения эффективности и перспективы совершенствования уголовно-правовых мер, используемых для осуществления такого противодействия. Кроме того, рассматриваются общетеоретические вопросы, касающиеся социальной обусловленности и критериев криминализации незаконного оборота информации, содержащей персональные данные. **Методы.** При проведении исследования авторы использовали такие общенаучные и частнонаучные методы, как всеобщий диалектический метод научного познания, индукция, дедукция, анализ и синтез, логический, системно-структурный, догматический и др. **Результаты.** Сформулированы предложения о внесении изменений и дополнений в Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации. Обоснована целесообразность включения в нее ст. 137.1, которая регламентировала бы ответственность за нарушение права на неприкосновенность персональных данных. Представлена авторская редакция этой статьи, что повышает практическую значимость проведенного исследования.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях повсеместной информатизации и цифровизации общества и государство неизбежно сталкиваются с новыми угрозами информационной безопасности, в том числе связанными с неправомерным оборотом компьютерной информации, содержащей персональные данные. Использование в процессе сбора, обработки и хранения конфиденциальной ин-

формации новейших технических средств, активное развитие и популяризация маркетплейсов, сервисов доставки, социальных сетей и мессенджеров обуславливают необходимость разработки и принятия эффективных мер по защите персональных данных. Люди, пусть и неосознанно, всё чаще самостоятельно предоставляют доступ к своим персональным данным широкому кругу лиц, не задумываясь о возможном наступлении вслед-

* Статья представлена в редакцию для решения вопроса о возможности ее опубликования 15 октября 2024 г., одобрена к публикации 13 ноября 2024 г., то есть до принятия Федерального закона от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», и не учитывает правовых реалий, сложившихся в связи с вступлением в силу названного нормативного правового акта.

Alexander S. SENTSOV,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-6481-122X
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Volgograd, Russia)
Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and
Criminalistics at the Volgograd Institute of Management (branch of RANEPА)
sentsov_1951@mail.ru

Vladislava V. VOLKOLUPOVA,

ORCID 0009-0006-2604-3764
Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)
Postgraduate Student
volkolupova.v@yandex.ru

PROSPECTS FOR CRIMINALIZING THE ILLEGAL TRAFFICKING OF PERSONAL DATA: A CRITICAL ANALYSIS OF THE NEW DRAFT LAW*

KEYWORDS. Personal data, illegal circulation of personal data, computer information, public danger, crime, criminal liability, amendments to legislation.

ANNOTATION. *Introduction.* Currently, in the context of building an information society, there is an objective need to strengthen counteraction with the use of criminal law means to illegal circulation of computer information containing personal data. In the course of the study conducted by the authors, the results of which are presented in the article, the main directions of increasing the efficiency and prospects for improving the criminal law measures used to implement such counteraction were identified. In addition, general theoretical issues related to the social determination and criteria for criminalization of illegal circulation of information containing personal data are considered. *Methods.* In conducting the study, the authors used such general scientific and specific scientific methods as the general dialectical method of scientific knowledge, induction, deduction, analysis and synthesis, logical, systemic-structural, dogmatic, etc. *Results.* Proposals are formulated to amend and supplement the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. The expediency of including Art. 137.1 in it, which would regulate liability for violation of the right to inviolability of personal data, is substantiated. The author's version of this article is presented, which increases the practical significance of the conducted research.

ствие этого крайне негативных последствий [1]. Например, с помощью персональных данных о физическом лице возможно оформление на его имя кредитов, микрозаймов, совершение различных мошеннических действий, вымогательства, стalkerства¹ и др.

В современном обществе персональные данные становятся своеобразным товаром. И он пользуется повышенным спросом на нелегальных рынках, где ведется активная торговля информацией, содержащей конфиденциальные сведения, в том числе и о личности гражданина. В последние годы получают широкий общественный резонанс освещаемые в средствах массовой информации случаи массовой утечки персональных данных и их распространения путем размещения в социальных сетях и на интернет-сайтах. Хищения персональных данных нередко совершаются путем «хакерских атак», а утечки, как правило, связаны с неправомерным доступом к компьютерной информации, содержащей такие данные. Последствиями этих деяний оказываются масштабная компрометация тех или иных граждан и причинение огромного материального ущерба, заключающегося в расходах на устранение причиненного вреда (на это, по экспертным оценкам,

затрачивается несколько миллиардов рублей в год). Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» одним из приоритетных направлений государственной политики признано принятие мер по снижению до минимально возможного уровня количества утечек персональных данных, а также минимизация случаев нарушения нормативных требований по их охране, обеспечение защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина на при обработке персональных данных, в том числе с использованием информационных технологий (п. 57).

В системе имеющихся в распоряжении государственных органов приемов и средств правовой охраны персональных данных от неправомерного доступа к ним и их последующего использования в противоправных целях особое место занимает уголовное право. Оно является, хотя и самым репрессивным, но в то же время весьма эффективным способом защиты общественных отношений. Однако в нашей стране до сих пор незаконный оборот конфиденциальной информации, содержащей персональные данные, не криминализован, Уголовный кодекс Российской Федерации

* The article was submitted to the editors to decide on the possibility of its publication on October 15, 2024, approved for publication on November 13, 2024, that is, before the adoption of Federal Law No. 421-FZ of November 30, 2024 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation», and does not take into account the legal realities that have arisen in connection with the entry into force of the said regulatory legal act.

¹ Сталкерство (сленг.) – нежелательное навязчивое внимание к человеку, его преследование со стороны другого человека или группы людей.

(далее – УК РФ) не предусматривает ответственности за совершение подобного рода деяний. И это несмотря на то, что в современных условиях развития общества имеются и социальные, и криминологические основания для криминализации наиболее опасных форм оборота информации рассматриваемого нами вида [2, 3].

МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования составили такие общенаучные и частнонаучные методы, как всеобщий диалектический метод научного познания, индукция, дедукция, анализ и синтез, системно-структурный, догматический и др. Использованные методы были необходимы для углубленного изучения проблем, относящихся к теме исследования, прежде всего для определения основных направлений усиления противодействия незаконному обороту компьютерной информации, содержащей персональные данные. Примененная методика позволила сформулировать ряд авторских предложений, направленных на совершенствование уголовно-правовых мер противодействия данному виду преступных деяний.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В настоящее время в российском обществе всё активнее происходят такие экономические, политические и социальные, в том числе демографические и культурно-ценностные, преобразования, которые способствуют тому, что персональные данные личности становятся обязательным атрибутом не только межличностной коммуникации человека, но и его деятельности во всех сферах профессиональной, общественной и государственной жизни. В этих условиях возникла объективная потребность в переосмыслении существующих в правовой доктрине (и, в частности, в уголовно-правовой теории) некоторых устаревших идей и подходов, которые уже давно не отвечают новым реалиям, в том числе и связанных с оценкой регулятивных и превентивных возможностей уголовно-правовых предписаний, выраженных в нормах, направленных как на охрану конституционных прав и свобод человека и гражданина, так и на обеспечение информационной безопасности. Это в полной мере относится и к критической оценке имеющихся в УК РФ уголовно-правовых мер защиты персональных данных от неправомерного доступа к ним [4; 5, с. 12; 6].

Понятие «персональные данные» в уголовно-правовой доктрине однозначно не определено, относительно соотношения его объема и содержания с таким понятием, как «информация о частной жизни», имеется несколько существенно различающихся теоретических подходов [7, 8, 9]. Не прибегая к их подробному анализу, поскольку этому аспекту посвящены многочисленные публикации, отметим лишь, что легальное понятие «персональные данные» законодательно закреплено в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (в редакции от 8 августа 2024 г.) – это «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно

определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)».

Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 519-ФЗ в ст. 3 названного выше нормативного правового акта был введен п. 1.1, где закреплено определение особого вида персональных данных. Это «персональные данные, разрешенные субъектом персональных данных для распространения». Под таковыми понимаются «персональные данные, доступ неограниченного круга лиц к которым предоставлен субъектом персональных данных путем дачи согласия на обработку персональных данных, разрешенных субъектом персональных данных для распространения в порядке, предусмотренном» Федеральным законом «О персональных данных».

На наш взгляд, законодательное определение понятия «персональные данные» в целом вполне приемлемо, хотя и носит несколько абстрактный характер (термин «любая информация» логично было бы конкретизировать). Но даже при таком широком подходе законодателя к определению персональных данных, порождающем сложности в их разграничении со сведениями о частной жизни лица, сегодня представляется логичным и обоснованным включение в УК РФ нового уголовно-правового запрета, устанавливающего самостоятельную ответственность за незаконный оборот информации, нарушающей право на неприкосновенность персональных данных.

К числу аргументов, подтверждающих целесообразность криминализации данного вида общественно опасного поведения, можно отнести, в частности, и то, что основанное на законодательно закрепленных положениях право граждан на неприкосновенность их персональных данных, которое является структурным компонентом права на неприкосновенность частной жизни и имеет конституционно-правовую основу, в современной России, к сожалению, всё чаще подвергается негативному воздействию, в том числе и путем неправомерного доступа к персональным данным и последующего использования в целях совершения преступлений (например, посягающих на конституционные права и свободы личности, хищений чужого имущества в виде краж и мошенничества и др.) [10, 11].

По официальным данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, в 2023 г. «было зарегистрировано 677,0 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 29,7% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Их удельный вес увеличился с 26,5% в 2022 г. до 34,8% в 2023 г.»¹. В 2020 г. размер суммарного ущерба, причиненного вследствие утечек личных (персональных) данных, превысил 3 млрд рублей, а в 2022 г. увеличился уже до 8 млрд рублей (более чем в 2,6 раза). По сведениям, опубликованным органами внутренних дел, в декабре 2021 г. на темных сайтах в сети Интернет (в так называемом «даркнете») размещалось более

¹ Состояние преступности в России // МВД России: официальный сайт // URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 15.09.2024).

20 тысяч баз данных общим объемом, превышающим 10 Тб, содержащих сведения о 80% населения России¹.

В связи с этим представляет особый интерес рассмотренный Государственной Думой Российской Федерации в первом чтении законопроект № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», направленный на усиление ответственности за незаконный оборот персональных данных и иные нарушения законодательства в этой сфере. В целях совершенствования уголовно-правовых средств противодействия преступности такого вида авторы законопроекта предлагают дополнить действующий УК РФ статьей 272.1 «Незаконное использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконного хранения и (или) распространения».

Безусловно, сама идея усиления уголовно-правового противодействия незаконному обороту информации, содержащей персональные данные (неправомерным получению, передаче, хранению в целях использования или предоставления третьим лицам и т.п.), представляется своевременной и заслуживает одобрения и поддержки [12, с. 91; 13]. Вместе с тем рассматриваемый законопроект, на наш взгляд, наряду с достоинствами не лишен недостатков: он содержит ряд концептуальных положений, оценка которых может быть неоднозначной, а в чем-то и критической.

ОБСУЖДЕНИЕ

Не прибегая к подробному анализу всех имеющихся в тексте законопроекта спорных положений и не вполне корректных формулировок, отметим лишь такие наиболее значимые из них, которые представляются нам уязвимыми для критики и даже могут быть оценены негативно.

1. В пояснительной записке к законопроекту его авторы указывают, что «для целей уголовного законодательства конкретизирован объект преступления посягательства (компьютерная информация), который содержит персональные данные, полученные незаконным путем. Это позволяет разграничивать новый состав УК РФ от правонарушений, ответственность за которые предусмотрена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях в ст. 13.11 «Нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных», а также иных составов преступлений». Иными словами, разработчики законопроекта в качестве основного непосредственного объекта преступления в новом составе, который предлагается закрепить в ст. 272.1 УК РФ, видят саму компьютерную информацию, содержащую персональные данные (статью рекомендуют поместить в гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации»). Это, на наш взгляд, представляется далеко не бесспорным.

Во-первых, такой подход авторов законопроекта вряд ли можно признать методологически

оправданным, поскольку, несмотря на всё возрастающую социальную значимость компьютерной информации в условиях формирования современного информационного общества, всё-таки в настоящее время именно конституционные права и свободы личности являются самыми приоритетными в системе всех охраняемых правом социальных ценностей. Поэтому и рассматриваемое в системе объектов уголовно-правовой охраны «право на неприкосновенность персональных данных» как один из компонентов более широкого конституционного права на неприкосновенность частной жизни должно, по нашему мнению, по-прежнему признаваться более значимым объектом уголовно-правовой охраны, чем информационная безопасность. Исходя из такого подхода, вполне логичным было бы признание именно этих интересов личности видовым объектом уголовно-правовой охраны предложенных для включения в УК РФ новых уголовно-правовых норм, в которых должны закрепляться самостоятельные составы преступлений, связанных с нарушением имеющего конституционную основу права на неприкосновенность персональных данных. Поэтому целесообразно эти новые уголовно-правовые запреты включить (с учетом значимости видового объекта посягательства) не в гл. 28, а в гл. 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Именно такая позиция в большей степени согласуется с человекоцентричностью права как относительно новым трендом, активно развивающимся в последние годы в российской правовой доктрине, основанном на идее о том, что именно человек должен находиться во главе всей правовой системы, а следовательно, именно обеспечение таких благ, как его права, свободы и законные интересы, должно стать приоритетом как для законотворческой, так и для правоприменительной деятельности [14, 15].

Таким образом, позиция авторов законопроекта, отраженная в предложенной ими к включению в кодекс статье, представляется не вполне корректной. Действительно, на современном этапе развития общества сама по себе любая социально-значимая информация, в том числе и содержащая персональные данные (и не только компьютерная, но и иных видов), безусловно, заслуживает признания ее вполне самостоятельной и всё более значимой ценностью («кто владеет информацией, тот владеет миром»). И более того, информация всё чаще выступает и в экономике, и в политике в качестве «специфического товара». Однако при всей ее значимости вряд ли информацию можно рассматривать как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны. К тому же она еще не включена даже в число самостоятельных объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). По нашему мнению, сегодня логичнее признавать ее не объектом, а предметом преступления, также как, например, имущество в составах преступлений против собственности. А видовым объектом преступлений в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ) являются общественные отно-

¹ Состояние преступности в России // МВД России: официальный сайт // URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 15.09.2024).

шения, обеспечивающие такую разновидность общественной безопасности, как безопасность в сфере оборота компьютерной информации (информационная безопасность). Кроме того, как справедливо отмечает Б.С. Бембеева, понятия «персональные данные» и «компьютерная информация» не совпадают ни по своему объему, ни по содержанию, поскольку персональные данные могут храниться не только в «цифровой», но и в иной (бумажной) форме [16].

2. Небесспорным представляется и ограничение сферы действия предлагаемой в законопроекте новой уголовно-правовой нормы, а также распространение запрета только на незаконный оборот лишь таких персональных данных, которые уже представлены «в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи», то есть ставших компьютерной информацией (в смысле примечания к ст. 272 УК РФ). Столь необоснованно ограниченная уголовно-правовая защита персональных данных явно не согласуется с нормативными предписаниями отраслевого законодательства, прежде всего – с положениями, закрепленными в Федеральном законе «О персональных данных». В этом законе нормативные требования, регламентирующие процедуру получения и обработки персональных данных, распространяются не только на содержание деятельности по использованию компьютерной техники в названных целях, но и на иные виды деятельности (первичный сбор, хранение и систематизацию персональных данных «вручную», чтобы в дальнейшем использовать специальное оборудование и электронные средства их обработки при переводе в «цифровую» форму). А из содержания предлагаемой в законопроекте статьи остается неясным, как же квалифицировать действия, предусмотренные в ее диспозиции (ч. 1 ст. 272.1), если они были совершены в отношении персональных данных, хотя и на стадии их сбора или хранения, но до перевода в «цифровой формат»?

3. Можно отметить и еще одну неоднозначную особенность предлагаемой в законопроекте статьи: в ней недостаточно четко определены критерии отграничения основного состава преступления, предусмотренного в ее части первой, от сходного состава административного правонарушения, закрепленного в ст. 13.11 КоАП РФ. Очевидно, что диспозиция предлагаемой уголовно-правовой нормы (ч. 1 ст. 272.1 УК РФ) является бланкетной (прямое указание на незаконность совершаемых альтернативных действий), а состав преступления – формальным по своей конструкции, и деяние признается оконченным преступлением уже с момента совершения лицом любого из перечисленных в диспозиции альтернативных действий (например с момента начала сбора информации). Поэтому в правоприменительной практике неиз-

бежно возникнут сложности при разграничении таких понятий, как «сбор» (ст. 272.1) и «обработка» (ст. 13.11 КоАП РФ), поскольку понятием «обработка» охватывается и «сбор».

4. В тексте предлагаемой в законопроекте статьи, к сожалению, иногда встречаются слишком уж «аморфные» и «расплывчатые» формулировки, которые характеризуются чрезмерной неопределенностью и не вполне согласуются с вытекающим из принципа законности требованием «определенности уголовно-правового запрета» [17, 18, 19].

Такие альтернативные действия, как «иное вмешательство в их функционирование» (*функционирование средств обработки компьютерной информации – А.С., В.В.*) или осуществленные «иным незаконным путем», не исключают произвольного распространительного толкования этих признаков правоприменителем. Чрезмерно оценочными представляются и такие формулировки, как «обеспечение функционирования информационных ресурсов» (непонятно, какое имеется в виду «обеспечение»?), «исключительно для личных и семейных нужд» и т.п. Названные оценочные признаки тоже не исключают их либо очень широкого, либо чрезмерно узкого толкования, что «размывает» основание уголовной ответственности и не вполне согласуется с принципом законности.

Такое обилие оценочных признаков, не исключая их произвольного толкования правоприменителем и гражданами, явно не согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной им в своих постановлениях от 27 мая 2008 г. № 8-П/2008, от 25 апреля 2018 г. № 17-П/2018 и др. Согласно этой позиции: «неоднозначность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного применения его норм – в противоречие ... конституционным принципам»¹; «...требования четкости и недвусмысленности правовых норм, их согласованности в системе правового регулирования имеют особую значимость для уголовного законодательства, являющегося по своей природе исключительным средством...»².

5. Небезупречными представляются и предлагаемые в законопроекте санкции, предусмотренные по квалифицированным и особо квалифицированным составам, выделенным из основного состава преступления (ч. 1 ст. 272.1 УК РФ). Они явно не согласованы ни с санкциями, установленными ст.ст. 137, 138 УК РФ, ни с санкциями, закрепленными в ст.ст. 272, 273 УК РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведя итоги проведенного нами исследования, мы сформулировали следующие основные выводы и предложения:

1. В представленной в Государственную Думу Российской Федерации редакции законопроекта

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.05.2008 № 8-П/2008 «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян».

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда».

№ 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», направленный на усиление ответственности за незаконный оборот персональных данных и иные нарушения законодательства в этой сфере, не в полной мере согласуется с существующими и устоявшимися в уголовно-правовой науке теоретическими взглядами и представлениями о критериях криминализации общественно опасного поведения. Он не решает многих объективно имеющих в настоящее время проблем, связанных с необходимостью усиления противодействия незаконному обороту информации, содержащей персональные данные. И потому, на наш взгляд, законопроект требует корректировки.

Представляется, что законодателю целесообразно создать такой правовой механизм уголовно-правового воздействия на незаконный оборот информации, содержащей персональные данные, который не только реально защищал бы информационную безопасность, но и обеспечивал бы право личности на неприкосновенность персональных данных.

2. В целях усиления противодействия незаконному обороту персональных данных нами предлагается дополнить гл. 19 УК РФ статьей 137.1, изложив ее в следующей редакции:

Статья 137.1. Нарушение права на неприкосновенность персональных данных.

1. Незаконные сбор, хранение, передача, доступ или пред-

ставление персональных данных, в том числе содержащихся в компьютерной информации, без согласия их правообладателя, повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, – наказываются ...

2. Те же деяния, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) лицом с использованием своего служебного положения;

в) в отношении заведомо несовершеннолетнего или недееспособного лица;

г) с причинением крупного ущерба, –

наказываются ...

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные:

а) организованной группой;

б) в целях совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, –

наказываются ...

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, повлекшие тяжкие последствия, –

наказываются ...

Примечание.

Крупным ущербом в настоящей статье признается ущерб в сумме, превышающей двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным ущербом – превышающей один миллион рублей. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева А.П. Профилактика правонарушений в России: законодательные основы и перспективы реализации // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: Сборник научных трудов. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 549-551.
2. Рязанова Е.Н. Ответственность за распространение персональных данных как способ противодействия правонарушениям в сфере информационно-коммуникационных технологий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95). С. 118-123.
3. Жук О.Д. Об усилении уголовной ответственности за незаконный оборот персональных данных физических лиц, за неправомерный доступ к таким персональным данным, распространение и использование их в преступных целях // Законодательство. 2024. № 2. С. 58-62.
4. Пименова Е.С. О необходимости введения уголовной ответственности за утечку персональных данных // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе: сборник трудов II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Кострома, 2023. С. 421-425.
5. Капинус О.С. Безопасность персональных данных как один из важнейших объектов конституционно-правовой охраны // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 6 (68). С. 10-15.
6. Абдурахманова Э. Х., Саркарова Д.С. Проблемы защиты права граждан на неприкосновенность частной жизни и персональных данных в России в условиях цифровизации // Евразийский юридический журнал. 2023. № 7 (182). С. 83-84.
7. Филатова М.А. Персональные данные как предмет преступного посягательства // Уголовное право. 2019. № 2. С. 51-58.
8. Наумов В.Б., Архипов В.В. Понятие персональных данных: интерпретация в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 186-196.
9. Петрыкина Н.И. Правовое регулирование оборота персональных данных. Теория и практика. М.: Статут, 2011. 131 с.
10. Алихаджиева И.С. О новых способах совершения преступлений с использованием персональных данных // Вестник Прикамского социального института. 2024. № 1 (97). С. 22-30.
11. Арсланова А.Р. Преступления, связанные с хищением персональных данных с использованием информационных и телекоммуникационных технологий // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2021. № 1. С. 329-334.

12. Соколова Ю.А., Науменко А.М. Защита персональных данных граждан: законодательные новеллы и перспективы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 12 (163). С. 89-94.

13. Солдатов Н.С., Кочергина Д.Е. Проблемные аспекты персональных данных как объекта уголовно-правовой охраны в Российской Федерации // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. 2023. № 21. С. 4-6.

14. Бастрыкин А.И. Конституционные права и свободы человека как высшая ценность государства и общества // Конституционные права и свободы человека как высшая ценность государства и общества: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. М., 2023. С. 13-19.

15. Соловьев В.Ю., Соловьева Н.П. Права и свободы человека и гражданина как высшая ценность государства в контексте Конституции и действующего законодательства // Научное пространство: актуальные вопросы, достижения и перспективы развития: Сборник научных трудов по материалам XXV Международной научно-практической конференции. Анапа, 2024. С. 69-76.

16. Бембеева Б.С. Право на защиту персональных данных и различные категории персональных данных // Право в сфере Интернета: Сборник статей. М.: СТАТУТ, 2018. С. 48-61.

17. Наумов А.В. Конкретизация Конституционным судом принципа законности Уголовного кодекса РФ // Уголовное право. 2018. № 1. С. 88-94.

18. Галкин Д.В. О конкретизации и специализации запретов в уголовном законодательстве России // Уголовное право как средство управления обществом. Liber amicorum: Материалы всероссийской научно-практической конференции. М., 2022. С. 63-66.

19. Мартыненко Н.Э. Определенность уголовного закона // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». 2005. Т. 1. С. 453-454.

REFERENCES

1. Alekseyeva A.P. Profilaktika pravonarusheniy v Rossii: zakonodatel'nyye osnovy i perspektivy realizatsii // Prestupnost', ugovlnaya politika, ugovlnyy zakon: Sbornik nauchnykh trudov. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2013. S. 549-551.

2. Ryazanova Ye.N. Otvetstvennost' za rasprostraneniye personal'nykh dannykh kak sposob protivodeystviya pravonarusheniyam v sfere informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 3 (95). S. 118-123.

3. Zhuk O.D. Ob usilenii ugovlnoy otvetstvennosti za nezakonnyy oborot personal'nykh dannykh fizicheskikh lits, za nepravomernyy dostup k takim personal'nym dannym, rasprostraneniye i ispol'zovaniye ikh v prestupnykh tselyakh // Zakonodatel'stvo. 2024. № 2. S. 58-62.

4. Pimenova Ye.S. O neobkhodimosti vvedeniya ugovlnoy otvetstvennosti za utechku personal'nykh dannykh // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti na sovremennom etape: sbornik trudov II Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiyem) nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kostroma, 2023. S. 421-425.

5. Kapinus O.S. Bezopasnost' personal'nykh dannykh kak odin iz vazhneyshikh ob'yektov konstitutsionno-pravovoy okhrany // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. 2018. № 6 (68). S. 10-15.

6. Abdurakhmanova E. Kh., Sarkarova D.S. Problemy zashchity prava grazhdan na neprikosnovennost' chastnoy zhizni i personal'nykh dannykh v Rossii v usloviyakh tsifrovizatsii // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2023. № 7 (182). S. 83-84.

7. Filatova M.A. Personal'nyye dannyye kak predmet prestupnogo posyagatel'stva // Ugolovnoye pravo. 2019. № 2. S. 51-58.

8. Naumov V.B., Arkhipov V.V. Ponyatiye personal'nykh dannykh: interpretatsiya v usloviyakh razvitiya informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2016. № 2. S. 186-196.

9. Petrykina N.I. Pravovoye regulirovaniye oborota personal'nykh dannykh. Teoriya i praktika. M.: Statut, 2011. 131 s.

10. Alikhadzhiyeva I.S. O novykh sposobakh soversheniya prestupleniy s ispol'zovaniyem personal'nykh dannykh // Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta. 2024. № 1 (97). S. 22-30.

11. Arslanova A.R. Prestupleniya, svyazannyye s khishcheniyem personal'nykh dannykh s ispol'zovaniyem informatsionnykh i telekommunikatsionnykh tekhnologiy // Aktual'nyye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina. 2021. № 1. S. 329-334.

12. Sokolova Yu.A., Naumenko A.M. Zashchita personal'nykh dannykh grazhdan: zakonodatel'nyye novelly i perspektivy // Nauka i obrazovaniye: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravleniye. 2023. № 12 (163). S. 89-94.

13. Soldatov N.S., Kochergina D.Ye. Problemnyye aspekty personal'nykh dannykh kak ob'yekta ugovlnno-pravovoy okhrany v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiума Srednerusskiy universitet. Seriya: Yurisprudentsiya. 2023. № 21. S. 4-6.

14. Bastykin A.I. Konstitutsionnyye prava i svobody cheloveka kak vysshaya tsennost' gosudarstva i obshchestva // Konstitutsionnyye prava i svobody cheloveka kak vysshaya tsennost' gosudarstva i obshchestva: sbornik nauchnykh trudov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M., 2023. S. 13-19.

15. Solov'yev V.Yu., Solov'yeva N.P. Prava i svobody cheloveka i grazhdanina kak vysshaya tsennost' gosudarstva v kontekste Konstitutsii i deystvuyushchego zakonodatel'stva // Nauchnoye prostranstvo: aktual'nyye voprosy, dostizheniya i perspektivy razvitiya: Sbornik nauchnykh trudov po materialam XXV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Anapa, 2024. S. 69-76.

16. Bembejeva B.S. Pravo na zashchitu personal'nykh dannykh i razlichnyye kategorii personal'nykh dannykh // Pravo v sfere Interneta: Sbornik statey. M.: STATUT, 2018. S. 48-61.

17. Naumov A.V. Konkretizatsiya Konstitutsionnym sudom printsipa zakonnosti Ugolovnogo kodeksa RF // Ugolovnoye pravo. 2018. № 1. S. 88-94.

18. Galkin D.V. O konkretizatsii i spetsializatsii zapretov v ugolovnom zakonodatel'stve Rossii // Ugolovnoye pravo kak sredstvo upravleniya obshchestvom. Liber amicorum: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M., 2022. S. 63-66.

19. Martynenko N.E. Opredelennost' ugolovnogo zakona // Trudy Mezhdunarodnogo simpoziuma «Nadezhnost' i kachestvo». 2005. T. 1. S. 453-454.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Сенцов А.С., Волколупова В.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сенцов А.С., Волколупова В.В. Перспективы криминализации незаконного оборота персональных данных: критический анализ нового законопроекта // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 16-23.

Екатерина Александровна ЛАРИОНОВА,
ORCID 0009-0000-1830-2363
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
старший инспектор факультета заочного обучения,
переподготовки и повышения квалификации
katyakharchenkoo@gmail.com

Андрей Владиславович КОЧУБЕЙ,
кандидат химических наук, доцент
Волгоградский институт управления - филиал Российской
академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Волгоград)
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
krimtehnika@mail.ru

Научная статья
УДК 343.4

ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ КИБЕРБУЛЛИНГА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Буллинг, кибербуллинг, интернет-травля, киберпреступление, кибербуллер, киберагрессор, информационные технологии, информационно-телекоммуникационные сети.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* К числу киберпреступлений в России относятся не только компьютерные вирусные атаки, дистанционные хищения денежных средств, осуществляемые с использованием информационных технологий, но и интернет-травля – кибербуллинг. Несмотря на то, что в отечественном законодательстве существуют нормативные правовые акты, положения которых достаточно эффективно применяются для выявления и раскрытия таких преступлений, определение понятия «кибербуллинг» до сих пор не получило юридического закрепления. В настоящее время не существует специализированных законов, направленных на предупреждение этого негативного явления и противодействие ему. В статье кибербуллинг подвергается анализу как правовое понятие. Рассматриваются истоки возникновения кибербуллинга, его классификация, характерные признаки, объективное и субъективное значение понятия «кибербуллинг», его юридические границы. **Методы.** Методологической основой исследования, проведенного авторами статьи, являлся анализ научной литературы, посвященной кибербуллингу. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить особенности привлечения к ответственности за противоправные деяния в информационном пространстве. **Результаты.** По итогам изучения этимологии термина «кибербуллинг», признаков и видов обозначаемых им деяний авторы формулируют определение соответствующего правового понятия. Кибербуллинг – это действия, совершенные анонимно или публично в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая Интернет, направленные на систематическое психологическое издевательство над жертвой посредством сообщений, содержащих угрозы, оскорбления, публикации (угрозы публикации) сведений, порочащих честь и достоинство жертвы, в том числе при помощи незаконного завладения ее персональными данными, социального бойкотирования, преследований и угрозы физического насилия, повлекшие угнетенное психологическое состояние или появление психических расстройств у пострадавшего. Необходимость правового регулирования борьбы с кибербуллингом в Российской Федерации обусловлена, кроме прочего, тем, что наиболее часто его жертвами становятся лица, не достигшие совершеннолетнего возраста. Разработка и принятие нормативного правового акта по противодействию кибербуллингу будут способствовать повышению уровня защищенности пользователей информационно-телекоммуникационных сетей от киберагрессии.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие информационных технологий не только ведет к оптимизации процессов повседневной жизни общества и государства, но и способствует появлению новых способов осуществления противоправных деяний. Согласно данным Следственного комитета Российской Федерации, в 2022 году в России было зафиксиро-

вано около 510 тысяч преступлений, совершенных с использованием информационных технологий. В 2014 году количество таких преступлений не превышало 10 тысяч, что в 50 раз меньше. В 2023 году, по сведениям МВД России, каждое третье преступление было совершено с применением информационно-телекоммуникационных технологий. Уголовно наказуемых деяний такого рода

Ekaterina A. LARIONOVA,
ORCID 0009-0000-1830-2363
Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)
Senior Inspector of the Faculty of Distance Learning,
Retraining and Advanced Training
katyakharchenkoo@gmail.com

Andrey V. KOCHUBEY,
Cand. Sci. (Chemistry), Associate Professor
Volgograd Institute of Management - branch of the
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Volgograd, Russia)
Associate Professor of the Department of Criminal
Law, Criminal Procedure and Criminalistics
krimtehnika@mail.ru

LEGAL CONCEPT OF CYBERBULLYING

KEYWORDS. Bullying, cyberbullying, online harassment, cybercrime, cyberbully, cyberaggressor, information technology, information and telecommunication networks.

ANNOTATION. Introduction. Cybercrimes in Russia include not only computer virus attacks, remote theft of funds carried out using information technologies, but also Internet bullying – cyberbullying. Despite the fact that in the domestic legislation there are normative legal acts, the provisions of which are quite effectively applied to identify and solve such crimes, the definition of the concept of «cyberbullying» has not yet been legally consolidated. There are still no specialized laws aimed at preventing and countering this negative phenomenon. The article analyzes cyberbullying as a legal concept. The sources of its emergence, classification, characteristic features, objective and subjective meaning of the concept of «cyberbullying», its legal boundaries are considered. **Methods.** The study conducted by the authors of the article is based on the analysis of scientific sources devoted to cyberbullying. The comparative legal method made it possible to compare the features of prosecution for illegal acts in the information space. **Results.** Based on the results of studying the etymology of the term, characteristics and types of cyberbullying, the authors formulate a definition of the corresponding legal concept. These are actions committed anonymously or publicly in public information and telecommunications networks, including the Internet, aimed at systematic psychological abuse of the victim through messages containing threats, insults; publication (threat of publication) of information defaming the honor and dignity of the victim, including through illegal seizure of his/her personal data; social boycott; persecution and threat of physical violence; resulting in a depressed psychological state or the emergence of mental disorders in the victim. The need for legal regulation of the fight against cyberbullying in the Russian Federation is due, in particular, to the fact that most often its victims are minors. The development and adoption of a regulatory legal act to counter cyberbullying will help to increase the level of protection of users of information and telecommunications networks from cyber aggression.

зарегистрировано на 29,7% больше, чем годом ранее. Рост количества преступлений, совершаемых в информационно-телекоммуникационных сетях, обуславливает необходимость совершенствования деятельности по правовому регулированию общественных отношений, связанных с использованием современных высоких технологий. Требуется осуществлять корректировку законодательных актов, формулировать определения новых юридических понятий. Развитие киберпреступности, в том числе увеличение количества случаев кибербуллинга, подчеркивает актуальность темы проведенного нами исследования.

К группе киберпреступлений относятся не только компьютерные атаки, дистанционные хищения денежных средств, но и интернет-травля – «кибербуллинг». В российском законодательстве существуют нормативные правовые акты, которые содержат в себе положения, ориентированные на применение в рамках противодействия

киберпреступности. При этом необходимо подчеркнуть, что всё еще не выработано юридического определения понятия «кибербуллинг», нет специализированных законов, направленных на борьбу с таким негативным явлением, как интернет-травля. Вследствие этого возникают проблемы интерпретации и классификации кибербуллинга, проявляются разногласия по поводу регулирования правоотношений, в рамках которых осуществляется травля с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, и ее правовой оценки [1, с. 13].

Новизна нашего исследования заключается в том, что был проведен анализ правового понятия кибербуллинга и его особенностей в контексте российского законодательства. Несмотря на актуальность проблем, связанных с кибербуллингом, и активное изучение данного явления отечественными и зарубежными учеными в рамках таких наук, как психология, социология и юриспруден-

ция, до сих пор не было проведено комплексного исследования правового понятия кибербуллинга с учетом специфики российского законодательства.

МЕТОДЫ

В целях формулирования дефиниции правового понятия кибербуллинга был проведен анализ интерпретаций используемого для обозначения данного явления термина, представленных в словарях Оксфорда и Кембриджа, рассмотрена его этимология, изучено определение, предложенное исследователями ранее. Согласно Оксфордскому словарю английского языка, самое раннее известное использование слова «cyberbullying» (кибербуллинг) относится к 1990-м годам. Оно образовалось в английском языке путем добавления приставки «cyber-» (кибер-), указывающей на отношение чего-либо к компьютерной культуре и связанным с ней явлениям, к существительному «bullying» – «запугивание», «издевательство», «травля». В свою очередь, Кембриджский словарь таким образом раскрывает содержание понятия кибербуллинга: «Использование интернета с целью причинения вреда человеку путем отправки ему неприятных сообщений». В русском языке термин «кибербуллинг» синонимичен терминам «интернет-травля» и «интернет-запугивание». По мнению представителей британской благотворительной организации «Альянс по борьбе с запугиванием» («Anti-Bullying Alliance») буллинг – это «повторяющееся намеренное причинение вреда одному человеку или группе лиц другой личностью или группой, где отношения характеризуются дисбалансом власти. Буллинг может проявляться физически, вербально или психологически».

Что касается понятия «кибербуллинг», то наиболее емкую, на наш взгляд, его интерпретацию представил в своем исследовании И.С. Стукало: «Кибербуллинг – это отдельное направление травли, определяемое как преднамеренные агрессивные действия, осуществляемые систематически на протяжении определенного времени группой или индивидом с использованием электронных форм взаимодействия и направленные против жертвы, которая не может себя защитить... Кибербуллинг, как и буллинг, продолжителен во времени и также использует принуждение, запугивание, вымогательство, как инструмент агрессии. Отличается же кибербуллинг от буллинга тем, что для этого используются средства массовой коммуникации: мобильные телефоны, компьютеры и прочие гаджеты с доступом в интернет» [2, с. 219].

В Российской Федерации была попытка официального толкования понятия кибербуллинг. В письме Минобрнауки России от 14 мая 2018 г. № 08-1184 под кибербуллингом понимается «преследование сообщениями, содержащими оскорбления, агрессию, запугивание; хулиганство; социальное бойкотирование с помощью различных интернет-сервисов» [1, с. 13].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Примечательно, что термины «буллинг» и «кибербуллинг», по мнению составителей Оксфордского и Кембриджского словарей, применим к учащимся в школах и колледжах. Это косвенно

свидетельствует о том, что кибербуллинг наибольшее негативное воздействие оказывает на несовершеннолетних. В конце 1960-х годов в Швеции тема буллинга впервые была изучена школьным врачом П.-П. Хайнеманном через призму расовой дискриминации среди учеников [3, с. 17-19]. Однако введение в научный оборот понятия буллинга часто приписывают шведскому психологу Д. Ольвеусу. Он не только провел масштабные исследования данного явления, но и разработал программу предотвращения буллинга (Программа профилактики буллинга Ольвеуса (Olweus Bullying Prevention Program (OBPP)), предназначенную для применения в начальных и средних школах. Эта программа способствует снижению риска возникновения буллинга среди учащихся [4].

Важной заслугой Д. Ольвеуса стала адаптация критериев, применяемых для определения традиционного буллинга, для анализа кибербуллинга. Такими критериями являются намеренность, повторность и дисбаланс власти. Они позволяют более глубоко понять сущность и буллинга и способствуют выработке эффективных мер противодействия как традиционным, так и «цифровым» его формам [5].

Намеренность подразумевает, что акт агрессии по отношению к жертве совершается целенаправленно. Причем, если такой акт осуществлен единожды, то это проявление агрессии не может считаться травлей, так как его недостаточно для причинения потерпевшему существенного вреда. Поэтому важным критерием определения буллинга является повторность совершения акта агрессии. Дисбаланс власти между агрессором и жертвой в контексте буллинга означает, что один участник этого взаимодействия имеет значительное преимущество перед другим. Это позволяет ему доминировать, наносить вред, оказывать негативное влияние без сопротивления или защиты со стороны жертвы.

В случае кибербуллинга описанные характеристики приобретают особую специфику, поскольку к ним добавляются анонимность и противопоставление публичного частному. Анонимность – ключевая особенность кибербуллинга. Она позволяет агрессору действовать без страха перед последствиями, пользуясь преимуществами безнаказанности при нападении на незащищенную жертву [6, с. 55]. Для кибербуллинга свойственно, что агрессор («буллер») не всегда выбирает в качестве объекта издевательств известного ему человека. Нередко жертва выбирается ситуативно и случайно, то есть она не predetermined агрессором заранее. Различие между публичной и частной формами травли заключается в том, что ущерб, нанесенный в результате индивидуального унижения в рамках традиционной формы буллинга, субъективно воспринимается как менее серьезный по сравнению с публичной травлей, которая происходит на глазах у большого числа людей, например в интернет-среде [7]. Согласно данным Американской психологической ассоциации, кибербуллинг может происходить где угодно, было бы только подключение к Интернету, что подразумевает отсутствие территориальной локации

осуществления травли и места, безопасного для жертвы.

Таким образом, для кибербуллинга характерны следующие свойства:

- намеренность;
- повторение;
- дисбаланс власти;
- анонимность;
- противопоставление публичного и частного;
- отсутствие ограничений по месту и времени посягательства.

Исследования показали, что различные типы кибербуллинга могут быть дифференцированы по ряду признаков: скрытый или явный характер действий, использование для запугивания электронных устройств и др. Различают письменные и устные формы травли: к числу первых относят, например, текстовые сообщения и электронные письма, устная форма – разговор по телефону. Существуют визуальные формы травли (например размещение компрометирующих жертву изображений). Более сложными по организационной структуре являются атаки, предусматривающие получение персональных данных жертвы и раскрытие частной информации с использованием учетной записи другого человека.

Впрочем, ни в отечественных, ни в зарубежных научных источниках не представлено четкой классификации видов кибербуллинга. Однако принято считать, что к числу таковых относятся:

- *троллинг* – это форма общения, характеризующаяся провокационным стилем, издевательскими высказываниями и грубыми замечаниями, которые имеют цель оскорбить или обидеть другого человека;

- *хейтинг* – представляет собой поток негативных комментариев, содержащих оскорбления и иррациональную критику, используемых для подрыва репутации другого человека (группы лиц), унижения его достоинства;

- *аутинг* – действие, связанное с неправомерным разглашением личных данных без согласия владельца этих данных (или угрозой такого разглашения), что может привести к нарушению приватности и безопасности;

- *фрейтинг* – процесс получения незаконного контроля над аккаунтом жертвы (зачастую с последующей публикацией информации, порочащей честь и достоинство владельца аккаунта);

- *флейминг* – открытая агрессивная ссора, впоследствии перерастающая в перепалку, как правило, с участием многих людей [8, с. 101];

- *киберсталкинг* – преследование конкретного человека (группы лиц) посредством использования Интернета, сопровождающееся нередко угрозами применения физического насилия;

- *гридфинг* – особый вид сталкинга, направленный на преследование участников онлайн-игр, сопряженный с угрозами в их адрес (если это нарушает правила игры);

- *диссинг* – передача или публикация порочащей информации о жертве в режиме онлайн (в отличие от аутинга диссинг – это распространение информации, которая может опорочить человека. В офлайне диссинг обычно существует в форме

сплетен и слухов. При травле в соцсетях к нему добавляется создание «фотожаб», оскорбительных мемов, сфабрикованных текстов сообщений, скриншотов с недостоверной информацией);

- *кетфишинг* – использование персональных данных и фотографий, принадлежащих другим людям, для создания фейковой личности и ложного аккаунта в целях совершения мошеннических действий, в том числе распространения от их имени неблагоприятного контента (в отличие фрейпинга этот вид буллинга не требует сложных манипуляций – достаточно иметь минимум информации; сложность борьбы с кетфишингом заключается в том, что его не всегда можно вовремя отследить) [9, с. 87];

- *секстинг* – это распространение интимных фотографий без согласия их владельца (или угроза такого распространения) [10, с. 153].

При формировании правового понятия кибербуллинга необходимо учитывать объективное и субъективное значение используемого для его обозначения термина. Согласно исследованиям, проведенным сотрудниками «VK» и компании «UXSSR», 57% ответственных пользователей социальных сетей сталкивались с кибербуллингом, однако реальные негативные последствия отразились не на всех респондентах, участвовавших в опросе.

С объективной точки зрения кибербуллинг подразумевает умышленный и повторяющийся вред, причиняемый с помощью компьютеров, сотовых телефонов и других электронных устройств. Но в связи с тем, что интернет-травля относится к числу форм психологического насилия, а вред, нанесенный жертве, выражается в психологических последствиях, речь идет о субъективности понятия [11, с. 123].

Как пишут Т.А. Газизьянов и З.Р. Мансурова, «травля может стать причиной депрессии, апатии и повышенного уровня тревоги, а также появления психических расстройств. Жертвы кибербуллинга могут испытывать чувство изоляции, стыда и низкой самооценки. В тяжелых случаях кибербуллинг приводит к суицидальным мыслям или попыткам самоубийства. ...некоторые люди могут быть более восприимчивы к травле в сети интернет из-за ранее существовавших психических проблем, таких как тревога или депрессия. Точно так же люди, которые пережили психологическую травму или жестокое обращение, могут с большей вероятностью стать жертвами кибербуллинга. В некоторых случаях кибербуллинг становится проявлением более широких проблем (в том числе социальных), таких как систематическое угнетение или дискриминация» [12, с. 91].

Безнаказанность и анонимность агрессоров в интернет-пространстве предоставляют им возможность не только устрашать своих жертв, усиливать чувства беспомощности и уязвимости, но и вызывать у них состояние тревоги. Это состояние проявляется в постоянном ожидании агрессии там, где ее на самом деле нет, в ощущении полного бессилия в противостоянии с кибербуллером. В связи с этим становится очевидным, что агрессоры могут существенно влиять на качество жизни

своих жертв, вплоть до разрушения некоторых важных ее аспектов¹.

В виду отсутствия правового регулирования противодействия кибербуллингу как общественно опасному явлению в отечественном законодательстве весьма размыты границы юридической ответственности за травлю, осуществляемую посредством Интернета. Есть нормативные правовые акты, позволяющие государству реагировать на проявления кибербуллинга. Однако, как представляется, законодателю необходимо четко обозначить, какая травля преследуется законом, а какие схожие с ней действия рассматриваются лишь как случаи негативной коммуникации между людьми.

Общественная опасность кибербуллинга с юридической точки зрения заключается в посягательстве на жизнь и здоровье, свободу, честь и достоинство личности. Систематическая интернет-травля, регулярные угрозы, клевета и оскорбления могут склонить жертву к самоубийству. Тогда в действиях кибербуллера будут усматриваться признаки состава преступления в соответствии со ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) – доведение до самоубийства (оно является тяжким последствием систематических психологических издевательств над жертвой), ст.ст. 110.1-110.2 УК РФ – склонение к совершению самоубийства, организация деятельности, направленной на побуждение к самоубийству.

Если кибербуллер угрожает убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и есть основания опасаться осуществления этой угрозы (например, агрессор занимался stalkingом и завладел персональной информацией о месте проживания жертвы, другими конфиденциальными сведениями о ее частной жизни, персональными данными), такие действия квалифицируются в соответствии со ст. 119 УК РФ.

Кроме того, ответственность за кибербуллинг может наступать в случае распространения клеветы – заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Часть 2 ст. 128.1 УК РФ устанавливает наказание за клевету, содержащуюся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или совершенную публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет [13, с. 162].

Для квалификации действий, связанных с кибербуллингом, подходит также ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» [14, с. 28]. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11, «публично совершенными действиями по смыслу статьи 282 УК РФ признаются действия, совершенные в информационно-телекоммуни-

кационных сетях общего пользования, включая интернет, и иные подобные действия. Если пост может прочитать большое количество людей, то такой пост является публичным».

Впрочем, необходимо подчеркнуть, что в настоящее время судебная практика по делам, связанным с кибербуллингом, в Российской Федерации весьма незначительна. Возможно, будет способствовать изменению ситуации деятельность комиссии, созданной с целью разработки законопроекта, направленного на борьбу с кибербуллингом, о начале работы которой в ноябре 2023 года заявила депутата Государственной Думы Я.В. Лантратова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам анализа этимологии термина, характерных признаков и видов кибербуллинга считаем возможным сформулировать его правовое понятие. По нашему мнению, кибербуллинг – это действия, совершенные анонимно или публично в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая Интернет, направленные на систематическое психологическое издевательство над жертвой посредством: сообщений, содержащих угрозы, оскорбления; публикации (угрозы публикации) сведений, порочащих честь и достоинство жертвы, в том числе при помощи незаконного завладения ее персональными данными; социального бойкотирования; преследования и угрозы физического насилия, – повлекшие угнетенное психологическое состояние или появление психических расстройств у пострадавшего.

В рамках борьбы с кибербуллингом некоторые зарубежные страны принимают специализированные нормативные правовые акты. Например, в Италии, Южной Корее и Новой Зеландии есть законы, регулирующие поведение субъектов в Интернете и запрещающие кибербуллинг. Так, в Новой Зеландии это принятый в 2015 году Закон о вредоносных цифровых коммуникациях².

Особую актуальность вопросы организации противодействия кибербуллингу приобретают с учетом того, что чаще всего жертвами интернет-травли становятся лица, не достигшие совершеннолетнего возраста [15, с. 37]. В последние годы в России предпринимаются попытки регулирования отношений пользователей информационно-телекоммуникационных сетей. Одним из инструментов борьбы с кибербуллингом стала Лига безопасного Интернета, созданная в 2011 году при поддержке Минкомсвязи России, МВД России, комитета Государственной Думы Российской Федерации по вопросам семьи, женщин и детей. Ее целью является искоренение опасного контента путем самоорганизации профессионального сообщества, участников интернет-рынка и рядовых пользователей [16, с. 94]. Однако для более эффективной защиты несовершеннолетних

¹ Gonzalez Ju.F. Ignacio Pinuel : «El acosador es una persona poco brillante» // Mobbing OPINION. Boletín de noticias sobre acoso psicologico // URL: https://web.archive.org/web/20100822012233/http://mobbingopinion.bpweb.net/artman/publish/article_238.shtml.

² Harmful Digital Communications Bill (168-2) // New Zealand Parliament. Bills and Laws // URL: <https://www.parliament.nz/en/pb/bills-and-laws/bills-digests/document/50PLLaw21041/harmful-digital-communications-bill-2013-bills-digest> (дата обращения: 23.10.2024).

от онлайн-травли требуется комплексный подход, предусматривающий совершенствование законодательства, внедрение новых технических решений и широкую образовательную работу.

Разработка и принятие нормативного правового акта по противодействию кибербуллингу по-

зволит охватить все специфические особенности травли, осуществляемой с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, и юридически защитить участников коммуникаций от киберагрессии, обеспечив баланс между безопасностью и правами пользователей. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Амирова Д.К., Куницына Ю.В. К вопросу об установлении уголовной ответственности за кибербуллинг // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 7. № 1 (13). С. 12-16.
2. Стукало И.С. Определение понятия кибербуллинга на основании исследований зарубежных и отечественных ученых // Молодой ученый. 2020. № 2 (292). С. 218-220.
3. Кривцова С.В., Шапкина А.Н., Малыгина М.П. Школьный буллинг: прояснение понятий // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 17-28.
4. Olwus D., Limber S.P. The Olweus Bullying Prevention Program. Implementation and Evaluation over Two Decades // The Handbook of Bullying in Schools: An International Perspective. New York: Routledge, 2010. P. 377-401.
5. Olweus D. Bully/Victim Problems in School // European Journal of Psychology of Education. 1997. Vol. 7. № 4. P. 495-510.
6. Бабурин В.В., Черемнова Н.А. Травля в информационном пространстве (кибербуллинг) и виктимность малолетних и несовершеннолетних лиц // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 55-60.
7. Menesini E., Nocentini A., Palladino B.E., Frisen A., Berne S., Ortega-Ruiz R., Calmaestra J., Scheithauer H., Schultze-Krumbholz A., Luik P., Naruskov K., Blaya C., Berthaud J., Smith P.K. Cyberbullying Definition Among Adolescents: a Comparison Across Six European Countries // Cyberpsychol Behav Soc Netw. 2012. Sep. 15 (9). P. 455-463.
8. Могунова М.М. Кибербуллинг как новая опасность // Вестник Северо-Казахстанского университета имени Манаша Козыбаева. 2021. № 2 (51). С. 99-106.
9. Тиркашева Г.М. Кибербуллинг среди детей: понятие, современные формы и защитные механизмы // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2022. № 5. С. 84-93.
10. Коданева С.И. Кибербуллинг: причины явления и методы предупреждения // Социальные новации и социальные науки. 2020. № 1 (1). С. 149-159.
11. Зинцова А.С. Социальная профилактика кибербуллинга // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3. С. 122-128.
12. Газизьянов Т.А., Мансурова З.Р. Психология кибербуллинга. Виды и причины кибербуллинга // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2023. № 4 (16). С. 89-92.
13. Чич Ю.А. Уголовно-правовая характеристика кибербуллинга – травли с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Теория и практика общественного развития. 2023. № 5. С. 160-164.
14. Ложкина Т.Е., Могилёва Е.В., Первакова А.С. Правовое регулирование кибербуллинга в России и зарубежных странах // Право. Экономика. Психология. 2022. № 2 (26). С. 24-29.
15. Башмакова Е.А., Дегтярев Е.А. Факторы и социальные причины буллинга и кибербуллинга в подростковом возрасте // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71-1. С. 36-38.
16. Бочкарева Е.В., Стренин Д.А., Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 1. С. 91-97.

REFERENCES

1. Amirova D.K., Kunitsyna Yu.V. K voprosu ob ustanovlenii ugolovnoy otvetstvennosti za kiberbulling // Uchenyye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. T. 7. № 1 (13). S. 12-16.
2. Stukalo I.S. Opredeleniye ponyatiya kiberbullinga na osnovanii issledovaniy zarubezhnykh i otechestvennykh uchenykh // Molodoy uchenyy. 2020. № 2 (292). S. 218-220.
3. Krivtsova S.V., Shapkina A.N., Malygina M.P. Shkol'nyy bulling: proyasneniye ponyatiy // Voprosy psikhologii. 2019. № 3. S. 17-28.
4. Olwus D., Limber S.P. The Olweus Bullying Prevention Program. Implementation and Evaluation over Two Decades // The Handbook of Bullying in Schools: An International Perspective. New York: Routledge, 2010. P. 377-401.
5. Olweus D. Bully/Victim Problems in School // European Journal of Psychology of Education. 1997. Vol. 7. № 4. P. 495-510.
6. Baburin V.V., Cheremnova N.A. Travlya v informatsionnom prostranstve (kiberbulling) i viktimnost' maloletnikh i nesovershennoletnikh lits // Altayskiy yuridicheskiy vestnik. 2022. № 3 (39). S. 55-60.
7. Menesini E., Nocentini A., Palladino B.E., Frisen A., Berne S., Ortega-Ruiz R., Calmaestra J., Scheithauer H., Schultze-Krumbholz A., Luik P., Naruskov K., Blaya C., Berthaud J., Smith P.K. Cyberbullying Definition Among Adolescents: a Comparison Across Six European Countries // Cyberpsychol Behav Soc Netw. 2012. Sep. 15 (9). P. 455-463.

8. Mogunova M.M. Kiberbulling kak novaya opasnost' // Vestnik Severo-Kazakhstanskogo universiteta imeni Manasha Kozybayeva. 2021. № 2 (51). S. 99-106.
9. Tirkasheva G.M. Kiberbulling sredi detey: ponyatiye, sovremennyye formy i zashchitnyye mekhanizmy // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2022. № 5. S. 84-93.
10. Kodaneva S.I. Kiberbulling: prichiny yavleniya i metody preduprezhdeniya // Sotsial'nyye novatsii i sotsial'nyye nauki. 2020. № 1 (1). S. 149-159.
11. Zintsova A.S. Sotsial'naya profilaktika kiberbullinga // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. № 3. S. 122-128.
12. Gaziz'yanov T.A., Mansurova Z.R. Psikhologiya kiberbullinga. Vidy i prichiny kiberbullinga // Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva. 2023. № 4 (16). S. 89-92.
13. Chich Yu.A. Uголовно-pravovaya kharakteristika kiberbullinga – travli s ispol'zovaniyem informatsionno-telekommunikatsionnykh setey // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2023. № 5. С. 160-164.
14. Lozhkina T.Ye., Mogilova Ye.V., Pervakova A.S. Pravovoye regulirovaniye kiberbullinga v Rossii i zarubezhnykh stranakh // Pravo. Ekonomika. Psikhologiya. 2022. № 2 (26). S. 24-29.
15. Bashmakova Ye.A., Degtyarev Ye.A. Faktory i sotsial'nyye prichiny bullinga i kiberbullinga v podrostkovom vozraste // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2021. № 71-1. S. 36-38.
16. Bochkareva Ye.V., Strenin D.A., Teoretiko-pravovyye aspekty kiberbullinga // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. 2021. № 1. S. 91-97.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© **Ларионова Е.А., Кочубей А.В., 2024.**

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ларионова Е.А., Кочубей А.В. Правовое понятие кибербуллинга // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 24-30.

Марина Валериевна ЕГОРОЧКИНА,
ORCID 0009-0007-4050-9492
Краснодарский университет МВД России (г. Краснодар)
адъюнкт
mariegorochkina@yandex.ru

Научный руководитель:
Константин Викторович ОБРАЖИЕВ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России

Научная статья
УДК 343.713:004(44)

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВЫМОГАТЕЛЬСТВО В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПО ЗАРУБЕЖНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Вымогательство, шантаж, искусственный интеллект, дипфейк, секс-вымогательство, отягчающие обстоятельства, уголовное законодательство Франции.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье представлены результаты уголовно-правового анализа законодательства Французской Республики, предусматривающего ответственность за вымогательство, шантаж и сопряженные с ними преступления. Особое внимание уделяется способам совершения этих преступлений в случаях использования технологий искусственного интеллекта, программ-вымогателей и дипфейков. Целью проведенного автором исследования было формулирование выводов о целесообразности внедрения положительного опыта французского уголовного законодательства в России. Автор считает необходимым продолжать исследования в данной области, поскольку достижения правовой системы Франции по квалификации таких деяний, как вымогательство и шантаж, отвечают современным вызовам, связанным с противодействием преступности. *Методы.* В ходе исследования применялись методы анализа и синтеза, общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности, сравнительно-правовой, формально-юридический и логический методы. *Результаты.* Механизм совершения вымогательства за последнее время претерпел значительные изменения. С развитием технологий искусственного интеллекта, компьютеризацией и цифровизацией практически всех сфер общественной жизни способы совершения противоправных деяний данного вида эволюционировали, что требует скорейшего реагирования со стороны законодателя в целях обеспечения защиты прав и свобод граждан. Подход уголовного законодательства Французской Республики к решению проблем квалификации вымогательства и шантажа, совершенных с использованием технологии искусственного интеллекта, по мнению автора статьи, отвечает современным потребностям противодействия преступности.

ВВЕДЕНИЕ

Искусственный интеллект выводит на принципиально новый уровень развития абсолютно все сферы деятельности человека: медицину, искусство, промышленность, правоприменение и т.д. Его возможности доступны даже самым обычным пользователям сети Интернет, в том числе лицам, чьи намерения выходят за пределы, установленные законом. Такой инструмент в руках злоумышленника – крайне опасное высокотехнологичное оружие, противодействие которому требует от сотрудников правоохранительных органов специализированных знаний, умений и навыков.

Использование искусственного интеллекта (далее – ИИ) в противоправных целях порождает новые способы совершения преступлений различных видов. Интеграция прогрессивных возможностей компьютерных технологий в механизм преступной деятельности требует безотлагательных мер реагирования со стороны государства для защиты общества от вредоносного использования высоких технологий. Отмеченная тенденция затронула и такое традиционное преступление, как вымогательство. В цифровую эпоху оно приобрело новые формы. «Зарубежный опыт показывает, – отмечает А.Г. Уфалов, – что развитие искусственного интеллекта выводит совершение вымо-

Marina V. EGOROCHKINA,
ORCID 0009-0007-4050-9492
Krasnodar University of the Ministry
of Interior of Russia (Krasnodar, Russia)
Adjunct
mariegorochkina@yandex.ru

Scientific supervisor:

Konstantin V. OBRAZHIEV, Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

**CRIMINAL LIABILITY FOR EXTORTION IN THE
DIGITAL SPACE UNDER FOREIGN LEGISLATION**

KEYWORDS. Extortion, blackmail, artificial intelligence, deepfake,
sextortion, aggravating circumstances, French criminal law.

ANNOTATION. Introduction. The article presents the results of the criminal-legal analysis of the legislation of the French Republic, providing for liability for extortion, blackmail and related crimes. Particular attention is paid to the methods of committing these crimes in cases of using artificial intelligence technologies, ransomware and deepfakes. The purpose of the study was to formulate conclusions on the advisability of introducing the positive experience of French criminal legislation in Russia. The author believes it is necessary to continue research in this area, since the achievements of the French legal system in qualifying such acts as extortion and blackmail meet modern challenges associated with combating crime. **Methods.** The study used methods of analysis and synthesis, the general scientific dialectical method of cognition of reality, comparative legal, formal legal and logical methods. **Results.** The mechanism of extortion has recently undergone significant changes. With the development of artificial intelligence technologies, computerization and digitalization of almost all spheres of public life, the methods of committing illegal acts of this type have evolved, which requires a prompt response from the legislator in order to ensure the protection of the rights and freedoms of citizens. The approach of the criminal legislation of the French Republic to solving the problems of qualifying extortion and blackmail committed using artificial intelligence technology, according to the author of the article, meets the modern needs of combating crime.

гательства в мире на новый уровень. В различных обществах и странах, где всё записывается, ... данные, относящиеся к лицам или голосам людей, как правило, продаются в Интернете. В результате развитие ИИ заставляет исследователей, законодателя реагировать на новые вызовы»¹.

МЕТОДЫ

В ходе исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности. Он был необходим для полного отражения мер, принимаемых для противодействия совершению вымогательства в цифровой среде. Кроме того, использованы общенаучные методы анализа и синтеза, которые позволили детально изучить дифференциацию действий, связанных с вымогательством и шантажом, совершаемыми в цифровом пространстве. Из числа частнонаучных методов были востребованы формально-юридический и логический методы. Для исследования законодательства Французской Республики применялся сравнительно-правовой метод.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В поисках эффективных уголовно-правовых инструментов противодействия вымогательству

целесообразно обратиться к опыту зарубежных государств с развитой цифровой средой, которые первыми столкнулись с новыми проявлениями данного вида преступности. Особый интерес в этом плане представляет уголовное законодательство Французской Республики, которое довольно гибко реагирует на актуальные криминальные угрозы, связанные с вымогательством.

Согласно ст. 312-1 Уголовного кодекса Французской Республики (далее УК Франции), под вымогательством понимается акт получения путем насилия, угрозы насилия или принуждения либо подписи, обязательства или отказа от обязательства, либо секретной информации, либо денежных средств, ценных бумаг, материальных ценностей или любого иного имущества. Санкция за совершение данного преступления предусматривает семь лет лишения свободы и штраф в размере 100 тысяч евро. Это преступление относится к категории средней тяжести как по французскому законодательству², так и по российскому.

Интересно отметить, что во Франции законодательно закреплено освобождение виновного от наказания за попытку совершения вымогательства в составе организованной группы, если он уведомил административный или судебный орган и

¹ Уфалов А.Г. Проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования ответственности за вымогательство и шантаж: Дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 170 с.

² Уголовный кодекс Франции // Legifrance. Droit national en vigueur. Codes: Code pénal // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/2024-09-30/.

это позволило предотвратить совершение преступления и выявить, при необходимости, других исполнителей или соучастников (п. 1 ст. 312-6-1 УК Франции).

В уголовном законе Франции закреплены следующие отягчающие обстоятельства вымогательства:

- если оно сопровождается насилием, которое приводит к полной нетрудоспособности потерпевшего на срок до восьми дней (п. 1 ст. 312-2);
- если посягательство совершено во вред лицу с особой уязвимостью, которая может быть обусловлена возрастом, болезнью, физическим или психологическим недостатком, состоянием беременности, что очевидно или известно виновному лицу (п. 2 ст. 312-2);
- когда вымогательство совершено тем, кто намеренно скрывает свое лицо полностью или частично, чтобы не быть опознанным (п. 3 ст. 312-2);
- когда вымогательство совершается в учебных заведениях или учреждениях образования, а также при входе или выходе учащихся, или в непосредственной близости от них, на прилегающей территории этих учреждений (п. 4 ст. 312-2);
- если вымогательству предшествует, сопровождает его или следует за ним насилие, приводящее к полной нетрудоспособности на срок более восьми дней (ст. 312-3);
- в случае, когда вымогательство связано с применением или угрозой применения оружия, или осуществляется лицом, имеющим при себе оружие, на которое требуется разрешение или ношение которого запрещено (ст. 312-5);
- осуществление вымогательства в составе организованной группы (п. 1 ст. 312-6);
- если вымогательству предшествует, сопровождает его или следует за ним насилие, приводящее к увечью или стойкой инвалидности (п. 2 ст. 312-6);
- если ему предшествует, сопровождает его или следует за ним насилие, повлекшее смерть, пытки или варварские действия (ст. 312-7).

Санкции по перечисленным квалифицированным составам преступлений варьируются от десяти лет лишения свободы до пожизненного заключения, а размер штрафа может достигать 150 тысяч евро. Это подчеркивает, что государство видит высокую степень общественной опасности таких деяний и необходимость защиты от подобного рода посягательств наиболее уязвимых потерпевших [1, с. 208; 2, с. 93].

Существенное отличие понятия вымогательства, используемого во Франции, от закрепленного в российском уголовном законодательстве подчеркивает А.Р. Адельханян. Он указывает на то, что, согласно французскому представлению о вымогательстве, субъект преступления, применяя насилие, может требовать немедленной передачи имущества, а высказываемые им угрозы могут быть реализованы незамедлительно. С точки зрения Уголовного кодекса Российской Федерации

(далее – УК РФ) такие преступные деяния выходят за рамки вымогательства и квалифицируются как разбой или грабеж¹.

Возвращаясь к вопросу о новых механизмах совершения преступлений рассматриваемого вида, следует обратить внимание на противоправные действия, осуществляемые посредством использования так называемых программ-вымогателей, в основе которых лежит вредоносное программное обеспечение – компьютерный вирус, блокирующий работу компьютера до тех пор, пока пользователь не выполнит требования злоумышленника, как правило, заключающееся в переводе денежных средств, криптовалюты и т.д. [3, с. 4].

В течение последнего десятилетия во Франции программы-вымогатели широко используются для шантажа, когда хакер утверждает, что у него есть компрометирующие потенциальную жертву видеозаписи или изображения. Стратегия вымогателя, играющего на страхе жертвы, состоит в рассылке повторяющихся электронных писем, содержащих информацию о наличии у него неблагоприятных сведений об адресате, с целью заставить его поверить в то, что компьютер и доступ к веб-камере были взломаны, а изображения, на которых он находится в деликатном положении, скачаны и сохранены злоумышленником. Далее, как правило, вымогатель выдвигает требования о передаче денежных средств (чаще всего в биткойнах), угрожая разослать эти изображения по адресам из списка личных контактов потерпевшего и/или разместить их в сети Интернет [4, с. 942]. Впоследствии выясняется, что для совершения вымогательства пароли были взломаны или найдены в базах данных в даркнете (скрытом сегменте Интернета) [5, с. 93]. Лица, утверждающие, что у них есть видеозаписи или иные компрометирующие изображения жертвы шантажа, часто предлагают адресату перейти по ссылке, чтобы убедиться, что это действительно так. На самом деле потерпевший получает файл с заархивированным контентом. В случае распаковки такого архива на устройство автоматически устанавливается программа-вымогатель, и далее начинается реализация описанной выше схемы преступления [6, с. 251-252].

Данные, опубликованные на официальном сайте газеты «Le Figaro» в разделе «Общество»², свидетельствуют о росте во Франции числа случаев вымогательства и шантажа, совершаемых с использованием угроз, носящих сексуальный характер, в целях получения материальной выгоды. Для описания подобных случаев применяется термин секс-вымогательство. Проблема секс-вымогательства, осуществляемого с использованием информационно-коммуникационных технологий, включая искусственный интеллект, становится всё более актуальной, особенно для несовершеннолетних. Во Франции законодатель активно реагирует на этот вызов [7, с. 187]. Так, в 2020 году в уголовный закон были внесены изменения, которые ужесточили наказания за

¹ Адельханян А.Р. Имущественные преступления и проступки по Уголовному кодексу Франции (уголовно-правовой и сравнительный анализ): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 150 с.

² Le Figaro // URL: <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/cyberattaques-le-risque-s-accroît-avec-les-tensions-geopolitiques-20240705>.

сексуальное насилие и шантаж, совершаемые в отношении несовершеннолетних. В 2021 году установлена ответственность за требования со стороны совершеннолетнего лица, обращенные к несовершеннолетнему, о распространении или передаче изображений, видеозаписей или других материалов порнографического характера с этим несовершеннолетним (ст. 227-23-1 УК Франции). Следует обратить внимание на то, что возраст потерпевшего и совершение преступления в организованной группе признаются отягчающими обстоятельствами¹.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что вымогательство может быть сопряжено с другими преступлениями. Это осложняет деятельность правоохранительных органов по его выявлению и раскрытию.

В последнее время во Франции активно развиваются правовые средства, позволяющие сдерживать распространение вымогательства и шантажа и привлекать виновных к уголовной ответственности. Рассматривая вопрос сопряженности преступлений, необходимо подчеркнуть, что во французском законодательстве вымогательство и шантаж – преступления разных видов, ответственность за них предусмотрена разными нормами. Под шантажом понимается акт, направленный на получение путем использования угрозы раскрытием или вменением в вину фактов, способных причинить ущерб чести и достоинству, либо подписи, обязательства или отказа от обязательства, либо конфиденциальной информации, либо денежных средств, ценностей или любого имущества (ст. 312-10 УК Франции). В то же время ст. 132-16 УК Франции устанавливает, что вымогательство и шантаж являются однородными преступными деяниями, и при совершении одного из них, а затем другого возникают основания для признания рецидива. Такой подход оправдан, поскольку вымогательство и шантаж имеют общую цель: заставить потерпевшего дать преступнику то, чего он требует [8, с. 74]. Необходимо заметить, что, по сути дела, с точки зрения российского уголовного права шантаж – это разновидность вымогательства.

В данном контексте социальные сети представляют собой идеальную среду для выдвижения требований с корыстной целью под угрозой разоблачения, обвинения, клеветы и т.д. [9, с. 295]. Французское уголовное законодательство предоставляет пользователям социальных сетей, столкнувшимся с шантажом, возможности эффективно защищать себя. Во-первых, за совершение шантажа предусмотрено строгое наказание в виде пяти лет лишения свободы и штрафа в размере 75 тысяч евро. Для сравнения: санкция статьи российского уголовного закона, закрепляющей ответственность за совершение аналогичного деяния, предусматривает лишение свободы на срок до четырех лет и штраф в размере до 80 тысяч рублей. Во-

вторых, шантажист не может оправдать свои действия, ссылаясь на истинность фактов, которые он угрожает раскрыть, даже если они изобличают потерпевшего в противоправной деятельности. В-третьих, попытка шантажа сама по себе наказуема, поскольку считается оконченным преступлением, таким образом, даже если потерпевший не поддастся угрозам, шантажист всё равно должен быть наказан. Норма, закрепленная ст. 312-9 УК Франции, определяет, что покушение на вымогательство и шантаж наказываются так же, как и оконченные преступления. Формулирование усеченного состава в данном случае демонстрирует сходство позиций французского и российского законодателей.

Возвращаясь к вопросу о квалификации действий секс-вымогателей и шантажистов в сети Интернет, необходимо рассмотреть, какие объекты преступного посягательства подлежат дополнительной защите с точки зрения законодательства Франции. За реализацию преступного умысла, выражающегося в распространении в сети видео, созданного или скачанного для использования в качестве инструмента давления на жертву, виновные могут быть привлечены к ответственности по совокупности по ст. 226-1 УК Франции за посягательство на неприкосновенность частной жизни, за которое установлено наказание в виде лишения свободы на срок до одного года и штрафа в размере до 45 тысяч евро.

В то же время за производство, импорт, хранение, демонстрацию, предложение, аренду или продажу технических средств, предназначенных для удаленного прослушивания разговоров и позволяющих совершать преступления, связанные с посягательством на частную жизнь другого лица, предусмотрена уголовная ответственность по ст. 226-3 УК Франции. Это подчеркивает важность защиты конституционных прав частных лиц, особенно в контексте развития современных технологий и расширения возможностей распространения информации через Интернет. Впрочем, с учетом того, что в большинстве случаев хакеры, совершающие вымогательство и шантаж, проживают в других странах и обладают большой технической поддержкой, вероятность того, что они будут привлечены к уголовной ответственности французскими правоохранительными органами, невелика. М. Массе пишет, что во Франции в качестве профилактической меры предлагается настраивать оповещения с указанием имени и фамилии, чтобы попытаться идентифицировать публикуемый в Интернете контент, персонализируя пользователя². Поскольку преступления рассматриваемого вида наносят серьезный вред психическому и эмоциональному состоянию молодых людей, ключевую роль в предотвращении подобного рода случаев играют образовательные программы и пропагандистские кампании по повышению осведомленности.

¹ Le Bot C. Convention de lanzarote: la lutte contre l'exploitation et les abus sexuels sur mineurs // Village de la Justice. 17.08.2022 // URL: <https://www.village-justice.com/articles/convention-lanzarote-outils-juridiques-lutte-contre-exploitation-les-abus,42288.html>.

² Masse M. «Sextorsion»: Sexe, chantage, paranoïa, quel recours? // Village de la Justice. 02.07.2020 // URL: <https://www.village-justice.com/articles/sextorsion-sexe-chantage-paranoïa,35578.html>.

Государственная власть реализует во Франции ряд уголовно-правовых мер в сфере подавления методик синтеза изображения или голоса с помощью технологии искусственного интеллекта, то есть дипфейков, и защиты несовершеннолетних от их воздействия. Дипфейки, создаваемые искусственным интеллектом, имеют целью подделку аудио- и видеоконтента с использованием физических, морфологических признаков, жестов и языка человека [10, с. 114]. В течение нескольких лет общество сталкивается с развитием этой новой творческой техники, особенно в журналистской и юмористической сферах, а также, как отмечают В.Г. Иванов и Я.Р. Игнатовский, в контексте половых преступлений, вымогательства и шантажа [11, с. 380-381].

Одной из уголовно-правовых мер борьбы с дипфейками является ст. 226-8-1 УК Франции, предусматривающая ответственность за публикацию без согласия лица монтажа сексуального характера, выполенного с его речью или изображением. Закрепленная в этой статье норма соответствует целям борьбы с шантажом сексуального характера и защиты людей, ставших жертвами порно-дипфейков (среди них, по данным ассоциации «Deeptrace», 99% – женщины).

Использование искусственного интеллекта для монтажа изначально реальных фотографий или видео с целью запугивания потерпевших порождает еще одну форму секс-вымогательства. В 2024 г. в ст. 226-8 УК Франции были внесены изменения, устанавливающие уголовную ответственность в целях защиты личной информации и прав на слова или изображение человека в контексте использования алгоритмически созданного контента. С введением в действие данной нормы использование изображения или речи лица без его согласия признается преступлением, наказание за которое может ужесточаться в случае его совершения посредством публичных онлайн-сервисов.

В рамках уголовной политики Франции, направленной на противодействие преступлениям, совершаемым с использованием технологий, позволяющих нейросетям собирать в Интернете фотографии и видеозаписи, чтобы создавать на их основе дипфейки, в том числе порнографического характера, был принят закон, который существенно изменил содержание ст. 226-8 УК Франции. Во-первых, часть первая дополнена положением о том, что уголовная ответственность наступает за доведение до сведения общественности или третьей стороны любым способом визуального или звукового контента, созданного с помощью алгоритмической обработки и представляющего изображение или слова лица без его согласия, если не очевидно, что контент создан алгоритмически, или если об этом прямо не упоминается.

Во-вторых, за публикацию монтажа или контента, созданного с помощью алгоритмической обработки, если эти действия осуществлялись с использованием услуги публичного онлайн-общения, установлено более суровое наказание в виде двух лет лишения свободы и штрафа в размере 45 тысяч евро¹.

Рассматривая развитие российской уголовной политики в отношении вымогательства, осуществляемого в цифровом пространстве, следует отметить, что в сентябре 2024 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект, предусматривающий установление уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности, то есть за мошеннические дипфейки².

Однако, несмотря на принимаемые законодателями меры по противодействию вымогательству, всё больше несовершеннолетних и женщин становятся жертвами криминального воздействия лиц, использующих дипфейки сексуального характера для осуществления своих преступных целей. К сожалению, киберпреступникам удается скрываться посредством маскировки IP-адресов и шифрования данных, что затрудняет их обнаружение и определение местонахождения. Такие возможности им предоставляет технология виртуальной частной сети (VPN), позволяющая обеспечить сетевое соединение поверх чужей-либо другой сети. С развитием искусственного интеллекта увеличивается объем сгенерированного с его помощью контента, который может быть использован для совершения противоправных деяний, в том числе вымогательства [12, с. 18; 13, с. 138].

Таким образом, вышеизложенное подтверждает потребность в разработке новых уголовно-правовых средств защиты граждан от вымогательства, осуществляемого в цифровом пространстве, а также мер виктимологической профилактики такого рода преступлений, что должно способствовать снижению степени рисков, связанных с публикацией личных данных в сети Интернет [14, с. 68; 15, с. 550].

В работе французского исследователя А. Релле описаны способы защиты несовершеннолетних от угроз рассматриваемого нами вида, разработанные для родителей. Не следует делиться фотографиями своих детей в социальных сетях, чтобы избежать завладения злоумышленниками их изображениями; необходимо устанавливать родительский контроль за контактами детей в Интернете, чтобы ограничить круг людей, которые могут с ними общаться. Полезно обсуждать с детьми опасности, связанные с использованием социальных сетей, повышать их осведомленность о потенциальных рисках, чтобы они не чувствовали себя незащищенными в случае возникновения неприятностей³.

¹ Artigouha I., Parizet M. Les premiers pas de l'encadrement legal des deepfakes // Mesinfos. Affiches Parisiennes.

04.04.2024 // URL: <https://mesinfos.fr/75000-paris/les-premiers-pas-de-l-encadrement-legal-des-deepfakes-196705.html>.

² Законопроект № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 30.09.2024).

³ Relle A. Une nouvelle forme de «sextorsion», quand l'utilisation de l'ia detruit les mineurs // Village de la Justice. 20.12.2023 // URL: <https://www.village-justice.com/articles/sextorsion-quand-utilisation-detruit-les-mineurs,48054.html>.

Вместе с тем есть аналогичные рекомендации для несовершеннолетних: накрывать (закрывать) камеру компьютера, планшета и телефона; не общаться с незнакомыми людьми; переводить свои аккаунты в приватный режим. В случае совершения преступления следует незамедлительно обратиться в полицию и заблокировать пользователя в сети Интернет. И главное – никогда не платить деньги киберпреступникам [13].

Криминальные возможности лиц, совершающих противоправные деяния с помощью технологии искусственного интеллекта, весьма разнообразны [16, с. 118]. Эта технология способствует автоматизации и персонализации атаки, облегчает моделирование реалистичных сценариев, тем самым усиливая воздействие, оказываемое посягательством на частную жизнь, честь и достоинство людей, а также их репутацию.

При отсутствии согласия лица использование записей сказанных им в частном или конфиденциальном порядке слов или его изображений, например приватных фотографий, является преступлением. Следовательно, на этом основании можно привлечь к ответственности любое лицо, которое записывает подобные слова или изображения и выкладывает их в социальную сеть (ст. 226-1 УК Франции).

Как отмечает М. Пасотти, французское уголовное право предлагает несколько механизмов, позволяющих защитить личность и репутацию в Интернете. Однако эта защита должна основываться на индивидуальном подходе к квалификации содержания, учитывающем все обстоятельства рассматриваемого события¹.

Помимо имущественного и морального ущерба, наносимого потерпевшему, как отмечает Г. Хаас, вымогательство может иметь гораздо более серьезные последствия. Случаи шантажа, осуществленного посредством веб-камеры, разрушили жизни многих потерпевших, а некоторых довели до самоубийства. Предотвращение такого рода посягательств начинается с защиты учетных записей в социальных сетях. Доступ к контактам друзей или подписчиков жертвы создает фундамент для реализации угроз киберпреступников. То же самое касается любого контента (фотографий и видеозаписей, например), опубликованного через аккаунт, к которому открыт свободный доступ².

Итак, проведенный нами анализ норм французского уголовного закона, предусматривающих ответственность за шантаж и вымогательство, позволил сделать вывод о том, что совершению таких преступлений способствует угроза раскрытия конфиденциальной информации и/или публикации сведений, компрометирующих жертву (супружеская измена, сексуальная ориентация, судимость, болезнь и т.д.), независимо от того,

являются ли они реальными или вымышленными. Угроза может быть заявлена в письменной или устной форме, она достаточно конкретна для того, чтобы определить, чего хочет добиться преступник. Г. Хаас пишет, что законодательство Франции позволяет дифференцировать действия виновных лиц, связанные с вымогательством. Французский уголовный кодекс устанавливает более жесткие санкции для некоторых видов таких преступлений, включая увеличенные сроки лишения свободы и повышенные размеры штрафов³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя изложенное, отметим, что французский опыт уголовно-правового противодействия вымогательству в цифровом пространстве может быть использован при разработке мер, направленных на совершенствование российского уголовного законодательства, в частности, при дифференциации уголовной ответственности за вымогательство и криминализации новых общественно опасных деяний, фактически представляющих собой способы вымогательства.

Так, например, в настоящее время диспозиция ст. 163 УК РФ не охватывает такие способы совершения вымогательства, как использование программ-вымогателей и зачастую сопутствующие ему угрозы в виде блокирования или уничтожения компьютерной информации, а также применение возможностей искусственного интеллекта, в том числе для создания дипфейков. Конструкция статей УК Франции об ответственности за вымогательство и шантаж помогает квалифицировать применение такого рода способов и угроз как преступление. Сопряженная квалификация требуется для восстановления социальной справедливости, ущерб которой был нанесен в связи с нарушением других охраняемых законом прав и свобод.

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что во Франции закреплены более строгие санкции за совершение вымогательства и шантажа, чем в России. Это подчеркивает жесткость уголовно-правовой политики в отношении нарушения прав и свобод граждан при совершении преступлений изучаемого нами вида. Вопрос о целесообразности ужесточения санкций в УК РФ требует дополнительных исследований, его решение не входило в нашу задачу при подготовке данной статьи.

При этом подчеркнем, что в деятельности по совершенствованию российского уголовного законодательства следует обратить внимание на положительный опыт противодействия вымогательству во Франции. Например, считаем целесообразным внести изменения в ст. 163 УК РФ, а именно расширить перечень способов и угроз, образующих состав преступления. ■

¹ Pasotti M. Chantage et délits de presse au moyen des réseaux sociaux: défendre son e-reputation grace au droit penal? // Village de la Justice. 28.12.2009 // URL: <https://www.village-justice.com/articles/Chantage-delits-presse-moyen,7171.html>.

² Haas G. Cyberharcelement, fraude sentimentale: que faire face au chantage affectif? // Village de la Justice. 21.04.2022 // URL: <https://www.village-justice.com/articles/cyberharcelement-fraude-sentimentale-que-faire-face-chantage-affectif,42390.html>.

³ Там же.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мулюков Ф.Б., Ибрагимов А.Г. Санкции и наказания за преступления против личности по уголовному кодексу Франции // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 201-213.
2. Цой Л.В. Уголовное законодательство России и зарубежных стран об ответственности за вымогательство // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2017. № 17. С. 92-94.
3. Гоголь А.С., Маслова М.А. Основные виды компьютерных угроз // Научный результат. Информационные технологии. 2020. Т. 5. № 3. С. 3-9.
4. Стяжкина С.А. Вопросы квалификации кибервымогательства // Вестник Удмуртского университета. 2022. Т. 32. Вып. 5. С. 941-947.
5. Жмуров Д.В. Даркнет как ускользающая сфера правового регулирования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 1 (27). С. 89-98.
6. Шевко Н.Р., Казанцев С.Я., Турутина Е.Э. Анализ киберпреступности в период пандемии // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 250-252.
7. Демидович В.А. Анализ уголовного законодательства Франции, Англии и Испании об ответственности за развратные действия // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27. № 4. С. 186-191.
8. Рыбин И.В. Сравнительно-правовой анализ предмета вымогательства в уголовном законодательстве Франции и России // Закон и право. 2020. № 9. С. 73-75.
9. Чурсина А.Д. Кибервымогательство и угрозы в социальных сетях // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 294-296.
10. Добробаба М.Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex russica. 2022. Т. 75. № 11. С. 112-119.
11. Иванов В.Г., Игнатовский Я.Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. № 4. С. 379-385.
12. Дворянкин О.А. Даркнет – темная сторона Интернета или неужели так все плохо? // Национальная ассоциация ученых. 2021. № 71-1. С. 14-20.
13. Усманов Р.А. Характеристика преступной деятельности, осуществляемой в сети Интернет посредством сервисов-анонимайзеров // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 4 (46). С. 135-141.
14. Желудков М.А. Обоснование необходимости адаптации деятельности правоохранительных органов к условиям цифровой трансформации преступной среды // Lex russica. 2021. № 4 (173). С. 63-70.
15. Алексеева А.П. Профилактика правонарушений в России: законодательные основы и перспективы реализации // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: Сборник научных трудов. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 549-551.
16. Sukhodolov A.P., Bychkov A.V., Bychkova A.M. Criminal Policy for Crimes Committed Using Artificial Intelligence Technologies: State, Problems, Prospects // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 116-122.

REFERENCES

1. Mulyukov F.B., Ibragimov A.G. Sanktsii i nakazaniya za prestupleniya protiv lichnosti po ugovolnomu kodeksu Frantsii // Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. 2020. № 2. S. 201-213.
2. Tsoy L.V. Ugolovnoye zakonodatel'stvo Rossii i zarubezhnykh stran ob otvetstvennosti za vymogatel'stvo // Altayskiy vestnik gosudarstvennoy i munitsipal'noy sluzhby. 2017. № 17. S. 92-94.
3. Gogol' A.S., Maslova M.A. Osnovnyye vidy komp'yuternykh ugroz // Nauchnyy rezul'tat. Informatsionnyye tekhnologii. 2020. T. 5. № 3. S. 3-9.
4. Styazhkina S.A. Voprosy kvalifikatsii kibervymogatel'stva // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2022. T. 32. Vyp. 5. S. 941-947.
5. Zhmurov D.V. Darknet kak uskol'zayushchaya sfera pravovogo regulirovaniya // Sibirskiye ugovolno-protssual'nyye i kriminalisticheskiye chteniya. 2020. № 1 (27). S. 89-98.
6. Shevko N.R., Kazantsev S.Ya., Turutina Ye.E. Analiz kiberprestupnosti v period pandemii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 2. S. 250-252.
7. Demidovich V.A. Analiz ugovolnogo zakonodatel'stva Frantsii, Anglii i Ispanii ob otvetstvennosti za razvratnyye deystviya // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. T. 27. № 4. S. 186-191.
8. Rybin I.V. Sravnitel'no-pravovoy analiz predmeta vymogatel'stva v ugovolnom zakonodatel'stve Frantsii i Rossii // Zakon i pravo. 2020. № 9. S. 73-75.
9. Chursina A.D. Kibervymogatel'stvo i ugrozy v sotsial'nykh setyakh // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 5. S. 294-296.
10. Dobrobaba M.B. Dipfeyki kak ugroza pravam cheloveka // Lex russica. 2022. T. 75. № 11. S. 112-119.
11. Ivanov V.G., Ignatovskiy Ya.R. Deepfakes: perspektivy primeneniya v politike i ugrozy dlya lichnosti i natsional'noy bezopasnosti // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. 2020. № 4. S. 379-385.
12. Dvoryankin O.A. Darknet – temnaya storona Interneta ili neuzheli tak vse plokhoe? // Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh. 2021. № 71-1. С. 14-20.

13. Usmanov R.A. Kharakteristika prestupnoy deyatel'nosti, osushchestvlyayemoy v seti Internet posredstvom servisov-anonimayzerov // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2018. № 4 (46). S. 135-141.

14. Zheludkov M.A. Obosnovaniye neobkhodimosti adaptatsii deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov k usloviyam tsifrovoy transformatsii prestupnoy sredy // Lex russica. 2021. № 4 (173). S. 63-70.

15. Alekseyeva A.P. Profilaktika pravonarusheniy v Rossii: zakonodatel'nyye osnovy i perspektivy realizatsii // Prestupnost', ugolovnaya politika, ugolovnyy zakon: Sbornik nauchnykh trudov. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2013. S. 549-551.

16. Sukhodolov A.P., Bychkov A.V., Bychkova A.M. Criminal Policy for Crimes Committed Using Artificial Intelligence Technologies: State, Problems, Prospects // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 116-122.

© Егорочкина М.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Егорочкина М.В. Уголовная ответственность за вымогательство в цифровом пространстве по зарубежному законодательству // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 31-38.

Станислав Владимирович ПИКАЛОВ,
ORCID 0009-0005-6608-8708
Санкт-Петербургский государственный
университет (г. Санкт-Петербург)
аспирант
2192433.crp@gmail.com

Научный руководитель:
Владислав Фёдорович ЩЕПЕЛЬКОВ, доктор юридических
наук, профессор, профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского государственного университета.

Научная статья
УДК 343.2/.7[343.235:343.236]

КВАЛИФИКАЦИЯ НЕОКОНЧЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЁННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Служебные преступления, использование
служебного положения, способ совершения преступления,
приготовление к преступлению, неоконченное преступление.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье анализируются проблемы квалификации неоконченных преступлений в случаях, когда лицо использовало свое служебное положение только на этапе приготовления к преступлению, а также влияния данного способа совершения преступления на установление момента начала выполнения объективной стороны состава преступления. *Методы.* В ходе проведенного автором статьи исследования применялись: диалектический метод, метод индукции, сравнительно-правовой метод, метод систематического толкования правовых терминов, методы описания и логического анализа. *Результаты.* По итогам изучения законодательства, судебной практики и доктринальных подходов сделан вывод о том, что квалифицирующий признак «с использованием служебного положения» может быть вменен только в том случае, если он наличествовал как способ совершения преступления в рамках границ начала и окончания выполнения объективной стороны состава конкретного преступления, определяемой в соответствии с диспозицией статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом данный квалифицирующий признак не расширяет заявленные границы, поскольку происходит трансформация способа внутри объективной стороны состава преступления, благодаря чему совершение преступления существенно облегчается, что повышает уровень его общественной опасности.

ВВЕДЕНИЕ

К числу распространенных способов дифференциации уголовной ответственности относится указание законодателем в статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) квалифицирующего признака «использование служебного положения» при совершении преступления. Его вменение порождает квалификационные проблемы, одной из которых является оценка действий преступника в случаях, если служебное положение использовалось им только на стадии приготовления к преступлению, а объективная сторона преступления исполнялась уже без использования служебного положения.

Для наглядности проблему можно проиллюстрировать задачей. Сотрудник полиции, злоупотребляя должностными полномочиями, из корыстной заинтересованности, используя данные оперативного учета или агентурные связи, установил контактные данные лица, торгующего краденными предметами роскоши (картины, украшения и т.п.). Через какое-то время данный сотрудник полиции, но уже как рядовой гражданин, приобрел себе у этого продавца ранее похищенную картину. Как квалифицировать действия сотрудника полиции? В теории и на практике подобные действия квалифицируются по-разному: согласно одной точке зрения необходимо вменять квалифицированный состав вне зависимости от этапа

Stanislav V. PIKALOV,
ORCID 0009-0005-6608-8708
Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)
Graduate Student
2192433.crp@gmail.com

Scientific supervisor:

Vladislav F. SHCHEPELKOV, Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Criminal Law at Saint-Petersburg State University.

**QUALIFICATION OF INCOMPLETE OFFENCES
COMMITTED WITH THE USE OF OFFICIAL POSITION**

KEYWORDS. Official crimes, use of official position, preparation for a crime, way of committing a crime, incomplete crime.

ANNOTATION. Introduction. The article analyzes the problems of qualification of incomplete crimes in cases where a person used his official position only at the stage of preparation for the crime, as well as the influence of this method of committing a crime on establishing the moment of the beginning of the execution of the objective side of the crime. **Methods.** In the course of the study conducted by the author of the article, the dialectical method, the induction method, the comparative legal method, the method of systematic interpretation of legal terms, the methods of description and logical analysis were used. **Results.** Based on the results of the study of legislation, judicial practice and doctrinal approaches, it was concluded that the qualifying feature «using official position» can be imputed only if this feature was present as a method of committing a crime within the boundaries of the beginning and end of the execution of the objective side of a specific crime, determined in accordance with the disposition of the article of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. At the same time, this qualifying feature does not expand the declared boundaries, since there is a transformation of the method within the objective side of the crime, due to which the commission of the crime is significantly facilitated, which increases the level of social danger of the crime.

реализации преступного умысла¹[1, с. 61-62]. Согласно другой – имеет место основной состав преступления, квалифицирующий признак при таких обстоятельствах вменить нельзя [2]. Рассмотрению представленной проблемы посвящена настоящая статья.

МЕТОДЫ

В процессе исследования, результаты которого излагаются в статье, использовался общенаучный диалектический метод, который подразумевает всестороннее изучение явлений, анализ их взаимосвязей и противоречий. Метод индукции позволил через изучение частных признаков прийти к общим выводам. Кроме того, был востребован сравнительно-правовой метод, основная идея которого заключается в анализе законодательства, судебной практики, правовых институтов различных стран для понимания и сопоставления ключевых принципов, подходов к регулированию правовых отношений. Метод систематического толкования правовых терминов применялся для того, чтобы лучше понять их содержание. Метод описания был необходим для сбора фактического материала о проблемах, возникающих в процессе квалификации неоконченных преступлений. Метод логического анализа позволил определить границы квалифицирующего признака «с использованием служебного положения».

РЕЗУЛЬТАТЫ

Традиционно учение о неоконченном преступлении строится на поиске ответов на вопросы об

уголовно-правовом значении стадии приготовления к преступлению, о границах начала и окончания стадий преступной активности, а также о влиянии квалифицирующих признаков на изменение этих границ.

Последовательно рассмотрим интересующую нас проблему с разных сторон.

1. Уголовно-правовое значение стадии приготовления к преступлению и проблема определения момента начала выполнения объективной стороны преступления.

В отечественной доктрине уголовного права значение стадии приготовления к преступлению и, как следствие, момент начала совершения преступления разными учеными оцениваются по-разному.

Одни придерживаются мнения о том, что приготовление не обособляется от других стадий совершения преступления. Этап создания условий частично включается в объективную сторону преступления, а следовательно, является началом его совершения. Вводя ответственность за неоконченное преступление, законодатель не предусмотрел материально самостоятельных стадий единого преступного события, а только указал на то, как наказывается незавершенная преступная деятельность [1, с. 61-62]. Согласно данному подходу приготовление можно представить как начальную точку исполнения преступления, от которой фактически начинает свое развитие преступление и его объективная сторона. Террорист, приобрет-

¹ Пункт 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»».

ший оружие для нападения на представителя власти, на взгляд сторонников этой концепции, отвечает за приготовление именно к террористическому акту потому, что он уже совершил действия, входящие в объективную сторону состава преступления. Описанный подход сформировался с опорой на положения ст. 11 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик, утвержденных постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г., из буквального толкования которых следовало, что приготовительные действия фактически являются началом совершения преступления, а приготовление органически встроено в объективную сторону преступления.

Другие ученые полагают, что приготовление в материально-правовом плане должно обособляться от стадии исполнения преступления, так как объективная сторона преступления на этой стадии еще не исполняется¹ [3, с. 117]. Приготовление не может быть началом преступления уже потому, что действие еще непосредственно не посягает на объект преступления, очерченный в диспозиции статьи уголовного закона [4, с. 21-22].

Большинство современных исследователей, в том числе и автор настоящей статьи, разделяют вторую позицию. Стадия приготовления к преступлению, как следует из ч. 1 ст. 30 УК РФ, характеризуется только созданием условий для совершения конкретного преступления. При том что ч. 3 ст. 30 УК РФ под покушением на преступление предлагает понимать действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления. Прямое указание в законе на момент «непосредственной направленности» и дает основания полагать, что стадия создания условий для будущего преступления имеет самостоятельное материально-правовое значение и, как следствие, свои правила квалификации [5]. Помимо этого, ответственность за приготовление к преступлению соотносится с общественной опасностью действий, которой зачастую нет. Само по себе создание условий, перечисленных в ч. 1 ст. 30 УК РФ, не способно причинить вреда ни личности, ни обществу, ни государству, поскольку нет непосредственного воздействия на объект охраны [6]. Только с момента начала реализации объективной стороны (то есть со стадии покушения на преступление) непосредственный объект уголовно-правовой охраны начинает претерпевать негативные изменения².

Уже аксиоматичной стала позиция, согласно которой состав приготовления к преступлению имеет свои особенности по сравнению как с составом оконченного преступления, так и с составом покушения на преступление [7].

Получается, что для верной квалификации приготовления к преступлению необходимо устанавливать:

а) условия, которые создаются лицом для совершения преступления (объективная сторона приготовления);

б) умысел на совершение конкретного тяжкого или особо тяжкого преступления, совершение которого запланировано в будущем (субъективная сторона).

В немецкой доктрине уголовного права также существует несколько теорий, обосновывающих разграничение между стадиями преступной активности.

Формально-объективная теория отождествляет момент начала выполнения объективной стороны преступления с моментом начала совершения преступного поведения, описанного в диспозиции конкретной статьи уголовного закона.

Материально-объективная теория предполагает, что преступление начинается совершением любых действий (совершения бездействия):

а) находящихся в единстве с преступным деянием, образующим состав конкретного преступления, и составляющих с таким деянием единое преступление;

б) непосредственно создающих угрозу охраняемым правовым благам.

Субъективная теория смещает акцент с объективной стороны состава преступления на субъективное представление правонарушителя о том, что его действие (или бездействие) является уже не частью подготовки к будущему преступлению, а непосредственным началом преступления.

Вместе с тем, как отмечается в уголовно-правовой литературе, на практике невозможно во всех случаях руководствоваться лишь одной из представленных теорий, в связи с чем применяется комбинированный подход. Началом выполнения объективной стороны преступления признается только такое действие, которое в соответствии с планом преступника настолько тесно связано с составом осуществляемого преступления, что такое действие (бездействие) должно обязательно привести к планируемому результату или находится в непосредственной пространственно-временной связи с ним. Момент начала преступления, согласно такому подходу, будет зависеть не только от конкретного состава, но также и от плана преступления, по которому запущенная цепочка событий, исходя из субъективных представлений, должна обязательно и в отсутствие дополнительных промежуточных действий привести к результату³.

В качестве примера в уголовно-правовой литературе приводится следующая ситуация. Убийца звонит во входную дверь квартиры будущей жертвы. Если он планирует совершить выстрел в потерпевшего сразу, как только им будет открыта дверь, то звонок в дверь – момент начала выполнения объективной стороны убийства, а следовательно, это и есть момент начала покушения. Если же убийца планирует, что дверь откроет родственник жертвы, и тогда он попытается пройти в квартиру, где и совершит убийство, то звонок в дверь – приготовление к преступлению⁴.

¹ Утевский Б.С. Уголовное право / 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1950. С. 59-60.

² Постановление Президиума Верховного Суда Республики Алтай от 11.03.2010 // Верховный Суд Республики Алтай: сайт // URL: http://vs.ralt.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=697 (дата обращения: 05.09.2024).

³ Вессельс Й., Бойльке В. Уголовное право ФРГ. Общая часть. Красноярск, 2006. С. 229.

⁴ Там же. С. 231.

Схожая позиция прослеживается и в практике чешских судов. Согласно прецедентному праву Чешской Республики подготовительное действие представляет собой такое поведение, которое создает лишь отдаленную опасность того, что наступит преступный результат, а не направлено непосредственно против объекта посягательства. При этом непосредственная опасность объекту уголовно-правовой охраны будет наступать не просто с момента начала выполнения объективной стороны преступления, но только тогда, когда совершенные преступником действия окажутся в непосредственной причинной и временной связи с планируемым результатом. Как правило, такие действия хотя и носят формально характер подготовки (сговор соучастников), но совершаются в том же месте, где должно быть совершено основное преступление, и в кратчайшее время до него (отсутствуют промежуточные действия)¹. Всё будет зависеть от того, в достаточной ли степени преступник продемонстрировал свое конечное намерение добиться преступного результата.

Отграничение preparatory actions от основного преступления порождает дискуссии и в уголовном праве Англии. Вместе с тем суды придерживаются прецедента по делу Робинсона, решение по которому было вынесено в 1915 году. Этот вердикт ввел правило «ближайшего шага». Суть дела сводилась к следующему. Робинсон, будучи ювелиром, решил получить страховую премию посредством инсценировки ограбления. Он спрятал ювелирные изделия, связал себя и стал звать на помощь. Полиция в ходе расследования нашла спрятанные ювелиром драгоценности и обвинила его в покушении на мошенничество. Оправдывая Робинсона, английский суд подчеркнул, что были совершены только preparatory actions (в то время не подлежащие наказанию) и Робинсоном «не было сделано шага в самом совершении преступления»². В данном случае «ближайший шаг» суд видел в направлении претензии в адрес страховой организации.

Возвращаясь к изучаемой нами проблеме и приведенной выше задаче, попробуем найти решение с учетом различных подходов.

Если придерживаться концепции единого преступления, сформулированной в отечественной доктрине (преступление начинает совершаться уже на этапе создания условий для его совершения), то вменению подлежит квалифицированный состав вне зависимости от того, используется соответствующий квалифицирующий признак на стадии исполнения объективной стороны преступления или нет. Следовательно, самого факта использования служебного положения на этапе приготовления достаточно для вменения этого квалифицирующего признака, а действия сотрудника полиции, описанные в задаче, должны квалифицироваться по ч. 3 ст. 175 УК РФ с возможным назначением наказания до 7 лет лишения свободы со штрафом. С учетом вменения тяжкого

преступления вероятность применения судом ст. 73 УК РФ «Условное осуждение» существенно снижается.

Если же придерживаться подхода, предусматривающего, что стадия создания условий к преступлению обладает самостоятельным уголовно-правовым значением в силу невозможности причинить вред объекту уголовно-правовой охраны, то совершение действий, подпадающих под квалифицирующие признаки преступления, на стадии приготовления не может учитываться на последующих стадиях. Тогда факт использования служебного положения на этапе приготовления должен охватываться, при наличии к тому оснований, ч. 1 ст. 285 УК РФ (до 4 лет лишения свободы), а приобретение полицейским у торговца краденой картины – ч. 1 ст. 175 УК РФ (до 2 лет лишения свободы), с возможным назначением наказания по правилам ст. 69 УК РФ, то есть до 6 лет лишения свободы со штрафом. С учетом того, что вменяются преступления небольшой и средней тяжести, вероятность применения судом ст. 73 УК РФ «Условное осуждение» существенно возрастает.

Пункт 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» является отражением первой из приведенных выше концепций. Хотя, на наш взгляд, данный подход противоречит действующему нормативному регулированию и означает или расширительное толкование уголовного закона, или применение уголовного закона по аналогии [8, 9, 10].

Если же придерживаться зарубежного опыта, который в большинстве случаев сводится к необходимости установления субъективного отношения лица к совершаемым действиям (воспринимает оно их как preparatory action или как основное преступление) и важности совершения дополнительных действий для посягательства на защищаемое благо, то ответ будет зависеть от интенсивности развития преступления. Можно предположить, что если сотрудник полиции, к примеру, встретив своего агента и целенаправленно получив от него информацию о скупщике краденного, сразу же пошел приобретать картину, то вполне вероятно, что получение такой информации будет расцениваться в иностранном суде как момент начала выполнения объективной стороны преступления.

2. Влияние квалифицирующих признаков на изменение момента начала выполнения объективной стороны преступления.

На поставленную проблему можно посмотреть и с другой стороны, а именно с точки зрения определения границы между началом и оконча-

¹ Решение Верховного суда Чехословацкой социалистической республики от 15.09.1983 № 8 Tz 80 | 63 [R 44 | 1964] // URL: <https://nsoud.cz> (дата обращения: 03.10.2024).

² Ежов А.Н., Селяков Н.А. Стадии совершения преступления в уголовном праве стран Евросоюза (Англии, Франции, Германии): Учебное пособие. М.: Юпитер, 2005. С. 15.

нием стадий преступной активности в квалифицированных составах преступлений.

Здесь наибольший интерес представляет поиск ответа на вопрос о том, как квалифицирующий признак использования служебного положения сдвигает момент начала выполнения объективной стороны преступления. Означает ли любое использование служебного положения то, что начинает выполняться объективная сторона преступления?

По нашему мнению, ответ на данный вопрос должен быть отрицательным. Начало стадии выполнения – есть любое первое движение к реализации преступного умысла и причинению вреда объекту уголовно-правовой охраны, что и образует начало выполнения объективной стороны состава преступления. Однако с учетом широты круга возможных преступных действий однозначно определить, какое конкретно это должно быть действие, зачастую невозможно [11, с. 200], поскольку особенности защищаемого объекта оказывают значительное влияние на установление начального момента осуществления преступного посягательства [11, с. 202].

Если допустить возможность вменения квалифицированного состава только на том основании, что на стадии приготовления наличествовали признаки (была создана соответствующая обстановка, имелись соответствующие характеристики личности и т.п.), отнесенные в статьях Особенной части УК РФ к числу квалифицирующих, без учета того, что деяние, указанное в диспозиции статьи, не начало совершаться и еще не причинено никакого вреда объекту уголовно-правовой охраны, то границы объективной стороны преступления распыляются до неконтролируемых пределов. Помимо этого, искажается сама суть квалифицирующих признаков преступления, которая заключается в том, чтобы отразить изменение степени общественной опасности деяния по отношению к основному составу [12, с. 96]. Они усложняют тот или иной элемент состава преступления [13; 14, с. 206].

Увеличение общественной опасности при использовании служебного положения как способа совершения преступления заключается в использовании субъектом своих служебных полномочий, профессиональных обязанностей, фактических возможностей по должности, возникающих в связи с исполнением служебных полномочий или профессиональных обязанностей, что значительно облегчает совершение деяния, указанного в диспозиции статьи уголовного закона, и наносит значительный ущерб объекту уголовно-правовой охраны. Это предопределяет и круг субъектов, которые могут использовать служебное положение.

Для данного квалифицирующего признака, по нашему мнению, характерна трансформация способа внутри объективной стороны состава преступления, указанного в диспозиции статьи закона, а не его расширение, что, к примеру, имеет место при совершении преступления, сопряженного с вымогательством. Только в таком случае остается связь с объектом уголовно-правовой охраны. В противном случае любое действие субъекта,

связанное с реализацией своих служебных полномочий или соответствующих профессиональных обязанностей, может быть расценено как начало выполнения объективной стороны преступления.

Создание условий для совершения преступления, осуществленное с использованием служебного положения, обладает более низкой степенью общественной опасности и, как правило, может быть заменено другими схожими действиями, но уже без рассматриваемого нами признака. К примеру, если вернуться к приобретению имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ), то самостоятельное получение сотрудником полиции (в описанной в задаче ситуации) служебной информации о сбытке краденого по степени общественной опасности не отличается от действий обычного человека, который купил ту же самую информацию. Остается вопрос только о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, в действиях, совершенных при получении данной информации. А вот дальнейшие действия, по нашему мнению, не влияют на степень общественной опасности основного преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ [2].

То же самое можно увидеть и при анализе ст. 159.2 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за мошенничество при получении выплат. На степень общественной опасности этого преступления не влияет, подготовил ли виновный сам документы, не соответствующие действительности, или получил их от другого лица.

Так, по одному из уголовных дел виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, была признана сотрудница администрации К. Она, используя свои служебные полномочия по выдаче бухгалтерских документов, подделала справки о начисленной ей зарплате, после чего передала эти справки в орган социальной защиты для назначения стипендии. Кассационный суд, исключая квалифицирующий признак, указал на то, что служебные полномочия К. облегчили ей лишь возможность изготовления поддельных справок о зарплате. При предоставлении же этих справок для назначения стипендии и ее получения служебные полномочия К. не использовались, так как в отношении организаций, принимавших решение о назначении и выплате стипендии, она никакими организационно-распорядительными и административно-хозяйственными полномочиями не обладала¹.

В определении по другому делу суд отметил, что предоставление подложных справок о доходах, подготовленных по основному месту работы осужденной, – способ обмана, введения в заблуждение. Но в дальнейшем при обращении за социальными выплатами она свое служебное положение не использовала. Документы для пособий осужденная подавала как обычный гражданин².

Иными словами, поскольку подсудимые в приведенных примерах использовали служебное положение до момента начала выполнения объективной стороны мошенничества (в данных случаях это момент подачи документов в уполномочен-

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23.04.2020 по делу № 77-467/2020.

² Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.02.2022 по делу № 77-692/2022.

ный орган), соответствующий квалифицирующий признак не мог быть вменен.

Однако квалификация деяний будет иной, если должностное лицо использует свое служебное положение в организации для формирования пакета документов для назначения социальных выплат и одновременно осуществляет действия по их подаче.

Рассмотрим показательный пример. Обоснованно признав наличие в действиях главного бухгалтера К.Е. состава мошенничества с использованием служебного положения, суд подчеркнул, что наличие вмененного признака подтверждается тем, что К.Е. предоставила в Фонд социального страхования Российской Федерации (далее – ФСС) документы, содержащие сведения о временной нетрудоспособности своего сына и заведомо ложные сведения о его трудоустройстве в организации, где работала К.Е., на основании которых ФСС были начислены и выплачены пособия по временной нетрудоспособности¹.

В данном случае суд не указал на способ подачи заявления. В соответствии с действующим законодательством подобного рода сведения подаются работодателем. Если главный бухгалтер сфальсифицировал документы и сам организовал их предоставление в ФСС от лица организации-работодателя, то, несомненно, с момента подачи документов начала выполняться объективная сторона мошенничества с использованием служебного положения.

Следует иметь в виду, что в судебной практике встречаются проявления и противоположной точки зрения.

Так, суд, вменяя квалифицирующий признак «использование служебного положения» (ч. 3 ст. 159.2 УК РФ), указал, что обман как способ совершения мошенничества при получении выплат был выражен в предоставлении К.Ю. в Центр социальной поддержки населения заведомо ложной информации о размере своего дохода (он был занижен). К.Ю., являясь главным бухгалтером унитарного предприятия, только в силу своего служебного положения смогла изготовить и подписать подложные справки о размере дохода, которые были необходимы для решения вопроса о праве на субсидии².

По другому делу суд, обосновывая вменение признака «с использованием служебного положения», отметил, что Ш. воспользовалась имеющимися у нее полномочиями главного врача, когда давала указания по фиктивному оформлению больной в стационар и подписывала реестры пролеченных лиц, чем создала условия для хищения денежных средств территориального фонда ОМС³.

В последних двух примерах создание условий, при которых были в дальнейшем похищены денежные средства, в силу ст. 30 УК РФ являлось подготовительными действиями и не могло расцениваться как начало выполнения объективной стороны хищения. Данные действия осужденных причинили ущерб общественным отношениям, обеспечивающим управленческую деятельность в сфере обращения с документами в государственных организациях, при этом действия, перечисленные в диспозиции ст. 159.2 УК РФ, совершаться ими еще не начали, а следовательно, квалифицирующий признак не мог быть вменен [15].

Вместе с тем, если внимательно рассмотреть эти примеры, можно обнаружить признаки широко распространенного в зарубежных странах подхода, согласно которому в зависимости от отношения лица к этапам преступной активности и необходимости совершать какие-либо дополнительные действия до момента исполнения преступления (проблема наличия непосредственной угрозы для объекта уголовно-правовой охраны) будет меняться вывод о квалификации действий в качестве приготовления к преступлению. Такие примеры в судебной практике встречаются всё чаще, и применение положений теорий, преобладающих в доктрине ряда европейских стран (Германия, Чехия), к подобным случаям могло бы способствовать выработке единообразия правоприменительной практики. Однако возможность имплементации таких теорий требует более тщательного исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании вышесказанного нами сформулированы следующие выводы:

1) квалифицирующий признак «использование служебного положения» не влияет на границы объективной стороны состава преступления, обозначенные в диспозициях конкретных статей Особенной части УК РФ. Для данного способа совершения преступления характерна трансформация самого деяния, указанного в законе. Только при таком подходе учитывается увеличение степени общественной опасности квалифицированного состава преступления по сравнению с основным составом преступления;

2) для вменения квалифицирующего признака «использование служебного положения» необходимо, чтобы начала выполняться объективная сторона соответствующего преступления, определяемая через диспозицию статьи уголовного закона. Если служебное положение используется только на этапе создания условий для совершения преступления, то изучаемый нами признак не может быть вменен, что не исключает необходимости давать таким действиям самостоятельную оценку. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тишкевич И.С. Избранные труды (изданные в 1958-1974 гг. научные монографии). Мн., 2014. 484 с.
2. Пряжина Н.И., Щепельков В.Ф. Научно-консультативные заключения, подготовленные по запросам, поступившим в экспертно-правовой центр Санкт-Петербургского государственного университета // Российский ежегодник уголовного права. 2013. № 6. С. 645-656.

¹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.02.2024 по делу № 77-505/2024.

² Приговор Звениговского районного суда Республики Марий Эл от 19.05.2022 по делу № 1-51/2022.

³ Определение Курганского областного суда от 24.04.2014 по делу № 22-813/2014.

3. Кузнецова Н.Ф. Некоторые вопросы ответственности за приготовление и покушение по советскому уголовному праву // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 116-120.
4. Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. 211 с.
5. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.
6. Шиханов В.Н. Неоконченное преступление в уголовном праве: перспективы конструкционистского подхода // Lex russica. 2024. Т. 77. № 1. С. 54-66.
7. Мелешко Д.А. Неудавшееся «соучастие» в убийствах по найму // Законность. 2015. № 11. С. 55-59.
8. Алексеева А.П., Ничуговская О.Н. Киберпреступность: основные черты и формы проявления // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2017. № 1. С. 27-34.
9. Алексеева А.П. Перспективы развития уголовного законодательства в киберсфере // Подготовка сотрудников полиции к использованию информационных технологий в борьбе с преступностью: Сборник научных трудов по материалам II Всероссийской межвузовской научно-практической конференции. Волгоград: ВА МВД России, 2017. Т. 2. С. 24-31.
10. Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Законность. 2024. № 3. С. 33-38.
11. Бабий Н.А. Соучастие в преступлении: формы, виды, ответственность: Монография. М., 2015. 741 с.
12. Кругликов Л.Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб: Юридический центр Пресс, 2005. 334 с.
13. Яни П.С. Квалификация угона // Законность. 2017. № 8. С. 36-41.
14. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика: Монография. М.: Проспект, 2014. 352 с.
15. Щепельков В.Ф., Сальников А.В. Некоторые вопросы установления пределов вменения при соучастии // Криминалист. 2010. № 1. С. 3-7.

REFERENCES

1. Tishkevich I.S. Izbrannyye trudy (izdannyye v 1958-1974 gg. nauchnyye monografii). Minsk, 2014. 484 s.
2. Pryanina N.I., Shchepel'kov V.F. Nauchno-konsul'tativnyye zaklyucheniya, podgotovlennyye po zaprosam, postupivshim v ekspertno-pravovoy tsentr Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta // Rossiyskiy yezhegodnik ugovolnogo prava. 2013. № 6. S. 645-656.
3. Kuznetsova N.F. Nekotoryye voprosy otvetstvennosti za prigotovleniye i pokusheniye po sovetskomu ugovolnomu pravu // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. 1955. № 5. S. 116-120.
4. Durmanov N.D. Stadii soversheniya prestupleniya po sovetskomu ugovolnomu pravu. M., 1955. 211 s.
5. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov YU.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vklyuchennykh v ponyatiynyy apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (66). S. 25-30.
6. Shikhanov V.N. Neokonchennoye prestupleniye v ugovolnom prave: perspektivy konstruksionistskogo podkhoda // Lex russica. 2024. Т. 77. № 1. S. 54-66.
7. Meleshko D.A. Neudavshesyya «souchastiye» v ubiystvakh po naymu // Zakonnost'. 2015. № 11. S. 55-59.
8. Alekseyeva A.P., Nichugovskaya O.N. Kiberprestupnost': osnovnyye cherty i formy proyavleniya // Prestupnost' v sfere informatsionnykh i telekommunikatsionnykh tekhnologiy: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy. 2017. № 1. S. 27-34.
9. Alekseyeva A.P. Perspektivy razvitiya ugovolnogo zakonodatel'stva v kibersfere // Podgotovka sotrudnikov politzii k ispol'zovaniyu informatsionnykh tekhnologiy v bor'be s prestupnost'yu: Sbornik nauchnykh trudov po materialam II Vserossiyskoy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Volgograd: VA MVD Rossii, 2017. Т. 2. S. 24-31.
10. Sharapov R.D. Kvalifikatsiya prestupleniy, sovershennykh s ispol'zovaniyem informatsionno-telekommunikatsionnykh setey // Zakonnost'. 2024. № 3. S. 33-38.
11. Babiy N.A. Souchastiye v prestuplenii: formy, vidy, otvetstvennost': Monografiya. M., 2015. 741 s.
12. Kruglikov L.L. Yuridicheskiye konstruksii i simvol'y v ugovolnom prave. SPb: Yuridicheskiy tsentr Press, 2005. 334 s.
13. Yani P.S. Kvalifikatsiya ugonu // Zakonnost'. 2017. № 8. S. 36-41.
14. Ivanchin A.V. Konstruirovaniye sostava prestupleniya: teoriya i praktika: Monografiya. M.: Prospekt, 2014. 352 s.
15. Shchepel'kov V.F., Sal'nikov A.V. Nekotoryye voprosy ustanovleniya predelov vmeneniya pri souchastii // Kriminalist". 2010. № 1. S. 3-7.

© Пикалов С.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пикалов С.В. Квалификация неоконченных преступлений, совершенных с использованием служебного положения // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 39-45.

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Наталья Алексеевна СОЛОВЬЕВА,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-5215-6299
Волгоградский государственный университет (г. Волгоград)
заведующая кафедрой процессуального права и криминалистики
natalisoul13@mail.ru

Научная статья
УДК 343.132.8

ПРОТОКОЛЬНЫЙ ЯЗЫК СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ЗЕРКАЛО ПРОФЕССИОНАЛИЗМА СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Уголовный процесс, следственное действие, протокол, профессиональная речь, письменная речь, точность изложения, однозначность текста, эмоциональная нейтральность.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Слово в юридической деятельности никогда не бывает «пустым звуком». За любыми юридическими обозначениями всегда стоят реальные люди, их благополучие, а подчас и жизнь. Язык, выступающий в качестве основополагающего инструмента человеческой коммуникации, исторически способствовал развитию социума. Протокольный язык следственных действий является важнейшим средством передачи объективной информации при сохранении эмоциональной нейтральности. Без исключения субъективных оценок невозможно обеспечить справедливость и беспристрастность уголовного судопроизводства. Примечательно, что понятие «протокольный язык» (или «язык протокола») формально не закреплено, но это обстоятельство не отменяет его существования. А требования, предъявляемые к оформлению протоколов (в частности протоколов следственных действий), подтверждают необходимость глубокого изучения данного средства общения. **Методы.** Для всестороннего рассмотрения изучаемых автором статьи вопросов были использованы различные классические диалектические и общенаучные методы познания: сравнительно-правовой, анализ, синтез, индукция, дедукция, системная интерпретация. **Результаты.** Современный этап развития общества характеризуется быстрым совершенствованием цифровых технологий, что обуславливает появление новых требований к структуре и функции языка следственной практики. Для того чтобы он соответствовал вызовам технологического прогресса, следует уделять повышенное внимание вопросам ясности, точности и объективности протокольного языка. Систематическое изучение и внедрение стандартов языковой культуры в уголовно-процессуальную сферу деятельности правоприменительных институтов открывают новые возможности для существенного повышения уровня ее эффективности. Вместе с тем закрепление таких стандартов способствует формированию и поддержанию положительного имиджа сотрудника правоохранительных органов. Привитие навыков уверенного использования протокольного языка должно быть неотъемлемой частью подготовки юридических кадров, в том числе следователей, прокуроров и судей.

ВВЕДЕНИЕ

Научные публикации располагают к переосмыслению имеющихся правовых взглядов и позиций, позволяют предложить к рассмотрению новые грани старого явления, отправиться в путь на поиск неординарных решений. Иногда научный интерес связан с новыми тенденциями в законодательстве или правопримени-

тельной практике, а зачастую с, казалось бы, давно забытыми и решенными проблемами. К числу таковых можно отнести вопросы языка и стиля процессуальных документов в целом и протокола следственных действий в частности. Термин «язык протокола» (или «протокольный язык») следственных действий употребляется в связи с его распространенностью, хотя в данном случае есть некото-

Natalia A. SOLOVIEVA,
Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-5215-6299
Volgograd State University (Volgograd, Russia)
Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
natalisoul13@mail.ru

PROTOCOL LANGUAGE OF INVESTIGATIVE ACTIONS AS A MIRROR OF PROFESSIONALISM OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

KEYWORDS. Criminal procedure, investigative action, protocol, professional speech, written speech, precision of presentation, unambiguity of text, emotional neutrality.

ANNOTATION. Introduction. A word in legal activity is never an «empty sound». Any legal designations always represent real people, their well-being, and sometimes even their lives. Language, which acts as a fundamental instrument of human communication, has historically contributed to the development of society. The protocol language of investigative actions is the most important means of conveying objective information while maintaining emotional neutrality. Without excluding subjective assessments, it is impossible to ensure fairness and impartiality of criminal proceedings. It is noteworthy that the concept of «protocol language» (or «protocol language») is not formally enshrined, but this circumstance does not cancel its existence. And the requirements for the design of protocols (in particular, protocols of investigative actions) confirm the need for an in-depth study of this means of communication. **Methods.** For a comprehensive consideration of the issues studied by the author of the article, various classical dialectical and general scientific methods of cognition were used: comparative legal, analysis, synthesis, induction, deduction, system interpretation. **Results.** The current stage of development of society is characterized by rapid improvement of digital technologies, which causes new requirements to the structure and function of the language of investigative practice. In order for it to meet the challenges of technological progress, increased attention should be paid to issues of clarity, accuracy and objectivity of the protocol language. Systematic study and implementation of language culture standards in the criminal procedure sphere of activity of law enforcement institutions open up new opportunities for a significant increase in the level of its effectiveness. At the same time, the consolidation of such standards contributes to the formation and maintenance of a positive image of a law enforcement officer. Instilling skills in the confident use of protocol language should be an integral part of the training of legal personnel, including investigators, prosecutors and judges.

рая условность. Выражаясь более точно, следовало бы говорить о речи, а не языке протокола. Вместе с тем данное обстоятельство не отменяет существования самого языка протокола, а значит, и проблем, связанных с его использованием.

Уместность употребления термина «протокольный язык» представляется очевидной. Есть устоявшиеся на практике термины и выражения, которые достаточно полно раскрывают суть обозначаемых ими явлений, хоть и не закреплены в законодательстве. Например, часто приходится сталкиваться с использованием таких терминов, как «общий надзор» и «пенитенциарный надзор», которые как бы аккумулируют суть данных отраслей надзора, что достаточно лаконично и удобно для профессиональной коммуникации. Иногда встречается выражение «язык протокола», и, возможно, с точки зрения стилистики оно более точно (язык права, язык народа, стиль и язык документа, язык криминалистики и т.п.), чем «протокольный язык», но всё же последнее выглядит органичнее в свете распространенности его использования.

Очевидно, что фундаментом протокольного языка служат уголовный процесс и криминалистика, олицетворяющие единство формы и содержания, соответственно, в протокольном языке воплощены язык уголовного процесса и язык криминалистики. Общая их черта – опора на естественный язык, то есть язык обыденного общения.

Этот язык, выступающий основой для создания любого искусственного языка, не применимый в «чистом» виде для целей науки, в то же время широко используется в протоколах следственных действий. Это обстоятельство объясняется обширностью круга участников уголовного судопроизводства и разнообразием объектов, описываемых в процессуальных документах, составляемых в ходе раскрытия и расследования преступления¹.

Использование обыденного языка в сферах науки криминалистики и уголовного судопроизводства порождает проблемы, неизбежно связанные с особенностями этого языка – многозначностью, эмоциональностью, отсутствием логики изложения, повторами и т.д. В научной литературе высказано мнение о том, что устранить недостатки применения обыденного языка возможно посредством использования в протоколе языковых средств науки, под которыми понимаются категории, определения и понятия криминалистики. Такой подход представляется правильным, поскольку протокольный язык во многом определяет имидж правоохранительных органов, уровень профессионализма и культуры их сотрудников.

Протокол как неотъемлемая часть уголовно-процессуальных документов, безусловно, требует бережного подхода к своему содержанию и оформлению не только с точки зрения профессиональных качеств его составителя, но и общекультурных, интеллектуальных и коммуникативных

¹ Малютина О.А. Язык криминалистики в протоколах следственных действий // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород: НА МВД России, 2009. С. 16.

черт. Поэтому так важно вновь и вновь обращаться к теме языка.

Слово в юридической деятельности никогда не бывает «пустым звуком». За любыми юридическими обозначениями всегда стоят реальные люди, их благополучие, а подчас и жизнь.

В последнее время на страницах научно-практических изданий всё чаще стал обсуждаться вопрос о юридическом дискурсе, аккумулирующем многочисленные исследования в области права, психологии, лингвистики, социологии, политологии. Важнейшей его особенностью является специфический язык, который объединяет в себе язык законодательства, язык правоприменительной практики, язык юридической науки, язык юридического образования, язык юридической журналистики и др. [1, с. 126].

Юридическая наука тесно связана с изучением языковых приемов написания правовых текстов, систем убеждений и стратегий коммуникативного поведения тех или иных субъектов, будь то конкретные личности, группы или даже абстрактные образования [2, с. 16]. Этот многообразный диапазон проявлений дискурса в правовой сфере представляет особый интерес для исследователей, поскольку является ключевым элементом анализа особенностей взаимодействия субъектов права и формирования юридической практики [3, с. 63]. Таким образом, дальнейшее углубление в изучение дискурсивного аспекта в юридической сфере поощряется для более полного понимания сложной природы правового общения и деятельности юридических субъектов [4, с. 49].

На формирование, развитие и совершенствование языка юридического дискурса влияют следующие факторы: категориальный строй сознания общества, особенности мирового мировоззрения, состояние правовой системы общества, особенности нормотворческой деятельности, состояние литературного языка, потенциал его ресурсов в качестве средств выражения правовой информации [5, с. 188].

При восприятии протокольного текста, как и вообще письменной речи, внимание обычно акцентируется не на письменных знаках, нанесенных на бумагу, а на фактах, событиях, которые описаны в этом тексте. При этом факты, события как бы отождествляются со словом. Между тем фактические данные и словесный материал, с помощью которого они фиксируются, находятся в сложных отношениях взаимодействия. В процессе этого взаимодействия язык слов накладывает свой отпечаток на «язык» выражаемых им фактических данных. Поэтому протокольный язык имеет очень важное значение для обеспечения достоверности сведений, фиксируемых в протоколах следственных действий.

МЕТОДЫ

Для всестороннего рассмотрения исследуемых нами проблем были традиционно использованы различные классические диалектические и общенаучные методы познания: сравнительно-правовой, анализ, синтез, индукция, дедукция, системная интерпретация. При разработке данной методики автор исходил из таких основных принци-

пов: любое понятие имеет бесконечное множество сторон, или аспектов; вклад каждого аспекта в понятие разный; по величине вклада аспекты понятия образуют иерархию. Поэтому сначала были рассмотрены общие положения, относящиеся к вопросам определения и значения протокольного языка, а потом – качественные характеристики требований, предъявляемых к протокольному языку.

Индукцию и дедукцию как методы решения поставленных задач следует интерпретировать только в тесной связи с анализом и синтезом, как движение познания от анализа к синтезу и, соответственно, от синтеза к анализу. Такая интерпретация индукции и дедукции уточняет и понимание самого метода: не только как анализ и синтез, но и как синтез и анализ. Непосредственным образом это относится и к использованию протокольного языка как средства повышения эффективности предварительного расследования. Протокольный язык играет ключевую роль в процессе доказывания, и потому может быть рассмотрен только через призму анализа самого процесса доказывания и синтеза требований, система которых дает представление о языке протокола.

В связи с этим требования, предъявляемые к использованию языка при составлении протокола, в ходе проведенного нами исследования подвергались системной интерпретации с целью подробного изучения их характеристики.

Использованная методология позволила определить место протокольного языка в доказывании и выявить, какое влияние он оказывает на создание положительного имиджа правоохранительных органов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Язык, выступающий в качестве основополагающего инструмента человеческой коммуникации, исторически способствовал прогрессу социума. Тем не менее в условиях развития информационно-коммуникационных технологий актуальность исследования языка вновь выходит на передний план. Данный дискурс приобретает особую значимость в сфере уголовно-процессуального права, где язык не только инструментально закрепляет правовые нормы, но и служит средством фиксации событийной картины [6, с. 97].

Язык является неотъемлемым элементом уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивающим прозрачность и легитимность процессуальных документов. Протокольный язык должен сохранять строгую нейтральность и быть сведенным к объективной передаче информации. Исключение субъективных оценок представляет собой фундаментальное свойство процессов, связанных с обеспечением справедливости и беспристрастности.

Формирование унифицированных лексических стандартов для протоколов является необходимым условием устранения множественности трактовок. Строгая стандартизация способствует согласованности и надлежащему пониманию правового содержания.

Овладение языковыми нюансами и их импликациями в правовом поле должно стать неотъем-

лемой частью подготовки юридических кадров, включая следователей, прокуроров и судей. Развитие лингвистических компетенций укрепляет способность к точной и грамотной фиксации процессуальных реалий. Это, в свою очередь, позитивно отразится на имидже правоохранительных органов, поскольку протокольный язык является зеркалом профессионализма и мастерства их сотрудников.

В настоящее время, характеризующееся бурным развитием цифровых технологий, предъявляются новые требования к структуре и функции языка следственной практики. Чтобы соответствовать современным вызовам, обусловленным технологическим прогрессом, следует уделять повышенное внимание вопросам ясности, точности и объективности протокольного языка. Систематическое изучение и внедрение в уголовно-процессуальную сферу стандартов языковой культуры будет способствовать повышению эффективности правоприменительных институтов.

ОБСУЖДЕНИЕ

В рамках изучения вопросов культуры следственных действий Е.Е. Подголиным были разработаны требования к «языку протокола»: однозначность; дословное, по возможности, отображение существенных данных, содержащихся в показаниях, и стилистическая нейтральность при фиксации других сведений; точность; понятность; лингвистическая правильность; уместность¹.

Однозначность языка. Когда хотят подчеркнуть сухость, однозначность, точность какого-либо обыденного письменного или устного сообщения, говорят о его протокольном языке. Отчасти, это верно, так как слова и словосочетания, используемые в протоколах, не так многозначны и более строги в употреблении, чем те, которые имеют место в обыденной речи. У них меньше смысловых оттенков и других подобного рода наслоений. Вместе с тем язык протоколов следственных действий не является эталоном однозначности, так как это всё-таки обыденный язык с его нестрогими речевыми рамками, хотя и имеющий некоторую специфику. Составляя, например, протокол осмотра места происшествия, следователь использует слова и их сочетания, имеющие широкий диапазон значений. Так, в протоколах часто используется устойчивое словосочетание «рисунок каблука следа обуви правой ноги рельефный». В толковом словаре «рельефный» определяется как выпуклый, выступающий над поверхностью, отчетливый, выразительный². Примеры можно было бы продолжать. В многозначности протокольного языка легко убедиться, сопоставив слова, взятые из протокола, с их значениями, приводимыми в толковых словарях.

Всё это не способствует достоверному отображению в протоколах фактических данных. Поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы язык

протоколов по своему содержанию приближался к фотографии. В настоящее время во многих «отраслевых языках» наблюдается тенденция к однозначности, то есть к приданию знакам письменной речи только одного значения.

Думается, что такая тенденция всё в большей степени будет проявляться в протокольном языке. Использование в протоколах слов и словосочетаний, имеющих строго очерченные значения, позволит фиксировать данные с большей приближенностью к объективной действительности. Стандартизация протокольного языка явилась бы одним из первых шагов к последующей его модернизации с помощью искусственных языков. Такая формализация окажет помощь в будущем при типизировании формальной (семантической) стороны протокольных описаний, а также при разработке надежных кодов для алгоритмизации протоколируемой информации и ее последующей электронной обработки³.

В юридической практике протоколы требуют высокой степени ясности, что делает нежелательным использование синонимов и многозначных слов. Оно создает опасность размывания смысла передаваемой информации и возникновения недоразумений. Такие языковые элементы запутывают содержание протоколов и усложняют его понимание, что недопустимо в уголовно-процессуальной деятельности.

Тем не менее полностью избавиться от проявлений синонимии и полисемии при составлении протоколов невозможно. Они свойственны естественному языку, на котором составляются протоколы. Однако важно иметь в виду, что эти лингвистические особенности необходимо приращивать к потребностям ясности и точности фиксации информации в протоколах.

Природу синонимии и полисемии⁴ можно наглядно представить с помощью эпизода из знаменитой философской сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» [7, с. 64]. Путешествуя по Зазеркалью, Алиса попадает в мистический и тревожный лес, где отсутствуют имена и названия. Она замечает, что ее способность вспоминать слова исчезла. В этом лесу все – деревья, цветы и сама Алиса – теряют свою наименования. Испытывая замешательство, она отождествляет себя с ланью. К счастью, именно лань помогает ей добраться до другого леса, где слова вновь обретают значение, и Алиса восстанавливает свои воспоминания.

Подобное явление можно наблюдать и у человека в начале его жизненного пути. Рождаясь, он оказывается в «безымянном лесу», так как еще не умеет выделять отдельные предметы из общего потока впечатлений и присваивать им названия. Лишь с развитием речевых навыков проявляется уникальное свойство человеческого разума – способность к вербальной категоризации окружающего мира. Она позволяет связать словесные знаки

¹ Подголин Е.Е. Культура следственных действий: Учебное пособие. Волгоград, 1978. С. 24.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1970. С. 635.

³ Подобный подход к документации наблюдается, например, в экономической науке.

⁴ В лингвистической теории нет единства мнений о сущности синонимии и полисемии. Здесь и далее они трактуются в наиболее общем семиотическом плане.

с определенным содержанием и осмыслить происходящее через их обозначение.

Рассмотрим сценарий, в котором индивид решил оптимизировать использование словесных «ярлычков-указателей» и стал применять одно слово для обозначения различных объектов, связанных по каким-либо признакам. Это явление известно как полисемия, или многозначность, при которой одно слово обладает несколькими значениями. В другом контексте индивид использует несколько различных слов для обозначения одного и того же объекта, акцентируя внимание на его отдельных характеристиках. Это называется синонимией: несколько слов связаны с одним объектом [7, с. 64].

Следует отметить, что и возникновение многозначности, и развитие синонимии – это естественные закономерности языка, проявляющиеся в процессе любой познавательной деятельности, включая сложные задачи, такие как составление протоколов следственных действий. Синонимия особенно полезна в таком контексте, поскольку позволяет уточнять и разъяснять, например, высказывания допрашиваемого, тем самым упрощая составление протокола. Во многих случаях именно синонимические конструкции могут обеспечить адекватное соотношение между абстрактными и конкретными элементами изложения, что критически важно для всех протоколов следственных действий.

С учетом знаковой природы естественного языка полное исключение многозначных слов и синонимов представляется невозможным. Более того, отказ от этих гибких средств выражения был бы нецелесообразен, поскольку они позволяют тонко дифференцировать понятия и точно передавать их взаимосвязь. Усилия, направленные на полное устранение синонимов и многозначности из протокольных текстов, можно сравнить с попытками создать вечный двигатель, поскольку они изначально обречены на неудачу. Однозначность в протокольном языке относится не к использованию исключительно одного слова, а к его однозначному восприятию и унифицированному толкованию. Поэтому при составлении протокола необходимо не столько устранять синонимии и многозначность как таковые, сколько ликвидировать все помехи для точной ассоциации слова с конкретным смыслом и точной идентификации обозначенного предмета.

В протоколах следует избегать сокращений. Если наименования органов, учреждений, организаций и других объектов упоминаются многократно, в первый раз они должны быть приведены в полном объеме, после чего в скобках указывается сокращенный вариант, предназначенный для дальнейшего использования.

Стандартизация протокольных бланков имеет большое значение в обеспечении однозначности терминов и понятий. Необходима унификация, способствующая реализации прав и обязанностей участников следственных действий, а также соблюдению процессуальных норм и криминалистических рекомендаций по сбору и фиксации доказательств. Данное требование к стандартизации

протокольного языка можно назвать формализацией и унификацией, представляющими собой его характерные черты.

Вполне оправданной является разработка протокольных бланков, унифицированных не только по процессуальной форме, но и по содержанию. Бланки протоколов некоторых следственных действий, например осмотра, освидетельствования, предъявления для опознания и другие, не сковывая творческой инициативы следователя, могут быть унифицированы по значительному количеству реквизитов.

В целях однозначного употребления языка желательно подготовить толковый словарь (или справочник) наиболее часто употребляемых криминалистических выражений (терминов), а также другого языкового материала, используемого в ходе протоколирования. Это окажет помощь в стандартизации языка. Кроме того, такой словарь может использоваться участниками следственных действий с целью разъяснения смысла тех или иных слов.

Нередко в средствах массовой информации стереотипный (или, как его иногда называют, департаментский, штампованный) язык протоколов подвергается необоснованной критике. По-видимому, в подобных случаях беспричинно проводится параллель между протокольным языком и языком художественной литературы. Между тем достоинство стереотипной фразеологии состоит в том, что она отшлифована не одним поколением юристов, в силу частоты употребления одинаково (однозначно) понимается участниками уголовного процесса и гражданами, присутствующими в зале судебного разбирательства, требует меньше затрат времени при подыскании нужных слов в ходе составления процессуальных документов.

Немалую помощь в подборе однозначного словесного материала оказывают справочники, содержащие изображения и наименования отдельных предметов с описанием их признаков. По нашему мнению, работа по составлению таких справочников, основанная на изучении уголовных дел и результатах научных исследований, должна быть продолжена.

В ходе следственных действий и протоколирования их результатов нередко возникают затруднения с наименованием цвета. Так, в протоколах мы находим «малиновый», «кирпичный», «цвет морской волны» и т.д., хотя известно, что кирпич может быть различных цветов, как различна и окраска ягод малины в зависимости от стадии их созревания. Еще более неопределенным является цвет морской волны. Существенную помощь в решении проблемы оказал бы атлас цветов. Найдя в нем необходимый цвет, можно правильно назвать его и, кроме того, сделать ссылку в протоколе на соответствующую страницу атласа. Такая ссылка для большей наглядности может дополняться сравнениями с устойчивыми цветами различных предметов.

Трудности возникают также при указании признаков голоса. Например, допрашиваемые нередко говорят, что они могут узнать интересующее следствие лицо по особенностям речи

и при этом называют голос тонким, грубым, осипшим, густым и т.д. Подобные названия не дают, конечно, однозначного представления о признаках голоса. Поэтому даже в случаях, когда допрашиваемый опознает лицо по голосу, достоверность такого опознания будет вызывать сомнения, так как трудно судить, опознанный ли голос описал допрашиваемый в своих предыдущих показаниях. В связи с этим представляется целесообразным снабдить следователя фонотекой с записями речи, демонстрирующими различные признаки голоса. В процессе допроса могли бы воспроизводиться фонограммы, а после узнавания голоса допрашиваемым фонограмму с записью только этого голоса следовало бы приобщить к протоколу как приложение к нему, имеющее такое же значение для дела, как, например, выполненные допрашиваемым схемы или рисунки.

Отечественное процессуальное законодательство предъявляет строгие требования к точности фиксации в письменной форме существенных данных, содержащихся в показаниях. Задача заключается в том, чтобы по возможности максимально приблизиться к дословности передачи устной речи в письменном документе. При этом необходимо обеспечить ясность и взаимосвязанность излагаемых мыслей. Выполнение данного требования на практике сопряжено с трудностями, возникающими по причине значительных различий между устной и письменной формами речи.

Поэтому при фиксации показаний труднее соблюсти условие однозначности. Представляется, что дословно в протоколе должны фиксироваться только наиболее существенные для дела данные. При этом многозначные речевые конструкции, записанные практически дословно, целесообразно пояснять в протоколе речью следователя. Такой порядок записи показаний соответствует фактическим возможностям следователя. Попытки записать показания в полном объеме дословно, даже с учетом оговорки закона, – нереальны, так как протокол, в котором зафиксированы показания, является результатом речевого взаимодействия следователя и лица, давшего показания, то есть продуктом их совместного труда. Кроме того, устные показания неизбежно отражают в той или иной мере речь следователя, составившего протокол. Отличие устных показаний от их письменного изложения неизбежно также потому, что устная речь во много отличается от письменной. Так, известно, что даже произведения драматургии далеко не всегда адекватно передают устную речь. Это различие становится хорошо заметным, например, при сопоставлении устных показаний свидетелей и этих же показаний, записанных ими собственноручно.

С учетом сказанного более удачной представлялось бы использование в законе формулировки, требующей не «по возможности» дословной записи показаний, а точной записи показаний. По мере совершенствования технического прогресса

звукозапись может «взять на себя» стиль показаний, а протокол будет передавать только их содержательную сторону.

Ранее допрашиваемый имел возможность самостоятельно записывать свои показания после завершения допроса должностным лицом. Это предусматривалось в УПК РСФСР 1923 года (ст.ст. 139 и 168) и УПК РСФСР 1960 года (ст.ст. 152 и 160) и положительно воспринималось как научным сообществом, так и практикующими юристами. По мнению Р.Д. Рахунова, данная возможность имела принципиальное значение, будучи одной из гарантий аутентичности языка и стиля допрашиваемого в протоколе. Несмотря на требование закона о дословной записи показаний, на практике возникают сложности, поскольку протоколы зачастую отражают стиль письменной речи следователя, а не свидетеля. Собственноручная запись свидетелем своих показаний укрепляет их доказательственное значение, особенно в случаях, когда в суде свидетель изменяет показания или отказывается от них¹. Следует согласиться с такой позицией и выступить за возвращение допрашиваемому права собственноручной записи показаний [8, с. 5]. Кроме того, представляется целесообразным проводить аудио- и видеозапись хода допроса или другого следственного действия, и оформлять полученные таким образом материалы в качестве приложения к протоколу. Подобный порядок фиксации информации давно применяется в ходе судебного разбирательства, и было бы логично распространить его и на досудебные стадии.

При оценке долгосрочных перспектив дистанционного допроса, который представляет собой относительно новое явление в российском досудебном производстве по уголовным делам, можно сделать вывод о том, что ожидается значительное упрощение этой процедуры. Благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих безопасную передачу данных и надежную идентификацию участников общения, в некоторых случаях допрашиваемому не потребуется являться в следственные органы. Идентификация личности будет осуществляться с использованием технических средств, инструкции и права будут разъясняться следователем дистанционно. Проведение видеоконференций, соответствующих требованиям российского уголовного процесса, станет возможным посредством использования персональных устройств, таких как смартфоны. Тем не менее, вероятно, останется необходимость в составлении следователем письменного протокола, который будет подлежать заверению. К нему обязательно должна прилагаться видеозапись допроса, которая подтвердит легитимность и подлинность протокола [8, с. 5].

Для протокольного языка свойственна **эмоционально-экспрессивная нейтральность**, текст должен быть ориентирован не на эмоции, а на логическое восприятие. В юридическом дискурсе слова обычно употребляются в своих прямых значениях. Даже самые нестандартные с мораль-

¹ Рахунов Р.Д. Свидетельские показания в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 95-96.

ной точки зрения происшествия и явления юрист должен описать нейтрально, не оказывая эмоционального воздействия на текст, не раскрывая в нем своей правовой оценки события.

В показаниях нередко содержатся идиомы и эмоционально окрашенные слова, например «жил на широкую ногу», «залил глаза водкой», «се-стричка», «хорошенький» и т.д. Подобные слова и словосочетания желательнее фиксировать в протоколе, так как они образно и убедительно выражают мысли допрашиваемого, а также его отношение к лицам, предметам, о которых он говорит. При необходимости для обеспечения точности записи такие выражения поясняются в протоколе. В отличие от протоколирования показаний при фиксации других данных, например полученных при осмотре, необходимо употреблять стилистически нейтральный язык, избегая эмоционально окрашенных слов, например таких, как «маленький домик», «сумочка», «ключик» и т.д. [9, с. 341].

Логическая связность и последовательность изложения не ограничивается стандартизацией протокольной формы. Они должны распространяться гораздо шире, в том числе и на смысловую нагрузку текста.

Точность описания предполагает конкретность словесного материала, выделение фактической стороны фиксируемых сведений. Так, если свидетель говорит, что обвиняемый – пьяница, к жене относится плохо, недостаточно ограничиться записью в протоколе только этих слов. Для точности описания необходимы фактические основания оценки, так как в данном примере свидетель исходил из какого-то стандарта, идеала, когда формулировал свои оценки. Такой стандарт может быть один у свидетеля, который сам выпивает и плохо относится к жене, и совершенно другой – у свидетеля, не пьющего и хорошо относящегося к жене.

Главное – точность выражения мысли. Точность протокольного языка достигается благодаря четкости и однозначности формулировок. Информация в протоколе должна находиться в жестких, строго очерченных границах, чтобы все субъекты восприятия получили одинаковые впечатления (в отличие от восприятия литературного произведения).

Любая неточность высказывания может стать критическим фактором, способным привести к проигрышу дела, даже если изначально шансы на успех были высоки. Данная мысль была озвучена еще во II веке нашей эры знаменитым римским юристом Гаем. В подтверждение он приводил пример из собственной практики: некий гражданин обратился в суд с иском о возмещении ущерба, причиненного порчей его виноградников, но потерпел неудачу из-за того, что ошибочно употребил выражение «срубил деревья» (*devitibussuccisis*) [10, с. 75].

Наблюдения Гая сохраняют свою актуальность и в современную эпоху. Несмотря на обширное использование различных систем коммуникации, естественный язык остается основным инструмен-

том общения в правовой сфере. Недостаточно четкая формулировка закона или даже всего одно неверно употребленное слово может повлечь за собой серию юридических ошибок и серьезные правовые последствия.

Однако не всегда высказывания допрашиваемых содержат оценочные понятия. Не противоречит точности описания фиксация в протоколе вопроса их суждений, основанных на собственном опыте, знании языка и правил его употребления. Представляется, что не прав М.С. Строгович, который писал, что «восприятие и воспроизведение свидетелем того или иного факта обязательно в какой-то степени включает умозаключение, вывод... Например, свидетель показывает, что он видел человека высокого роста. Это уже не просто восприятие факта, но и умозаключение: свидетель мысленно сравнил рост этого человека с ростом других людей и пришел к выводу, что рост этого человека выше обычного»¹.

В приведенном примере свидетель не делал умозаключения. На основе своего опыта и знания языка, закрепившего многовековой опыт людей, он привычно связал слово «высокий» с восприятием описываемого им человека. Если считать высказывания подобного рода умозаключениями, не имеющими доказательственного значения, то следовало бы почти все слова и словосочетания отнести к категории умозаключений. Например, если свидетель говорит, что не видел человека, значит ли это, что он сравнил объект наблюдения с птицами, животными и т.д. для того, чтобы сделать соответствующее умозаключение? Как уже было сказано выше, в подобных случаях умозаключения не делаются.

Понятно, что стремление к точности описания – не самоцель. В затруднительных случаях лучше фиксировать признаки предмета и воздержаться от их наименования. Так, например, точно не зная типа узора пальцевого отпечатка, обнаруженного на месте происшествия, не следует называть его, лучше более подробно описать другие, индивидуализирующие его признаки. Не располагая точными измерительными приборами, которые требуются для определения незначительных размеров, нет необходимости фиксировать их в протоколе [11, с. 66]. В противном случае, к примеру, могут возникнуть существенные противоречия между протоколом и последующим заключением эксперта.

Понятность протокольного языка тесно связана с его точностью и однозначностью. Способность понимать слова, создавать тексты и извлекать из них общепринятый смысл заложена в людях от рождения и свободно реализуется в любой нужный момент. Никаких вспомогательных средств или дополнительных ресурсов для этого не требуется, что делает язык простым и удобным для повседневного употребления [7, с. 10]. А сами слова не имеют непосредственной связи с внешним миром, они в высшей степени абстрактны. Некоторые авторы считают, что знаковые выражения являются понимаемыми, если по отношению

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 409.

к ним могут быть сформулированы соответствующие правила введения и исключения¹. Правила введения состоят в том, что лицу демонстрируется ситуация, показывается предмет и при этом употребляются необходимые слова. Правила исключения знакового выражения состоят в умении лица находить предметы по их именам и описаниям. Эти предметы могут быть использованы для обеспечения понятности протокольных записей. С этой целью желателен предьявлять участникам следственных действий справочники, имеющие словесные описания фотоснимков, графических изображений объектов, толковые словари, предметы, сходные с теми, о которых даются показания, но которых не имеется в наличии в момент получения показаний [12, с. 378]. Предьявление указанных объектов должно отражаться в протоколе, например в форме вопроса.

При фиксации специальных терминов необходимы касающиеся их пояснения, изложенные в общепотребительных выражениях, которые, например, может давать специалист. В протоколе следует отметить, что специальные наименования пояснены специалистом.

Осмысленность фактических данных предполагает умение облечь их в речевую форму как следователем, так и другими участниками следственного действия [13, с. 169]. Однако случается, что в сознании участника следственного действия, например допрашиваемого или опознающего, имеется какой-то наглядный образ, но расчленив его посредством словесного описания он затрудняется [14, с. 130]. В подобных случаях такому лицу целесообразно было бы предьявить образцы словесных описаний и поставить перед ним задачу выбрать из них описания, соответствующие его мыслям, которые он затрудняется выразить словами. Например, различные описания признаков внешности могут быть предьявлены свидетелю, заявившему, что он уверенно опознает обвиняемого, но не может словами описать его внешность.

Лаконичность и компактность протокольного языка. Важная характеристика протокольного описания – его краткость. Одним из условий содержательной краткости описания является хорошее знание всех материалов дела. Необходимо также учитывать в процессе протоколирования все обоснованно выдвинутые версии относительно обстоятельств совершенного преступления.

Для того чтобы протокол был понятен участникам следственного действия, целесообразно формулировать короткие предложения. Лучше и легче воспринимается текст, когда он изложен лаконично. На синтаксическом уровне компактность достигается путем перестроения нескольких простых предложений в одно сложное, поскольку могут возникнуть затруднения с пониманием таких предложений у прокуроров и судей [15, с. 106]. Короткими предложениями должны фиксироваться показания несовершеннолетних.

Лингвистическая правильность записанного в протоколе имеет немаловажное значение для обеспечения его достоверности. Неверное

употребление слов и словосочетаний, грамматические и стилистические ошибки могут исказить содержание протокола. Соблюдение названного требования имеет также значение для тактики производства следственного действия. Известно, что при общении на оценку личности, помимо других обстоятельств, влияет лингвистическая правильность речи, в том числе и письменной. Ошибки, допускаемые в протоколе, не только не способствуют воспитательному воздействию, установлению контакта с тем или иным участником следственного действия, но и могут даже вызвать антипатию к следователю. Недопустимы также лингвистические неточности в реквизитных текстах протокольных бланков [16, с. 76].

При отборе словесного материала необходимо считаться с уместностью употребления в описании тех или иных слов и фраз. Неуместно, например, использование нецензурной лексики (с многоточиями и без них). Особой осторожности требует обращение со словами, выражающими сведения о фактической стороне преступления против нравственности, хотя в этом случае вредит и излишняя стыдливость.

И последнее: протокольный язык должен отвечать такому требованию, как системность. Категории юридического языка, описывая определенную область действительности, находятся во взаимосвязи и взаимодействии друг с другом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, качество языка, используемого при написании протокола следственного действия, является индикатором профессионализма следователя. По языку и стилю протокола можно судить об общем профессиональном и интеллектуальном уровне следователя, что, в свою очередь, влияет на формирование имиджа всей системы правоохранительных органов. Очень важно, чтобы этот имидж соответствовал тем ожиданиям и задачам, которые ставит государство в сфере повышения уровня правовой культуры и правосознания населения, создавал адекватное представление об эффективности расследования и предупреждения преступлений.

В связи с этим очевидно, что исследования в области совершенствования протокольного языка следственных действий никогда не потеряют своей актуальности, поскольку многие проблемы обусловлены субъективными факторами и связаны с кадровой политикой, естественными процессами смены поколений. Значит, останутся востребованными разработки, ориентированные на помощь молодым сотрудникам в овладении умениями и навыками грамотной речи, не только письменной, но и устной. Представляется целесообразным обозначить следующие перспективные векторы научно-практического поиска: обоснование предложений о внесении в действующее законодательство изменений, касающихся закрепления возможности собственноручной фиксации показаний; решение вопроса об уместности использования в научной литературе термина «протокольный

¹ Горский Д.П. Проблема значения (смысла) знаковых выражений как проблема их понимания // Логическая семантика и модальная логика. М., 1967. С. 62.

язык» или «язык протокола»; разработка программ повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, нацеленных на развитие дополнительных компетенций в области русского языка и письменной речи; создание базы вспомогательных материалов, облегчающих работу следователя.

Интерес к, казалось бы, забытой теме снова объединит ученых и представителей территориальных органов с тем, чтобы можно было с уверенностью констатировать, что «язык протокола» (или «протокольный язык») является зеркалом высокого профессионализма и мастерства сотрудников правоохранительных органов. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виноградов И.А. Свойства, функции и языковые черты юридического дискурса // Вестник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Сер. А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). 2018. № 1. С. 124-129.
2. Соловьева Н.А. Амфиболичность юридического дискурса или искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности // Legal Concept. 2024. № 3. С. 14-20.
3. Косоногова О.В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // Историческая и социально-образовательная мысль. Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 61-65.
4. Хомутова Т.Н., Шефер Е.А. Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 3. С. 44-53.
5. Ахмедов У.Н. Уголовно-процессуальный анализ формы и доказательственного значения протоколов следственных действий // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 3. С. 186-191.
6. Галяутдинов Р.Р. Протокол следственного действия как первоочередное и производное доказательство // Современный юрист. 2023. № 4 (45). С. 94-102.
7. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М.: НОРМА, 2004. 160 с.
8. Новиков С.А. Фиксация показаний допрашиваемого в ходе предварительного расследования: актуальные вопросы // Российский следователь. 2023. № 5. С. 2-6.
9. Попова О.А. Процессуальные аспекты фиксации доказательственной информации, представленной в электронной форме // Евразийский юридический журнал. 2023. № 8 (183). С. 341-342.
10. Аннерс Э. История европейского права. М., 1996. 395 с.
11. Кощеева К.И. К вопросу о качестве составления протоколов следственных действий // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2021. № 1 (54). С. 64-69.
12. Борова Д.М., Гаужаева В.А. Совершенствование порядка протокольной фиксации хода и результатов обыска // Пробелы в российском законодательстве. 2022. № 5. С. 377-380.
13. Азарова Е.С. Усмотрение суда как часть структуры уголовно-процессуальной парадигмы // Правовая парадигма. 2019. № 4. С. 166-173.
14. Новиков С.А. Дистанционный допрос в ходе предварительного расследования: в шаге от реализации // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 11. С. 128-132.
15. Азарова Е.С. Алгоритм усмотрения суда и разрешение ходатайств в уголовном процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. № 2. С. 101-108.
16. Хайдаров А.А. Практика признания протоколов следственных действий недопустимыми доказательствами // Уголовный процесс. 2024. № 6 (234). С. 74-79.

REFERENCES

1. Vinogradov I.A. Svoystva, funktsii i yazykovyye cherty yuridicheskogo diskursa // Vestnik Magilou'skaga dzyarzhaj'naga ūniversiteta imya A.A. Kulyashova. Ser. A. Gumanitarnyya navuki (gistoryya, filasofiya, filalogiya). 2018. № 1. С. 124-129.
2. Solov'yeva N.A. Amfibolichnost' yuridicheskogo diskursa ili iskusstvo vladeniya slovom v professional'noy yuridicheskoy deyatelnosti // Legal Concept. 2024. № 3. С. 14-20.
3. Kosonogova O.V. Kharakteristiki yuridicheskogo diskursa: granitsy, sodержaniye, parametry // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. Gumanitarnyye nauki. 2015. № 1. С. 61-65.
4. Khomutova T.N., Shefer Ye.A. Yuridicheskii diskurs: problemy i perspektivy issledovaniya // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2019. № 3. С. 44-53.
5. Akhmedov U.N. Ugolovno-protsessual'nyy analiz formy i dokazatel'stvennogo znacheniya protokolov sledstvennykh deystviy // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 3. С. 186-191.
6. Galyautdinov R.R. Protokol sledstvennogo deystviya kak pervoocherednoye i proizvodnoye dokazatel'stvo // Sovremennyy yurist. 2023. № 4 (45). С. 94-102.
7. Gubayeva T.V. Yazyk i pravo. Iskusstvo vladeniya slovom v professional'noy yuridicheskoy deyatelnosti. M.: NORMA, 2004. 160 s.
8. Novikov S.A. Fiksatsiya pokazaniy doprashivayemogo v khode predvaritel'nogo rassledovaniya: aktual'nyye voprosy // Rossiyskiy sledovatel'. 2023. № 5. С. 2-6.

9. Popova O.A. Protssessual'nyye aspekty fiksatsii dokazatel'stvennoy informatsii, predstavlennoy v elektronnoy forme // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2023. № 8 (183). S. 341-342.
10. Anners E. Istoriya yevropeyskogo prava. M., 1996. 395 s.
11. Koshcheyeva K.I. K voprosu o kachestve sostavleniya protokolov sledstvennykh deystviy // Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava. 2021. № 1 (54). S. 64-69.
12. Berova D.M., Gauzhayeva V.A. Sovershenstvovaniye poryadka protokol'noy fiksatsii khoda i rezul'tatov obyska // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2022. № 5. S. 377-380.
13. Azarova Ye.S. Usmotreniye suda kak chast' struktury ugovovno-protssessual'noy paradigmy // Pravovaya paradigma. 2019. № 4. S. 166-173.
14. Novikov S.A. Distantionnyy dopros v khode predvaritel'nogo rassledovaniya: v shage ot realizatsii // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. 2021. № 11. S. 128-132.
15. Azarova Ye.S. Algoritm usmotreniya suda i razresheniye khodataystv v ugovovnom protsesse // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. 2018. № 2. S. 101-108.
16. Khaydarov A.A. Praktika priznaniya protokolov sledstvennykh deystviy nedopustimymi dokazatel'stvami // Ugolovnyy protsess. 2024. № 6 (234). S. 74-79.

© Соловьева Н.А., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Соловьева Н.А. Протокольный язык следственных действий как зеркало профессионализма сотрудников правоохранительных органов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 46-55.

Альбина Владимировна КУЛЬЧАРОВА,
кандидат юридических наук, ORCID 0000-0003-0867-0335
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
преподаватель кафедры уголовного процесса учебно-научного
комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел
albi_cha@mail.ru

Научная статья
УДК 343.13

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОЗНАВАТЕЛЯ КАК СРЕДСТВО УСТРАНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Дознаватель, преступление, уголовное дело, сообщение о преступлении, предупреждение преступлений, профилактика преступлений, представление дознавателя.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье рассматривается деятельность дознавателя как субъекта ведомственной системы профилактики преступлений. Эта деятельность включает в себя: выявление обстоятельств (причин и условий), способствовавших совершению преступления; внесение в организацию или должностному лицу представления о принятии мер по устранению таких обстоятельств и других нарушений закона; осуществление контроля за поступлением ответа о выполнении требований, изложенных в представлении. Акцентируется внимание на современных проблемах правового регулирования данной деятельности. Это, в частности, отсутствие в приказе МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» более предметных нормативных предписаний, определяющих основные формы и методы работы дознавателя, а также неоднозначная регламентация в ч. 2 ст. 158 УПК РФ порядка внесения представления в органы, предприятия, учреждения, организации и последовательности действий в случае его умышленного неисполнения. *Методы.* В ходе проведенного автором исследования, результаты которого представлены в статье, применялись общенаучные и частнонаучные методы познания: анализ и синтез, системно-структурный, формально-юридический, сравнительно-правовой, логический, статистический. *Результаты.* По итогам исследования сформулированы выводы о том, что представление является важным процессуальным средством реагирования дознавателя на обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, и служит гарантом их устранения. Автором статьи разработаны предложения по совершенствованию законодательства, касающиеся изменений, которые, по его мнению, было бы целесообразно внести в ч. 2 ст. 158 УПК РФ, и уточнению содержания положений приказа МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений».

ВВЕДЕНИЕ

Стратегия национальной безопасности, утвержденная указом Президента Российской Федерации В.В. Путина¹, признает совершенствование единой государственной системы профилактики преступности одним из основных направлений деятельности по обеспечению государственной и общественной безопасности. Важное место в этой деятельности занимают органы внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ). Они являются одним из стержневых субъектов государственной системы профилактики правонарушений [1, с. 22], поскольку именно их

сотрудниками выявляется и расследуется основной массив преступлений. Согласно сведениям Главного информационно-аналитического центра МВД России, в январе-сентябре 2024 года ОВД РФ выявлено 92% зарегистрированных в Российской Федерации преступлений, доля преступлений, уголовные дела по которым предварительно расследованы их сотрудниками, составила 78%².

Профилактика преступлений и административных правонарушений является одним из приоритетных направлений деятельности ОВД РФ³. К числу субъектов профилактики преступлений относятся дознаватели. Правовую базу их профи-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - сентябрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт // URL: <https://мвд.рф/reports/item/56672721/> (дата обращения: 03.11.2024).

³ Приказ МВД России от 24.08.2023 № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений».

Albina V. KULCHAROVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0000-0003-0867-0335

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)

Lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Educational and Scientific

Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies

albi_cha@mail.ru

THE INTERROGATOR'S DEMAND AS A MEANS OF ELIMINATING THE CIRCUMSTANCES THAT CONTRIBUTED TO THE COMMISSION OF THE CRIME

KEYWORDS. Investigator, crime, criminal case, crime report, crime prevention, interrogator's demand.

ANNOTATION. Introduction. The article considers the activities of an investigator as a subject of the departmental crime prevention system. This activity includes: identifying the circumstances (reasons and conditions) that contributed to the commission of a crime; submitting to an organization or official a demand on taking measures to eliminate such circumstances and other violations of the law; monitoring the receipt of a response on compliance with the requirements set out in the demand. Attention is focused on modern problems of legal regulation of this activity. This is, in particular, the absence in the order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 24, 2023 № 619 «On certain organizational issues of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation for the prevention of offenses» of more specific regulatory prescriptions defining the main forms and methods of work of an investigator, as well as ambiguous regulation in Part 2 of Art. 158 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of the procedure for submitting a interrogator's demand to bodies, enterprises, institutions, organizations and the sequence of actions in case of its deliberate failure to comply. **Methods.** In the course of the study conducted by the author, the results of which are presented in the article, general scientific and specific scientific methods of cognition were used: analysis and synthesis, system-structural, formal-legal, comparative-legal, logical, statistical. **Results.** Based on the results of the study, conclusions were formulated that the demand is an important procedural means of the investigator's response to the circumstances that contributed to the commission of a crime, and serves as a guarantor of their elimination. The author of the article has developed proposals for improving the legislation regarding changes that, in his opinion, would be appropriate to make to Part 2 of Article 158 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and clarifying the content of the provisions of the order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 24, 2023 № 619 «On some organizational issues of the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation on the prevention of offenses».

лактической деятельности составляют Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации», а также ведомственные нормативно-правовые акты. В том числе – приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений». Он пришел на смену утратившему силу приказу МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений». В отличие от предыдущего новый приказ достаточно краток и ограничен по содержанию, он не включает в себя подробных разъяснений (инструкций) по применению его положений. Кроме того, необходимо учитывать, что в ч. 2 ст. 158 УПК РФ весьма неоднозначно прописан порядок внесения в организацию или должностному лицу представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, или других нарушений закона (далее – представление) и действий инициатора представления в случае его умышленного неисполнения. В этих обстоятельствах за дознавателем остается право самостоятельного выбора действий в подобного рода ситуациях, что нельзя признать оптимальным решением. По нашему мнению, существующая неопределенность регламентации профилактической работы должностных лиц органов дознания ОВД РФ препятствует повышению ее

эффективности. Таким образом, очевидно, что проблемы предупреждения преступности требуют комплексного исследования и законодательно-го разрешения.

МЕТОДЫ

При проведении исследования использовались общенаучные и частнонаучные методы: анализ и синтез, системно-структурный, формально-юридический, логический, статистический. Методы анализа и синтеза, системно-структурный метод позволили изучить институт профилактики правонарушений и предупреждения преступлений, содержание его структурных элементов и их взаимосвязи. Формально-юридический, сравнительно-правовой и логический методы способствовали детальному исследованию дефиниций «профилактика правонарушений» и «предупреждение преступлений», их сопоставлению, выяснению сходств и различий, системному анализу действующих нормативно-правовых актов и правоприменительной практики. Статистический метод предоставил возможность исследовать эффективность профилактической работы с учетом данных статистики МВД России.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Институт профилактики правонарушений и предупреждения преступлений с давних пор привлекает внимание ученых-процессуалистов и практикующих юристов. Оживленная дискуссия относительно понимания и определения дефиниций «профилактика» и «предупреждение» правонарушений и преступлений ведется в сообществе правоведов и в наше время [2].

Одной из первых суть данных понятий раскрыла А.П. Алексеева, указав на то, что профилактика преступления «состоит в деятельности государства и общества, направленной против возможного, но еще не задуманного личностью преступления», а предупреждение представляет собой «деятельность государства и общества, направленную против возможного (но еще не задуманного), задуманного (готовящегося), а также происходящего и совершенного преступления» [3, с. 161].

Несколько позднее определение дефиниции «профилактика» появилось в п. 2 ст. 2 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации». С точки зрения законодателя, она представляет собой систему мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения.

Дефиниции «предупреждение» в действующем российском законодательстве нет. На сегодняшний день единого мнения относительно определения данного понятия и его содержания всё еще не сложилось, несмотря на то, что проблемам предупреждения преступности уделяется достаточное большое внимание [4, с. 82-83]. В последние годы немало научных трудов было посвящено вопросам противодействия различным видам преступлений. Это работы В.Д. Ларичева [4, 5], Е.Н. Клепцовой [6], И.С. Чуб [7], Е.З. Сидоровой [8], Д.Ю. Гончарова [9], С.Д. Гринько [10], Р.Р. Галяутдинова [11], А.В. Майорова [12] и других ученых.

Сам термин «предупреждение преступности» не является бесспорным хотя бы потому, что нельзя, как пишет Р.В. Авдеев, предупредить уже имеющееся [13, с. 194]. В учебной литературе под предупреждением преступлений понимается «деятельность государства и общества, направленная против преступности с целью удержания ее на минимально возможном уровне посредством воздействия на причины и условия, ее порождающие»¹. В.Д. Ларичевым «предупреждение преступности» трактуется как вид социального управления, направленного на борьбу с преступностью, устранение, ослабление или нейтрализацию причин, ее порождающих, и условий, способствующих совершению преступлений, а также оказание корректирующего воздействия на лиц с противоправным поведением [4, с. 83].

Семантическая близость и сходство понятий «предупреждение» и «профилактика» отмечается В.Д. Малковым. И в том, и в другом случае это – «недопущение чего-либо», то есть данные понятия в целом синонимичны. Однако применительно к правонарушениям и преступности их содержание различается как по объектам и субъектам осуществления деятельности, так и по принимаемым для достижения цели мерам. Профилактику правонарушений и преступлений следует считать составной частью предупрежде-

ния преступности и совершения отдельных преступлений [14, с. 79-80].

Иначе видят сущность рассматриваемых понятий Е.Ю. Титушкина и С.С. Иванов. Они считают, что профилактика правонарушений является общим понятием и включает в себя меры предупреждения преступлений, поскольку правонарушение – понятие более широкое, чем преступление [15, с. 57]. С данным выводом сложно не согласиться, поскольку в п. 1 ст. 2 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ понятие «правонарушение» раскрывается как преступление или административное правонарушение, представляющие собой противоправное деяние, то есть охватывает оба этих явления. Приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619, судя по его названию, регламентирует деятельность ОВД РФ именно по профилактике правонарушений, а не по предупреждению преступлений (предшествовавший ему приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19, утративший силу, уже своим названием указывал на то, что ориентирован на предупреждение преступлений). Данное обстоятельство еще раз подтверждает необходимость расширительного толкования понятия «правонарушение» в системе профилактики.

Вышеизложенное означает, что понятия «предупреждение преступлений» и «профилактика правонарушений» соотносятся между собой как часть и целое, при этом первое является составной частью второго. Полагаем, что именно на это указывает название приказа МВД России от 24 августа 2023 г. № 619, а сам приказ в связи с этим рассматривает в качестве основы деятельности ОВД РФ профилактику и административных правонарушений, и преступлений.

Примечательно, что новый ведомственный нормативно-правовой акт, регламентирующий деятельность ОВД РФ по профилактике преступлений и административных правонарушений, в отличие от предшествовавшего, не содержит подробных разъяснений (инструкции), которые определяли бы основные формы и методы работы для каждого субъекта системы профилактики. Данное обстоятельство обуславливает затруднения, возникающие при его применении. Они подлежат разрешению путем конкретизации обязанностей каждого сотрудника ОВД РФ, осуществляющего профилактическую работу. В профилактике правонарушений принимают участие сотрудники многих подразделений органов внутренних дел. Это подразделения участковых уполномоченных, по делам несовершеннолетних, патрульно-постовой службы, по контролю за оборотом наркотиков, Госавтоинспекции, по вопросам миграции, по исполнению административного законодательства, дознания и органов предварительного следствия, экономической безопасности и противодействия коррупции, по противодействию экстремизму, уголовного розыска, информации и общественных связей и т.д.

Проведенное нами исследование было посвящено деятельности дознавателя, который является одним из главных субъектов системы профилак-

¹ Криминология: Курс лекций. СПб: СПб ВШ МВД России, 1995. С. 153.

тики правонарушений в ОВД РФ. Изучена его работа, связанная с принятием мер по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступления, по внесению представлений (в том числе обобщенных) о принятии мер по устранению таких причин и условий или предотвращению других нарушений закона, по контролю за поступлением ответов о выполнении требований, изложенных в представлении.

Отметим также, что, помимо перечисленного, деятельность дознавателя по профилактике правонарушений включает в себя ряд других направлений: своевременное применение мер процессуального принуждения к лицам, в отношении которых ведется дознание; установление предусмотренных ст. 421 УПК РФ обстоятельств по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними; выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних в преступную деятельность; информирование подразделений по делам несовершеннолетних о каждом факте совершения преступления несовершеннолетним и об избрании в отношении него меры пресечения; оперативная передача в соответствующие подразделения органов внутренних дел и органов государственной власти информации, имеющей значение для предупреждения и раскрытия преступлений; выступление в средствах массовой информации по вопросам предупреждения преступлений; разъяснение информации о способах и средствах защиты от преступных и иных посягательств; и т.д.

Полномочия дознавателя по профилактике правонарушений фрагментарно закреплены в ч. 2 ст. 158 УПК РФ. Из нормы закона следует, что дознаватель при выявлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, вправе вносить представления в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу. При этом законодатель предоставляет дознавателю именно право, и не устанавливает обязанности вносить представления, по всей видимости, полагая, что дознаватель в каждом конкретном случае должен самостоятельно делать вывод о необходимости принятия такой меры, исходя из фактических обстоятельств преступления и причин, способствовавших его совершению. Считаем, что за дознавателем следует закрепить именно обязанность внесения представлений, поскольку предоставленное право самостоятельного выбора может способствовать недобросовестному отношению к выполнению должностных обязанностей и, как следствие, привести к неполноте предварительного расследования.

Согласно статистическим сведениям МВД России, в 2023 году дознавателями право на внесение представлений было реализовано по 294352 уголовным делам (-1,1%, в 2022 году – 330882), их доля в общем числе окончанных уголовных дел составила 92,8% (-2,2% по сравнению с показателем 2022 года). При этом дознавателями главных управлений и управлений МВД России по Ставрополь-

скому, Камчатскому, Хабаровскому краям, Магаданской, Курганской, Калужской, Брянской, Свердловской и Курской областям были внесены представления по всем уголовным делам, окончанным производством. А в некоторых регионах доля дел, по которым дознаватели внесли представления, оказалась значительно ниже: Республика Хакасия – 63,6%, Мурманская область – 61,8%, Республика Татарстан – 59%, Тюменская область – 39,7%, Вологодская область – 32,2%¹.

Мы не сторонники внесения «формальных» представлений, когда дознаватели, достоверно не установив обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, направляют представления только для соблюдения требований ч. 2 ст. 158 УПК РФ. Например, практике известны случаи направления представлений в адрес сотрудников полиции, выявивших преступление. Такие факты имели место в управлениях МВД России по Ивановской, Калининградской, Костромской и Мурманской областям. В перечисленных органах внутренних дел представления по уголовным делам о преступлениях, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость», вносились дознавателями в адрес сотрудников Госавтоинспекции, которые выявили деяния, образующие состав данного преступления². На наш взгляд, необходимо избавиться от негативной практики направления «формальных» представлений в подразделения Госавтоинспекции. Считаем, что представление может быть направлено только в том случае, если совершению преступления способствовали нарушения, допущенные при исполнении служебных обязанностей.

Отметим также, что дознаватели зачастую усматривают такие нарушения и в действиях участковых уполномоченных полиции. Они направляют представления (информационные письма) в адрес сотрудника, на территории обслуживания которого проживает подозреваемый (обвиняемый) по уголовному делу, мотивируя это тем, что с данным лицом не была своевременно проведена профилактическая работа (а если и была проведена, то ненадлежащим образом), что повлекло за собой совершение подозреваемым (обвиняемым) преступления. Чаще всего подобное происходит при расследовании по уголовным делам в отношении лиц, ранее судимых за преступление аналогичное тому, по факту совершения которого возбуждено дело, или имеющих на момент совершения преступления неснятую и непогашенную в установленном порядке судимость. Так, например, по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ч. 1 ст. 228 УК РФ, в г. Астрахани, дознавателем отдела дознания было внесено представление в один из территориальных отделов полиции, в котором указывалось, что причи-

¹ Статистика преступности // Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой: сайт. 13.11.2024 // URL: https://crimas.ru/?page_id=5050 (дата обращения: 13.11.2024).

² Там же.

ной совершения обвиняемым повторного преступления явилась ненадлежащая профилактическая работа с ранее судимыми лицами со стороны участкового уполномоченного полиции, допустившего совершение судимым лицом аналогичного преступления в период испытательного срока по предыдущему приговору суда¹.

Необходимость выявления при производстве расследования по уголовному делу обстоятельств, способствовавших совершению преступления, закреплена в ч. 2 ст. 73 УПК РФ. Однако наиболее объективную и полную информацию об этих обстоятельствах дознаватель получает уже на начальной стадии досудебного производства. Дознаватель в ходе проводимого им осмотра места происшествия устанавливает и фиксирует, например, отсутствие или ненадлежащую организацию охраны территории (объекта), материальных ценностей, денежных средств; низкое качество работы или неисправность систем видеонаблюдения; нарушения технологического режима, трудовых обязательств и т.д. При получении объяснений у должностных лиц предприятий и учреждений он выясняет, в каких условиях хранились предметы преступного посягательства; какие были допущены недостатки в учете и контроле; какие имели место нарушения правил безопасности работ и технологий производства, трудовой дисциплины и т.п. Осуществляя деятельность по материалу проверки сообщения о преступлении, совершенном несовершеннолетним или в отношении несовершеннолетнего, дознаватель при первоначальном опросе родителей, соседей, учителей, знакомых, друзей и сверстников этого несовершеннолетнего на основании полученных объяснений фиксирует сведения об условиях его жизни и воспитания, устанавливает лиц, вовлекающих его в совершение противоправных деяний и оказывающих на него негативное влияние.

Нередки ситуации, когда у дознавателя при очевидно установленном факте правонарушения возникает необходимость немедленно отреагировать на выявленные им нарушения закона и принять меры к их устранению. Например, когда дознаватель, осуществив выезд на место происшествия по факту получения ребенком телесных повреждений на детской площадке, являющейся территорией общего пользования, выясняет, что получение травмы стало возможным из-за неправильно установленного, некачественного или сломанного оборудования, в целях недопущения травмирования других детей он неотложно вносит представление в муниципалитет или уполномоченному им лицу. Другой пример: дознаватель на месте происшествия выясняет, что сторожем предприятия, на территории которого зафиксированы неоднократные факты хищений товарно-материальных ценностей, не обеспечивается надлежащая охрана объекта по причине его отсутствия на рабочем месте. В таких ситуациях дознавателю также приходится принимать неотложные меры по обеспечению сохранности имущества и

устранению обстоятельств, способствовавших совершению хищений.

Полагаем, что дознаватели должны обладать правом безотлагательного внесения представления по материалу проверки сообщения о преступлении в случае установления обстоятельств, способствовавших его совершению, и необходимости принятия неотложных мер по их устранению. Приведенные выше примеры свидетельствуют о возможности установления обстоятельств, способствовавших совершению преступления, не только при окончании предварительного расследования, но и при проведении проверки по сообщению о преступлении. Внесение соответствующих изменений в ч. 2 ст. 158 УПК РФ видится нам целесообразным и необходимым в интересах правоприменительной практики.

Представление является процессуальным актом, выносимым дознавателем по результатам выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Оно носит обязывающий характер и является формой процессуального контроля за деятельностью организаций и должностных лиц. Результатом его рассмотрения может стать решение о привлечении лица, по вине которого возникли указанные обстоятельства, к административной или дисциплинарной ответственности. Это решение может существенно затрагивать права и интересы граждан. Однако возможности обжалования представления законодательством не предусмотрено. В целях соблюдения прав и законных интересов граждан полагаем необходимым предусмотреть в УПК РФ право на обжалование внесенных дознавателем представлений в порядке, предусмотренном ст.ст. 123-125 УПК РФ.

Деятельность дознавателя, регулируемая ч. 2 ст. 158 УПК РФ, считается завершенной после получения ответа на представление, касающегося реализации предложенных в нем мер. Однако форма ответа организации или должностного лица на внесенное представление законодателем не определена. Между тем непринятие адресатом представления профилактических мер свидетельствует о невыполнении законных требований дознавателя. В этом случае дознаватель вправе направить адресату напоминание о необходимости и сроках принятия надлежащих мер профилактического характера, а также разъяснение порядка привлечения его к административной ответственности по ст. 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Такая форма реагирования дознавателя на неисполнение его законных требований хотя и не предписана нормами УПК РФ и приказом МВД России от 24 августа 2023 г. № 619, но весьма востребована на практике: направление напоминаний и разъяснений впоследствии может послужить доказательством того, что адресат представления не выполнил изложенные в нем требования умышленно.

В соответствии со ст. 17.7 КоАП РФ умышленное невыполнение законных требований дознавателя влечет наложение на граждан, должностных

¹ Уголовное дело № 122000249 по ч. 1 ст. 228 УК РФ в отношении гр. Д. // Архив Ленинского районного суда г. Астрахани за 2022 год.

и юридических лиц административного штрафа. Невыполнение требований дознавателя по исполнению представления, внесенного в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ, выражается в непринятии должностным лицом мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, а также в непредставлении уведомления о принятых мерах в срок не позднее одного месяца со дня вынесения представления.

Привлечение к административной ответственности должностных лиц, не исполняющих законных требований об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, проводится путем направления дознавателем надзирающему прокурору материалов для рассмотрения вопроса о возбуждении дела об административном правонарушении или составления должностными лицами ОВД РФ, в том числе дознавателями, протокола об административном правонарушении (по ст. 17.7 КоАП РФ).

На основании вышеизложенного предлагаем предусмотреть в ч. 2 ст. 158 УПК РФ право обжалования организациями или должностными лицами внесенных в их адрес представлений и закрепить письменный порядок уведомления дознавателя о принятых по результатам рассмотрения представления мерах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дознаватели ОВД РФ занимают особое место в системе профилактики правонарушений. Их деятельность включает в себя:

- выявление при рассмотрении сообщения о преступлении и производстве дознания по уголовному делу обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и внесение соответствующих представлений в адрес организаций и должностных лиц для принятия мер по устранению указанных обстоятельств и других нарушений закона;

- осуществление контроля за своевременным рассмотрением представления и полнотой принятых мер по устранению обстоятельств, послуживших основанием для его внесения;

- направление в органы прокуратуры материалов в случае невыполнения должностными ли-

цами предприятий, организаций и учреждений представлений об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений, или других нарушений закона для рассмотрения вопроса о возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 17.7 КоАП РФ (либо составление дознавателем соответствующего протокола об административном правонарушении).

Представление является главным процессуальным средством реагирования дознавателя на обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Оно обеспечивает устранение причин и условий, порождающих преступность.

В целях повышения эффективности деятельности дознавателя предлагаем внести в ч. 2 ст. 158 УПК РФ следующие изменения:

- закрепить за дознавателем обязанность вносить представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, выявленных в ходе досудебного производства по уголовному делу;

- предоставить дознавателю право вносить представления по материалам проверки сообщения о преступлении при выявлении очевидных обстоятельств, способствовавших совершению противоправных действий и требующих неотложных мер по их устранению;

- предусмотреть право обжалования внесенного дознавателем представления в порядке, предусмотренном ст.ст. 123-125 УПК РФ;

- установить письменный порядок уведомления дознавателя о мерах, принятых соответствующими организациями или соответствующими должностными лицами по результатам рассмотрения представления.

Кроме того, представляется целесообразным внести изменения в приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений», включив в него разъяснения (инструкцию), определяющие основные формы и методы работы применительно к каждому субъекту ведомственной системы профилактики. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Катаева О.В., Ряпухина И.А., Карпушин О.Е. Деятельность органов внутренних дел как субъекта профилактики правонарушений: современные проблемы и перспективы // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 1. С. 20-24.
2. Гулягин А.Ю., Богданова Т.В. Профилактика правонарушений и предупреждение преступности органами прокуратуры и другими правоохранительными органами // Российский следователь. 2024. № 6. С. 49-53.
3. Алексеева А.П. «Противодействие» преступности и его отличие от других смежных понятий // Российский криминологический взгляд. 2006. № 4. С. 159-163.
4. Ларичев В.Д. Понятие предупреждения преступности в сфере экономики // Научный портал МВД России. 2010. № 1 (9). С. 82-88.
5. Ларичев В.Д. Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере освоения бюджетных средств, выделяемых на развитие сельского хозяйства. М.: Юрлитинформ, 2023. 144 с.
6. Клещина Е.Н. Киберпреступность на современном этапе и роль виктимологической профилактики в ее предупреждении // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2024. № 2 (70). С. 32-37.
7. Чуб И.С. Мошенничество в сети Интернет: способы совершения и виктимологическая профилактика // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. № 1 (63). С. 39-42.

8. Сидорова Е.З. Основные методы профилактики киберпреступлений в практике правоохранительных органов России // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях: Материалы IV международной научно-практической конференции. Донецк: Донбасский государственный университет юстиции, 2024. С. 105-108.
9. Гончаров Д.Ю. Причины и условия, способствующие совершению террористических преступлений в период проведения массовых мероприятий // Виктимология. 2022. Т. 9. № 1. С. 20-25.
10. Гринько С.Д. Профилактика занятия высшего положения в преступной иерархии с использованием информационных технологий // Государственная служба и кадры. 2023. № 1. С. 170-172.
11. Галаяудинов Р.Р. Предупреждение должностных насильственных преступлений: понятие и пределы // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 1 (71). С. 83-86.
12. Майоров А.В. Виктимологическое обеспечение информационной безопасности личности // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 80-88.
13. Авдеев Р.В. Предупреждение преступлений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 6 (134). С. 194-198.
14. Малков В.Д. Предупреждение и профилактика преступлений и иных правонарушений в системе борьбы с преступностью // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 22 (708). С. 78-88.
15. Титушкина Е.Ю., Иванов С.С. К вопросу о понятии «предупреждение преступлений» и его соотношение с «профилактикой правонарушений» // Российский следователь. 2021. № 3. С. 55-59.

REFERENCES

1. Katayeva O.V., Ryapukhina I.A., Karpushin O.Ye. Deyatel'nost' organov vnutrennikh del kak sub'yekta profilaktiki pravonarusheniy: sovremennyye problemy i perspektivy // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti. 2020. № 1. S. 20-24.
2. Gulyagin A.Yu., Bogdanova T.V. Profilaktika pravonarusheniy i preduprezhdeniye prestupnosti organami prokuratury i drugimi pravookhranitel'nymi organami // Rossiyskiy sledovatel'. 2024. № 6. S. 49-53.
3. Alekseyeva A.P. «Protivodeystviye» prestupnosti i yego otlicheye ot drugikh smezhnykh ponyatiy // Rossiyskiy kriminologicheskii vzglyad. 2006. № 4. S. 159-163.
4. Larichev V.D. Ponyatiye preduprezhdeniya prestupnosti v sfere ekonomiki // Nauchnyy portal MVD Rossii. 2010. № 1 (9). S. 82-88.
5. Larichev V.D. Protivodeystviye prestupleniyam, sovershayemym v sfere osvoyeniya byudzhethnykh sredstv, vydelyayemykh na razvitiye sel'skogo khozyaystva. M.: Yurlitinform, 2023. 144 s.
6. Kleshchina Ye.N. Kiberprestupnost' na sovremennom etape i rol' viktimologicheskoy profilaktiki v yeye preduprezhdenii // Vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii. 2024. № 2 (70). S. 32-37.
7. Chub I.S. Moshennichestvo v seti Internet: sposoby soversheniya i viktimologicheskaya profilaktika // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 1 (63). S. 39-42.
8. Sidorova Ye.Z. Osnovnyye metody profilaktiki kiberprestupleniy v praktike pravookhranitel'nykh organov Rossii // Aktual'nyye problemy teorii i praktiki ugolovnogo prava i protsessa v sovremennykh usloviyakh: Materialy IV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Donetsk: Donbasskiy gosudarstvennyy universitet yustitsii, 2024. S. 105-108.
9. Goncharov D.YU. Prichiny i usloviya, sposobstvuyushchiye soversheniyu terroristicheskikh prestupleniy v period provedeniya massovykh meropriyatiy // Viktimologiya. 2022. Т. 9. № 1. С. 20-25.
10. Grin'ko S.D. Profilaktika zanyatiya vysshego polozheniya v prestupnoy iyerarkhii s ispol'zovaniyem informatsionnykh tekhnologiy // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2023. № 1. S. 170-172.
11. Galyautdinov R.R. Preduprezhdeniye dolzhnostnykh nasil'stvennykh prestupleniy: ponyatiye i predely // Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 1 (71). S. 83-86.
12. Mayorov A.V. Viktimologicheskoye obespecheniye informatsionnoy bezopasnosti lichnosti // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2024. № 3 (42). S. 80-88.
13. Avdeyev R.V. Preduprezhdeniye prestupleniy // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. 2014. № 6 (134). S. 194-198.
14. Malkov V.D. Preduprezhdeniye i profilaktika prestupleniy i inykh pravonarusheniy v sisteme bor'by s prestupnost'yu // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2014. № 22 (708). S. 78-88.
15. Titushkina Ye.Yu., Ivanov S.S. K voprosu o ponyatii «preduprezhdeniye prestupleniy» i yego sootnosheniye s «profilaktikoy pravonarusheniy» // Rossiyskiy sledovatel'. 2021. № 3. S. 55-59.

© Кульчарова А.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кульчарова А.В. Представление дознавателя как средство устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 56-62.

Сергей Анатольевич ТАБАКОВ,
кандидат юридических наук, ORCID 0009-0009-2362-0310
Омская академия МВД России (г. Омск)
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
tabakovsa@rambler.ru

Научная статья
УДК 343.13

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Уголовный процесс, уголовное преследование, судебное разбирательство, доказательства, меры безопасности, участники уголовного судопроизводства.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье рассматриваются вопросы применения уголовно-процессуальных мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства. Автор обращено внимание на то, что большинство таких мер направлено на сокрытие сведений о защищаемом лице. Вместе с тем достоверность сведений, полученных в рамках досудебного производства, проверяется в условиях действия фундаментальных положений судебного разбирательства, предоставляющих возможность проверить источник доказательственной информации. В связи с этим поднимается вопрос об обоснованности раскрытия сведений о защищаемом лице в процессе судебного рассмотрения уголовного дела. В ходе исследования, некоторые результаты которого представлены в статье, было определено, что в уголовном судопроизводстве должны существовать гарантии, позволяющие подтвердить, что сокрытие данных о защищаемом лице является обоснованным. В настоящее время одной из таких гарантий является согласование решения о сокрытии сведений о лице с руководителем следственного органа или начальником органа дознания. Автор статьи обращает внимание на то, что этого недостаточно. Ограничение права на ознакомление с данными лица, свидетельствующего против обвиняемого, напрямую влияет на конституционное право защищаться от уголовного преследования. Для решения проблемы предлагается предусмотреть в законе допустимость сохранения в тайне данных о защищаемом лице только на основании судебного решения. **Методы.** При проведении исследования применялись общенаучные и частнонаучные методы познания (сравнительно-правовой, формально-юридический, логический). **Результаты.** В статье сформулированы предложения об установлении гарантий защиты интересов лиц, в отношении которых оказывается посткриминальное воздействие. В частности, указывается на то, что сокрытие сведений о лице, участвующем в уголовном судопроизводстве, должно иметь обоснованный характер. Гарантией обоснованности может выступать судебное решение. Такой подход повысит уровень реализации конституционного права на защиту от уголовного преследования посредством предоставления возможности ознакомления подсудимого с личностью того, кто дает против него показания.

ВВЕДЕНИЕ

Существенное значение для обеспечения достоверности сведений, сообщаемых участниками уголовного судопроизводства, имеет наличие у них чувства защищенности от возможного противоправного воздействия в связи с предоставлением органам предварительного расследования значимых для доказывания данных. Одним из эффективных средств защиты от посткриминального воздействия выступает сокрытие сведений о лице, участвующем в уголовном процессе. Действующий УПК РФ содержит ряд норм, позволяющих это сделать. Вместе с тем сокрытие сведений о лице идет в разрез с некоторы-

ми фундаментальными положениями уголовного судопроизводства, такими как состязательность сторон, обеспечение права на защиту. Особенно ярко это проявляется в судебном разбирательстве, где через непосредственное восприятие данных, полученных в ходе предварительного расследования, формируется внутреннее убеждение судьи. В связи с этим актуальным становится вопрос о расстановке приоритетов. Существует потребность определиться с тем, следует ли продолжать скрывать сведения о лице в судебном разбирательстве, если это влияет на защиту от уголовного преследования, создает препятствия для реализации состязательности сторон. Необходимо фор-

Sergey A. TABAKOV,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0009-0009-2362-0310

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Omsk, Russia)

Deputy Head of the Department of Criminal Procedure

tabakovsa@rambler.ru

ENSURING THE SAFETY OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS UNDER THE IMPLEMENTATION OF THE FUNDAMENTAL PROVISIONS OF JUDICIAL PROCEEDINGS

KEYWORDS. Criminal procedure, criminal prosecution, trial, evidence, security measures, participants in criminal proceedings.

ANNOTATION. Introduction. The article considers the issues of application of criminal procedural security measures in relation to participants in criminal proceedings. The author draws attention to the fact that most of such measures are aimed at concealing information about the protected person. At the same time, the reliability of information obtained in the framework of pre-trial proceedings is verified under the conditions of the fundamental provisions of the trial, which provide an opportunity to verify the source of evidentiary information. In this regard, the question is raised about the validity of disclosing information about the protected person during the judicial consideration of a criminal case. In the course of the study, some results of which are presented in the article, it was determined that in criminal proceedings there should be guarantees that confirm that the concealment of data about the protected person is justified. Currently, one of such guarantees is the coordination of the decision to conceal information about a person with the head of the investigative body or the head of the inquiry body. The author of the article draws attention to the fact that this is not enough. Restriction of the right to familiarize oneself with the data of a person testifying against the accused directly affects the constitutional right to defend oneself from criminal prosecution. To solve the problem, it is proposed to provide in the law the admissibility of keeping data on the protected person secret only on the basis of a court decision. **Methods.** General scientific and specific scientific methods of cognition (comparative legal, formal legal, logical) were used in the study. **Results.** The article formulates proposals on establishing guarantees for the protection of the interests of persons subject to post-criminal influence. In particular, it is indicated that the concealment of information about a person participating in criminal proceedings must be justified. A court decision can serve as a guarantee of justification. Such an approach will increase the level of implementation of the constitutional right to protection from criminal prosecution by providing the defendant with the opportunity to familiarize himself with the identity of the person testifying against him.

мирование гарантий обоснованности сокрытия сведений о лице в ходе рассмотрения уголовного дела в суде.

МЕТОДЫ

В ходе проведенного нами исследования применялись общенаучные и частнонаучные методы познания (сравнительно-правовой, формально-юридический, логический). Сравнительно-правовой метод позволил соотнести степени реализации правовых гарантий обеспечения безопасности участников уголовного процесса в досудебном и судебном производстве. Формально-юридический метод применялся при анализе положений закона, регулирующих вопросы оглашения показаний участников уголовного судопроизводства в суде, и основания раскрытия сведений о защищаемом лице. В процессе исследования с помощью логического метода был сделан вывод об общих целях, преследуемых фундаментальными положениями судебного разбирательства и мерами, направленными на защиту лиц от незаконного влияния в связи с участием в осуществлении правосудия.

РЕЗУЛЬТАТЫ

По итогам проведенного нами исследования можно констатировать, что существует необходимость выработать гарантии защиты интересов лиц, в отношении которых оказывается посткриминальное воздействие, которые действовали бы на протяжении всего производства по уголовному делу. В основу таких гарантий должна быть положена обоснованность применения мер безопасно-

сти. Следует создать условия, при которых сомнения в добропорядочности, объективности источника доказательственной информации будут минимальными, что должно способствовать дальнейшему сокрытию сведений о нем.

В настоящее время сокрытие сведений о лице, участвующем в следственных действиях, осуществляется с согласия руководителя следственного органа или начальника органа дознания (ч. 9 ст. 166 УПК РФ). Они оценивают законность и обоснованность принятого решения, влекущего за собой ограничение таких важных прав, как права на защиту, состязательность сторон и т.д. Такое правовое регулирование не в полной мере «вписывается в концепцию», предполагающую ограничение конституционных прав исключительно на основании судебного решения. Конечно, у ведомственных руководителей больше возможностей по оценке обоснованности сокрытия данных о лице. Вместе с тем они имеют общий интерес со следователем (дознавателем), выступают стороной обвинения.

В связи с этим было бы целесообразным закрепить в законе допустимость сохранения в тайне сведений о субъекте, на которого оказывается посткриминальное воздействие, на основании судебного решения. Процедурно это можно осуществлять в порядке, аналогичном правилам, закрепленным в ст. 165 УПК РФ. При рассмотрении ходатайства суд должен иметь возможность лично опросить защищаемое лицо, исследовать доказательства, свидетельствующие

о воздействии на него со стороны заинтересованных лиц, а также сведения, характеризующие личность. Наличие судебного решения о применении мер безопасности, связанных с сокрытием сведений о защищаемом лице, может служить гарантией для сохранения этих сведений в дальнейшем – в процессе рассмотрения уголовного дела по существу.

ОБСУЖДЕНИЕ

Уголовно-процессуальный закон содержит ряд положений, предусматривающих возможность защиты лица от посткриминального воздействия. Основой для них является ст. 11 УПК РФ. Эта норма размещена в главе, закрепляющей принципы уголовного судопроизводства. Таким образом законодатель дает понять, что безопасность лиц, вовлеченных в расследование преступления и рассмотрение уголовного дела в суде, обладает фундаментальной важностью.

К сожалению, несмотря на столь весомый нормативный посыл, правоприменитель не получил выверенной системы закрепленных в УПК РФ правовых норм, действие которых было бы ориентировано на защиту участников уголовного судопроизводства от посткриминального воздействия. Об этом свидетельствуют результаты многочисленных исследований, посвященных данной тематике, и позиции ученых, отраженные в публикациях [1].

Сложившаяся ситуация может объясняться наличием в действующем законодательстве средств защиты участников уголовного судопроизводства, предусмотренных не только УПК РФ. В частности, речь идет о мерах, которые закреплены в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Они реализуются должностными лицами оперативных подразделений и в большинстве своем связаны с физической защитой лиц, вовлеченных в расследование преступления. В связи с этим уровень их эффективности может быть более высоким по сравнению с мерами безопасности, закрепленными в УПК РФ. В таких условиях вопросы формирования совершенного механизма защиты участников уголовного судопроизводства, который был бы регламентирован УПК РФ, уходят на второй план.

Несмотря на это, необходимость закрепления уголовно-процессуальных мер безопасности имеет очевидный характер. Следует согласиться с мнением о том, что чаще всего основаниями для реализации средств защиты становятся материалы уголовного дела, процессуальные документы являются ключевым источником информации о лицах, вовлеченных в уголовное судопроизводство [2, с. 74]. Механизм осуществления защиты лица, реализуемый оперативными подразделениями, носит более затратный характер, его реализация может потребовать отвлечения большого количества сил и средств правоохранительных органов. Подчеркнем, что применение мер безопасности служит созданию надлежащих условий для доказывания, они способствуют обеспечению достоверности получаемых сведений. В таких условиях

отказ от включения в УПК РФ процессуальных мер безопасности и их дальнейшего совершенствования представляется нецелесообразным.

Сущность большинства мер безопасности, закрепленных в УПК РФ, сводится к сокрытию сведений о защищаемом лице. Примером может служить производство следственного действия с сохранением в тайне данных о личности его участника в порядке, определенном ч. 9 ст. 166 УПК РФ. У лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве со стороны защиты, может не быть информации о личности опознающего в ходе проведения предъявления для опознания (ч. 8 ст. 193 УПК РФ). Сокрытие сведений о лице возможно и при допросе в ходе судебного разбирательства. В этом случае, согласно ч. 5 ст. 278 УПК РФ, суд допрашивает свидетеля, потерпевшего в условиях, исключающих визуальное наблюдение этих лиц другими участниками судебного разбирательства.

Сохранение в тайне данных об участниках уголовного судопроизводства признается эффективным способом защиты. В юридической литературе высказываются предложения о расширении такого подхода к обеспечению безопасности участников уголовного процесса. Так, Е.И. Свечникова обосновывает необходимость сокрытия сведений при проведении очной ставки [3, с. 118]. Идеи об использовании видео-конференц-связи как способа ограничения доступа к установлению личности свидетеля или потерпевшего высказывают, например, А.А. Дмитриева [4, с. 3], С.П. Желтобрюхов [5], С.А. Новиков [6].

Вместе с тем необходимо учитывать, что уголовное судопроизводство осуществляется в рамках правоотношений, по окончании предварительного расследования его участники получают доступ ко всем материалам уголовного дела. Исследование доказательств в процессе судебного производства носит открытый характер. Данные обстоятельства создают условия для реализации некоторых фундаментальных положений, закрепленных в УПК РФ. В частности, к их числу можно отнести такие принципы, как состязательность и равноправие сторон, обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту. Кроме того, сюда же относятся непосредственность и устность судебного разбирательства как его общие условия. Следует согласиться с мнением Л.В. Виницкого и Ю.Л. Бурносовой, что «непосредственность исследования доказательств обеспечивает выполнение такого необходимого требования, как справедливость судебного разбирательства» [7, с. 11]. Придавая высокое значение непосредственности судебного разбирательства, С.А. Касаткина констатирует необходимость закрепления в законе повышенных требований к основаниям отступления от этого условия [8, с. 57]. Ю.Я. Якимович обратил внимание на то, что отнесение непосредственности судебного разбирательства к числу общих условий судебного разбирательства не принижает его значимости [9, с. 100].

Описанные выше фундаментальные положения законодательства способствуют установлению истины, вынесению справедливого, объективного судебного решения. Однако наряду с этим следует

помнить, что и уголовно-процессуальные меры безопасности ориентированы на обеспечение получения достоверных сведений и установления истины. В связи с этим существует потребность в поиске «золотой середины», то есть в создании условий, позволяющих, с одной стороны, скрыть данные о лице, а с другой – исполнить требования закона, касающиеся открытости и всесторонности исследования доказательств сторонами уголовного процесса.

Непосредственность в исследовании доказательств, равноправие сторон в оценке имеющихся сведений и источников их получения закреплены не только в российском законодательстве. Примером тому служат требования Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Согласно п/п «d» п. 3 ст. 6 данного акта, «каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены». Существенную роль в реализации и соблюдении положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод играет Европейский суд по правам человека. Рассматривая решения этого судебного органа сквозь призму требований, закрепленных в ст. 281 УПК РФ, посвященной оглашению показаний потерпевшего и свидетеля, Л.В. Бруницын определил несколько условий замещения непосредственного допроса названных участников процесса в суде. К числу таких условий им отнесены: право обвиняемого (защитника) на предыдущих стадиях уголовного процесса задать потерпевшему или свидетелю вопросы лично на очной ставке либо через лицо, осуществляющее расследование; принятие судом всех разумных мер по вызову неявившегося свидетеля; установление факта того, что подсудимый и защитник не возражают против оглашения показаний неявившегося свидетеля и недвусмысленно отказываются от права допросить его; возможность постановления обвинительного приговора, который не основан исключительно или решающим образом на показаниях свидетелей, которым обвиняемый не имел возможности задать вопросы [10, с. 29].

Поиск оптимальных путей замещения непосредственности судебного разбирательства проводится многими учеными. Так, Е.О. Зайцев предлагает включить в ч. 2 ст. 281 УПК РФ дополнительный пункт, предусматривающий возможность оглашения показаний свидетеля анонимно в случае невозможности обеспечения его безопасности [11, с. 135]. В свою очередь, Н.В. Макеева рассматривает возможность демонстрации в зале суда видеозаписи допроса, имевшего место в ходе предварительного расследования [12, с. 21]. Реализация данных предложений может создать дополнительные гарантии защиты от посткриминального воздействия. Одновременно будут обеспечены условия, препятствующие тому, чтобы стороне защиты стала известна личность сообщавшего сведения, имеющие доказательственное значение для уголовного дела, и не позволяющие задавать уточняющие вопросы.

Следует отметить, что ст. 281 УПК РФ нельзя рассматривать в качестве нормы, направленной

на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства. Очевидно, что оглашение показаний предполагает также и исследование в суде анкетных данных потерпевшего или свидетеля, содержащихся в протоколе их допроса. Кроме того, ст. 281 УПК РФ предусматривает воспроизведение видеозаписи, киносъемки допроса. В этом случае у стороны защиты появляются большие возможности для идентификации лица, давшего показания в ходе предварительного расследования.

В целом правовое регулирование уголовного процесса в части оглашения показаний потерпевшего или свидетеля с позиции обеспечения безопасности участников судопроизводства, по нашему мнению, имеет противоречивый характер. Это проявляется в том, что лицо, сведения о котором были сокрыты в стадии предварительного расследования, обязано явиться в судебное заседание. Своеобразной гарантией такой явки является возможность оглашения в суде его показаний, в том числе и данных, идентифицирующих его личность.

Оглашение показаний представляет собой исключение из требования обеспечения непосредственности судебного разбирательства. В большинстве случаев потерпевший (свидетель) обязан явиться в суд и дать показания в порядке, предусмотренным ст. 278 УПК РФ. Часть 5 этой статьи служит защите от посткриминального воздействия на участников уголовного судопроизводства. В частности, она предусматривает возможность допроса свидетеля судом в условиях, исключающих визуальное наблюдение его другими участниками процесса. Применение данной нормы возможно в нескольких ситуациях. Во-первых, когда сведения о лице уже были сокрыты в стадии предварительного расследования. Во-вторых, когда свидетель ранее не допрашивался в рамках досудебного производства.

Необходимо также отметить, что норма, закрепленная ч. 5 ст. 278 УПК РФ, не рассматривается как противоречащая конституционным предписаниям и ограничивающая право подсудимого. Практика вышестоящих судебных инстанций показывает, что в большинстве случаев решения судов о сохранении в тайне сведений о засекреченных свидетелях поддерживаются [13, с. 65-66].

Считаем, что следует поддержать мнение некоторых ученых, которые подчеркивают, что показания засекреченного свидетеля не могут выступать в качестве доказательства, подтверждающего обвинение, без наличия других доказательств [14, с. 149]. Как правильно отмечает Д.С. Устинов, решение о применении уголовно-процессуальных мер безопасности должно быть основано на данных фактического характера, отвечать требованиям, заложенным в ч. 4 ст. 7 УПК РФ [15, с. 132].

Нормативное регулирование, предусмотренное ст. 278 и ст. 281 УПК РФ, имеет общую черту, существенно влияющую на обеспечение прав участников процесса со стороны защиты. Она заключается в том, что обвиняемый (защитник) лишаются права на оценку личности свидетеля, а значит, и достоверности сообщенных им сведений, путем его визуального восприятия. Кроме

того, при реализации требований, установленных ч. 5 ст. 278 УПК РФ, отсутствует доступ также и к анкетным данным лица, дающего показания против обвиняемого, а ст. 281 УПК РФ не предоставляет по объективным причинам права на постановку перед свидетельствующим лицом вопросов.

По отношению к ч. 5 ст. 278 УПК РФ как норме, направленной на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства, не в полной мере могут быть применены условия замещения непосредственности допроса сторонами. В частности, если право на постановку вопроса свидетельствующему лицу не было реализовано в досудебном производстве, то им можно воспользоваться в рамках процедуры допроса, предусмотренной ч. 5 ст. 278 УПК РФ. Нет необходимости оценивать меры, принимаемые судом по вызову лица, так как оно фактически присутствует.

Отдельное внимание следует обратить на ч. 6 ст. 278 УПК РФ, которая предоставляет сторонам право заявить ходатайство о раскрытии подлинных сведений о лице, дающем показания. Законодатель требует, что такое ходатайство должно быть обоснованным. Буквальное толкование закона предполагает, что суд разрешает такое ходатайство без учета мнения стороны обвинения. В УПК РФ не определены какие-либо критерии, по которым необходимо обосновывать такое ходатайство. Обращается внимание лишь на то, что раскрытие сведений требуется для защиты подсудимого либо установления каких-либо существенных для рассмотрения дела обстоятельств. Надо иметь в виду, что любые показания прямо или косвенно могут касаться интересов подсудимого, быть связанными с защитой от уголовного пре-

следования. В связи с этим закон предоставляет возможность широкого усмотрения при принятии решения о раскрытии сведений, связанных со свидетелем, дающим показания в суде. Закон делает акцент на том, что при возникновении вопросов, связанных с исследованием показаний, например в части установления их достоверности, приоритет должен отдаваться обеспечению права на защиту. Приходится констатировать, что это обстоятельство нивелирует усилия правоохранительных органов по защите жизни и здоровья лиц, в отношении которых осуществляется посткриминальное воздействие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании вышеизложенного мы приходим к выводу о том, что порядок судебного разбирательства предусматривает процедуры, позволяющие сделать доступными сведения о лицах, содействующих правосудию или оказавшихся потерпевшими. Для производства в суде важно обеспечить состоятельность сторон, непосредственность в исследовании доказательств, предоставить возможность обвиняемому (защитнику) поставить под сомнение достоверность полученных по уголовному делу сведений. Таким образом, «чаша весов» может перевешивать в сторону этих фундаментальных положений законодательства.

Суд, как независимый орган, защищающий конституционные права граждан, способен ставить точку в определении приоритетов при выборе между обеспечением конфиденциальности источника доказательственной информации и иными фундаментальными положениями закона, которые могут быть ограничены в связи с применением мер безопасности. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дмитриева А.А. К вопросу о расширении уголовно-процессуальных мер безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 111-115.
2. Латыпов В.С. Обеспечение уголовно-процессуальных мер безопасности в отношении лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия // Научный портал МВД России. 2020. № 4 (52). С. 71-78.
3. Свечников Е.И. Проведение очной ставки в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля в целях обеспечения его безопасности // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 116-125.
4. Дмитриева А.А. Меры безопасности, применяемые в отношении участников процесса на стадии предварительного расследования уголовного дела // Российский следователь. 2017. Т 1. С. 3-6.
5. Желтобрюхов С.П. О необходимости предоставления органу предварительного расследования возможности применения видео-конференц-связи на стадии досудебного производства // Российская юстиция. 2016. № 1. С. 62-66.
6. Новиков С.А. Допрос с использованием систем видео-конференц-связи: завтрашний день российского предварительного расследования // Российский следователь. 2014. № 1. С. 2-6.
7. Виницкий Л.В., Бурносова Ю.Л. Правило непосредственности в справедливом уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2019. Т. 19. № 3. С. 10-15.
8. Касаткина С.А. Право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей: допустимые пределы ограничения по УПК РФ (с учетом практики Европейского Суда по правам человека) // Государство и право. 2013. № 5. С. 56-64.
9. Якимович Ю.К. Реализация принципов уголовного процесса в стадии судебного разбирательства // Российское правосудие. 2013. № 4. (84). С. 100-103.
10. Брусницын Л.В. О состоявшихся и будущих новеллах УПК, обеспечивающих безопасность участников уголовного процесса // Государство и право. 2013. № 7. С. 27-31.
11. Зайцев Е.О. Расширение оснований оглашения показаний свидетеля и иные средства обеспечения безопасности в судебном заседании // Проблемы в российском законодательстве. 2016. № 1. С. 134-137.

12. Макеева Н.В. Меры безопасности: правовые основы применения в отношении участников уголовного судопроизводства: Монография. Калининград, 2008. 186 с.

13. Дмитриева А.А. Обеспечение безопасности свидетелей при производстве допроса в судебном заседании // Процессуальные действия вербального характера. Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола. СПб, 2017. С. 63-70.

14. Хатыпов Р.Н., Николаев Е.М. Раскрытие в ходе судебного разбирательства подлинных сведений потерпевшего – угроза обеспечения его безопасности // Правовое государство: проблемы понимания и реализации: сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2015. Т. 2. С. 145-150.

15. Устинов Д.С. Особенности обеспечения права обвиняемого на защиту при реализации мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 4 (147). С. 126-133.

REFERENCES

1. Dmitriyeva A.A. K voprosu o rasshirenii ugolovno-protsessual'nykh mer bezopasnosti uchastnikov ugolovnogogo sudoproizvodstva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 396. S. 111-115.

2. Latypov V.S. Obespecheniye ugolovno-protsessual'nykh mer bezopasnosti v otnoshenii lits, okazyvayushchikh sodeystviye otpravleniyu pravosudiya // Nauchnyy portal MVD Rossii. 2020. № 4 (52). S. 71-78.

3. Svechnikov Ye.I. Provedeniye ochnoy stavki v usloviyakh, isklyuchayushchikh vizual'noye nablyudeniye svidetelya v tselyakh obespecheniya yego bezopasnosti // Sudebnaya vlast' i ugolovnyy protsess. 2021. № 1. S. 116-125.

4. Dmitriyeva A.A. Mery bezopasnosti, primenyayemye v otnoshenii uchastnikov protsessa na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya ugolovnogogo dela // Rossiyskiy sledovatel'. 2017. T 1. S. 3-6.

5. Zheltobryukhov S.P. O neobkhodimosti predostavleniya organu predvaritel'nogo rassledovaniya vozmozhnosti primeneniya video-konferents-svyazi na stadii dosudebnogo proizvodstva // Rossiyskaya yustitsiya. 2016. № 1. S. 62-66.

6. Novikov S.A. Dopros s ispol'zovaniyem sistem video-konferents-svyazi: zavtrashniy den' rossiyskogo predvaritel'nogo rassledovaniya // Rossiyskiy sledovatel'. 2014. № 1. S. 2-6.

7. Vinitskiy L.V., Burnosova YU.L. Pravilo neposredstvennosti v spravedlivom ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». 2019. T. 19. № 3. S. 10-15.

8. Kasatkina S.A. Pravo obvinayemogo doprashivat' pokazyvayushchikh protiv nego svideteley: dopustimyye predely ogranicheniya po UPK RF (s uchetom praktiki Yevropeyskogo Suda po pravam cheloveka) // Gosudarstvo i pravo. 2013. № 5. S. 56-64.

9. Yakimovich Yu.K. Realizatsiya printsipov ugolovnogogo protsessa v stadii sudebnogo razbiratel'stva // Rossiyskoye pravosudiye. 2013. № 4. (84). S. 100-103.

10. Brusnitsyn L.V. O sostoyavshikh i budushchikh novellakh UPK, obespechivayushchikh bezopasnost' uchastnikov ugolovnogogo protsessa // Gosudarstvo i pravo. 2013. № 7. S. 27-31.

11. Zaytsev Ye.O. Rasshireniye osnovaniy oglasheniya pokazaniy svidetelya i inyye sredstva obespecheniya bezopasnosti v sudebnom zasedanii // Problemy v rossiyskom zakonodatel'stve. 2016. № 1. S. 134-137.

12. Makeyeva N.V. Mery bezopasnosti: pravovyye osnovy primeneniya v otnoshenii uchastnikov ugolovnogogo sudoproizvodstva: Monografiya. Kaliningrad, 2008. 186 s.

13. Dmitriyeva A.A. Obespecheniye bezopasnosti svideteley pri proizvodstve doprosa v sudebnom zasedanii // Protsessual'nyye deystviya verbal'nogo kharaktera. Sbornik statey po materialam Vserossiyskogo kruglogo stola. SPb, 2017. S. 63-70.

14. Khatypov R.N., Nikolayev Ye.M. Raskrytiye v khode sudebnogo razbiratel'stva podlinnykh svedeniy poterpevshego – ugroza obespecheniya yego bezopasnosti // Pravovoye gosudarstvo: problemy ponimaniya i realizatsii: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ufa, 2015. T. 2. S. 145-150.

15. Ustinov D.S. Osobennosti obespecheniya prava obvinayemogo na zashchitu pri realizatsii mer bezopasnosti v otnoshenii uchastnikov ugolovnogogo sudoproizvodstva // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. 2022. № 4 (147). S. 126-133.

© Табаков С.А., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Табаков С.А. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса в условиях реализации фундаментальных положений судебного разбирательства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 63-68.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

Анна Павловна АЛЕКСЕЕВА,
доктор юридических наук, профессор,
ORCID 0000-0002-4569-7564
Калининградский филиал Санкт-Петербургского
университета МВД России (г. Калининград)
профессор кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного права
Заслуженный юрист Российской Федерации
alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Виктор Александрович КУЗНЕЦОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
ORCID 0009-0001-2342-5728
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
начальник кафедры оперативно-разыскной
деятельности и специальной техники
vkuznetcov138@mvd.ru

Научная статья
УДК 343.97

ДЕСТРУКТИВНАЯ ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО КВАДРОБИНГА В РОССИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Квадробинг, квадробер, форма физической активности, субкультура, деструктивные элементы субкультуры, ответственность, экстремизм.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Квадробинг как форма физической активности возник сравнительно недавно – примерно 25 лет назад. Местом его зарождения принято считать Японию. Изначально квадратобинг был направлением спортивных тренировок, в их основе лежало подражание движениям животных. Однако позже у последователей квадратобинга появилась своя субкультура, изменившая смысл данной деятельности и привнесшая в нее деструктивные элементы. **Методы.** В ходе проведенного авторами статьи исследования применялся общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности. Кроме того, были использованы методы описания, логического осмысления, абстрагирования и обобщения. **Результаты.** В России заметный рост популярности квадратобинга среди детей и подростков пришелся на весну 2024 года. Молодые люди восприняли новую субкультуру как возможность самоидентификации, нестандартного самовыражения посредством специфических костюмов и действий. В свою очередь, психологи связали распространение данной субкультуры с негативным социокультурным зарубежным влиянием, а также с проблемами социализации у детей. Увлечение квадратобингом без соответствующей физической подготовки обусловило повышение уровня травматизма среди увлекающихся им несовершеннолетних, а агрессивное неприятие этого хобби со стороны окружающих стало приводить к замкнутости и отстраненности таких детей и подростков. В ответ на отторжение обществом их субкультуры квадроберы начали совершать действия, нарушающие общественный порядок, оправдывая такие свои поступки подражанием поведению животных. В связи с этим в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации субкультуру квадратобинга предложили признать деструктивной, поставив ее в один ряд с «группами смерти», «чайлдфри» и т.д., анонсировав разработку законопроекта, направленного на противодействие ее распространению.

ВВЕДЕНИЕ

История квадробинга берет свое начало в 2000-х годах, когда японскому легкоатлету Кеничи Ито пришла в голову идея имитировать движения обезьяны патас в собственной подготовке. Использование в упражнениях элементов, похожих на движения животных, было обычной практикой в восточных спортивных течениях испокон веков. Например, монахи Шаолинь еще в XI веке разработали пять основных стилей цюань-шу: дракон, тигр, леопард, змея, журавль. Аналогичным образом и в квадробинге изначально основной упор делался на спортивных тренировках, способных существенно повысить гибкость, выносливость и другие качества атлета. Название этого феномена происходит от сочетания латинского слова «quattuor», означающего «четыре», и английского «aerobics», означающего «аэробика».

Спортивные успехи Кеничи Ито, а также его необычный подход к организации тренировочной деятельности привлекли внимание сначала других спортсменов, а позже и обычных людей, занимающихся физкультурой. Для придания естественности действиям, имитирующим движения животных, люди начали привносить в тренировочный процесс элементы игры, надевать маски животных, соединять движения в импровизированный танец, что стимулировало развитие не только физических возможностей, но и творческих способностей.

Трансформацию техника квадробинга претерпела в 2010 году, когда в США начало набирать популярность такое направление фитнеса, как «Animal Flow» (в переводе с английского название означает «свободное движение подобно животному»). К известному уже прообразу «обезьяны» прибавились «скорпион» и «краб», имитируя которых спортсмены выполняли упражнения на полу, используя собственный вес с опорой на ладони и ступни.

Во Франции квадробинг приобрел совершенно другой вид, преобразовавшись в паркур, созданный Лео Урбаном. Акробатические трюки на деревьях он выполнял в технике, характерной для шимпанзе.

Особую популярность во всем мире квадробинг получил после окончания пандемии коронавируса COVID-19, связанной с вынужденной самоизоляцией людей. Многие увидели в таком проявлении физической активности генетическую связь с природой, возможность «воссоединиться со вселенной», выйти за пределы городских ландшафтов.

Однако в последние годы все чаще квадробинг предстает не как вариант физической активности, иногда даже травмоопасной, а как форма влияния на сознание людей с помощью технологий социальной инженерии. Эта тенденция всерьез беспокоит ученых и практиков, заставляет законодателя задуматься о сохранении психического здоровья населения и обеспечении национальной безопасности.

МЕТОДЫ

В ходе проведенного авторами статьи исследования применялся общенаучный диалектический

метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними. Кроме того, были использованы: метод описания (для сбора фактического материала о проблемах, возникающих в процессе деструктивного влияния на сознание людей с помощью технологий социальной инженерии), метод логического осмысления (для определения содержания феномена квадробинга); абстрагирование и обобщение (для систематизирования установленных фактов и их толкования).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Примеры реализации различных вариантов «азеринга» (от английского «other» – другой), в том числе зооантропоморфизма (одновременного проявления животных и человеческих черт, с которым теперь ассоциируют квадробинг), в мировой культуре встречались не только в XXI, но и в XX веке, и в более ранних периодах. В разных странах то и дело возникали подростково-молодежные сообщества, члены которых отождествляли себя с теми или иными животными, реализуя свою потребность в самоидентификации, в выборе места в жизни. Истории известны такие молодежные течения, как «териантропы» (отождествляли себя чаще всего с волками, другими хищными или крупными животными в целях «единения с природой»), «фурри» (рассматривали создаваемые образы животных только в качестве персонажей ролевых игр, как элементы искусства и культуры) и др. Однако ни одно из них не получило столь широкой популярности, как квадробинг, в основу которого были заложены принципы спортивной активности.

Идея использования спорта в благих целях как средства противодействия негативным социальным явлениям реализовывалась многократно в разных государствах [1]. В России с начала 2000-х годов получило широкую популярность движение «Спорт против наркотиков», в рамках которого проводились спортивные и культурные мероприятия, концерты популярных исполнителей и т.д. [2]. Впрочем, в науке описаны, помимо позитивных, также и негативные последствия подобных акций, когда имела место обратная взаимосвязь: спорт не замещал у зависимых людей наркотики, а, наоборот, приводил изначально здоровых индивидов, пускающихся в погоню за красивыми физическими формами, к незаконному использованию запрещенных или ограниченных к гражданскому обороту средств и веществ (сильнодействующих препаратов, применяемых для похудения, анаболических андрогенных стероидов – искусственных аналогов гормона тестостерона, применяемых для увеличения мышечной массы, и т.д.) [3]. Основу привлекательности квадробинга изначально также составил интерес к спортивным занятиям: он был обусловлен необычностью применяемых техник физической активности.

Помимо спортивной составляющей, квадробинг унаследовал от других форм зооантропоморфизма идею переодевания в костюмы животных. Можно вспомнить большое количество молодежных течений, последователи которых самовыра-

Anna P. ALEKSEEVA,
Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0002-4569-7564
Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Professor of the Department of Criminal Law,
Criminology and Criminal Executive Law
Honored Lawyer of the Russian Federation
alexeeva.klg-mvd@yandex.ru

Viktor A. KUZNETSOV,
Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor,
ORCID 0009-0001-2342-5728
Volograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia (Volograd, Russia)
Head of the Department of Operational
Investigative Activities and Special Equipment
vkuznetcov138@mvd.ru

THE DESTRUCTIVE BASIS OF MODERN QUADROBING IN RUSSIA: CRIMINOLOGICAL RESEARCH

KEYWORDS. Quadrobing, quadrober, form of physical activity, subculture, destructive elements of subculture, responsibility, extremism.

ANNOTATION. *Introduction.* Quadrobing as a form of physical activity emerged relatively recently - about 25 years ago. Japan is considered to be its birthplace. Initially, quadrobing was a type of sports training based on imitation of animal movements. However, later, quadrobing followers developed their own subculture, which changed the meaning of this activity and introduced destructive elements into it. *Methods.* In the course of the study conducted by the authors of the article, the general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality was used. In addition, the methods of description, logical comprehension, abstraction and generalization were used. *Results.* In Russia, a noticeable increase in the popularity of quadrobing among children and adolescents occurred in the spring of 2024. Young people perceived the new subculture as an opportunity for self-identification, non-standard self-expression through specific costumes and actions. In turn, psychologists associated the spread of this subculture with negative socio-cultural foreign influence, as well as with problems of socialization in children. The passion for quadrobing without the appropriate physical training has led to an increase in the level of injuries among minors who are into it, and the aggressive rejection of this hobby by those around them has led to the isolation and detachment of such children and teenagers. In response to the rejection of their subculture by society, quadrobbers have begun to commit acts that violate public order, justifying such actions by imitating the behavior of animals. In this regard, the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation proposed recognizing the quadrobing subculture as destructive, placing it on a par with «death groups», «childfree», etc., announcing the development of a bill aimed at counteracting its spread.

жались в необычном внешнем виде, не связанном со звериными образами: это и аниме, известные подражанием персонажам японской мультипликации [4]; и эмо, которых можно узнать по сочетанию розового и черного цветов в одежде [5]; и готы, предпочитающие симбиоз элементов современной и классической средневековой одежды [6]; да и те же спортивные фанаты, выбирающие одежду с элементами клубной атрибутики [7]. Однако все перечисленные варианты переодевания не отрицают человеческой основы индивида, а отражают по большей части его внутреннее состояние. Переодевание же квадроберов в животных постепенно стало замещать собой все остальные смыслы этой субкультуры, вытесняя спортивную составляющую и приводя к отрицанию социального начала в их жизни. Со временем всё заметнее стал проявляться отказ квадробинга от физической активности в пользу социокультурного феномена, наполненного собственной –

не всегда позитивной – идеологией, способной оказывать разрушительное воздействие на психику представителей подростково-молодежного сообщества, повергающей их самосознание опасности деградации.

В определенном смысле стимулированию интереса к квадробингу послужило массовое производство товаров для квадроберов (костюмов, парфюмерии, домиков и даже пищевых продуктов, имитирующих корм животных) и предложение этих товаров покупателям через маркетплейсы. В России возникла целая коммерческая индустрия, обеспечивающая квадроберов всеми возможными аксессуарами, используемыми для подражания животным и их образу жизни.

Анализируя причины роста распространенности квадробинга среди детей и подростков, многие авторы приходят к выводу о том, что в современном мире популярным стало восприятие домашних животных как членов семьи. В этих

условиях дети, стремясь к родительскому вниманию, вынуждены «конкурировать» с домашними животными за интерес взрослых, часто проигрывая в такой борьбе, поскольку взрослые воспринимают животных как более незащищенных, нуждающихся в опеке и заботе [8]. Новые увлечения детей, связанные с переодеванием в животных, их родители зачастую рассматривают как возможность экспериментировать, проявлять себя и выражать собственную индивидуальность. В реальности же оказывается, что детям тяжело справиться с гормональной перестройкой организма, и они выбирают путь ухода от реальности в выдуманный мир.

Косвенным подтверждением роста распространенности квадробинга в России выступает увеличение количества соответствующих тематических поисковых запросов, регистрируемое различными браузерами. Квадроберы – дети и подростки – активно объединяются в интернет-сообщества, обмениваются опытом, обсуждают реакцию окружающих на их поведение. При этом опросы общественного мнения свидетельствуют о выраженной обеспокоенности взрослых проблемой популярности данной субкультуры: 74% респондентов находят увлечение квадробингом поводом для волнения, 35% считают квадробинг негативным социокультурным явлением¹. Основные опасения респонденты связывают с потенциальными проблемами социализации и развития интеллекта у детей, агрессией окружающих к подражателям животным.

Действительно, далеко не каждый ребенок или подросток готов следовать идеям квадробинга. В первую очередь данному увлечению подвержены молодые люди, которые чувствуют недостаток внимания родителей и отсутствие признания среди ровесников. Чтобы создать внутреннее ощущение защищенности, они готовы ввести свое сознание в измененное состояние, которое порой не позволяет им различать игровое поведение и его имитацию при отождествлении себя с животными. Такое состояние осложняет социальную адаптацию подростков, тормозит их когнитивно-эмоциональное развитие. Некоторые исследователи в связи с этим считают квадробинг возвращением к язычеству и варварству [9], субкультурой, готовящей детей к антиценностям [10], опасной социальной технологией [11].

Понимая всю сложность проблемы, депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации анонсировали разработку законопроекта о запрете пропаганды деструктивных идеологий, в том числе и квадробинга². По мнению законодателей, квадробинг необходимо воспринимать как опасное веяние Запада, орудие социальной инженерии, направленное против молодого поколения России. За попытки навязывания

деструктивных идеологий в любой форме, их обсуждение с использованием средств массовой информации и Интернета, попустительство со стороны родителей депутаты предлагают привлекать виновных к административной и уголовной ответственности. Родителей квадроберов они воспринимают как правонарушителей, не исполняющих своих обязанностей по воспитанию детей и подростков. Планируется ввести штрафы для таких взрослых, а также закрепить возможность постановки на профилактический учет подростков, позиционирующих себя в качестве квадроберов.

С одной стороны, очевидно, что репрессивными мерами проблему взаимоотношений детей и родителей в семье не решить. С другой – представляется несомненным, что государство должно заявить о своем отношении к квадробингу, и это возможно осуществить посредством законодательного установления запретов и ограничений. Взрослые, воспринимая такие сигналы, должны осознать, что идеи, заложенные в субкультуре квадробинга, приводят к размыванию представлений детей о социальных нормах, а порой даже к их сознательному отрицанию [12, 13].

Примером может служить недавний случай, произошедший с певицей Миа Бойка, ставшей известной по сюжетам, размещенным в популярном интернет-приложении коротких видеороликов. 31 августа 2024 года она выступала с концертом в г. Надыме (Ямало-Ненецкий автономный округ России). После очередной песни к ней на сцену с цветами вывели 8-летнюю девочку, которая была в кошачьей маске и с хвостом. Увидев это, певица спросила: «Ты у нас котенок или квадробер, не дай Бог?» Оказалось, что девочка считает себя квадробером, и вопрос певицы ее сильно расстроил. Сама Миа Бойка спустя некоторое время заявила, что она не против девочки, а против квадробинга. Однако после такого высказывания от концертов певицы начали массово отказываться организаторы мероприятий. Несмотря на последствия, Миа Бойка продолжила защищать традиционные ценности, отметив следующее: «Я никогда не была замечена за пропагандой разрушительных привычек или аморальных идей. Квадроберы, как и другие абсолютно чуждые нашему обществу веяния, пришли к нам с Запада, где нарушение общепринятых норм давно стало трендом»³. 30 октября 2024 года певица Миа Бойка приняла участие в ток-шоу «50 хейтеров», трансляция которого велась в прямом эфире одного из популярных видеохостингов. Темой для обсуждения была изобретенная субкультура квадробинга. В ходе дискуссии квадробер в костюме кошки попросила у ведущего разрешение подойти к Миа Бойка, чтобы вручить ей подарок. Когда такую возможность предоставили, квадробер подошла к певице и плюнула ей в лицо, пожелав «гореть в аду». Нарушитель-

¹ ВЦИОМ: более 70% россиян считают квадробинг поводом для беспокойства // Информационное агентство ТАСС: сайт. 16.10.2024 // URL: <https://tass.ru/obschestvo/22133011> (дата обращения: 08.11.2024).

² В Госдуму до конца сессии могут внести запрет пропаганды деструктивных идеологий // Информационное агентство ТАСС: сайт. 26.10.2024 // URL: <https://tass.ru/obschestvo/22237899> (дата обращения: 07.11.2024).

³ «Для меня это урок»: Миа Бойка отреагировала на плевок в лицо от квадробера // NEWS.ru: сайт. 30.10.2024 // URL: <https://news.ru/show-business/dlya-menya-eto-urok-mia-boyka-otreaigirovala-na-plevok-v-lico-ot-kvadrobera/> (дата обращения: 07.11.2024).

ницей общественного порядка оказалась треш-блогер Фрося (Дарья Умнова, 23 года). В свое оправдание девушка заявила, что она «не человек, а кошка, которой не присущи социальные нормы и правила поведения».

По нашему мнению, в этом как раз и заключается основная опасность квадробинга как субкультуры – в воинствующем инфантилизме, в осознанном отказе от социальных норм, в попытке оправдать свое негативное поведение внешней атрибутикой.

Подобные поступки несовершеннолетних можно объяснить тем, что они действуют в рамках детского восприятия мира и не способны брать на себя ответственность за собственные решения. Неслучайно многие ученые обращают внимание на групповой характер преступности несовершеннолетних [14, 15]. В силу того, что их психика еще не окрепла, им трудно решиться на единоличное совершение поступка, заведомо носящего негативный характер. Когда же они действуют в группе, они как бы делят ответственность между собой: «Это не я сделал, это мы сделали».

Отрицание же взрослым человеком социальных норм под прикрытием некой субкультуры должно либо вызвать сомнения в его вменяемости и повлечь за собой соответствующее обследование, применение принудительных мер медицинского характера и т.д., либо рассматриваться как первый шаг на пути к экстремизму [16], поскольку велика вероятность того, что завтра такие повзрослевшие звероподобные существа захотят устанавливать собственные правила поведения в обществе, воздействовать на власть в государстве, противопоставляя себя традиционному образу жизни россиян.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По нашему глубокому убеждению, следует разграничивать квадробинг как вариант физической активности, как внешнее проявление субкульту-

ры, предполагающее использование некой атрибутики для самовыражения, и как систему взглядов, воззрений, отрицающих социальные нормы, принятые в обществе.

Квадробинг как вариант физической активности не должен преследоваться, поскольку любое движение полезно для организма человека.

Квадробинг как использование специфических предметов одежды и аксессуаров для пребывания на улице и в других общественных местах в России может быть востребован только в теплое время года. Зимой воплощение образа животного на открытом воздухе становится опасным для жизни и здоровья приверженцев данного увлечения. Запрещать же продавать товары для дома, с помощью которых можно в собственной квартире имитировать жизнь животных, вряд ли стоит. Взрослые люди свободны в выборе собственного поведения, когда оно не мешает другим чувствовать себя комфортно в обществе. Что касается несовершеннолетних квадроберов, то их родителям можно порекомендовать уделять больше внимания детям, чаще общаться с ними, и тогда у них не будет возникать потребности шокировать окружающих своими новыми увлечениями.

Квадробинг как деструктивная идеология, отрицающая социальные нормы, требует жесткого ответа государства, равно как и любое другое посягательство на устоявшиеся правила общественного порядка в стране. Поэтому инициативу Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по разработке законопроекта о запрете пропаганды деструктивных идеологий, включая квадробинг, считаем целесообразным поддержать. Очевидно, что необходимо предусмотреть адекватные меры ответственности за совершение действий, направленных на дестабилизацию обстановки в России, осуществляемых посредством обесценивания отечественных традиций и культуры. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Калинин М.Ю. Спорт против наркотиков, сигарет и насилия: зарубежный опыт // Спорт: экономика, право, управление. 2011. № 3. С. 26-28.
2. Павлов А.В., Чернышева И.В., Егорычева Е.В. Спорт против наркотиков // Научный альманах. 2016. № 9-1 (23). С. 313-315.
3. Алексеева А.П. Спортивная криминология. Волгоград: ВА МВД России, 2014. 404 с.
4. Агеенкова Е.К. Феномены молодежной субкультуры: актуальные тенденции увлечения молодежи аниме // Збірник наукових праць Академії післядипломної адукації. 2023. № 21. С. 20-29.
5. Хуранова Л.А. Языковые особенности отечественных молодежных субкультур (на примере субкультуры эмо) // Электронный журнал «Кавказология». 2024. № 2. С. 456-467.
6. Шовкеев А.В. Молодежные субкультуры: самовыражение и социокультурное влияние // Актуальные исследования. 2023. № 52-2 (182). С. 92-95.
7. Кораблев С.Е. Социально-психологические и личностные показатели экстремистской активности представителей околофутбольного движения // Российский девиантологический журнал. 2023. № 3 (1). С. 26-42.
8. Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Этнозоологическое насилие как модель для совершения преступления // Государство и право. 2023. № 1. С. 48-58.
9. Пучнина М.Ю. Предупреждение распространения криминальной субкультуры в молодежной среде // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4 (55). С. 282-287.
10. Морозова И.А. Тенденции формирования и трансформаций современных молодежных субкультур // Человек. Социум. Общество. 2023. № 8. С. 50-59.
11. Шпак А.А. Криминальная субкультура в молодежной среде // Власть Закона. 2024. № 1 (57). С. 325-331.

12. Лебедева Ю.Ю. Семейное неблагополучие как один из факторов формирования криминогенного поведения несовершеннолетнего // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 2. С. 95-100.

13. Гриненко А.В., Потапов В.Д., Цветкова Е.В. Влияние неблагополучной семьи на формирование личности несовершеннолетнего преступника // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. № 1. С. 266-279.

14. Архипова М.В., Редькина Е.А. Особенности современной преступности несовершеннолетних // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 3 (53). С. 98-106.

15. Бякина С.И., Душин Д.Н. Причины и условия преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Вестник Самарского юридического института. 2024. № 1 (57). С. 123-129.

16. Сорокоумова С.Н., Меркулов С.В. Психологические механизмы противодействия идеологии экстремизма в молодежной субкультуре // Прикладная юридическая психология. 2023. № 3 (64). С. 139-147.

REFERENCES

1. Kalinkina M.Yu. Sport protiv narkotikov, sigaret i nasiliya: zarubezhnyy opyt // Sport: ekonomika, pravo, upravleniye. 2011. № 3. S. 26-28.

2. Pavlov A.V., Chernysheva I.V., Yegorycheva Ye.V. Sport protiv narkotikov // Nauchnyy al'manakh. 2016. № 9-1 (23). S. 313-315.

3. Alekseyeva A.P. Sportivnaya kriminologiya. Volgograd: VA MVD Rossii, 2014. 404 s.

4. Ageyenkova Ye.K. Fenomeny molodezhnoy subkul'tury: aktual'nyye tendentsii uvlecheniya molodezhi anime // Zbornik navukovykh prats Akademii paslyadyplomnay adukatsiyi. 2023. № 21. S. 20-29.

5. Khuranova L.A. YAzykovyye osobennosti otechestvennykh molodezhnykh subkul'tur (na primere subkul'tury emo) // Elektronnyy zhurnal «Kavkazologiya». 2024. № 2. S. 456-467.

6. Shovkeyev A.V. Molodezhnyye subkul'tury: samovyrazheniye i sotsiokul'turnoye vliyaniye // Aktual'nyye issledovaniya. 2023. № 52-2 (182). S. 92-95.

7. Korablev S.Ye. Sotsial'no-psikhologicheskiye i lichnostnyye pokazateli ekstremistskoy aktivnosti predstaviteley okolo futbol'nogo dvizheniya // Rossiyskiy deviantologicheskiy zhurnal. 2023. № 3 (1). S. 26-42.

8. Pleshakov A.M., Shkabin G.S. Etnozoologicheskoye nasiliye kak model' dlya soversheniya prestupleniya // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 1. S. 48-58.

9. Puchnina M.Yu. Preduprezhdeniye rasprostraneniya kriminal'noy subkul'tury v molodezhnoy srede // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2023. № 4 (55). S. 282-287.

10. Morozova I.A. Tendentsii formirovaniya i transformatsiy sovremennykh molodezhnykh subkul'tur // Chelovek. Sotsium. Obshchestvo. 2023. № 8. S. 50-59.

11. Shpak A.A. Kriminal'naya subkul'tura v molodezhnoy srede // Vlast' Zakona. 2024. № 1 (57). S. 325-331.

12. Lebedeva Yu.Yu. Semeynoye neblagopoluchiye kak odin iz faktorov formirovaniya kriminogennoy povedeniya nesovershennoletnego // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. 2023. № 2. S. 95-100.

13. Grinenko A.V., Potapov V.D., Tsvetkova Ye.V. Vliyaniye neblagopoluchnoy sem'i na formirovaniye lichnosti nesovershennoletnego prestupnika // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2023. Т. 14. № 1. С. 266-279.

14. Arkhipova M.V., Red'kina Ye.A. Osobennosti sovremennoy prestupnosti nesovershennoletnikh // Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii. 2023. № 3 (53). S. 98-106.

15. Byakina S.I., Dushin D.N. Prichiny i usloviya prestupleniy, sovershayemykh nesovershennoletnimi // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2024. № 1 (57). S. 123-129.

16. Sorokoumova S.N., Merkulov S.V. Psikhologicheskiye mekhanizmy protivodeystviya ideologii ekstremizma v molodezhnoy subkul'ture // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. 2023. № 3 (64). S. 139-147.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Алексеева А.П., Кузнецов В.А., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Алексеева А.П., Кузнецов В.А. Деструктивная основа современного квадробинга в России: криминологическое исследование // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 69-74.

Светлана Михайловна ГОЛЯТИНА,
кандидат юридических наук, ORCID 0000-0001-6077-9827
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
sgoliatina@mod.ru

Научная статья
УДК 343.9:345.85[343.72:004]

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Киберпреступность, дистанционное мошенничество, кибермошенничество, дипфейк, прогноз, криминалистическое прогнозирование, прогнозный фон, способ совершения преступления.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В настоящее время киберпреступность в целом и кибермошенничество в частности признаны национальной проблемой. Число преступлений этого вида растет из года в год, ущерб от них исчисляется миллиардами рублей, их жертвами становятся всё больше людей – от несовершеннолетних до пенсионеров. Совершенствование технологий искусственного интеллекта открыло перед злоумышленниками новые возможности для совершения преступлений. Понимание тенденций развития киберпреступности позволяет выработать стратегии борьбы с ней и оценить эффективность мер по ее предупреждению и профилактике, по противодействию ей. *Методы.* В ходе исследования применялись: диалектический метод, необходимый для полного и всестороннего изучения явлений, связей и противоречий между ними, а также описание, логические методы (анализ и синтез, индукция и дедукция), статистический метод, методы криминалистического прогнозирования. *Результаты.* На основании выводов, сделанных по итогам изучения научной литературы по теме исследования, автором сформулировано понятие криминалистического прогнозирования. Таковым представляется научно обоснованное предвидение изменений в характере преступлений, способов их совершения, а также возможных направлений дальнейшего развития методов и приемов борьбы с преступностью, технико-криминалистических средств, используемых при расследовании преступлений, и криминалистической науки в целом. Руководствуясь этим определением, автор исследовала историю развития киберпреступности в России. Отмечены причины и условия, способствующие росту показателей, характеризующих данный вид преступности, составлен криминалистический прогноз развития ситуации на ближайшее будущее. Выявлены тенденции, связанные с практикой осуществления дистанционного мошенничества, намечены вероятные пути дальнейшего изменения мошеннических схем. Всё это необходимо для разработки эффективной системы упреждающих мер, что должно способствовать повышению действенности профилактики преступлений рассматриваемого вида.

ВВЕДЕНИЕ

Дистанционные мошенничества в последние годы стали серьезной проблемой для граждан и правоохранительных органов России. В 2023 году на территории нашей страны было зарегистрировано 677 тысяч киберпреступлений, что на 29,7% больше, чем в 2022 году; ущерб от действий злоумышленников составил 156 млрд рублей¹. Большая часть таких преступлений (53%) пришлась на мошенничества². С ними в 2023 году столкнулся 91% россиян. С платежных карт пре-

ступникам удалось похитить 7,1 млрд рублей, с банковских счетов – 4,6 млрд рублей, через систему быстрых платежей – 3,3 млрд рублей, с электронных кошельков – 105,2 млн рублей³. В число используемых чаще всего технологий обмана граждан входили: схема с «безопасным» счетом [1], обещания сверхприбыли на бирже [2], финансовые пирамиды [3], фишинг [4] и др.

Заместитель председателя правления «Сбербанка» С. Кузнецов по этому поводу сказал: «По-прежнему наиболее актуальными и опасными

¹ За пять лет число киберпреступлений увеличилось более чем вдвое // Российская газета: сайт. 25.09.2024 // URL: <https://rg.ru/2024/09/25/policia-v-seti.html> (дата обращения: 01.11.2024).

² Катаева В., Поляков Д. Россия – одна из стран с очень высоким уровнем киберугроз. Но до полиции доходит меньше половины преступлений, и только четверть из них раскрывают // Если быть точным: сайт // URL: <https://tochno.st/materials/rossia-odna-iz-stran-s-ocen-vysokim-urovнем-kiberugroz-no-do-policii-doxodit-mense-poloviny-prestuplenii-i-tolko-cetvert-iz-nix-raskryvaiut> (дата обращения: 01.11.2024).

³ Павлова М. 8 фактов о мошенничестве в России: от финансовых пирамид до кибератак // Т-Ж: сайт. 30.05.2024 // URL: <https://journal.tinkoff.ru/short/ne-obmanuly/> (дата обращения: 01.11.2024).

Svetlana M. GOLYATINA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCHID 0000-0001-6077-9827

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)

Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies

sgoliatina@mod.ru

CRIMINALISTIC FORECASTING REMOTE FRAUD

KEYWORDS. Cybercrime, remote fraud, cyber fraud, deepfake, forecast, forensic forecasting, forecast background, crime method.

ANNOTATION. Introduction. Currently, cybercrime in general and cyberfraud in particular are recognized as a national problem. The number of crimes of this type is growing from year to year, the damage from them is estimated at billions of rubles, more and more people are becoming their victims – from minors to pensioners. Improvement of artificial intelligence technologies has opened up new opportunities for criminals to commit crimes. Understanding the trends in the development of cybercrime allows us to develop strategies to combat it and assess the effectiveness of measures to prevent and combat it. **Methods.** The study used: the dialectical method, necessary for a complete and comprehensive study of phenomena, relationships and contradictions between them, as well as description, logical methods (analysis and synthesis, induction and deduction), statistical method, forensic forecasting methods. **Results.** Based on the conclusions made from the study of scientific literature on the topic of the study, the author formulated the concept of forensic forecasting. This is a scientifically based prediction of changes in the nature of crimes, methods of their commission, as well as possible directions for further development of methods and techniques for combating crime, technical and forensic tools used in investigating crimes, and forensic science in general. Guided by this definition, the author studied the history of cybercrime development in Russia. The reasons and conditions contributing to the growth of indicators characterizing this type of crime are noted, a forensic forecast for the development of the situation in the near future is compiled. Trends associated with the practice of remote fraud are identified, probable ways of further changing fraudulent schemes are outlined. All this is necessary for the development of an effective system of preventive measures, which should contribute to increasing the effectiveness of preventing crimes of this type.

мошенническими схемами являются звонки по телефону и через мессенджеры от имени сотрудников правоохранительных органов и Центрального банка России с требованием перевода денег на безопасный счет. Тут есть два пути возможного развития событий: мошенники либо запрашивают данные карты, пароли из СМС и другую информацию, чтобы самим похитить деньги, либо убеждают людей самостоятельно совершать операции: переводы, снятие и зачисление денег в банкоматах, оформление кредитов»¹.

В 2023 году злоумышленники провели 1,17 млн успешных операций. По данным Центрального банка России, причина сложившейся ситуации состоит в том, что киберпреступники осуществляют хорошо подготовленные адресные атаки². Вместе с тем на положение дел негативное влияние оказывает то, что наряду с уже привычными и, к сожалению, в большинстве случаев безотказно работающими методами мошенничества начинают использоваться новые, изощренные, технологичные и многоходовые, например хищения денежных средств путем обмана или злоупотребления доверием, совершаемые с использованием генеративно-состязательных сетей – нейронных сетей, которые умеют генерировать музыку, изображения, речь и тексты, и технологии «дипфейк» [5]. Н.И. Старостенко пишет: «Анализ судебно-следственной практики в России не выявил

фактов многократного использования технологий «deepfake» при совершении хищений, но их существование, активная разработка и внедрение позволяют сделать вывод об их соответствии потребностям злоумышленников, совершающих мошеннические действия, а также прогнозировать их широкое применение в корыстных целях на ближайшую перспективу» [6, с. 189].

Какие еще способы совершения дистанционного мошенничества могут появиться в ближайшее время? Какие трансформации ждут киберпреступность? Каковы тенденции ее развития? Ответы на эти вопросы помогает найти криминалистическое прогнозирование – научно обоснованное предвидение изменений в характере преступлений, способах их совершения, а также возможных направлений дальнейшего развития методов и приемов борьбы с преступностью, технико-криминалистических средств, используемых при расследовании преступлений, и криминалистической науки в целом.

МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, составил диалектический метод. Он был необходим для полного и всестороннего изучения явлений, связей и противоречий между ними. Кроме того, оказалась востребована совокупность обще- и частнонаучных методов: описание – для

¹ Шаповалова А. Зампред Сбера рассказал о воздействии мошенников на эмоции людей // Лента.ру: сайт. 04.09.2024 // URL: <https://lenta.ru/news/2024/09/04/rasskazal/> (дата обращения: 01.11.2024).

² Корочкина А. Кибермошенники украли почти 16 млрд руб. у россиян в 2023 году // Forbes: сайт. 13.02.2024 // URL: <https://www.forbes.ru/finansy/506131-kibermosenniki-ukrali-pochti-16-mlrd-rublej-u-rossian-v-2023-godu> (дата обращения: 01.11.2024).

характеристики материала, логические методы (анализ и синтез, индукция и дедукция) – для последовательного и понятного изложения фактов, статистический метод – для анализа количественных показателей, методы криминалистического прогнозирования (аналогия, экстраполяция, моделирование) и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Впервые о криминалистическом прогнозировании как о самостоятельном направлении криминалистической науки начали говорить еще в 1939 году, когда С.А. Голунский и Б.М. Шавер выдвинули гипотезу о возможности определения новых способов совершения преступлений на основе изучения данных о расследовании их отдельных видов¹. Позднее это предположение получило развитие в трудах Р.С. Белкина, который определил объекты прогнозирования. К их числу он отнес способы совершения преступлений, следы, обстановку совершения преступлений, особенности поведения фигурантов уголовного дела, технико-криминалистические средства и тактические приемы, следственные ситуации, методики расследования преступлений и т.д.²

Центральное место способу совершения преступлений в структуре криминалистического прогнозирования отводил Г.Г. Зуйков. На его взгляд, способом надлежит именовать «систему действий по подготовке, совершению и сокрытию преступлений, детерминированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности, могущих быть связанными с избирательным использованием соответствующих орудий или средств и условий места и времени»³. Схожего мнения придерживается А.А. Бессонов. По его мнению, в структуру способа преступления входят «действия преступника (его соучастников) по подготовке, совершению и сокрытию преступления, объединенные единым преступным замыслом или отношением к последствиям; взаимосвязь этих действий с объектом (предметом) посягательства, условиями окружающей обстановки и свойствами личности преступника; приемы, орудия и средства совершения преступных действий; отражение этих действий в объективной реальности в виде следов» [7, с. 173].

Основываясь на приведенных точках зрения, используя сведения о существующих в настоящее время способах (схемах) совершения дистанционных мошенничеств, рассмотрим данный вид преступных посягательств с позиции криминалистического прогноза.

Обычно подготовка такого прогноза включает в себя несколько этапов.

Первый – прогнозная ретроспекция. Здесь происходит анализ истории развития прогнозного объекта и внешних факторов, влияющих на него, – прогнозного фона. Киберпреступность – явление не новое, она возникла еще в 1960-е годы, когда представляла собой попытки взлома операционных систем и получения доступа к конфиденциальной информации [8]. Позднее злоумышленники стали использовать в криминальных целях вредоносное программное обеспечение, фишинг, DDoS-атаки, социальную инженерию и т.д. Сегодня данный перечень пополнился технологиями искусственного интеллекта. В России впервые о киберпреступности заговорили в 90-е годы XX века, когда был зарегистрирован домен «.ru» и началось активное внедрение Интернета во многие сферы общественной жизни. Всеобщие цифровизация и компьютеризация, переход бизнеса в интернет-среду, развитие интернет-торговли, информационные поводы, дающие мошенникам возможность обогатиться, недостатки в работе правоохранительных органов вместе с низким уровнем финансовой грамотности населения, отсутствием у большинства граждан навыков цифровой гигиены и несерьезным отношением к интернет-преступности обусловили ее стремительный рост (см. схему 1). При этом важно отметить, что на протяжении многих лет большую часть киберпреступлений составляют именно кибермошенничества.

Второй этап криминалистического прогнозирования называется прогнозным диагнозом. На нем выявляются тенденции развития объекта прогнозирования и прогнозного фона. В 2023-2024 годах Россия заняла первое место в мире по числу телефонных мошенничеств. Это подтверждают и представители «Сбербанка»: «Мы имеем мировое лидерство с точки зрения потерь, с точки зрения масштабов бедствия от телефонного мошенничества»⁴. По словам заместителя председателя правления «Сбербанка» С. Кузнецова, ежедневно злоумышленники совершают до 20 млн звонков: «Такого масштаба атак на наших граждан не было никогда. Примерно в одном случае из ста люди верят телефонным мошенникам. То есть порядка 200 тысяч граждан в сутки могут попадаться на их обман»⁵.

Наиболее часто используются следующие схемы дистанционного мошенничества:

- «FakeBoss»: человек получает сообщение якобы от руководителя организации, где он работает, который предупреждает его о предстоящем звонке из правоохранительных органов. Далее гражданину звонит мнимый правоохранитель, информирует потенциальную жертву о ее уча-

¹ Голунский С.А., Шавер Б.М. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений: Учебник. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 372 с.

² Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики: Учебное пособие по курсу советской криминалистики. М.: ВШ МВД СССР, 1970. 130 с.

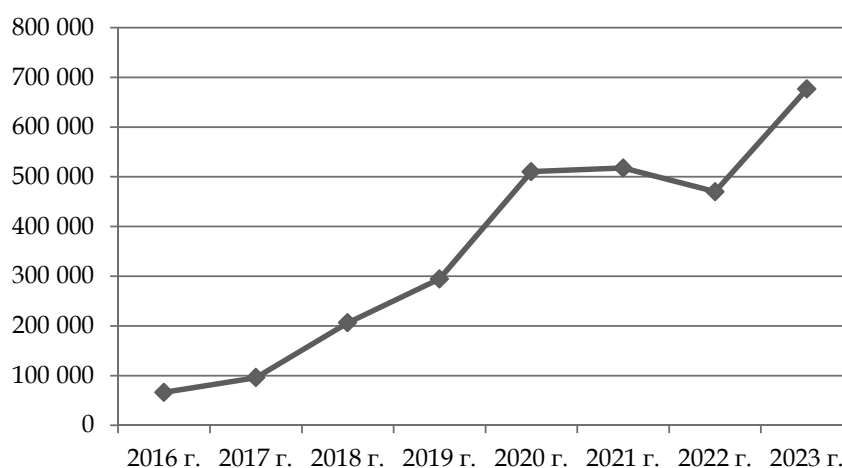
³ Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1970. С. 10.

⁴ Костерева М. Сбербанк заявил о лидерстве России по масштабам ущерба от телефонных мошенников // Коммерсантъ: сайт. 06.06.2024 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6747796> (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ Романова Т. В Сбере назвали критической ситуацию с телефонным мошенничеством // Лента.ру: сайт. 04.07.2024 // URL: <https://lenta.ru/news/2024/06/04/kriticheskoy/> (дата обращения: 25.11.2024).

Схема 1.
Количество
киберпреступлений,
зарегистрированных
в России в 2016-2023 гг.
(по данным МВД России*)

* Состояние преступности:
статистика и аналитика
// МВД России: сайт //
URL: [https://мвд.рф/
dejatelnost/statistics](https://мвд.рф/dejatelnost/statistics) (дата
обращения: 25.11.2024).

стии в мошеннической схеме и предлагает перевести деньги на «безопасный» счет. Затем следует звонок от «сотрудника банка», который советует продать имущество или оформить кредит. В результате человек переводит некую сумму на указанный мошенниками счет и лишь после этого осознает, что стал жертвой обмана [9];

- имитация голоса родных и близких в аудиосообщениях (голоса генерируются с помощью технологии «дипфейк») [9];
- звонки по видеосвязи для идентификации клиентов банка по биометрии [10];
- звонки по видеосвязи якобы из правоохранительных органов и специальных служб [11].

Приведем несколько примеров. 75-летней жительнице г. Чебоксары позвонил по видеосвязи ее бывший коллега (как выяснилось позже, изображение было сгенерировано нейросетью) и сообщил, что в образовательной организации, где она раньше работала, проводится служебное расследование. После этого ей поступил видеозвонок от сотрудника правоохранительных органов (его изображение также было сгенерировано). Он предъявил служебное удостоверение и убедил женщину перевести 500 тысяч рублей на «безопасный» счет, чтобы не допустить их отправки на Украину. Чтобы найти недостающие средства, ей посоветовали обратиться к знакомым. В результате на счет мошенников пенсионерка перевела почти миллион рублей¹. От жительницы г. Барнаула М. ее родственникам, друзьям и знакомым стали приходиться голосовые и видеосообщения с просьбой одолжить ей денег. Как оказалось позже, когда на счет злоумышленников уже были отправлены совокупно 100 тысяч рублей, аккаунт М. был взломан, а ее голос и внешность – результат работы нейросети². Жительница г. Зуевки Киров-

ской области перевела на счет злоумышленников 300 тысяч рублей. По ее словам, по видеосвязи ей позвонил сотрудник спецслужб, за его спиной висел портрет Президента Российской Федерации В.В. Путина, данный факт натолкнул женщину на мысль о том, что она разговаривает с настоящим силовиком. Позже этот же преступник, который выглядел как актер Р. Дауни-младший и представился полицейским, попытался выманить деньги у мужчины, но потерпел неудачу³.

Отметим, что с начала 2024 года число преступных схем с использованием дипфейков выросло в 30 раз⁴.

Обеспокоенность вызывают не только дипфейки, но и появляющиеся схемы мошенничества с цифровым рублем (хотя в настоящее время он существует только в тестовом режиме). Член комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по информационной политике А. Немкин отметил, что «в различных целях злоумышленники могут создавать поддельные приложения или веб-сайты, которые выглядят как официальные платформы для работы с цифровым рублем. Пользователи, вводя свои данные, могут неосознанно передать их мошенникам. Также гражданам могут поступать предложения «инвестиционных возможностей» с использованием цифрового рубля с обещаниями высокой прибыли. Пользователи могут вложить свои деньги, но в итоге потерять их»⁵. Иными словами, схемы мошенничества здесь в целом такие же, как в случае с безналичными денежными средствами.

После внесения изменений в Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (внедрение «периода охлаждения», отключение каналов дистанционного банковского обслуживания «дропам»⁶) мошенни-

¹ Зейналов А. Жительница Чебоксар перевела мошенникам почти миллион рублей, поверив в дипфейк // Коммерсантъ: сайт. 14.11.2024 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7299409> (дата обращения: 14.11.2024).

² Усик А. «Взломать могут любого». От имени жительницы Барнаула разослали дипфейки с просьбой занять денег // Комсомольская правда: сайт. 30.09.2024 // URL: <https://www.alt.kp.ru/daily/27640.5/4990570/> (дата обращения: 02.11.2024).

³ Джаббаров Д. Мошенник с лицом Роберта Дауни-младшего попытался украсть деньги кировчанина // Газета.ru: сайт. 22.03.2024 // URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/03/22/22608199.shtml> (дата обращения: 02.11.2024).

⁴ Состояние преступности: статистика и аналитика // МВД России: сайт // URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 25.11.2024).

⁵ Денисенко А. В России выстроены первые схемы мошенничества с цифровым рублем // CNews: сайт. 04.07.2024 // URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-07-04_v_rossii_poyavilis_pervye (дата обращения: 25.11.2024).

⁶ Дроп – от англ. to drop «сбрасывать»; «дропами» злоумышленники называют людей, с помощью которых они прячут украденное.

ки стали использовать новую схему: они убеждают россиян снимать деньги со счетов и передавать их «инкассаторам», которые якобы перевезут наличные в другой банк на хранение (вместо перевода на «безопасный» счет). Такая схема позволяет злоумышленникам обойти антифрод-проверки и потому набирает популярность [12]. По информации сервиса «DLBI», на нее уже приходится около 80% всех случаев хищений¹. Из сказанного можно сделать вывод о том, что киберпреступность продолжает развиваться и адаптируется к новым вызовам и технологиям.

Третий этап криминалистического прогнозирования – проспекция. Здесь происходит разработка прогнозов на основе диагноза. С учетом статистических данных о состоянии киберпреступности в стране, схем мошенничества, которые приспособляются к условиям окружающей социальной среды, по-прежнему недостаточно высокого уровня цифровой и финансовой культуры населения (особенно социально незащищенных категорий граждан) полагаем, что число дистанционных мошенничеств в ближайшее время будет расти. По нашему мнению, сценарии со звонками от «сотрудников правоохранительных органов» и «представителей Центробанка России» с рекомендациями перевести денежные средства на «безопасный» счет или отдать их «инкассаторам» будут активно использоваться злоумышленниками, так как эти схемы просты в исполнении и, несмотря на профилактическую работу со стороны государства, вот уже на протяжении нескольких лет приносят преступникам самую большую прибыль. Стремительное развитие технологии искусственного интеллекта и других инноваций, которые киберпреступники могут использовать

в своих целях, также способствует увеличению количества мошенничеств [13]. Становится все более совершенной технология «дипфейк» [14]. Теперь для компьютерного синтеза изображения или голоса не требуются большие массивы информации, достаточно лишь непродолжительной беседы, в результате которой нейросеть сгенерирует виртуальную копию человека, не только похожую на него внешне, но и имеющую те же ценности и предпочтения, что и он. А это, в свою очередь, уменьшит временные и финансовые затраты мошенников на создание дипфейков, существенно затруднит их распознавание и сделает киберпреступность если не более опасной, то более изощренной [15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Волна дистанционного мошенничества, захлестнувшая Россию в последние годы, несмотря на ряд профилактических мер, принятых государством, заставляет нас вновь уделять внимание данной проблеме. Сегодня в числе схем, которые используют злоумышленники для обмана граждан, особого внимания заслуживают: схема «FakeBoss» с переводом денежных средств на «безопасный счет»; имитация голоса родных и близких в аудиосообщениях; звонки по видеосвязи для идентификации клиентов банка по биометрии; звонки по видеосвязи якобы из правоохранительных органов и специальных служб. Появление и распространение трех последних сценариев обусловлены развитием технологии «дипфейк», которая становится всё более совершенной. Полагаем, что она по-прежнему будет использоваться в криминальных целях наряду с иными уже проверенными мошенниками средствами подготовки и реализации преступного замысла. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кольчева А.Н. Основные виды и способы осуществления преступной деятельности в сети Интернет // Современное общество и право. 2021. № 6 (55). С. 87-92.
2. Жданова О.В., Лабовская Ю.В., Дедюхина И.Ф. Финансовое мошенничество в современном мире // Государственная служба и кадры. 2020. № 4. С. 95-97.
3. Лабутин А.А. «Мобильные» мошенничества: основные способы совершения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 2 (12). С. 50-55.
4. Алексеева А.П. Киберпреступность: насколько реальна угроза // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № Т31. С. 76-80.
5. Алексеева А.П., Смагоринский Б.П., Третьяков В.И. Нейросети как инструмент работы органов внутренних дел: криминологический аспект // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3 (96). С. 85-92.
6. Старостенко Н.И. Криминалистическое прогнозирование преступлений, совершаемых с использованием «deepfake»-технологий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 2 (51). С. 187-192.
7. Бессонов А.А. Криминалистическая характеристика преступления // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 4. С. 171-173.
8. Алексеева А.П., Ничуговская О.Н. Киберпреступность: основные черты и формы проявления // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2017. № 1. С. 27-34.
9. Никитина И.А. Финансовое мошенничество в сети Интернет // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 337. С. 122-124.
10. Киселев А.С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 54-64.

¹ Мошенники начали использовать схему с «инкассацией» наличных // Совкомблог: сайт. 21.11.2024 // URL: <https://journal.sovcombank.ru/news/moshenniki-nachali-ispolzovat-shemu-s-inkassatsiei-nalichnih> (дата обращения: 25.11.2024).

11. Санина Л.В., Чепинога О.А., Ржепка Э.А., Палкин О.Ю. Деструктивная социальная инженерия как угроза экономической безопасности: масштабы явления и меры предотвращения // *Baikal Research Journal*. 2021. Т. 12. № 2. С. 14.
12. Алексеева А.П. Перспективы развития уголовного законодательства в киберсфере // Подготовка сотрудников полиции к использованию информационных технологий в борьбе с преступностью: Сборник научных трудов по материалам II Всероссийской межвузовской научно-практической конференции. Вып. 2. Волгоград: ВА МВД России, 2017. С. 24-31.
13. Логинов М.П., Усова Н.В., Полубоярских Г.В., Антонова Е.А. Повышение угроз мошенничества при развитии рынка криптовалют // *Балтийский экономический журнал*. 2023. № 1 (41). С. 71-82.
14. Ефремова М.А., Рускевич Е.А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 97-105.
15. Алексеева А.П., Анисимова Т.В. Законодательные инициативы в сфере установления уголовной ответственности за незаконное использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные: проблемы и перспективы // *Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. Материалы ежегодной международной научно-практической конференции*. СПб: СПбУ МВД России, 2024. С. 13-15.

REFERENCES

1. Kolycheva A.N. Osnovnyye vidy i sposoby osushchestvleniya prestupnoy deyatel'nosti v seti Internet // *Sovremennoye obshchestvo i pravo*. 2021. № 6 (55). S. 87-92.
2. Zhdanova O.V., Labovskaya Yu.V., Dedyukhina I.F. Finansovoye moshennichestvo v sovremennom mire // *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*. 2020. № 4. S. 95-97.
3. Labutin A.A. «Mobil'nyye» moshennichestva: osnovnyye sposoby soversheniya // *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2013. № 2 (12). S. 50-55.
4. Alekseyeva A.P. Kiberprestupnost': naskol'ko real'na ugroza // *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept»*. 2017. № T31. S. 76-80.
5. Alekseyeva A.P., Smagorinskiy B.P., Tret'yakov V.I. Neyroseti kak instrument raboty organov vnutrennikh del: kriminologicheskoy aspekt // *Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova*. 2023. № 3 (96). S. 85-92.
6. Starostenko N.I. Kriminalisticheskoye prognozirovaniye prestupleniy, sovershayemykh s ispol'zovaniyem «deepfake»-tekhnologiy // *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2023. № 2 (51). S. 187-192.
7. Bessonov A.A. Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniya // *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*. 2014. № 4. S. 171-173.
8. Alekseyeva A.P., Nichugovskaya O.N. Kiberprestupnost': osnovnyye cherty i formy proyavleniya // *Prestupnost' v sfere informatsionnykh i telekommunikatsionnykh tekhnologiy: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy*. 2017. № 1. S. 27-34.
9. Nikitina I.A. Finansovoye moshennichestvo v seti Internet // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. № 337. S. 122-124.
10. Kiselev A.S. O neobkhodimosti pravovogo regulirovaniya v sfere iskusstvennogo intellekta: dipfeyk kak ugroza natsional'noy bezopasnosti // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya*. 2021. № 3. S. 54-64.
11. Sanina L.V., Chepinoga O.A., Rzhepka E.A., Palkin O.Yu. Destruktivnaya sotsial'naya inzheneriya kak ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti: masshtaby yavleniya i mery predotvrashcheniya // *Baikal Research Journal*. 2021. Т. 12. № 2. С. 14.
12. Alekseyeva A.P. Perspektivy razvitiya ugovnogo zakonodatel'stva v kibersfere // *Podgotovka sotrudnikov politzii k ispol'zovaniyu informatsionnykh tekhnologiy v bor'be s prestupnost'yu: Sbornik nauchnykh trudov po materialam II Vserossiyskoy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Вып. 2. Volgograd: VA МВД России, 2017. С. 24-31.
13. Loginov M.P., Usova N.V., Poluboyarskikh G.V., Antonova Ye.A. Povysheniye ugroz moshennichestva pri razvitiy rynka kriptovalyut // *Baltiyskiy ekonomicheskoy zhurnal*. 2023. № 1 (41). S. 71-82.
14. Yefremova M.A., Russkevich Ye.A. Dipfeyk (deepfake) i ugovnuy zakon // *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 97-105.
15. Alekseyeva A.P., Anisimova T.V. Zakonodatel'nyye initsiativy v sfere ustanovleniya ugovnoy otvetstvennosti za nezakonnyye ispol'zovaniye i peredachu, sbor i khraneniye komp'yuternoy informatsii, sodержashchey personal'nyye dannyye: problemy i perspektivy // *Ugovnoye zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra. Materialy yezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. СПб: SPbU MVD Rossii, 2024. С. 13-15.

© Голятина С.М., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Голятина С.М. Криминалистическое прогнозирование дистанционного мошенничества // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2024. № 4 (78). С. 75-80.

Юлия Александровна СЛУЧЕВСКАЯ,
кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0002-0142-5372
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург)
докторант научно-исследовательского отдела
ula-sl@mail.ru

Научная статья
УДК 343.9.018.3:502.3

КРИМИНАЛЬНЫЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Риск, криминальный риск, экологический риск, оценка рисков, управление рисками, криминологическая безопасность, экологическая безопасность.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В экологической сфере проявляется множество рисков. Отдельного изучения требуют вопросы о соотношении понятий «экологический риск» и «криминальный риск», об особенностях проявления этих рисков в экологической сфере и возможностях управления ими. В исследовании, результаты которого представлены в статье, автор ставил перед собой следующие задачи: рассмотреть понятие «риск»; проанализировать самые распространенные классификации рисков и обосновать ту, которая наиболее релевантна проблематике исследования; изучить понятия «криминальный риск» и «экологический риск», выявить их соотношение; рассмотреть особенности управления криминальными и экологическими рисками. **Методы.** При проведении исследования использовались общие и частные методы: системно-структурный, формально-логический, сравнительно-правовой. **Результаты.** Изучение особенностей криминальных и экологических рисков должно основываться на едином понятийном аппарате. Различают два основных подхода к пониманию риска – реалистический и социокультурный. Реалистический подход, позволяющий нормировать риски, представляется наиболее перспективным для практико-ориентированных исследований. Социокультурный подход ценен с точки зрения формирования системных представлений о понятии риска, позволяющих изучать природу этого явления и связанных с ним социальных процессов. Криминальные и экологические риски следует выделять в соответствии с классификацией, в основе которой лежит сфера проявления риска. Под криминальными и экологическими рисками целесообразно понимать вероятность наступления событий, следствием которых может стать причинение вреда (различного масштаба и тяжести) охраняемым законом интересам и ценностям, криминологической и экологической безопасности.

ВВЕДЕНИЕ

Риск является объектом изучения различных социальных наук. Повышенное внимание к этой категории вполне объяснимо. Современное общество – это общество рисков, источники происхождения которых весьма разнообразны. Риски становятся всё более значимым фактором, они сопровождают любую отрасль человеческой деятельности и оказывают влияние на содержание социальных отношений.

Понятие «риск» прочно вошло и в российское законодательство, при этом диапазон его применения весьма широк. Гражданский кодекс Российской Федерации определяет предпринимательскую деятельность как деятельность, осуществляемую на свой риск; в Уголовном кодексе Российской Федерации закреплено понятие «обоснованный риск»; в Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» говорится о допустимом уровне биологического риска. Такого рода примеры можно продолжить. Безусловным фактом является то, что в рамках российского законодательства регламентируются понятие риска и связанные с ним процессы, которые в практи-

ческой деятельности не так просто поддаются идентификации и прогнозированию.

Важным этапом в реализации государственной контрольно-надзорной деятельности в экологической сфере стало признание в качестве основного метода риск-ориентированного подхода. Было принято Постановление Правительства Российской Федерации от 17 августа 2016 г. № 806 «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». В Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» представлена модель управления рисками. Из анализа положений перечисленных правовых актов следует, что риск рассматривается как неотъемлемый фактор реализации определенных видов деятельности, который нельзя исключить. При этом право должно разработать эффективные механизмы, позволяющие управлять рисками и минимизировать их.

Такой подход к пониманию риска и его значимости проявился не только в законодательстве, но

Yulia A. SLUCHEVSKAYA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0002-0142-5372

Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia (Saint-Petersburg, Russia)

Doctoral Student of the Scientific Research Department

ula-sl@mail.ru

CRIME AND ENVIRONMENTAL RISKS

KEYWORDS. Risk, criminal risk, environmental risk, risk assessment, risk management, criminological safety, environmental safety.

ANNOTATION. Introduction. There are many risks in the environmental sphere. The issues of the relationship between the concepts of «environmental risk» and «criminal risk», the specifics of these risks in the environmental sphere and the possibilities of managing them require separate study. In the study, the results of which are presented in the article, the author set the following objectives: to consider the concept of «risk»; to analyze the most common classifications of risks and to substantiate the one that is most relevant to the research problems; to study the concepts of «criminal risk» and «environmental risk», to identify their relationship; to consider the specifics of managing criminal and environmental risks. **Methods.** The study used general and specific methods: system-structural, formal-logical, comparative-legal. **Results.** The study of the specifics of criminal and environmental risks should be based on a single conceptual apparatus. There are two main approaches to understanding risk – realistic and socio-cultural. The realistic approach, which allows for the normalization of risks, seems to be the most promising for practice-oriented research. The sociocultural approach is valuable in terms of forming systemic ideas about the concept of risk, allowing us to study the nature of this phenomenon and the social processes associated with it. Criminal and environmental risks should be identified in accordance with the classification based on the sphere of risk manifestation. Criminal and environmental risks should be understood as the probability of events that may result in harm (of varying scale and severity) to legally protected interests and values, criminological and environmental safety.

и отразился на разных областях научного знания. В социологии возникла отрасль – «социология риска» (или иначе – «социальная рискология») [1, 2]. В экономике сформировалось такое направление, как риск-менеджмент [3]. Закономерным стало и появление в рамках криминологических исследований криминальной рискологии [4].

В экологической сфере проявляется множество рисков, они различны по своим источникам и трудно ранжируемы. Всё большее распространение получает понятие «экологический риск». Между тем экологическая сфера является и областью криминальных проявлений, а следовательно, и криминальных рисков. В связи с этим отдельного изучения требуют вопросы о соотношении понятий «экологический риск» и «криминальный риск», об особенностях проявления этих рисков в экологической сфере и возможностях управления ими. Для достижения этой цели исследования необходимо решить следующие задачи: рассмотреть понятие «риск»; проанализировать самые распространенные классификации рисков и обосновать ту, которая в наибольшей степени релевантна нашему исследованию; изучить понятия «криминальный риск» и «экологический риск», выявить их соотношение; рассмотреть особенности управления криминальными и экологическими рисками.

МЕТОДЫ

При проведении исследования, результаты которого отражены в настоящей статье, использовались общие и частные методы: системно-структурный, формально-логический, сравнительно-правовой. Эти методы позволили в полной мере достичь цели нашего исследования и решить поставленные задачи.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Понятие риска

Исследование особенностей криминальных и экологических рисков должно основываться на едином понятийном аппарате. Существование множества научных областей, исследующих различные виды рисков, затрудняет достижение единообразия в понимании базового для всех этих научных направлений понятия «риск».

Наиболее распространено такое понимание риска, при котором он рассматривается как возможность негативных явлений и процессов или неблагоприятных событий. Часто термин «риск» используют как синоним с такими категориями, как «кризис», «опасность», «угроза», понятие риска нередко определяется с их помощью. Между тем такое понимание недостаточно информативно применительно к отдельным областям научного знания, в связи с этим представители различных научных направлений уточняют это базовое понятие.

Можно выделить два основных подхода к пониманию риска – реалистический (риск определяется в научных и технических терминах) и социокультурный. Первый подход характерен для психологии, экономики, статистики, инженерных наук и эпидемиологии. Представители этого направления исходят из того, что вероятность наступления риска можно вычислить, а его последствия – посчитать. Второй подход основывается на социальном и культурном контексте; применяется в философии, социологии, культурной антропологии, культурной географии [5, с. 3].

Примером первого подхода является операционное определение понятия «риск причинения вреда (ущерба)», сформулированное в ст. 22

Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Риск причинения вреда (ущерба) рассматривается как вероятность наступления событий, следствием которых может стать причинение вреда (ущерба) различного масштаба и тяжести охраняемым законом ценностям.

Реалистический подход применяется и в теоретических исследованиях, при этом такие исследования главным образом ориентированы на практическую реализацию их результатов. Например, в менеджменте риск рассматривают как возможность возникновения определенного рискованного случая, при наступлении которого возможны негативные последствия для достижения организацией своих краткосрочных или долгосрочных целей [6, с. 94]; или как вид деятельности, осуществляемый в надежде на прибыльный итог, и в этом случае риск становится ситуативной характеристикой деятельности, которая состоит в неопределенности ее исхода и возможности возникновения неблагоприятных последствий в случае неудачи [7].

Обобщая определения, сформулированные в рамках реалистического подхода, отметим, что риск представляет собой оценочную категорию, которая используется для сравнения негативных последствий различных событий, явлений и процессов, определения границ приемлемости той или иной деятельности. При этом деятельность следует рассматривать максимально широко, понимая под ней осознанное поведение человека. Необходимо учитывать, что в некоторых случаях отсутствие действий (бездействие) также ведет к риску наступления негативных последствий.

Социокультурный контекст трактовки понятия «риск» более многосложен и разнообразен, соответственно, это предопределяет и многообразие вариантов рассматриваемого понятия. Приведем определение, предложенное социологом У. Бекком, чье имя в большей степени ассоциируется с теорией риска. По мнению исследователя, риск – это систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми модернизацией [8]. Таким образом, У. Бек связывал риски с развитием общества и считал их неотъемлемой частью такого развития.

В рамках социокультурного подхода можно выделить следующие направления: теория общества риска (наиболее распространенная, в рамках нее сложилось представление о современном обществе как генераторе всевозможных рисков); культурно-символическое направление (человеческое тело рассматривается в дискурсе и практиках вокруг проблемы риска); теория калькулятивной рациональности (исследует, как различные концепции риска порождают специфические нормы поведения) [5, с. 4]. Социологические теории исходят из того, что любое поведение человека в современном обществе связано с рисками. При этом увеличение объема знаний о рисках не исключает их, а, наоборот, приводит к осознанию рискогенности современного общества как неотъемлемого его свойства.

Концептуальные идеи, сформированные в рамках названных направлений, служат основой для понимания состояния современного социума и его развития с учетом фактора разнообразных рисков. Представители социокультурного подхода разделяют такие понятия, как опасность (в этом случае потенциальный ущерб может возникнуть из-за внешних факторов, окружающей среды) и риск-решения (потенциальный ущерб может возникнуть вследствие принятия решения). В качестве яркого примера такого деления Н. Луман приводит необратимый сдвиг экологического баланса или природное бедствие, которые не могут быть связаны с конкретным решением. При этом лицам, наделенным властными полномочиями, легче дистанцироваться от опасности, чем от риска принятия решения. В связи с этим такое деление в практическом плане представляется весьма важным [9].

Социологическое понимание риска в современных исследованиях связывают с понятием безопасности. Именно эта базовая потребность социума и отдельного человека охраняется от всевозможных рисков, опасностей и угроз. По сути, безопасность является краеугольным камнем в концепции общества риска.

Социокультурный подход ценен с точки зрения формирования системных представлений о понятии риска, позволяющих изучить природу этого явления и связанных с ним социальных процессов. Между тем для практико-ориентированных отраслей знаний, к числу которых относятся криминология и право, основным должен быть реалистический подход.

Виды рисков

В каждой из областей научного знания, рассматривающих проблемы риска, разработаны релевантные таким исследованиям его классификации.

Так, в социологии различают следующие группы рисков: природогенные (природные) – наводнения, землетрясения, оползни, засухи, лавины, цунами и т.п.; техногенные (технологические) риски, которые возникают вследствие взрывов, пожаров, химических и радиационных загрязнений; и социогенные (социальные, общественные, социально-политические, социокультурные) риски. Диапазон социогенных рисков максимально широк, им охватываются многочисленные явления и процессы. Это, например, военно-политические конфликты, политические и экономические кризисы, терроризм, кризис института семьи, образования, воспитания, преступность и др. [10, с. 140]. К группе социогенных следует отнести и криминальные риски. Рассмотрение экологических рисков в рамках этой классификации вызывает определенные сложности. По ряду признаков экологические риски могут быть отнесены к каждой из названных выше групп.

В экономических исследованиях предложено множество детальных классификаций видов рисков: 1) по роду опасности различают техногенные (хозяйственная деятельность людей), природные (природные катаклизмы и явления), смешанные (явления природного характера, возникшие в результате хозяйственной деятельности людей) ри-

ски; 2) по сферам проявления – политические, социальные, коммерческие, профессиональные и др.; 3) в зависимости от возможности прогнозирования – прогнозируемые (циклические риски) и непрогнозируемые (полная непредсказуемость проявления риска); 4) в зависимости от размера возможного ущерба – допустимый, критический, катастрофический; 5) в зависимости от характера проявления – постоянный, временный; 6) в зависимости от частоты реализации – высокий, средний, низкий [11]. Криминальные и экологические риски следует определять в соответствии с классификацией, в основе которой лежит сфера проявления риска. При этом каждый из этих рисков в отдельности – криминальный и экологический – может быть рассмотрен и в рамках других классификаций (например по характеру проявления или частоте реализации).

Помимо этого, риски предлагается классифицировать по масштабу проявления, степени допустимости, возможности предотвращения, страхования и другим основаниям [12].

Представленные классификации рисков весьма условны, однако недооценивать их нельзя. Систематизация различных видов рисков позволяет понять их природу и выработать наиболее эффективную стратегию управления ими. При этом необходимо учитывать, что риски не существуют автономно. Множество факторов, воздействующих на них, порождает, как правило, несколько взаимосвязанных видов рисков. Так, криминальные и экологические риски при определенных условиях оборачиваются политическими и социальными, и наоборот. В связи с этим вопрос о понятии экологических и криминальных рисков, взаимоотношении этих рисков и влиянии представляется вполне актуальным.

Понятие криминальных рисков

Как и любой риск, криминальный связан с наступлением неблагоприятного события. Криминальную сферу мы ассоциируем с преступной деятельностью, поэтому неблагоприятным событием в этом случае является совершенное преступление. М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин под криминальным риском понимают особую характеристику и состояние социальных явлений и процессов, развитие которых может привести к совершению преступления [4, с. 136].

Понятие преступления представляет собой довольно подвижный социальный конструкт. Деяния, криминализованные в одних государствах, могут не признаваться преступлениями в других. Между тем существуют категории уголовно-правовых запретов, которые универсальны для всех юрисдикций. К тому же с позиций реалистического подхода любые риски привязаны к конкретной социальной действительности, они должны поддаваться нормативной фиксации. Поэтому в качестве неблагоприятных событий, к которым могут привести криминальные риски, следует рассматривать деяния, содержащие признаки состава преступления, указанного в законодательстве конкретного государства.

Криминальный риск представляет собой криминогенный фактор, существенно отличающийся

ся, однако, от других (которые условно можно назвать традиционными). Криминальный риск связан с областью вероятностей. Традиционные криминогенные факторы объективно существуют и оказывают негативное воздействие на социальные явления и процессы, непосредственно детерминируя преступное поведение. Криминальные риски ставят социальную сферу под угрозу проявления в ней различных форм преступного поведения, а масштабы и уровень опасности последствий могут быть более значительными, чем воздействие традиционных криминогенных факторов.

Криминологи определяют риск через категорию опасности и отмечают, что в контексте криминологических исследований риск следует рассматривать как возможную криминогенную опасность [4, с. 138]. При этом М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин сомневаются в том, что когда-либо будут выработаны четкие критерии идентификации криминальных рисков. По их мнению, «полностью освободиться из плена оценочных понятий без неизбежных содержательных потерь невозможно» [4, с. 140].

На наш взгляд, если исходить из реалистического подхода к пониманию риска вообще и криминальных рисков в частности, то задача выработать объективную систему критериев и оценки криминальных рисков вполне решаема. Примеры успешной практической реализации такой деятельности можно найти в других сферах, например в экономике и риск-менеджменте. Отметим так же, что в России в рамках осуществления государственной контрольно-надзорной деятельности разработана многоуровневая система управления рисками, доказывающая возможность разработки объективных критериев оценки рисков.

Понятие экологических рисков

Понятие экологического риска закреплено на уровне законодательства. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» экологическим риском признается вероятность наступления события, имеющего неблагоприятные последствия для природной среды и вызванного негативным воздействием хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера. Таким образом, законодатель демонстрирует широкий подход к определению экологического риска и рассматривает в качестве причин наступления неблагоприятных последствий факторы и антропогенного, и естественного природного характера.

В специальных исследованиях можно встретить и другие трактовки. Например, экологический риск рассматривается как вероятность возникновения негативных изменений в окружающей природной среде; вероятность наступления события, имеющего неблагоприятные последствия для окружающей среды и здоровья населения, обусловленного прогнозируемым негативным воздействием хозяйственной и иной деятельности [13, с. 209]. Такое понимание экологического риска требует принципиальных уточнений. Во-первых, представляется некорректным использование термина «окружающая природная среда», так как

следует разделять понятия «окружающая среда» и «природная среда». Во-вторых, под риском наступления негативных последствий прежде всего находится именно природная среда, риски для жизни и здоровья человека в этом случае производны (вторичны). В связи с этим деление экологических рисков на риски для природной среды и риски для здоровья человека видится недостаточным обоснованным. С учетом этих обстоятельств более аргументированным, по нашему мнению, является определение экологического риска, предложенное Е.В. Новиковой, которая под таковым предлагает понимать вероятность возникновения опасности причинения вреда окружающей среде (природной среде) в виде возможного ущерба за определенный промежуток времени [14, с. 44].

Таким образом, экологический риск – это вероятность наступления негативных последствий для природной среды, являющейся неотъемлемым условием существования человека. При этом следует учитывать, что в экологической сфере последствия нередко проявляются не сразу, а спустя некоторое время, то есть воздействие на природу может иметь отложенный эффект. С позиций реалистического подхода экологические риски поддаются нормированию и, как правило, связаны с деятельностью конкретных объектов.

В некоторых исследованиях обосновывается выделение (наряду с экологическими) климатических рисков, которые более долгосрочны и менее прогнозируемы [15, с. 764]. Они не привязаны к конкретным объектам, а носят глобальный характер.

В экологическом праве говорится об эколого-правовых рисках, под которыми понимают вероятность наступления негативных юридических последствий для субъектов права в процессе планирования и осуществления хозяйственной деятельности в сфере природопользования [16, с. 148]. При этом Н.В. Кичигин предлагает разделять экологические и эколого-правовые риски. По его мнению, эколого-правовые риски представляют собой разновидность более широкой категории рисков – юридических; экологические риски подразумевают негативные последствия для окружающей среды, в то время как эколого-правовые риски создают основания для нанесения вреда субъектам права; экологические риски могут быть источниками эколого-правовых рисков [16, с. 149]. Данная аргументация вызывает ряд возражений. Экологические и эколого-правовые риски представляют собой разнопорядковые категории. В первом случае речь идет об экологической сфере, между тем юридические риски являются частью механизма, продуцирующего риски совершенно в различных областях. Поэтому наиболее правильно говорить не об эколого-правовых рисках, а о юридических рисках в экологической сфере. Примерами таких рисков являются отказ в выдаче лицензии или ее аннулирование, получение отрицательного заключения государственной экологической экспертизы, отказ в выдаче разрешительной документации, привлечение к юридической ответственности и т.д. К тому же не только экологические риски могут становиться источником так называемых эколого-правовых рисков, может

быть и наоборот. Так, правовая неопределенность положений закона, ориентированного на защиту окружающей среды, повышает вероятность наступления негативных последствий для природы, то есть порождает экологические риски.

Соотношение криминальных и экологических рисков

Криминальные и экологические риски представляют собой вероятность наступления событий, следствием которых может стать причинение вреда различного масштаба и тяжести охраняемым законом ценностям – криминологической и экологической безопасности. Криминальные риски могут продуцировать экологические и наоборот. Представляется, что неверно говорить о появлении новых рисков (например эколого-криминальных), соединяющих в себе эти два вида, когда речь идет о вероятности совершения экологического преступления. В этом случае в экологической сфере проявляются криминальные риски.

Управление криминальными и экологическими рисками

Подходы к пониманию рисков и оценке возможностей их минимизации в социальных науках со временем менялись. Например, если классическая экономическая теория исходила из констатации того факта, что при осуществлении предпринимательской деятельности риск неизбежен, то неоклассическая теория основывается на том, что рисками можно управлять, применяя математическое моделирование принятия решений [7]. В любой сфере деятельности по снижению рисков проходит три этапа: 1) выявление риска; 2) оценка риска; 3) управление риском.

Первый этап – выявление риска

Для эффективного выявления рисков особое значение имеет деятельность по их нормированию. Это позволяет добиться большей объективности. В противном случае оценка риска во многом опосредуется субъективным восприятием и особенностями внешней среды. Отметим, что имеют место ситуации, когда риск презюмируется. Это происходит, например, когда экологические риски возникают в результате деятельности предприятия, которая связана с добычей или использованием природных ресурсов.

Второй этап – оценка риска

Это важнейший этап, создающий основу для управления рисками. Оценка рисков связана с прогнозированием вероятного развития событий. Как только осознается риск нежелательного их развития, дается оценка процессам, которые они вызовут, а также их последствиям. Деятельность по оценке рисков может осуществляться как субъектами, продуцирующими риски (например природопользователями), так и контрольно-надзорными органами. В частности, в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» указано, что под оценкой риска причинения вреда (ущерба) следует понимать деятельность контрольного (надзорного) органа по определению вероятности возникновения риска и масштаба вреда (ущерба) для охраняемых законом ценностей.

При оценке риска в российской правоприменительной практике активно используется понятие индикаторов риска нарушения обязательных требований. Эти индикаторы выступают своего рода сигналами контролирующим органам для принятия мер, направленных на минимизацию рисков.

Третий этап – управление риском

Важным элементом процесса управления рисками является его информационная составляющая. Лица, ответственные за принятие направленных на минимизацию рисков решений, должны оперативно получать достоверные сведения о состоянии объекта, подверженного опасности. Информационное обеспечение управления рисками представляет собой комплексную деятельность, предусматривающую:

- 1) создание информационных каналов, позволяющих получать достоверные сведения о связанных с объектом источниках опасности;
- 2) своевременное получение сведений о явлениях и процессах, происходящих вне объекта повышенного риска, однако оказывающих непосредственное на него воздействие;
- 3) своевременное получение сведений о явлениях и процессах, происходящих с самим объектом повышенного риска;
- 4) информирование государственных структур и общества о состоянии объекта повышенного риска.

Есть основания вести речь о следующих методах управления рисками: 1) уклонение от риска; 2) локализация риска; 3) рассеивание риска путем диверсификации деятельности и распределение ответственности в организационной системе; 4) компенсация риска благодаря стратегическому прогнозированию и планированию, созданию резервов, проведение регулярных мониторингов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Риск является фактором, проявляющимся во всех сферах общественной жизни, неотъемлемым ее элементом. В той или иной степени это касается всех видов деятельности. Экологическая сфера не стала исключением, в ней проявляются не только экологические риски, но и криминальные. Исследование этих рисков связано с решением целого комплекса проблем, главной из которых оказывается унификация понятийного аппарата. Реалистический подход, позволяющий нормировать риски, представляется наиболее перспективным для дальнейших исследований. Именно с его позиций следует рассматривать криминальные и экологические риски, представляющие собой вероятность наступления событий, следствием которых может стать причинение вреда различного масштаба и тяжести охраняемым законом интересам и ценностям, криминологической и экологической безопасности. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Яницкий О.Н. Социология риска. М.: Изд-во LVS, 2003. 191 с.
2. Шопенко А.Д. Концептуальные основания социальной рискологии транзитивного общества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 120. С. 307-314.
3. Складенко И.А., Дахова З.И. Основы риск-менеджмента: Монография. Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2015. 102 с.
4. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Феномен риска в контексте профилактической политики (криминальная рискология) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 1. С. 136-148.
5. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. Социология. Этнология. 2003. Т. 12. № 1. С. 3-35.
6. Старченко И.В. Анализ рисков и оценка эффективности изменений в управлении персоналом организации на примере ИП // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 12-2. С. 94-98.
7. Духанина Е.В., Кулаков К.Ю., Хаметова А.Т. Анализ подходов к трактовке понятия риска, его содержания и методов управления // Вестник евразийской науки. 2022. Т. 14. № 1.
8. Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. L.: SAGE, 1992. 260 p.
9. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993. 236 p.
10. Феофанов К.А. Возможности современной социальной рискологии // Вестник МГТУ «Станкин». 2008. № 2. С. 140-144.
11. Filyppova S., Bashynska I., Kholod B. [et al.] Risk Management through Systematization: Risk Management Culture // International Journal of Recent Technology and Engineering. 2019. Vol. 8. № 3. P. 6047-6052.
12. Городнова Н.В., Соколов С.А. Анализ опыта минимизации экологических рисков в процессе построения зеленой экономики // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 6. С. 1963-1982.
13. Тунакова Ю.А., Шагидуллина Р.А., Валиев В.С., Григорьева И.Г. Возможности использования теории риска для прогноза уровня экологического риска на урбанизированной территории // Хартия Земли – практический инструмент решения фундаментальных проблем устойчивого развития: сборник материалов международной научно-практической конференции. Казань: Татарское книжное издательство, 2016. С. 209-212.
14. Новикова Е.В. Экологическая безопасность: современные правовые подходы к управлению рисками // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2018. № 6. С. 44-66.
15. Мамонтова И.Ю. Экологические риски в системе устойчивого развития // Московский экономический журнал. 2024. Т. 9. № 2. С. 762-771.

16. Кичигин Н.В. Минимизация и предупреждение эколого-правовых рисков // Журнал российского права. 2018. № 8 (260). С. 144-154.

REFERENCES

1. Yanitskiy O.N. Sotsiologiya riska. M.: Izd-vo LVS, 2003. 191 s.
2. Shopenko A.D. Kontseptual'nyye osnovaniya sotsial'noy riskologii tranzitivnogo obshchestva // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2010. № 120. S. 307-314.
3. Sklyarenko I.A., Dakhova Z.I. Osnovy risk-menedzhmenta: Monografiya. Belgorod: Belgorodskiy universitet kooperatsii, ekonomiki i prava, 2015. 102 s.
4. Babayev M.M., Pudovochkin Yu.Ye. Fenomen riska v kontekste profilakticheskoy politiki (kriminal'naya riskologiya) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2019. T. 10. № 1. S. 136-148.
5. Yanitskiy O.N. Sotsiologiya riska: klyuchevyye idei // Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya. 2003. T. 12. № 1. S. 3-35.
6. Starchenko I.V. Analiz riskov i otsenka effektivnosti izmeneniy v upravlenii personalom organizatsii na primere IP // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2018. № 12-2. S. 94-98.
7. Dukhanina Ye.V., Kulakov K.Yu., Khametova A.T. Analiz podkhodov k traktovke ponyatiya riska, yego sodержaniya i metodov upravleniya // Vestnik yevraziyskoy nauki. 2022. T. 14. № 1.
8. Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. L.: SAGE, 1992. 260 r.
9. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993. 236 r.
10. Feofanov K.A. Vozmozhnosti sovremennoy sotsial'noy riskologii // Vestnik MGTU «Stankin». 2008. № 2. S. 140-144.
11. Filyppova S., Bashynska I., Kholod B. [et al.] Risk Management through Systematization: Risk Management Culture // International Journal of Recent Technology and Engineering. 2019. Vol. 8. № 3. P. 6047-6052.
12. Gorodnova N.V., Sokolov S.A. Analiz opyta minimizatsii ekologicheskikh riskov v protsesse postroyeniya zelenoy ekonomiki // Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo. 2023. T. 13. № 6. S. 1963-1982.
13. Tunakova Yu.A., Shagidullina R.A., Valiyev V.S., Grigor'yeva I.G. Vozmozhnosti ispol'zovaniya teorii riska dlya prognoza urovnya ekologicheskogo riska na urbanizirovannoy territorii // Khartiya Zemli – prakticheskiy instrument resheniya fundamental'nykh problem ustoychivogo razvitiya: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Kazan': Tatarskoye knizhnoye izdatel'stvo, 2016. S. 209-212.
14. Novikova Ye.V. Ekologicheskaya bezopasnost': sovremennyye pravovyye podkhody k upravleniyu riskami // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2018. № 6. S. 44-66.
15. Mamontova I.Yu. Ekologicheskkiye riski v sisteme ustoychivogo razvitiya // Moskovskiy ekonomicheskiy zhurnal. 2024. T. 9. № 2. S. 762-771.
16. Kichigin N.V. Minimizatsiya i preduprezhdeniye ekologo-pravovykh riskov // Zhurnal rossiyskogo prava. 2018. № 8 (260). S. 144-154.

© Случевская Ю.А., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Случевская Ю.А. Криминальные и экологические риски // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 81-87.

Вячеслав Александрович НЕМИРОВСКИЙ,

ORCID 0000-0002-7692-992X

Научно-исследовательский институт Университета
прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)
научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского
надзора и укрепления законности в сфере государственной
и муниципальной службы, противодействия коррупции
vanemirovskiy@mail.ru

Научная статья
УДК 343.97:342.5

ФОРМИРОВАНИЕ НЕТЕРПИМОСТИ К КОРРУПЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Аномия, антикоррупционное просвещение, коррупция, мифологизация, нетерпимость к коррупции, противодействие коррупции.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В целях выработки комплексного подхода к противодействию коррупции, формированию в обществе нетерпимого отношения к ней, ликвидации условий для нее, в том числе и атмосферы в обществе, располагающей для ее проявления, и создания антикоррупционного стандарта поведения Президентом Российской Федерации был принят ряд решений, в соответствии с которыми разработан и утвержден первый Национальный план противодействия коррупции. Кроме того, впервые в истории страны подписан указ, направленный на формирование системы противодействия коррупции, а также принят закон о противодействии коррупции. Этим законом определено, что привлечение государственных и муниципальных служащих, а также граждан к более активному участию в противодействии коррупции является одним из основных направлений деятельности государственных органов, а одной из мер профилактики коррупции определено формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению. Данной социальной и криминологической проблеме было посвящено исследование, результаты которого представлены в настоящей статье. Автором нетерпимость к коррупционной преступности рассмотрена сквозь призму сложившихся в обществе норм и стандартов, психологических особенностей ее восприятия и потребностей формирования соответствующего поведения, угроз национальной безопасности. Представлены объективные причины, препятствующие формированию нетерпимого отношения к коррупции. **Методы.** В ходе проведения исследования применялись общенаучные и частнонаучные методы познания, методы эмпирического и теоретического изучения объективной реальности. **Результаты.** Формирование нетерпимости к коррупции – это многогранная проблема, находящаяся на стыке интересов биологических, исторических, политических, психологических, медицинских, социологических, философских, юридических отраслей науки. Поэтому поиск путей ее решения требует комплексного подхода. Получаемые таким образом результаты исследований затрагивают каждую из перечисленных научных отраслей и позволяют усовершенствовать стратегию и тактику противодействия коррупции.

ВВЕДЕНИЕ

Нетерпимое отношение общества к преступности, выраженное в уголовных запретах, как свидетельствует статистика, не всегда препятствует совершению коррупционных деяний, в том числе и тех, последствия которых оказываются катастрофическими¹. В связи с этим формирование антикоррупционного сознания² по-прежнему остается актуальной задачей и является одним из ключевых направлений противодействия коррупции [1, с. 12; 2]. В настоящее время основным принципом такого противодействия

и мерой профилактики является формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению³. Закрепление в законе этого нового для юридической практики понятия создало плодотворную почву для научных дискуссий [3; 4, с. 44]. Перед проведенным нами исследованием изначально не ставилось цели участия в них: терминология и понятий аппарат достаточно активно анализируются в научных работах многих ученых. Нами была предпринята попытка подойти к вопросу о формировании нетерпимости к коррупции, отталкиваясь прежде всего от сложившихся в

¹ Два миллиарда марок. Столько предложили в 1933 г. «крупнейшие капиталисты, хозяева монополий» за приход нацистов к власти в Германии. См.: Обыкновенный фашизм [Кинофильм]: документальный фильм / реж. М. Ром. М.: Мосфильм, 1965.

² Антикоррупционное правовое воспитание: научно-практическое пособие / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, Ю.В. Трунцевский, А.А. Головина, Н.В. Путило, В.Б. Израелян. М., 2021. С. 84.

³ См. п. 6 ст. 3 и п. 1 ст. 6 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Vyacheslav A. NEMIROVSKIY,

ORCID 0000-0002-7692-992X

Scientific-Research Institute of the University of the
Prosecutor's Office of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Researcher of the Division of Scientific Maintenance
of Prosecutor's Supervision Consolidation of Legality in the
Field of Public and Municipal Service, Counteracting Corruption
vanemirovskiy@mail.ru

FORMING OF NON-TOLERANCE TO CORRUPTION: FORMULATION OF A PROBLEM

KEYWORDS. Anomie, anti-corruption education, corruption, intolerance to corruption, mythologization, counteraction to corruption.

ANNOTATION. Introduction. In order to develop a comprehensive approach to combating corruption, to form an intolerant attitude towards it in society, to eliminate the conditions for it, including the atmosphere in society conducive to its manifestation, and to create an anti-corruption standard of behavior, the President of the Russian Federation adopted a number of decisions, in accordance with which the first National Anti-Corruption Plan was developed and approved. In addition, for the first time in the history of the country, a decree was signed aimed at forming a system of combating corruption, and a law on combating corruption was adopted. This law determines that involving state and municipal employees, as well as citizens in more active participation in combating corruption is one of the main areas of activity of state bodies, and one of the measures to prevent corruption is the formation of intolerance to corrupt behavior in society. This social and criminological problem was the subject of a study, the results of which are presented in this article. The author examined intolerance to corruption crime through the prism of norms and standards established in society, psychological characteristics of its perception and the needs for the formation of appropriate behavior, threats to national security. The article presents objective reasons that prevent the formation of an intolerant attitude towards corruption. **Methods.** In the course of the study, general scientific and specific scientific methods of cognition, methods of empirical and theoretical study of objective reality were used. **Results.** The formation of intolerance towards corruption is a multifaceted problem located at the intersection of interests of biological, historical, political, psychological, medical, sociological, philosophical, legal branches of science. Therefore, the search for ways to solve it requires an integrated approach. The research results obtained in this way affect each of the listed scientific branches and allow improving the strategy and tactics of combating corruption.

обществе и государстве отношений. Представлялось важным рассмотреть ее через призму устоявшихся норм и стандартов, психологических особенностей восприятия поведения, специфики организации деятельности органов государственной власти, угроз национальной безопасности и других факторов, препятствующих формированию нетерпимого отношения к коррупции.

В ходе исследования были изучены работы множества ученых в разных отраслях науки: биологических, исторических, политических, психологических, медицинских, социологических, философских. В их числе М.С. Андрианов, Zh. Wang, А.Ю. Васанов, И.В. Васильева, А. Gerber, D. Gorman, А.И. Габеркорн, П.Е. Григорьев, J.A. Russell, J. Posner J., Н. Zhu, М.М. Bradley, А. Kangarlu, Т. Colibazzi, Д.П. Козолупенко, P.J. Lang, М.Ю. Мартынов, О.П. Марченко, В.С. Peterson, М.С. Севостьянова, Ю.В. Чуманов, Sh. Yu. Еще в большей степени наше внимание было обращено к результатам юридических исследований. Среди ученых, их проводивших, С.С. Босхолов, С.Н. Будаи, И.А. Васкина, А.А. Головина, А.А. Дорская, В.Б. Евдокимов, М.В. Залоило, С.М. Иншаков, В.Б. Израелим, П.А. Кабанов, И.И. Карпец, В.П. Кашепов, Л.Г. Кожевникова, Н.Ф. Кузнецова, С.Н. Матулис, В.В. Меркурьев, Е.Н. Неганова, Е.С. Носакова, Д.А. Пашенцев, Н.В. Путило, В.П. Рябцев, Д.А. Соколов, О.И. Тиунов, Ю.В. Трунцевский, Т.Я. Хабриева, А.Ш. Юсуфов. В итоге нами был выявлен и представляется на обсуждение научного сообще-

ства ряд факторов, которые либо существенно затрудняют формирование нетерпимости к коррупции, либо в принципе исключают ее формирование.

МЕТОДЫ

Методологическую основу осуществленной нами работы, результаты которой представлены в статье, составили общенаучные и частнонаучные методы познания, методы эмпирического и теоретического исследования. Проанализированы особенности изображения и восприятия коррупции, представления людей о коррупции, мнения научного сообщества. Нетерпимость к коррупции рассмотрена с учетом следующих факторов: сложившиеся правила поведения и проблема имплементации международных антикоррупционных норм в российское законодательство; мифологизированные представления о коррупции; антикоррупционное просвещение и роль органов прокуратуры; психологические особенности позитивного восприятия коррупции как средства регулирования сложных отношений; использование коррупции как средства гибридной войны и проблемы привлечения граждан к противодействию ей; проблемы оценки уровня нетерпимости; особенности формирования поведения человека.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе исследования были выявлены социальные и криминологические проблемы формирования нетерпимости к коррупционному поведению.

1. *Сложившиеся правила поведения и трудности имплементации международных антикоррупционных норм в российское законодательство.*

Формирование нетерпимости к коррупционному поведению, выражающееся, согласно ст. 13 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.¹ в привлечении граждан к противодействию этому явлению, а также в проведении «мероприятий... способствующих созданию атмосферы нетерпимости в отношении коррупции», сегодня обусловлено прежде всего процессом имплементации антикоррупционных норм в российское законодательство, взятыми Россией на себя международными обязательствами [5, с. 36; 6, с. 101].

Отметим, что нетерпимости к коррупции уделялось пристальное внимание в дореволюционный [7, с. 48] и советский периоды [8, с. 17] истории нашей страны. Причем в первую очередь как к одному из ключевых элементов противодействия этому явлению. Но в сложившихся в настоящее время условиях [9, с. 326; 10, с. 10] коррупция не только продолжает занимать свою «нишу» в общественных отношениях, но и приобрела угрожающе массовый характер, в связи с чем и потребовалась международная консолидация сил.

Однако очевидно, что имплементация международных норм в законодательство государств с разными правовыми системами и политическими режимами затруднительна, для нее требуется длительный переходный период. Сформировавшиеся за многие десятилетия поведенческие реакции одного общества весьма проблематично вызвать одновременно и в другом, с другой культурой и традициями исполнения законов, с другим менталитетом [11, с. 653]. Это подтверждается, в частности, этнопсихологией и философской антропологией, где речь ведется о том, что «коррупционное поведение во многом зависит от принятых норм и стандартов конкретного культурного сообщества, которые уходят вглубь традиций и обычаев культурно-цивилизационных систем»². Схожие позиции занимает и криминология, в научных рамках которой установлено, что «имплементация в российское законодательство норм международных антикоррупционных конвенций ... оторвана от потребностей практики предупреждения коррупции, имеет дефицит правового обеспечения и не учитывает уровень правосознания лиц, которые их применяют или в отношении которых они должны действовать»³.

2. *Мифологизированные представления людей о коррупции.*

Ученые все чаще обращают внимание на мифологизацию коррупции и необоснованное свя-

зывание с ней всех социальных проблем⁴ [12, с. 106]. Приходится констатировать, что коррупция прочно заняла свое место в сознании людей как «обязательный атрибут» общественных отношений: «правовые и этические нормы из аномалии постепенно превращаются в норму поведения» [13, с. 5]; «можно говорить о привыкании основной массы населения России к коррупции как к неизбежному правилу игры» [14, с. 81]. Такого мнения придерживаются как рядовые граждане, так и эксперты из числа прокуроров, являющиеся руководителями подразделений по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции прокуратур субъектов Российской Федерации [15, с. 62-63]. Результаты анализа содержания антикоррупционных плакатов, размещаемой в Интернете информации, освещающей события, связанные в той или иной мере с коррупцией, также свидетельствуют об этом.

Преувеличивать, впрочем, как и преуменьшать, опасность мифологизированного представления не следует, так как, по мнению криминологов, представления о коррупции как о непреодолимом негативном социальном явлении порождают у людей «особое психологическое состояние допустимости, разрешенности преступных действий... Это «аномия»..., при которой они не верят в нормы права и морали и легко склоняются к противоправному, в том числе и преступному поведению»⁵.

Нельзя исключать, что мифологизированное представление о коррупции связано с адаптацией современного российского общества к новым условиям существования: «...потребность в мифе является одной из базисных человеческих потребностей, обуславливающих возможность самосохранения человека как вида...» [16, с. 58], – и свидетельствует о существенном расширении коррупционной преступности. Вместе с тем такое расширение может быть «ложным» и, по существу, являться результатом успешного противодействия правоохранительных органов организованной преступности – «взламывания» латентной коррупции.

3. *Особенности изображения и восприятия коррупции.*

В результате анализа содержания свыше тысячи антикоррупционных плакатов установлено, что отсутствие необходимых знаний о коррупции и сложная специфика их отображения в объектах наглядной агитации вынуждают авторов использовать общеизвестные и доступные для понимания всех образы⁶. Особенности изображения и восприятия коррупции изучались и в рамках

¹ Федеральный закон от 08.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции».

² Горбова В.В. Философско-антропологические измерения коррупции: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Воронеж, 2016. С. 7.

³ Астанин В.В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009. С. 11-12.

⁴ Деятельность прокуратуры по правовому просвещению и правовому информированию в сфере противодействия коррупции: Научно-практическое пособие / М.А. Соколов, М.С. Андрианов, С.Н. Будаев, И.А. Васькина, Л.Г. Кожевникова, Е.Н. Неганова, А.Ш. Юсуфов. М., 2020. С. 42.

⁵ Криминология: Учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 198.

⁶ Автором принято личное участие в деятельности рабочей группы Университета прокуратуры Российской Федерации по оценке антикоррупционных плакатов, представленных на Международный молодежный конкурс

исследований, проводившихся в области медицины и психологии. В результате учеными было доказано, в том числе с фиксацией физиологических показателей [17], что некоторые изображения коррупции относятся к числу эмоционально окрашенных, вызывающих раздражительность, встревоженность, а также другие состояния, в которых негативные эмоции преобладают над позитивными [18, с. 151, 163; 19; 20, с. 109].

Таким образом, большинство антикоррупционных изображений действительно ориентировано на формирование нетерпимости. Однако по причине значительной мифологизации представлений о коррупции, невозможности точного определения того, кто является ее субъектом, такая нетерпимость не конкретна, и она не имеет четкой направленности.

4. Антикоррупционное просвещение и роль органов прокуратуры.

Несмотря на всю актуальность и важность антикоррупционного просвещения, у него должны быть разумные пределы. Чрезмерное акцентирование внимания на проблеме коррупции со стороны правоохранительных органов и средств массовой информации может вызвать противоположную ожидаемой (строго говоря, вполне нормальную) реакцию человека, то есть иметь негативный для антикоррупционного просвещения эффект – вытеснение темы коррупции из актуальной повестки жизни общества¹. Прокуратура как координатор деятельности по борьбе с преступностью² [21, с. 67], противодействию коррупции³ обладает всеми возможностями для выполнения регулирующей роли и в сфере антикоррупционного просвещения. Подчеркнем, что ранее прокуратура исполняла такую функцию, но Национальным планом противодействия коррупции на 2021-2024 гг. ее компетенция была пересмотрена⁴.

По нашему мнению, антикоррупционное просвещение как одно из ключевых направлений противодействия коррупции должно быть закреплено за тем субъектом такой деятельности, который в целом координирует эту работу и несет ответственность за ее результаты.

5. Психологические особенности восприятия коррупции как средства регулирования сложных вопросов.

В настоящее время ускоряются процессы, связанные с совершенствованием законодательства.

Принимается и корректируется множество документов, в том числе и в сфере противодействия коррупции. Количество норм, правил, запретов во многих сферах жизнедеятельности продолжает увеличиваться, что усложняет правоотношения в обществе и вынуждает некоторых людей искать «легкие» пути решения проблем. Не альтернативы или запреты, установленные законодателем, а множественность возможных вариантов решения вопроса предопределяет поведения человека. И это дает коррупции существенное преимущество, так как «благодаря» ей устраняется необходимость в прохождении сложных и длительных процедур, регламентированных официальными органами власти. В связи с этим коррупция, как и многое другое, что упрощает жизнь людей, становится обыденным явлением.

6. Использование коррупции как средства гибридной войны и проблемы привлечения граждан к противодействию ей.

Мифологизированное представление о коррупции формируется посредством обмена мнениями в кругу общения, потребления контента, предоставляемого средствами массовой информации, интернет-ресурсами, социальными сетями⁵. С учетом того, что доля коррупционных преступлений в структуре преступности весьма невелика (1,9% от общего количества преступлений)⁶, можно предположить, что мифологизированное представление формируется искусственным образом и, по существу, может являться продуктом новых технологий манипулирования общественным сознанием. Вполне вероятно (имея ввиду особенности изображения и восприятия коррупции) целенаправленное формирование негативной эмоциональной среды – фундамента для осуществления манипуляций с общественными настроениями. Например, одобрение обществом государственной политики по ужесточению мер по противодействию коррупции⁷ не говорит о готовности людей ей противодействовать, что расценивается как «ослабление отрицания коррупции» [14, с. 81].

Безосновательным может показаться предположение, что борьба с коррупцией используется в качестве средства захвата власти [22, с. 47; 23, с. 20]. Подобную подрывную в своей сути деятельность, направленную на провоцирование социальной

«Вместе против коррупции!». Основные изображения на плакатах: гром; грязные руки; деньги (в основном доллары); добро и зло; дождь; животные; заключение и свобода; злая женщина; зонтик; кулак; молния; открытая ладонь; передача денег; печаль и радость; радуга; руки в наручниках; солнце; тексты статей УК РФ; тучи и солнце; человек за решеткой; человек (с негативными комментариями); черное и белое; чудовище.

¹ Так произошло, например, с пандемией: «Социологи фиксируют практически полное «выпадение» пандемии коронавируса из повестки жизни российского общества» (См.: Резкий выход из пандемии // Коммерсантъ. 04.03.2022).

² Статья 8 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

³ Часть 6 ст. 5 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы».

⁵ Основными источниками информации о противодействии коррупции в России являются СМИ, Интернет и социальные сети (75% респондентов). См.: Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2019 год: информационно-аналитическая записка / под общ. ред. О.С. Капинус. М., 2020. С. 111.

⁶ 36407 из 1947161 преступления. См.: Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2023 год: информационно-аналитическая записка / под общ. ред. И.М. Мацкевича. М., 2024. С. 10, 151.

⁷ Такое одобрение выразили 86,6% опрошенных. См.: Результаты проведения социологического опроса об оценке эффективности применяемых антикоррупционных мер // МВД России: сайт // URL: <https://мвд.рф/anticorr/opros-anticorr> (дата обращения: 25.10.2024).

напряженности в обществе, Военная доктрина Российской Федерации относит к числу основных внутренних военных опасностей [24, с. 30].

В связи с этим привлечение государственных и муниципальных служащих, а также рядовых граждан к активному участию в противодействии коррупции¹ требует пристального внимания с точки зрения обеспечения государственной безопасности. Такому участию должна быть оказана всесторонняя, в том числе методическая, помощь, а гражданам обеспечен высокий уровень защиты [25, с. 158].

7. Отсутствие системы оценки уровня нетерпимости.

Определяя формирование нетерпимости к коррупционному поведению в качестве меры профилактики коррупции, закон вместе с тем не устанавливает уровень такой нетерпимости. Понимается ли, что он должен быть максимальным? Но, на наш взгляд, достигнуть абсолютной нетерпимости не представляется возможным.

Остается также открытым вопрос о том, каким образом оценивать результативность проводимых мероприятий по противодействию коррупции и формированию нетерпимости к ней. Судя по некоторым статистическим показателям, определенная степень нетерпимости уже достигнута. Ведь, например, большинство людей (86,6% респондентов) все-таки одобряют государственную политику по ужесточению уголовно-правовых мер по противодействию коррупции.

8. Особенности формирования поведения человека.

Нетерпимость к чему-либо относится к эмоциональной составляющей психики человека и как поведенческий признак определяется сложным комплексом разных причин, факторов, среди которых есть не только генетические, но и те, которые связаны с условиями среды существования². Настраиванием поведения, когда вырабатывается необходимый уровень дофамина для идентификации поступающей от органов чувств информации и отнесения ее к категории позитивной или негативной³, в итоге можно добиться того, что некий «хороший» признак станет «плохим» и наоборот. Следовательно, истинное формирование нетерпимости действительно возможно.

Вместе с тем не учтен главный, по существу, определяющий формирование нетерпимости, фактор – время. Это не год и даже не десятилетие, для формирования и закрепления поведенческих моделей требуются столетия. К тому же есть множество уже сложившихся стереотипов поведения, они во многом зависят от условий среды существования, и их коррекция не может быть осуществлена быстро.

Несмотря на то, что законодательством определено, что в обществе должна формироваться нетерпимость к коррупционному поведению, к сожалению, обстоятельства жизни, негласные требования к людям, экономическая целесообразность создают условия, в которых господствует «закон хищников»⁴ и выживает сильнейший⁵, а коррупция является эффективным средством достижения желаемых результатов.

То, что фенотип формируется под воздействием генотипа и внешней среды существования⁶ и многое предопределяется условиями жизни, детерминирует важность создания государством таких условий, в которых у людей практически не останется причин для совершения преступлений, в том числе и коррупционных. Решению этой задачи должна способствовать, например, реализация Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в которой в качестве стратегического национального интереса закреплено стремление к сбережению народа России, развитию человеческого потенциала, повышению качества жизни и благосостояния граждан⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные нами обстоятельства и факторы непосредственно влияют на процессы формирования нетерпимости к коррупционному поведению, определяют ее формы и уровень. Проблема многогранна и требует комплексного подхода. В его основу могут быть положены следующие результаты нашего исследования:

1. Мифологизированные представления о коррупции остаются одной из ключевых проблем формирования нетерпимости к ней и по-прежнему являются «основной мишенью антикоррупционного просвещения» [12, с. 106].

2. Необходима устойчивая обратная связь с населением – вербальное и невербальное подтвер-

¹ Пункт 3 ст. 7 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

² Интервью доктора биологических наук Александра Маркова в эфире передачи

«Чёрные дыры. Белые пятна» телеканала «Россия – Культура», 09.04.2015.

³ Интервью доктора биологических наук Александра Маркова в эфире передачи

«Чёрные дыры. Белые пятна» телеканала «Россия – Культура», 28.05.2015.

⁴ «Светлый, бодрый энтузиазм был вытеснен скарредным торгашеским духом; теперь здесь господствовал закон хищников – голый чистоган» (Вилис Лацис. «Сын рыбака»).

⁵ «В человеке гораздо больше животного, чем кажется нам... когда тысячелетняя цивилизация слетает, как шелуха, и звериное биологическое начало выступает в полном обнажении, остатки культуры используются для реальной и грубой борьбы за жизнь в ее непосредственной, примитивной форме» (Варлаам Шаламов. «Несколько моих жизней: воспоминания, записные книжки, переписка, следственные дела»).

⁶ «Один и тот же ген в разных условиях среды может повести себя по-разному... мы можем понимать, в какие условия ставить человека, для того чтобы у него проявлялись те или иные способности... гены определяют не четкую линию поведения, они определяют спектр этих линий, но этот спектр конечен, и вот внутри этого спектра можно людей направлять...» (Антон Захаров, физиолог, сотрудник Политехнического музея; Илья Захаров, научный сотрудник Психологического института РАО. Выступление в передаче «Чёрные дыры. Белые пятна» телеканала «Россия – Культура», 03.12.2015).

⁷ Пункт 25 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400.

ждение результатов работы государственных органов («...смутно ощущая смысл какого-либо социального взаимодействия, в первую очередь на основе невербальных проявлений партнера, люди тем не менее не доверяют им и требуют обязательного вербального подтверждения...» [26, с. 16]).

3. Требуется тщательная и глубокая проработка вопроса о правилах распространения информации о коррупции с учетом особенностей ее изображения и восприятия [27, с. 47].

4. Процедуры получения и использования прав, а также их защиты должны быть сокращены до разумного минимума, их сложность и продолжительность не должны провоцировать коррупцию [28, с. 550].

5. В целях предупреждения возможных негативных последствий введения и применения антикоррупционных норм, исключения потенциальных угроз национальной безопасности процесс имплементации таких норм должен сопровождаться тщательным криминологическим анализом (экспертизой).

6. С учетом современных взглядов на функции мифа мифологизация, возможно, свидетельствует о том, что коррупционная преступность всё же

расширяется. Поэтому критически важно осуществление глубокого анализа латентной коррупционной преступности. Необходимо знать, имеем ли мы дело действительно с мифологизированными представлениями о коррупции и преувеличением ее масштабов, либо становимся свидетелями формирующейся новой системы отношений (образующейся, что не исключено, искусственным образом).

7. Необходимо система оценки формируемой нетерпимости, ее мониторинг, анализ ее взаимосвязей с результатами деятельности по противодействию коррупции – определение пределов нетерпимости.

8. Ключевая роль антикоррупционного просвещения в формировании нетерпимости к коррупции и особый статус прокуратуры логично предопределяют закрепление за ней этого направления деятельности.

9. В процессе противодействия коррупции должны учитываться современные достижения в области биологии, психологии и других наук, определяемые цели должны быть достижимыми, а главной задачей должно стать формирование такой среды существования человека, где для коррупции нет места. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Хабриева Т.Я. Коррупция и правопорядок в фокусе современной юридической доктрины // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4. С. 5-13.
2. Носакова Е.С. Формирование антикоррупционного правосознания в системе мер противодействия коррупции // История государства и права. 2012. № 9. С. 14-17.
3. Кабанов П.А. Формирование нетерпимости к коррупционному поведению как юридически не определенная правовая категория и ее содержание // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13. № 1. С. 1007-1026.
4. Алексеева А.П. Антикоррупционная политика государства: достоинства и недостатки // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 1 (13). С. 44-49.
5. Хабриева Т.Я., Тиунов О.И., Кашепов В.П. и др. Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций: Монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2012. 288 с.
6. Иванов С.Б., Хабриева Т.Я., Чиханчин Ю.А. и др. Противодействие коррупции: новые вызовы: Монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2021. 384 с.
7. Пашенцев Д.А., Дорская А.А. Развитие законодательства о противодействии коррупции в России: тенденции и исторические этапы // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 42-58.
8. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации: Монография. М., 1984. 208 с.
9. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность: Монография. М.: Российское право, 1992. 432 с.
10. Моряков В.И. Екатерина II – просветитель или консерватор? // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2010. № 3. С. 9-25.
11. Абезин Д.А., Алексеева А.П. Законодательные запреты как одно из направлений противодействия коррупции среди государственных гражданских служащих в России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 652-660.
12. Андрианов М.С. Роль социальных факторов в антикоррупционном просвещении граждан // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 3 (71). С. 104-110.
13. Босхолов С.С. Мифологизация коррупции в общественном сознании и ее последствия // Глаголь правосудия. 2010. № 1 (1). С. 5-11.
14. Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И. Особенности восприятия россиянами коррупции // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 79-84.
15. Красникова Е.В., Павловская Н.В. Мониторинг состояния коррупционной преступности в Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 4 (72). С. 59-65.
16. Козолупенко Д.П. Социально-психологические функции мифа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: философия. 2009. № 1. С. 49-61.
17. Posner J., Russell J.A., Gerber A., Gorman D., Colibazzi T., Yu S., Wang Z., Kangarlu A., Zhu H., Peterson B.S. The Neurophysiological Bases of Emotion: An fMRI Study of the Affective Circumplex Using Emotion-Denoting Words // Human Brain Mapping. 2009. № 30. P. 883-895.

18. Васильева И.В., Григорьев П.Е., Чуманов Ю.В. Особенности эмоционального реагирования на аффективно окрашенные фотоизображения о коррупции: половозрастной аспект // Психология и право. 2020. Т. 10. № 2. С. 151-166.
19. Bradley M.M., Lang P.J. Measuring Emotion: The Self-Assessment Manikin and the Semantic Differential // Journal of Behavior Therapy & Experimental Psychiatry. 1994. V. 25. P. 49-59.
20. Васанов А.Ю., Марченко О.П., Севостьянова М.С. Подбор культурноспецифичных эмоционально окрашенных фотоизображений для экспериментальных исследований // Экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 4. С. 105-114.
21. Рябцев В.П. Концептуальные аспекты развития координации правоохранительной деятельности // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2007. № 2. С. 67-71.
22. Иншаков С.М. Коррупционная война как элемент гибридного противоборства государств // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 1 (48). С. 46-51.
23. Меркурьев В.В., Соколов Д.А. Противодействие технологиям «цветных революций» // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ставрополь, 2015. С. 20-25.
24. Меркурьев В.В., Соколов Д.А. Участие прокуратуры и войск национальной гвардии в обеспечении права на выражение мнения и свободы на проведение собраний и объединений // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2017. № 8. С. 30-37.
25. Трунцевский Ю.В., Матулис С.Н. Защита лиц, сообщающих о фактах коррупции в организациях: правовые и технологические аспекты // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 5. С. 146-160.
26. Андрианов М.С. Невербальная коммуникация: психология и право: Монография. М., 2007. 256 с.
27. Евдокимов В.Б., Немировский В.А. Проблемы восприятия антикоррупционного плаката // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. Т. 28. № 1 (92). С. 41-48.
28. Алексеева А.П. Профилактика правонарушений в России: законодательные основы и перспективы реализации // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: Сборник научных трудов. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 549-551.

REFERENCES

1. Khabriyeva T.Ya. Korruptsiya i pravoporyadok v fokuse sovremennoy yuridicheskoy doktriny // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2016. № 4. S. 5-13.
2. Nosakova Ye.S. Formirovaniye antikorrupcionnogo pravosoznaniya v sisteme mer protivodeystviya korruptsii // Istoriya gosudarstva i prava. 2012. № 9. S. 14-17.
3. Kabanov P.A. Formirovaniye neterpimosti k korruptsionnomu povedeniyu kak yuridicheski ne opredelennaya pravovaya kategoriya i yeye sodержaniye // Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava. 2019. Т. 13. № 1. S. 1007-1026.
4. Alekseyeva A.P. Antikorrupcionnaya politika gosudarstva: dostoinstva i nedostatki // Biblioteka ugolovno go prava i kriminologii. 2016. № 1 (13). S. 44-49.
5. Khabriyeva T.Ya., Tiunov O.I., Kashepov V.P. i dr. Pravovyye mekhanizmy implementatsii antikorrupcionnykh konventsiy: Monografiya. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii; ID «Yurisprudentsiya», 2012. 288 s.
6. Ivanov S.B., Khabriyeva T.Ya., Chikhanchin Yu.A. i dr. Protivodeystviye korruptsii: novyye vyzovy: Monografiya. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii; INFRA-M, 2021. 384 s.
7. Pashentsev D.A., Dorskaya A.A. Razvitiye zakonodatel'stva o protivodeystvii korruptsii v Rossii: tendentsii i istoricheskiye etapy // Zhurnal rossiyskogo prava. 2020. № 4. S. 42-58.
8. Kuznetsova N.F. Problemy kriminologicheskoy determinatsii: Monografiya. M., 1984. 208 s.
9. Karpets I.I. Prestupnost': illyuzii i real'nost': Monografiya. M.: Rossiyskoye pravo, 1992. 432 s.
10. Moryakov V.I. Yekaterina II – prosvetitel' ili konservator? // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya. 2010. № 3. S. 9-25.
11. Abezin D.A., Alekseyeva A.P. Zakonodatel'nyye zaprety kak odno iz napravleniy protivodeystviya korruptsii sredi gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh v Rossii // Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2015. Т. 9. № 4. S. 652-660.
12. Andrianov M.S. Rol' sotsial'nykh faktorov v antikorrupcionnom prosveshchenii grazhdan // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. 2019. № 3 (71). С. 104-110.
13. Boskholov S.S. Mifologizatsiya korruptsii v obshchestvennom soznanii i yeye posledstviya // Glagol" pravosudiya. 2010. № 1 (1). S. 5-11.
14. Martynov M.Yu., Gaberkorn A.I. Osobennosti vospriyatiya rossiyanami korruptsii // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2017. № 6. S. 79-84.
15. Krasnikova Ye.V., Pavlovskaya N.V. Monitoring sostoyaniya korruptsionnoy prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. 2019. № 4 (72). S. 59-65.
16. Kozolupenko D.P. Sotsial'no-psikhologicheskiye funktsii mifa // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: filosofiya. 2009. № 1. S. 49-61.
17. Posner J., Russell J.A., Gerber A., Gorman D., Colibazzi T., Yu S., Wang Z., Kangarlu A., Zhu H., Peterson B.S. The Neurophysiological Bases of Emotion: An fMRI Study of the Affective Circumplex Using Emotion-Denoting Words // Human Brain Mapping. 2009. № 30. P. 883-895.

18. Vasil'yeva I.V., Grigor'yev P.Ye., Chumanov Yu.V. Osobennosti emotsional'nogo reagirovaniya na affektivno okrashennyye fotoizobrazheniya o korruptsii: polovozrastnoy aspekt // *Psikhologiya i pravo*. 2020. T. 10. № 2. S. 151-166.
19. Bradley M.M., Lang P.J. Measuring Emotion: The Self-Assessment Manikin and the Semantic Differential // *Journal of Behavior Therapy & Experimental Psychiatry*. 1994. V. 25. P. 49-59.
20. Vasanov A.Yu., Marchenko O.P., Sevost'yanova M.S. Podbor kul'turnospetsifichnykh emotsional'no okrashennykh fotoizobrazheniy dlya eksperimental'nykh issledovaniy // *Eksperimental'naya psikhologiya*. 2013. T. 6. № 4. S. 105-114.
21. Ryabtsev V.P. Kontseptual'nyye aspekty razvitiya koordinatsii pravookhranitel'noy deyatelnosti // *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 2007. № 2. С. 67-71.
22. Inshakov S.M. Korruptsionnaya voyna kak element gibridnogo protivoborstva gosudarstv // *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. 2018. № 1 (48). С. 46-51.
23. Merkur'yev V.V., Sokolov D.A. Protivodeystviye tekhnologiyam «tsvetnykh revolyutsiy» // *Problemy teorii i praktiki bor'by s ekstremizmom i terrorizmom: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Stavropol'*, 2015. S. 20-25.
24. Merkur'yev V.V., Sokolov D.A. Uchastiye prokuratury i voysk natsional'noy gvardii v obespechenii prava na vyrazheniye mneniya i svobody na provedeniye sobraniy i ob"yedineniy // *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voyenno-pravovoye obozreniye*. 2017. № 8. S. 30-37.
25. Truntsevskiy Yu.V., Matulis S.N. Zashchita lits, soobshchayushchikh o faktakh korruptsii v organizatsiyakh: pravovyye i tekhnologicheskiye aspekty // *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2021. T. 25. № 5. S. 146-160.
26. Andrianov M.S. Neverbal'naya kommunikatsiya: psikhologiya i pravo: Monografiya. M., 2007. 256 с.
27. Yevdokimov V.B., Nemirovskiy V.A. Problemy vospriyatiya antikorrupcionnogo plakata // *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*. 2023. T. 28. № 1 (92). S. 41-48.
28. Alekseyeva A.P. Profilaktika pravonarusheniy v Rossii: zakonodatel'nyye osnovy i perspektivy realizatsii // *Prestupnost', ugovornaya politika, ugovornyy zakon: Sbornik nauchnykh trudov. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya*, 2013. S. 549-551.

© Немировский В.А., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Немировский В.А. Формирование нетерпимости к коррупции: постановка проблемы // *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2024. № 4 (78). С. 88-95.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дмитрий Станиславович ГОРДЕЕВ,
ORCID 0009-0002-7120-6260
Академия управления МВД России (г. Москва)
адъюнкт
dsgordeev@list.ru

Научный руководитель:
Елена Сергеевна СТЕШИЧ, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры управления органами расследования
преступлений Академии управления МВД России

Научная статья
УДК 343.913:343.985.7

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С СОВЕРШЕНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЛИЦАМИ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ, И ИХ УЧЁТ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ПРОГНОЗИРОВАНИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Расследование преступлений, криминалистическое обеспечение расследования, преступник, лицо с психическим расстройством, вменяемость, ограниченная вменяемость, судебно-психиатрическая экспертиза, криминалистическая методика, состояние преступности, криминалистическое прогнозирование.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В исследовании, результаты которого отражены в настоящей статье, с теоретических и прикладных позиций рассмотрены тенденции, связанные с совершением преступлений лицами с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Отмечается потребность в учете данных о таких лицах и их преступлениях в криминалистическом прогнозировании. Подчеркивается целесообразность совершенствования криминалистических методик в связи с увеличением количества преступлений изучаемого вида. **Методы.** В ходе исследования были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, а также специальные криминалистические методы. Проведен статистический анализ данных о заболеваемости психическими расстройствами и показателей судебно-психиатрической экспертизы. Методы математического моделирования, включая линейную регрессию, применены для прогнозирования тенденций развития преступности лиц рассматриваемой категории. Компаративный анализ нормативно-правовых актов, регулирующих взаимодействие правоохранительных органов и медицинских учреждений, осуществлен с целью выявления пробелов и формулирования предложений по их устранению. Изучены материалы следственно-судебной практики по преступлениям против жизни и здоровья, а также собственности, совершенным лицами с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости (90 материалов уголовных дел, находящихся в архивах Савеловского районного суда г. Москвы и Ломоносовского районного суда Ленинградской области). **Результаты.** Обоснована необходимость введения в статистическую отчетность информации о психическом состоянии правонарушителей для повышения эффективности криминалистического обеспечения расследования. Предложены направления совершенствования частных криминалистических методик, предполагающие учет специфики психических расстройств при формировании криминалистической характеристики преступлений, разработку специальных тактических приемов допроса и иных следственных действий с лицами рассматриваемой категории, а также усиление межведомственного взаимодействия. Высказано мнение о важности дословного отражения показаний лиц с психическими расстройствами в протоколах следственных действий.

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы, связанные с преступлениями, совершаемыми лицами, имеющими психические расстройства, не исключаяющие вменяемости, являются весьма актуальными, но вместе с тем и недостаточно изученными. По данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, на активном диспансерном наблюдении состоят около 54,5 тысячи лиц с хроническими и затяжными психическими расстройствами, склонных к совершению общественно опасных действий. Из них 72,6% уже совершали такие действия¹. Анализ показателей преступности лиц с расстройствами психического здоровья в общих чертах может быть осуществлен на основании судебной статистики, касающейся назначения принудительных мер медицинского характера. Согласно расчетам, произведенным по информации, распространенной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, за последние десять лет сформировалась тенденция к увеличению удельного веса решений о назначении принудительных мер медицинского характера в общем числе решений об осуждении лиц, виновных в совершении преступлений. Этот показатель вырос с 0,79% (5832 человека) в 2012 году до 1,4% (7797 человек) в 2023 году. Как отмечают специалисты Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского, принятие превентивных мер к лицам с психическими расстройствами в настоящий момент является важной задачей, об этом свидетельствует «стабильное на протяжении ряда лет число совершаемых больными правонарушений, многие из которых направлены против жизни и здоровья граждан»².

Изменения, происходящие в настоящее время в социальной и медицинской сферах, а также эволюция криминогенной среды обуславливают потребность в обновлении данных о преступности лиц с психическими расстройствами и проведении ее анализа с учетом современных реалий. Как отмечают Ю.М. Антонян и В.В. Гульдман, «проблема криминальной патопсихологии – изучение преступности лиц с психическими аномалиями в современном обществе по-прежнему актуальна и требует дальнейшего изучения» [1, с. 5]. Это суждение имеет непосредственное отношение и к вопросам криминалистического обеспечения расследования таких преступлений.

Задачей криминалистического прогноза, по авторитетному мнению профессора Р.С. Белкина, является определение возможных путей развития средств, способов и методов борьбы с изменяющейся преступностью. «Нам представляется, – писал он, – что в содержание теории криминалистического прогнозирования должны входить следующие элементы:

- 1) понятие и методологические основы криминалистического прогнозирования;
- 2) основные направления криминалистического прогнозирования;
- 3) понятие, содержание и виды исходных для криминалистического прогнозирования данных;
- 4) методики криминалистического прогнозирования;
- 5) критерии и методы оценки прогнозов;
- 6) пути и формы реализации прогнозов».

Криминалистическое прогнозирование представляет собой один из видов отраслевого прогнозирования. Это процесс, результатом которого является составление прогноза как формы научного предвидения, как системы аргументированных представлений о будущем (Г.М. Добров), как характеристики вероятных направлений развития тех или иных явлений, развития науки и общества (Д.М. Гвишиани, В.В. Косолапов) [2, с. 240-242]. Профессор В.В. Бирюков отмечает, что «криминалистическое прогнозирование является важным научным инструментом формирования и совершенствования теории криминалистики, а также методов, методик и технологий практики расследования» [3, с. 19]. Таким образом, по нашему мнению, криминалистическое прогнозирование играет ключевую роль в адаптации следственной практики к новым условиям.

МЕТОДЫ

Для изучения проблем, ставших предметом нашего исследования, были использованы общенаучные методы анализа и синтеза. Метод анализа обеспечил изучение статистических данных о заболеваемости психическими расстройствами и показателей судебно-психиатрической экспертизы за период 2010-2022 годов. Анализ статистических данных, полученных из различных источников, позволил оценить состояние и тенденции развития преступности интересующего нас вида, выявить основные нозологические формы психических расстройств среди правонарушителей, а также определить их влияние на уровень и характер преступной активности. Статистический анализ включал в себя обработку сведений из официальных источников (сборник «Здравоохранение в России», информационно-аналитические справочники НМИЦ им. В.П. Сербского), а также уголовной статистики. Метод синтеза способствовал интеграции полученных данных для выявления общих тенденций и закономерностей в динамике преступности среди вменяемых лиц с психическими расстройствами. Для прогнозирования дальнейших тенденций были использованы методы математического моделирования, в частности метод линейной регрессии. Кроме того, применялся компаративный анализ нормативно-правовых актов, регулирующих взаимодействие между правоохранительными органами и медицинскими учреждениями.

¹ Стенограмма обсуждения проекта федерального закона № 611254-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части совершенствования информационного взаимодействия медицинских организаций и органов внутренних дел) // Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/611254-8> (дата обращения: 18.11.2024).

² Макушкина О.А. Внебольничная профилактика общественно опасного поведения лиц с психическими расстройствами: Учебное пособие. М.: НМИЦ ПН им. В.П. Сербского, 2022. С. 4.

Dmitry S. GORDEEV,

ORCID 0009-0002-7120-6260

Academy of Management of the Ministry of Interior of Russia (Moscow, Russia)

Adjunct

dsgordeev@list.ru

Scientific supervisor:

Elena S. STESHICH, Doctor of Law, Associate Professor,

Professor of the Department of Management of Crime Investigation

Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Interior of Russia

MODERN TRENDS RELATED TO THE COMMISSION OF CRIMES BY PERSONS WITH MENTAL DISORDERS AND THEIR CONSIDERATION IN FORENSIC FORECASTING

KEYWORDS. Investigation of crimes, forensic support of investigation, criminal, person with mental disorder, sanity, limited sanity, forensic psychiatric examination, forensic methodology, state of crime, forensic forecasting.

ANNOTATION. *Introduction.* The study, the results of which are reflected in this article, examines the trends associated with the commission of crimes by persons with mental disorders that do not exclude sanity from theoretical and applied positions. The need to take into account data on such persons and their crimes in forensic forecasting is noted. The expediency of improving forensic methods in connection with the increase in the number of crimes of the type studied is emphasized. *Methods.* The study used general scientific methods of analysis and synthesis, as well as special forensic methods. A statistical analysis of data on the incidence of mental disorders and indicators of forensic psychiatric examination was carried out. Methods of mathematical modeling, including linear regression, were used to forecast trends in the development of crime among persons in this category. A comparative analysis of regulatory legal acts governing the interaction of law enforcement agencies and medical institutions was carried out in order to identify gaps and formulate proposals for their elimination. The article examines the materials of investigative and judicial practice on crimes against life and health, as well as property, committed by persons with mental disorders that do not exclude sanity (90 materials of criminal cases stored in the archives of the Savelovsky District Court of Moscow and the Lomonosovsky District Court of the Leningrad Region). *Results.* The necessity of introducing information on the mental state of offenders into statistical reporting is substantiated in order to improve the efficiency of forensic support for investigation. The article proposes directions for improving private forensic methods that involve taking into account the specifics of mental disorders when forming a forensic characteristic of crimes, developing special tactical techniques for interrogation and other investigative actions with persons of this category, as well as strengthening interdepartmental cooperation. The opinion is expressed on the importance of verbatim reflection of the testimony of persons with mental disorders in the protocols of investigative actions.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Вопросами методики расследования преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами, в разное время занимались такие ученые, как В.В. Радаев¹, Е.М. Толстолужинская² и И.Г. Гнетнев³. Они разрабатывали методы как можно более точного определения причин и условий совершения преступных деяний. Уголовно-релевантные психические состояния преступников изучали Н.Г. Иванов [4], Г.В. Назаренко [5], Ц.А. Голумб⁴, В.В. Горинов, Б.В. Шостакович [6], П.Б. Ганнушкин [7]. Ими были проанализированы психологические характеристики преступников и влияние психических расстройств на их поведение. Профессор С.П. Щерба рассматривал теоре-

тические основы уголовного судопроизводства по делам лиц с физическими или психическими недостатками, им определены специфические особенности таких судебных процессов⁵. Теоретико-прикладные аспекты принудительных мер медицинского характера раскрыты, в частности, в работах С.В. Полубинской [8], Б.А. Спасенникова [9].

Изучение научной литературы показало распространенность психических расстройств, установленных в рамках предметных исследований. Как указывает С.П. Щерба, у лиц с психическими отклонениями преступность в 2-4 раза выше, чем у психически здоровых правонарушителей⁶. В монографии Ю.М. Антоняна и В.В. Гульдана отмечается, что «доля лиц с психическими нарушениями

¹ Радаев В.В. Особенности методики расследования преступлений, совершенных лицами, страдающими психическими недостатками: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1980.

² Толстолужинская Е.М. Особенности расследования преступлений, совершенных лицами с психическими аномалиями: Дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004.

³ Гнетнев И.Г. Совершенствование методики расследования преступлений против жизни и здоровья, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами, не исключающими вменяемости: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2013.

⁴ Голумб Ц.А. Насильственные преступления, совершенные лицами с психическими аномалиями, и профилактика этих преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1982.

⁵ Щерба С.П. Теоретические основы и особенности уголовного судопроизводства по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1990. С. 13.

⁶ Там же. С. 4.

среди совершивших преступления, прошедших судебно-психиатрическую экспертизу, колеблется от 30% до 68,8%. В наибольшей степени это относится к насильственным и так называемым «дезадаптивным преступлениям» [10, с. 4]. По утверждению Б.А. Спасенникова, наблюдается рост числа лиц с психическими расстройствами, привлекаемых к уголовной ответственности, при этом такие субъекты не полностью лишены сознательности и произвольности поведения, однако их способности значительно уменьшены по сравнению с общепринятыми медико-психологическими нормами [11, с. 5].

Схожие результаты научного анализа можно обнаружить и в работах зарубежных авторов. В рамках проведенного в Швеции исследования Ш. Ходжинс изучала взаимосвязь между психическими расстройствами и преступностью. Она пришла к выводу о том, что мужчины с психическими расстройствами в 2,5 раза чаще совершают преступления, чем мужчины без таких расстройств. Что касается женщин, то страдающие психическими расстройствами совершают преступления в 5 раз чаще, чем женщины без таких расстройств, и в 27 раз чаще совершают насильственные преступления [12, с. 476]. Швейцарские ученые Дж. Модестин и Р. Амманн по итогам своего исследования также получили весьма показательные данные. По их расчетам, мужчины, страдающие шизофренией, в 5 раз чаще осуждались за насильственные преступления по сравнению с психически здоровыми, в 2,5 раза чаще осуждались за преступления против собственности [13, с. 69]. Коллективным исследованием «Связь между психическими расстройствами и различными видами преступности» в Нидерландах были проанализированы данные 21424 судебно-психиатрических экспертиз. Установлено, что совершение поджогов наиболее характерно для лиц с психическими расстройствами, особенно страдающим психозами, далее следуют нападения и попытки убийства [14, с. 307-308]. В ходе аналогичного исследования «Поведение в Финляндии» анализу подверглись данные 693 из 994 убийц, совершивших преступления в период с 1984 по 1991 год. Было выявлено, что шизофрения увеличивает риск совершения убийства в 8 раз у мужчин и в 6,5 раза у женщин, а антисоциальное расстройство личности – более чем в 10 раз у мужчин и в 50 раз у женщин [15, с. 498-499].

ОБСУЖДЕНИЕ

В настоящее время наблюдается процесс совершенствования нормативно-правового регулирования в области профилактики поведения лиц, страдающих психическими расстройствами. Так, в Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 года № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» были внесены изменения, вступающие в силу с 1 марта 2025 г., направленные на повышение эффективности взаимодействия правоохранительных органов и

медицинских организаций, оказывающих психиатрическую помощь. В частности, устанавливаются «порядок и условия взаимодействия медицинских организаций, оказывающих психиатрическую помощь, и органов внутренних дел при осуществлении наблюдения за лицами, страдающими хроническими и затяжными психическими расстройствами с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями»¹. Цель изменений была обозначена в пояснительной записке к проекту федерального закона, которым они внесены. По мнению законодателя, данные изменения ориентированы на «совершенствование взаимодействия медицинских организаций и органов внутренних дел по обмену информацией о лицах, находящихся на диспансерном наблюдении и склонных к совершению общественно опасных действий, и мероприятий, проводимых органами полиции при получении указанной информации»². Отдельное внимание следует уделить стенограмме обсуждения этого законопроекта. В ходе дискуссии было отмечено, что изменения должны улучшить взаимодействие между медицинскими организациями и правоохранительными органами, осуществляемое в целях предупреждения общественно опасных действий со стороны лиц, страдающих психическими расстройствами. Таким образом, анализ изменений в законодательстве демонстрирует направленность на совершенствование механизмов профилактики общественно опасных действий со стороны лиц с психическими расстройствами. Если учитывать прогнозируемые специалистами риски антиобщественного поведения лиц рассматриваемой нами категории, то укрепление взаимодействия между медицинскими организациями и правоохранительными органами представляется целесообразным и необходимым.

Важно отметить, что в настоящее время учет преступлений, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами, осуществляется в общем составе уголовно-правовой статистики без выделения их в отдельную группу (за исключением количества случаев применения принудительных мер медицинского характера). Отсутствие детальной информации о психическом состоянии преступников ограничивает возможности изучения специфики криминального поведения лиц, страдающих расстройствами психики, и разработки эффективных мер предупреждения повторного противоправного поведения таких лиц [16, 17]. Кроме того, результаты анализа статистических карточек, ведение которых предусмотрено ведомственными нормативно-правовыми актами, выявляют пробел в учете данных о психическом состоянии подозреваемых и обвиняемых. В частности, не предусмотрена фиксация сведений о проведении судебно-психиатрических экспертиз в отношении указанных лиц, а также результатов этих экспертиз.

¹ Федеральный закон от 22.07.2024 № 195-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/611254-8> (дата обращения: 18.11.2024).

Таблица 1.

ДАННЫЕ О РЕЗУЛЬТАТАХ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Год	Всего проведено экспертиз	По результатам экспертиз лица признаны:				Заболеваний не обнаружено, чел.
		невменяемыми	ограниченно вменяемыми	вменяемыми		
				кол-во	темп роста, %	
2011	138874	10481	3677	77474	100%	37118
2012	143282	10612	3766	80220	103,5%	38124
2013	145925	10642	3732	80572	104%	40392
2014	167831	11114	3642	94270	121,7%	47334
2015	206758	11342	3657	117243	151,3%	61277
2016	212451	11409	3918	122182	157,7%	62130
2017	213210	10559	3783	121871	157,3%	63975
2018	216203	10419	3855	123029	158,8%	65214
2019	216065	10374	3741	123543	159,5%	64210
2020	215796	9713	3474	125026	161,4%	64039
2021	223623	10412	3888	130394	168,3%	64791
2022	224805	10300	3561	132467	171%	65127

Изучая распространенность психических расстройств у лиц, совершивших преступления, следует учитывать, что реальный показатель выходит далеко за пределы, очерченные количеством решений о применении принудительных мер медицинского характера. Как известно, суд не связан рекомендацией эксперта-психиатра о назначении принудительного лечения и может прийти к выводу о том, что лица, указанные в ч. 1 ст. 97 УК РФ, по своему психическому состоянию не представляют опасности. В таком случае суд передает необходимые материалы федеральным органам исполнительной власти в сфере здравоохранения или органам исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере здравоохранения для решения вопроса о лечении этих лиц или направлении их в психоневрологические учреждения социального обеспечения в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о здравоохранении¹.

Статистические обзоры свидетельствуют о ежегодном увеличении числа назначаемых психиатрических экспертиз при одновременном уменьшении количества осужденных. Так, если в 2012 году было осуждено 739,2 тысячи человек и назначено 143,2 тысячи экспертиз, то в 2022 году осуждено 578,7 тысячи человек, назначено 224,8 тысячи экспертиз. То есть, если в 2012 году одна экспертиза приходилась в среднем на каждого пятого осужденного, то в 2022 году – на каждого второго-третьего. Данное обстоятельство, с одной стороны, может указывать на увеличение числа повторных

и дополнительных экспертиз, в том числе в связи с изменением уголовно-процессуального законодательства, которым предусмотрено обязательное назначение судебной экспертизы, когда психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого дает основания полагать, что он является больным наркоманией (п. 3.2 в ст. 196 УПК РФ введен Федеральным законом от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ). С другой стороны, наблюдаемая динамика подтверждает ранее выявленную специалистами тенденцию роста потребности в психиатрической диагностике. Так, число подэкспертных, страдающих психическими расстройствами, за десять лет увеличилось на 70%, а признанных психически здоровыми – только на четверть (таблица 1).

Стандартным диагностическим инструментом в эпидемиологии, управлении системой здравоохранения и клинической практике является Международная классификация болезней (МКБ-10) Всемирной организации здравоохранения, где под нозологической формой понимается определенная болезнь, выделенная на основе данных об ее этиологии, патогенезе и клинико-морфологических проявлениях. В классификации психических расстройств, используемой в России, «клинико-нозологические формы выделяются на основе единства установленных или предполагаемых этиологических факторов и патогенетических механизмов, и сходства клинических проявлений, динамики и исходов психических расстройств»². Клинико-нозологические формы психических

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2011 № 6 (ред. от 03.03.2015) «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера».

² Психиатрия: Учебник для студентов медицинских вузов / М.В. Коркина, Н.Д. Лакосина, А.Е. Личко, И.И. Сергеев; 3-е изд. М.: МЕДпресс-информ, 2006. С. 19.

Таблица 2.

НОЗОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ (ВИДЫ) ПСИХИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ, НЕ ИСКЛЮЧАЮЩИХ ВМЕНЯЕМОСТИ, УСТАНОВЛЕННЫХ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Нозологическая форма	2021	2022	2021	2022
Наркомания	33191	34393	25,5%	25,9%
Органические психические заболевания	24898	25517	19,1%	19,2%
Расстройства зрелой личности и поведения у взрослых	23899	25027	18,3%	18,9%
Умственная отсталость	24698	24642	18,9%	18,6%
Прочие психические расстройства	23022	22238	17,7%	16,8%
Шизофрения	686	766	0,5%	0,6%
ВСЕГО:	130394	132583	100%	100%

расстройств объединены в несколько групп на основании близости, родства этих форм. Применительно к криминалистическому обеспечению понимание специфических нозологических форм позволяет разрабатывать и применять тактику следственных действий, адаптированную к особенностям поведения лиц с различными психическими расстройствами. Так как поведение таких лиц может существенно различаться, использование нозологической классификации способствует более целенаправленному проведению следственных действий и обеспечению их эффективности.

Данные о результатах проведенных в 2021 и 2022 годах судебных психиатрических экспертиз демонстрируют распространенность у подэкспертных нарушений психики, не исключающих вменяемости. Так, четверть диагностированных заболеваний связана с наркоманией, пятая часть – с органическими психическими заболеваниями, чуть меньше (19%) – с умственной отсталостью, 17% приходится на прочие психические расстройства и 0,5% – на заболевание шизофренией (таблица 2).

О сложности выявления психических состояний свидетельствует тот факт, что доля так называемых «нерешенных» экспертиз в общем их количестве ежегодно составляет около 6% (13,2 тысячи в 2022 году). Специалисты утверждают, что диагностика шизофрении и установление соответствия состояния медицинским критериям невменяемости или ограниченной вменяемости дополнительно усложнились за счет распространенности острого и хронического стресса как фона криминального поведения [18].

Анализ данных, представленных в таблице 2, позволяет выявить наиболее распространенные психические расстройства у лиц, совершивших преступления, и оценить долю лиц, страдающих такими расстройствами, в общем количестве вменяемых преступников. Это имеет большое значение для дальнейшей разработки методик расследования и профилактики преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости.

По приведенным данным, можно сделать ряд важных выводов. Прежде всего следует отметить, что наиболее распространенной нозологической

формой психических заболеваний среди подэкспертных, признанных вменяемыми, является наркомания. В 2022 году доля лиц с таким диагнозом составила 25,9% от общего числа вменяемых с психическими расстройствами, что на 0,4% больше, чем в 2021 году. Эта тенденция коррелирует с ранее отмеченными изменениями в законодательстве, в частности с введением обязательного назначения судебной экспертизы для лиц, подозреваемых в наркомании. Рассматриваемые данные позволяют понять, с какими именно группами психических расстройств у подозреваемых (обвиняемых) чаще всего сталкиваются правоохранительные органы.

Приведем показательный пример. Ранее судимый за насильственное преступление Д. был осужден за кражу с проникновением в жилище. В ходе судебно-психиатрической экспертизы установлено, что подэкспертный имел историю психиатрического лечения и применявшихся принудительных мер медицинского характера без наследственной предрасположенности к психическим заболеваниям.

В детстве он был задержан с братьями за безнадзорность после того, как мать оставила их на вокзале. В 1993 году помещен в детский дом. Там плохо учился, проявлял гиперактивность, вспыльчивость и конфликтность; сообщал о множественных травмах головы; занимался кражами, страдал ночным недержанием мочи. В коррекционной школе-интернате пропускал занятия, бродяжничал, совершал кражи и ингалировал токсические вещества. С 1994 по 1999 год шесть раз лечился в психиатрических учреждениях с диагнозами «олигофрения в степени дебильности, психопатоподобный синдром» и «легкая умственная отсталость», указывающими на интеллектуальные нарушения и проблемы с социальной адаптацией. В 1999 году оставил учебу после пятого класса. В 2004 году, после привлечения Д. к уголовной ответственности, экспертиза выявила, что его психическое состояние лишало способности осознавать свои действия или руководить ими. Было рекомендовано направить его на принудительное лечение в специализированном стационаре. Во время прохождения лечения характеризовался отрицательно: отказывался от работы, правила

соблюдал по принуждению, проявлял конфликтность. После освобождения вновь совершил противоправное деяние, связанное с незаконным проникновением в жилище. Последующей судебно-психиатрической экспертизой было установлено, что Д. ориентирован правильно, но имеет низкий уровень интеллекта, конкретное мышление, эмоционально вспыльчив, у него недостаточно развиты критические способности. Экспертная комиссия заключила, что подэкспертный не страдает психическим расстройством, исключающим вменяемости, но у него имеется органическое расстройство личности (код F07.08 по МКБ-10). Его психическое состояние не исключает вменяемости, но ограничивает способность полностью осознавать характер и общественную опасность своих действий или руководить ими. Ему вновь было рекомендовано амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра.

С учетом психиатрического состояния обвиняемого Д. при проведении следственных действий с его участием, особенно допроса, требовалось принимать во внимание ряд специфических факторов. Во-первых, снижение интеллектуальных функций и склонность к конкретному мышлению обуславливают необходимость формулировать вопросы максимально просто и однозначно, избегая абстрактных понятий и сложных логических конструкций. Во-вторых, по причине эмоциональной неустойчивости и вспыльчивости обвиняемого следователь должен сохранять спокойствие и не допускать провокации конфликтных ситуаций, использовать эмпатический подход и проявлять терпение, что способствует установлению доверительного контакта. В-третьих, недостаточная критичность Д. в оценке собственных действий предполагает тщательную фиксацию его объяснений мотивов и целей поведения, а также установление деталей, отражающих его психическое состояние. Кроме того, изменение диагноза со временем свидетельствует о динамике психического состояния и возможном прогрессировании органического поражения центральной нервной системы.

При анализе материалов данного уголовного дела¹ особое внимание привлекают показания обвиняемого, зафиксированные в протоколах допросов. Следует отметить, что при допросах Д. присутствовал защитник, обеспечивавший контроль за соблюдением его процессуальных прав. Несмотря на отсутствие сомнений в том, что следователь корректно и добросовестно отразил все показания, результаты анализа формулировок и построения предложений позволяют сделать вывод о том, что сказанное Д. не приведено дословно. Показания характеризуются высокой степенью конкретности, что не является типичным для лица с диагностированным психическим расстройством и признаками умственной отсталости. Такое несоответствие вызывает вопросы относительно точности передачи речевых особенностей обвиняемого. Поскольку говорится о лице с ограниченными интеллектуальными возможностями и специфическими когнитивными

и коммуникативными навыками, важно сохранять его высказывания в максимально аутентичном виде. Дословная фиксация показаний позволила бы более полно отразить индивидуальные особенности речи, уровень понимания задаваемых вопросов и способность самостоятельно формулировать мысли. Аналогичные случаи имели место и в других изученных нами материалах уголовных дел.

По нашему мнению, представление показаний лица, страдающего психическим расстройством, в дословной форме является необходимым условием объективной оценки его психического состояния и степени участия в преступлении. Это также способствует более точному пониманию его мотивов и намерений, что оказывает прямое влияние на квалификацию деяния и назначение мер уголовно-правового характера, особенно в тех ситуациях, когда преступление совершено в соучастии. Кроме того, дословная передача показаний соответствует принципам процессуальной справедливости и обеспечивает соблюдение прав обвиняемого на защиту. Сохранение оригинальной речи помогает экспертам и суду более точно интерпретировать ответы лица, страдающего психическим расстройством, и избежать возможных искажений или неправильных толкований.

Анализ статистических данных о динамике показателей выявляемости психических расстройств в России за период 2010-2022 годов позволяет сформировать общее представление о произошедших в данной области изменениях. Однако для более глубокого понимания проблемы и ее влияния на криминогенную обстановку представляется целесообразным учитывать приведенные нами мнения ученых по данному вопросу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. За последние десять лет число психиатрических экспертиз с выводом о наличии психического расстройства, не исключающего вменяемости, увеличилось на 70%. Удельный вес решений о назначении принудительных мер медицинского характера по отношению к общему числу осужденных вырос в два раза – с 0,79% (5832 человек) в 2012 году до 1,4% (7797 человек) в 2023 году. Это свидетельствует о расширении круга криминальных деяний, совершаемых лицами с психическими расстройствами, опасными для самого виновного или окружающих.

2. В ходе криминалистического прогнозирования следует иметь в виду распространенность видов психических расстройств. Среди лиц, страдающих психическими расстройствами, признанных вменяемыми, заболевание наркоманией выявлено у 25,9%, органические психические заболевания – у 19,2%, расстройства зрелой личности и поведения – у 18,9%, умственная отсталость – у 18,6%. Высокая распространенность психических расстройств обуславливает необходимость осведомленности следователей о клинических проявлениях болезней и их влиянии не только на мотивацию поведения и выбор способа преступления, но и на особенности памяти, внимания, способ-

¹ Архив Савеловского районного суда г. Москвы, уголовное дело № 756330.

ность к коммуникации в ходе предварительного расследования.

3. Применение методов математической статистики на основе показателей судебно-психиатрической экспертизы позволяет спрогнозировать возможное дальнейшее увеличение численности правонарушителей рассматриваемой нами категории (до 165 тысяч человек к 2027 году).

4. Существующая система учета преступлений не позволяет в полной мере оценить состояние и тенденции преступности среди лиц с психическими расстройствами. Полагаем целесообразным введение в статистическую отчетность (статистическая карта Ф. 1.1 «О результатах расследования преступлений») пункта о выявлении у лица психического расстройства с указанием его вида. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонян Ю.М., Гульдман В.В. Криминальная патопсихология. М.: АСТ, 2024. 400 с.
2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частная теории. М.: Юридическая литература, 1987. 272 с.
3. Бирюков В.В. Криминалистическое прогнозирование, его значение в криминалистике и практике расследования преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). С. 17-22.
4. Иванов Н.Г. Психические аномалии и проблемы уголовной ответственности. М.: ЮИ МВД России, 1995. 146 с.
5. Назаренко Г.В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния. М.: Ось-89, 2001. 237 с.
6. Горинов В.В., Шостакович Б.В. Ограниченная вменяемость в судебно-психиатрической клинике // Ограниченная вменяемость. М.: Медицинская книга, 2008. С. 7-22.
7. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. М.: Медицинская книга, 2007. 124 с.
8. Полубинская С.В. Назначение принудительных мер медицинского характера // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 4 (56). С. 173-186.
9. Спасенников Б.А. Принудительные меры медицинского характера: история, теория, практика. СПб: Юридический центр – Пресс, 2003. 410 с.
10. Антонян Ю.М., Гульдман В.В. Криминальная патопсихология. М.: Наука, 1991. 243 с.
11. Спасенников Б.А. Учение о невменяемости: Монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 183 с.
12. Hodgins S. Mental Disorder, Intellectual Deficiency, and Crime // Archives of General Psychiatry. 1992. № 49 (6). P. 476-483.
13. Modestin J., Ammann R. Mental Disorder and Criminality: Male Schizophrenia // Schizophrenia Bulletin. 1996. № 22 (1). P. 69-82.
14. Vinkers D.J., Beurs E.de, Barendregt M., Rinne T., Hoek H.W. The Relationship between Mental Disorders and Different Types of Crime // Criminal Behaviour and Mental Health. 2011. Vol. 21. P. 307-320.
15. Eronen M., Nakola P., Tiihonen J. Mental Disorders and Homicidal Behavior in Finland // Archives of General Psychiatry. 1996. Vol. 53. P. 497-501.
16. Алексеева А.П. Профилактика правонарушений в России: законодательные основы и перспективы реализации // Преступность, уголовная политика, уголовный закон. Сборник научных трудов. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 549-551.
17. Алексеева А.П., Белокобыльская О.И., Третьяков Ю.В. Возможности унификации критериев соотношения терминов, включенных в понятийный аппарат в сфере превенции преступности и преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 25-30.
18. Кондратьев Ф.В., Осколова В.Н. Новые и спорные вопросы судебно-психиатрической оценки при шизофрении // Российский психиатрический журнал. 1997. № 1. С. 27-31.

REFERENCES

1. Antonyan Yu.M., Gul'dan V.V. Kriminal'naya patopsikhologiya. M.: AST, 2024. 400 s.
2. Belkin R.S. Kriminalistika: problemy, tendentsii, perspektivy. Obshchaya i chastnaya teorii. M.: Yuridicheskaya literatura, 1987. 272 s.
3. Biryukov V.V. Kriminalisticheskoye prognozirovaniye, yego znacheniye v kriminalistike i praktike rassledovaniya prestupleniy // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2018. № 1 (43). S. 17-22.
4. Ivanov N.G. Psikhicheskiye anomalii i problemy ugolovnoy otvetstvennosti. M.: YuI MVD Rossii, 1995. 146 s.
5. Nazarenko G.V. Ugolovno-relevantnyye psikhicheskiye sostoyaniya lits, sovershivshikh prestupleniya i obshchestvenno opasnyye deyaniya. M.: Os'-89, 2001. 237 s.
6. Gorinov V.V., Shostakovich B.V. Ogranichennaya vmenyayemost' v sudebno-psikhiatricheskoy klinike // Ogranichennaya vmenyayemost'. M.: Meditsinskaya kniga, 2008. S. 7-22.
7. Gannushkin P.B. Klinika psikhopatiy, ikh statika, dinamika, sistematika. M.: Meditsinskaya kniga, 2007. 124 s.
8. Polubinskaya S.V. Naznacheniyе prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2016. № 4 (56). S. 173-186.
9. Spasennikov B.A. Prinuditel'nyye mery meditsinskogo kharaktera: istoriya, teoriya, praktika. SPb: Yuridicheskiy tsentr – Press, 2003. 410 s.

10. Antonyan Yu.M., Gul'dan V.V. Kriminal'naya patopsikhologiya. M.: Nauka, 1991. 243 s.
11. Spasennikov B.A. Ucheniye o nevmenyayemosti: Monografiya. M.: Yurlitinform, 2017. 183 s.
12. Hodgins S. Mental Disorder, Intellectual Deficiency, and Crime // Archives of General Psychiatry. 1992. № 49 (6). P. 476-483.
13. Modestin J., Ammann R. Mental Disorder and Criminality: Male Schizophrenia // Schizophrenia Bulletin. 1996. № 22 (1). P. 69-82.
14. Vinkers D.J., Beurs E.de, Barendregt M., Rinne T., Hoek H.W. The Relationship between Mental Disorders and Different Types of Crime // Criminal Behaviour and Mental Health. 2011. Vol. 21. P. 307-320.
15. Eronen M., Hakola P., Tiihonen J. Mental Disorders and Homicidal Behavior in Finland // Archives of General Psychiatry. 1996. Vol. 53. P. 497-501.
16. Alekseyeva A.P. Profilaktika pravonarusheniy v Rossii: zakonodatel'nyye osnovy i perspektivy realizatsii // Prestupnost', ugolvnaya politika, ugolovnyy zakon. Sbornik nauchnykh trudov. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2013. S. 549-551.
17. Alekseyeva A.P., Belokobyl'skaya O.I., Tret'yakov Yu.V. Vozmozhnosti unifikatsii kriteriyev sootnosheniya terminov, vklyuchennykh v ponyatiynyy apparat v sfere preventsii prestupnosti i prestupleniy // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (66). S. 25-30.
18. Kondrat'yev F.V., Oskolova V.N. Novyye i spornyye voprosy sudebno-psikhiatricheskoy otsenki pri shizofrenii // Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal. 1997. № 1. S. 27-31.

© Гордеев Д.С., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Гордеев Д.С. Современные тенденции, связанные с совершением преступлений лицами с психическими расстройствами, и их учет в криминалистическом прогнозировании // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 96-104.

Кирилл Антонович РЕДОЗУБОВ,
ORCID 0009-0007-3865-2687
Академия управления МВД России (г. Москва)
адъюнкт
redozubov_2000@mail.ru

Научный руководитель:
Елена Сергеевна СТЕШИЧ, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры управления органами расследования
преступлений Академии управления МВД России

Научная статья
УДК 343.98:[343.3:004]

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Преступления экстремистской направленности, информационно-телекоммуникационные технологии, криминалистическая характеристика преступлений, экстремизм, экстремистское преступление, расследование преступлений экстремистской направленности.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье рассматриваются вопросы, связанные с разработкой криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Это необходимо для формирования основ частной криминалистической методики расследования преступлений данного вида. Особое внимание автора уделяется описанию структурных элементов криминалистической характеристики и выявлению связей между ними. *Методы.* В статье излагаются результаты изучения деятельности следователя по расследованию преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В ходе проведения этого исследования применялись методы анализа и синтеза, сравнения и обобщения (в отношении материалов уголовных дел, решений судов), анкетирования и интервьюирования (респондентами были сотрудники органов предварительного следствия). *Результаты.* Автором представлена структура криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Детально рассмотрен каждый из ее элементов, выявлены взаимосвязи между ними в общей системе. На основании полученных в рамках исследования данных сформулировано понятие криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Благодаря изучению криминалистической характеристики преступлений рассматриваемого вида созданы условия для дальнейшей разработки частной криминалистической методики расследования таких преступлений.

ВВЕДЕНИЕ

Неотъемлемым элементом любой частной криминалистической методики является криминалистическая характеристика преступлений, позволяющая в условиях недостатка исходной информации выдвинуть обоснованные версии относительно неустановленных обстоятельств, а также предоставляющая возможность

восполнять информационные пробелы и, соответственно, осуществлять планирование расследования преступлений.

Рассмотрение вопросов, касающихся элементов криминалистической характеристики преступлений, очень важно для повышения эффективности деятельности по выявлению, пресечению, раскрытию, расследованию и предупреждению престу-

Kirill A. REDOZUBOV,

ORCID 0009-0007-3865-2687

Academy of Management of the Ministry
of the Interior of Russia (Moscow, Russia)

Adjunct

redozubov_2000@mail.ru

Scientific supervisor:

Elena S. STESHICH, Doctor of Law, Associate Professor,

Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies
of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia

FORENSIC CHARACTERISTICS OF EXTREMIST CRIMES COMMITTED WITH THE USE OF INFORMATION-TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

KEYWORDS. Extremist crimes, information-telecommunication technologies, forensic characteristics of crime, extremism, extremist crime, investigation of extremist crimes.

ANNOTATION. Introduction. The article considers issues related to the development of forensic characteristics of extremist crimes committed with the use of information-telecommunication. This is necessary for the formation of the foundations of a private forensic methodology for investigating crimes of this type. The author pays special attention to the description of the structural elements of the forensic characteristics and the identification of connections between them. **Methods.** The article presents the results of a study of the investigator's activities in investigating extremist crimes committed with the use of information-telecommunication. In the course of this study, the methods of analysis and synthesis, comparison and generalization of materials of criminal cases, court decisions, questionnaires and interviews with employees of preliminary investigation bodies were used. **Results.** The author presents the structure of the forensic characteristics of extremist crimes committed with the use of information-telecommunication. Each of its elements is considered in detail, the interrelations between them in the general system are revealed. Based on the data obtained in the course of the study, the concept of forensic characteristics of extremist crimes committed using information-telecommunication was formulated. Thanks to the study of the forensic characteristics of crimes of the type under consideration, conditions were created for the further development of a private forensic methodology for investigating such crimes.

плений. Потребность в разработке криминалистической характеристики и криминалистической методики расследования преступлений той или иной группы обусловлена необходимостью усиления противодействия преступности соответствующего вида.

Современная международная обстановка и глобальная цифровизация общества оказали заметное влияние на динамику показателей, характеризующих такую группу противоправных деяний, как преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. За 2023 год более половины преступлений экстремистской направленности (56%; всего – 751) было совершено с использованием сети Интернет. Отметим, что общее количество преступлений экстремистской направленности в 2022 году достигло 1566, прирост составил 48,2% (в 2020 г. – 833, +42,4%; в 2021 г. – 1057, +26,9%)¹, в 2023 году зарегистрировано 1340 таких преступлений (-14,4%)². Несмотря на то, что в прошлом году преступлений рассматриваемой группы оказалось меньше, чем годом ранее, необходимо иметь в виду, что в приграничных регионах Российской Федерации, а также в городах федерального значения наблюдался рост уровня антигосударственной активности.

К числу преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, относятся деяния, имеющие специфичный способ реализации. Это преступления, составы которых предусмотрены ч. 1 ст. 148, п. «д» ч. 2, ч. 3 ст. 207.3, ч. 1.1 и ч. 3 ст. 212, ч. 3 ст. 239, ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 280.1, ст. 280.3, п. «в» ч. 2 ст. 280.4, ст. 282, ч. 1.1 ст. 282.1, ч. 1.1 ст. 282.2, ст. 282.3, ст. 282.4, ст. 354.1 УК РФ [1]. Данные противоправные деяния обладают повышенной степенью общественной опасности по причине того, что они нацелены на причинение вреда неопределенно широкому кругу лиц, а также государственным органам путем использования средств массового распространения информации [2]. Преступлениям этой группы свойственны все особенности, характерные для противоправных деяний, совершаемых в информационной среде. В связи с этим реагирование на них серьезно осложнено. Представляется очевидным, что необходимо проведение научных исследований в целях выработки частной криминалистической методики расследования преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

¹ Информация с Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации // URL: http://crimestat.ru/offenses_chart.

² МВД РФ сообщило о росте на 6% числа террористических преступлений в 2023 г. // Интерфакс: сайт. 08.02.2024 // URL: <https://www.interfax.ru/russia/945212>.

МЕТОДЫ

Методологическую основу нашего научного исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания. Их комплекс был востребован при изучении деятельности следователей по расследованию преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Анализ и синтез применялись для изучения внешних признаков и свойств процесса расследования таких преступлений, а также для выяснения сущности феномена противоправной деятельности экстремистов. Метод сравнения позволил сопоставить объекты исследования, определить их сходства и различия. Метод обобщения был использован для объединения нескольких объектов в более крупную группу по сходным признакам. Полезны оказались также и эмпирические методы: изучение материалов уголовных дел, анкетирование и интервьюирование сотрудников органов предварительного следствия.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Разработка универсального понятия и структуры криминалистической характеристики преступлений имеет довольно продолжительную историю. К сожалению, этот процесс до сих пор не принес ожидаемого результата. Как представляется, это связано с тем, что качественная сущность преступных проявлений значительно разнится, а потому затруднительно выработать единый категориальный аппарат.

Так, например, Л.Я. Драпкин под криминалистической характеристикой преступлений понимал научную категорию, где с достаточной степенью конкретности описаны типичные признаки и свойства события, обстановки и способа совершения общественно опасных деяний определенной классификационной группы, процесс образования и локализации доказательств, типологические качества личности и поведения виновных, потерпевших, а также особенности других элементов механизма преступления [3].

В свою очередь, А.Ю. Румянцев полагает, что «криминалистическая характеристика преступлений – это научная абстракция, содержащая данные о структуре и основных элементах преступления, о закономерных связях между ними, основанная на изучении криминальной и правоохранительной практики и используемая как исходная база для разработки методики расследования той или иной категории преступлений» [4, с. 57].

Несмотря на различия во взглядах относительно теоретических аспектов криминалистической характеристики преступлений, в научной среде устоялось мнение о том, что она должна выполнять свои функции надлежащим образом, а не просто представлять собой набор определенных знаний, между элементами, образующими криминалистическую характеристику, должны быть установлены вероятностные связи и корреляционные зависимости. Как справедливо отмечал Н.П. Яблоков, «зацепив одно звено в этой системе взаимосвязей, можно выгащить наружу всю цепь. В частности, выявление наличия в расследуемом преступлении какого-либо элемента из взаимосвя-

занной цепочки с той или иной степенью вероятности может указать на существование другого, еще не установленного элемента и определить направления и средства его поиска» [5, с. 11-12].

Исходя из того, что универсальной структуры криминалистической характеристики не существует, для решения вопроса о содержании преступления необходимо учитывать наиболее эмпирически обоснованные признаки деяния, позволяющие составить детальное представление о его особенностях, а также установить однозначные и вероятностно-ситуационные зависимости между характеризующими его элементами.

Для целей нашего исследования в содержание криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, были включены следующие элементы:

- 1) сведения о типичной исходной информации о совершенном преступлении;
- 2) сведения о типичном предмете преступного посягательства;
- 3) сведения о типичных способах совершения преступления;
- 4) сведения о типичных следах и закономерностях образования криминалистически значимой информации при совершении преступлений;
- 5) сведения о свойствах личности преступника;
- 6) сведения о преступных связях виновного лица и соучастниках совершения преступления;
- 7) сведения о типичной обстановке совершения преступлений изучаемой группы.

На наш взгляд, приведенный перечень структурных элементов достаточно полон для отражения специфики преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Рассмотрим каждый из элементов более подробно.

1. Сведения о типичной исходной информации о совершенном преступлении являются первоочередным элементом криминалистической характеристики, выступая базисом информационной картины преступления, на основании которой происходит формирование следственных версий, а также осуществляется выбор вектора расследования. Особенность преступлений изучаемой группы заключается в том, что информация о совершении деяния становится известной, как правило, после фактического совершения преступления, а не на этапе его подготовки [6]. Этот тезис подтверждается результатами исследования нами материалов уголовных дел. На основе полученных данных можно констатировать, что основные источники поступления сведений о преступлениях экстремистской направленности, совершенных в цифровой среде, условно делятся на два вида:

- рапорты об обнаружении признаков преступления, поступившие после непосредственного выявления органом дознания, следователем, прокурором или судом признаков противоправного деяния;

- сообщения средств массовой информации, а также поступившие из различных общественных и государственных организаций.

Следует обратить внимание на то, что имеется четкая взаимосвязь между особенностями объективной стороны преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и источниками поступления исходной информации об их совершении. Например, вследствие того, что данные деяния наносят вред неопределенно большому кругу лиц, потерпевшие органы с заявлениями об их совершении, поэтому такие заявления не могут быть использованы для криминалистически значимых целей.

2. Сведения о типичном предмете преступного посягательства выступают связующим элементом между личностными характеристиками преступника, способом совершения преступления и типичным механизмом слеодообразования. По мнению профессора Р.С. Белкина, «точное выявление и описание связей предмета посягательства с типичным преступником, типичными способами совершения преступления и типичной следовой картиной, обстановкой совершения преступления, несомненно, будет служить целям раскрытия преступления» [7, с. 55].

Специфичность преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, состоит в том, что предмет преступного посягательства в данном случае не имеет количественных характеристик и является нематериальным. Предметом преступного посягательства как элемента криминалистической характеристики таких преступлений выступает охраняемое уголовным законом стабильное функционирование государства, его законодательных, судебных и исполнительных органов, а также общественных организаций, социальных групп и общества в целом. Нематериальность и глобальность предмета преступного посягательства побуждает преступника совершать экстремистские преступления посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий в целях повышения масштабов последствий противоправного деяния [8]. Преступления экстремистской направленности нацелены на причинение максимально большого вреда, что и обуславливает выбор преступником способа совершения преступления – использование средств массовой коммуникации.

3. Сведения о типичных способах совершения преступления. Как отмечали некоторые авторы научных работ, способы совершения преступлений экстремистской направленности весьма многообразны, но их объединяют такие свойства, как специфичность информационного контакта между участниками преступной группы и получение информации извне для каждого отдельно взятого экстремиста [9, с. 62; 10]. Результаты анализа следственной и судебной практики позволили условно разделить способы совершения преступлений экстремистской направленности на две группы:

- публичные действия, полностью содержащие в себе сущность объективной стороны преступления, а именно: выражение явного неуважения к

социальной группе, распространение заведомо ложной информации, пропаганда, призывы к противоправной деятельности, возбуждение ненависти или вражды в отношении определенной социальной группы, отрицание исторически важных фактов;

- использование возможностей информационно-телекоммуникационных технологий в целях косвенного или непосредственного участия в осуществлении экстремистской деятельности: участие в деятельности запрещенной организации, склонение, вербовка, вовлечение в деятельность запрещенной организации, финансирование преступной деятельности организаций, признанных экстремистскими.

4. Информация о типичных следах и закономерностях образования криминалистически значимой информации при совершении преступлений экстремистской направленности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Традиционное разделение следов преступления на идеальные и материальные может быть применена при разработке криминалистической характеристики преступлений рассматриваемой нами группы. Однако особое и наиболее важное место в системе следов таких преступлений занимают цифровые (электронные) следы, представляющие собой криминалистически значимую информацию, хранящуюся в электронной форме [11, с. 102]. Как подчеркивали Ю.В. Гаврилин и А.В. Шмонин, знание закономерностей образования криминалистически значимой информации в электронной форме позволяет эффективно решать тактические задачи, возникающие в процессе расследования преступлений экстремистской направленности [12].

В исследованных нами материалах уголовных дел факты использования преступниками электронной почты в качестве способа совершения преступлений зафиксированы в 38% случаев. Такие действия отражаются в виртуальных следах: переписках, касающихся создания и распространения экстремистской информации; массовых адресных рассылках сообщений, дестабилизирующих функционирование тех или иных государственных органов и общественных организаций.

Вместе с тем, в результате исследования материалов уголовных дел было установлено, что способом непосредственного или косвенного совершения преступлений экстремистской направленности в настоящее время чаще всего оказывается использование систем мгновенного обмена сообщениями со сквозным шифрованием и социальных сетей. Это было зафиксировано в 60% случаев. Осуществление преступной деятельности с использованием кроссплатформенных цифровых систем отражается в следах следующих видов: информация о геолокации лиц, материалы переписки между пользователями, следы распространения запрещенной информации в социальной сети [13]. Кроме того, сам факт осуществления преступной деятельности в цифровой среде отражается и фиксируется в процессе работы технических устройств, которым были присвоены индивидуальные адреса [14].

5. Сведения о свойствах личности преступника. В подавляющем большинстве случаев (исходя из данных, полученных в ходе исследования, – 93,3%) преступления рассматриваемой нами группы совершаются мужчинам. По большей части (64%) это мужчины возрасте от 18 до 39 лет, значительно реже – несовершеннолетние мужского пола в возрасте от 14 до 15 лет (17%). Чаще всего такие преступления совершают холостые люди (73%), имеющие среднее специальное (53%) или высшее (24%) образование. Особенностью преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, отличающей их от иных компьютерных преступлений, состоит в том, что для совершения противоправных действий преступнику достаточно бытовых знаний в области компьютерной техники и нет необходимости в доскональном изучении технической стороны функционирования электронных систем.

С точки зрения мотивационной основы совершения преступлений экстремистской направленности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий преступников можно условно разделить на две группы: идейные и ситуационные [15].

6. Сведения о преступных связях виновного лица и соучастниках совершения преступления являются уникальным элементом криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Внесение данного элемента в структуру их криминалистической характеристики обусловлено результатами изучения эмпирических материалов, согласно которым 73% преступлений рассматриваемой нами группы совершаются не единолично, а в группе. В настоящее время совершение преступлений экстремистской направленности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий представляет из себя процесс четкого взаимодействия нескольких человек, причем некоторые из них хоть и не участвуют в непосредственном совершении противоправных действий, но оказывают содействие их совершению.

7. Сведения о типичной обстановке, в которой совершаются преступления экстремистской направленности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Характеризуя обстановку совершения таких преступлений, следует иметь в виду, что ее можно рассмотреть с географической и политической точки зрения.

В первом случае речь идет о том, что преступления этой группы гораздо чаще совершаются по месту постоянного жительства преступника в городе (91%), чем в сельской местности. Данное обстоятельство обусловлено широтой зоны высокоскоростной связи и наиболее благоприятными условиями для использования цифровых технологий именно в городах. Помимо прочего, стоит обратить внимание на то, что важным элементом обстановки совершения преступлений изучаемой группы является наличие доступа в сеть Интернет, являющуюся основным местом распространения запрещенной информации в преступных целях.

Обстановка совершения преступления во многом детерминирована внешнеполитическими и внутригосударственными процессами. Было эмпирически доказано, что при росте вызванной внешними факторами политической напряженности, связанной с деятельностью радикальных социальных групп, а также недружественных государств, возрастает количество преступлений экстремистской направленности, увеличивается и их доля в общих показателях преступности [16, с. 549].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты анализа материалов судебной и следственной практики позволили сформулировать определение криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. По нашему мнению, это сформулированная на основе изучения материалов уголовных дел, юридической и иной литературы, необходимая для составления криминалистической методики расследования преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, совокупность наиболее постоянных, устойчивых (типичных) данных о преступлениях указанной группы, основанных на сведениях об особенностях способа и типичной обстановке совершения таких преступлений, а также об индивидуально-психологических, физических и идеологических личностных качествах виновного лица. Выводы, сделанные по итогам рассмотрения элементов криминалистической характеристики преступлений изучаемой группы могут способствовать разработке частной криминалистической методики расследования преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Это, в свою очередь, окажет позитивное влияние на эффективность расследования таких преступлений. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Редозубов К.А., Стешич Е.С. Понятие преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Право и управление. 2024. № 4. С. 309-313.
2. Демянчук Е.В. Борьба с преступлениями экстремистской и террористической направленности, совершаемыми с использованием сети «Интернет» // Научный портал МВД России. 2009. № 1 (5). С. 99-106.
3. Драпкин Л.Я. Предмет доказывания и криминалистические характеристики преступлений // Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 69. Свердловск, 1978. С. 11-18.

4. Румянцев А.Ю. Криминалистическая характеристика преступлений: фантом или реальность? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2013. № 3. С. 50-58.

5. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2000. № 2. С. 10-16.

6. Мошкунова О.Ю. Рассмотрение сообщений о преступлениях экстремистской направленности, совершаемых в сети Интернет // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина: Материалы Международной научно-практической конференции. М.: Проспект, 2018. С. 541-544.

7. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики: Монография. М.: Норма, 2001. 237 с.

8. Давыдов В.О. Информационная модель преступления как инструмент формирования криминалистической методики расследования (на примере исследования статистических зависимостей между элементами преступлений экстремистской направленности) // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 1-2. С. 169-176.

9. Кряжев В.С. Комплексная характеристика терроризма и экстремизма: Монография. М.: Юрлинтинформ, 2023. 144 с.

10. Холопова Н.А., Поляков В.В. Некоторые способы совершения преступлений экстремистской направленности с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования. Сборник научных статей международной конференции. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017. С. 943-946.

11. Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: основы теории и практики расследования: Монография. Воронеж: ВГУ, 2002. 407 с.

12. Гаврилин Ю.В., Шмонин А.В. Использование информации, полученной из сети Интернет, в расследовании преступлений экстремистской направленности // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 105-111.

13. Герасименко Н.И. Особенности использования сети Интернет в расследовании преступлений экстремистской направленности // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14. № 3 (51). С. 388-393.

14. Сидорова К.С. Способы установления IP-адреса и сведений о нем при расследовании уголовных дел // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2018. № 2 (26). С. 88-92.

15. Шалагин А.Е., Зарецкая С.А. Криминологическая характеристика лиц, совершающих преступления экстремистской направленности с использованием сети Интернет // Modern Science. 2022. № 5-3. С. 210-215.

16. Алексеева А.П. Профилактика правонарушений в России: законодательные основы и перспективы реализации // Преступность, уголовная политика, уголовный закон: Сборник научных трудов. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2013. С. 549-551.

REFERENCES

1. Redozubov K.A., Steshich Ye.S. Ponyatiye prestupleniy ekstremistskoy napravlennosti, sovershayemykh s ispol'zovaniyem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy // Pravo i upravleniye. 2024. № 4. S. 309-313.

2. Demyanchuk Ye.V. Bor'ba s prestupleniyami ekstremistskoy i terroristicheskoy napravlennosti, sovershayemyimi s ispol'zovaniyem seti «Internet» // Nauchnyy portal MVD Rossii. 2009. № 1 (5). S. 99-106.

3. Drapkin L.Ya. Predmet dokazyvaniya i kriminalisticheskiye kharakteristiki prestupleniy // Kriminalisticheskiye kharakteristiki v metodike rassledovaniya prestuplenii: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 69. Sverdlovsk, 1978. S. 11-18.

4. Rumyantsev A.Yu. Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy: fantom ili real'nost'? // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya. 2013. № 3. S. 50-58.

5. Yablokov N.P. Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy kak sostavnaya chast' obshchey kriminalisticheskoy teorii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2000. № 2. S. 10-16.

6. Moshkunova O.Yu. Rassmotreniye soobshcheniy o prestupleniyakh ekstremistskoy napravlennosti, sovershayemykh v seti Internet // Sovremennoye razvitiye kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy kak realizatsiya idey R.S. Belkina: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.: Prospekt, 2018. S. 541-544.

7. Belkin R.S. Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnyye voprosy rossiyskoy kriminalistiki: Monografiya. M.: Norma, 2001. 237 s.

8. Davydov V.O. Informatsionnaya model' prestupleniya kak instrument formirovaniya kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya (na primere issledovaniya statisticheskikh zavisimostey mezhdru elementami prestupleniy ekstremistskoy napravlennosti) // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskkiye i yuridicheskkiye nauki. 2012. № 1-2. S. 169-176.

9. Kryazhev V.S. Kompleksnaya kharakteristika terrorizma i ekstremizma: Monografiya. M.: Yurlintinform, 2023. 144 s.

10. Kholopova N.A., Polyakov V.V. Nekotoryye sposoby soversheniya prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti s ispol'zovaniyem informatsionno-telekommunikatsionnoy seti «Internet» // Lomonosovskiyechteniya na Altaye: fundamental'nyye problemy nauki i obrazovaniya. Sbornik nauchnykh statey mezhdunarodnoy konferentsii. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy universitet, 2017. S. 943-946.

11. Meshcheryakov V.A. Prestupleniya v sfere komp'yuternoy informatsii: osnovy teorii i praktiki rassledovaniya: Monografiya. Voronezh: VGU, 2002. 407 s.

12. Gavrilin Yu.V., Shmonin A.V. Ispol'zovaniye informatsii, poluchennoy iz seti Internet, v rassledovanii prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2019. № 1 (49). S. 105-111.

13. Gerasimenko N.I. Osobennosti ispol'zovaniya seti Internet v rassledovanii prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti // Penitentsiarnaya nauka. 2020. T. 14. № 3 (51). S. 388-393.

14. Sidorova K.S. Sposoby ustanovleniya IP-adresa i svedeniy o nem pri rassledovanii ugolovnykh del // Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy. 2018. № 2 (26). S. 88-92.

15. Shalagin A.Ye., Zaretskaya S.A. Kriminologicheskaya kharakteristika lits, sovershayushchikh prestupleniya ekstremistskoy napravlenosti s ispol'zovaniyem seti Internet // Modern Science. 2022. № 5-3. S. 210-215.

16. Alekseyeva A.P. Profilaktika pravonarusheniy v Rossii: zakonodatel'nyye osnovy i perspektivy realizatsii // Prestupnost', ugolovnaya politika, ugolovnyy zakon: Sbornik nauchnykh trudov. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2013. S. 549-551.

© Редозубов К.А., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Редозубов К.А. Криминалистическая характеристика преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 105-111.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Андрей Иванович ТАМБОВЦЕВ,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0009-0004-9418-7060

Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург)

доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел

bestcopat@mail.ru

Научная статья
УДК 351.745.7

СОДЕРЖАТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ПРЕДАНИЕ ГЛАСНОСТИ» В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Оперативно-разыскная деятельность, частная теория негласности, негласность в оперативно-разыскной деятельности, обеспечение негласности, институт негласности, конспирация, предание гласности, разглашение информации.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Обеспечение негласности в оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) и защита государственных и служебных тайн связаны с вынужденным преданием гласности некоторых ранее засекреченных сведений оперативно-разыскного характера в целях решения задач ОРД и уголовного судопроизводства, а также с умышленным или случайным разглашением информации о негласных силах, средствах и методах ОРД, содержащей государственную или служебную тайну. При этом единообразие восприятия теоретиками и практиками сущности понятий «предание гласности» и «разглашение информации» представляется гарантом их правильного юридического толкования и использования, а также повышения уровня эффективности деятельности по непосредственному обеспечению негласности. Учеными констатируется отсутствие единства взглядов на данные понятия, что порождает коллизионность их научного осмысления и прикладного использования. В рамках исследования частной теории негласности в оперативно-разыскной деятельности автором статьи анализируются современные воззрения законодателя и правоведов на перечисленные аспекты. *Методы.* В ходе исследования применялись диалектический и формально-логический общенаучные методы, сравнительно-правовой метод и метод контент-анализа нормативных правовых актов. Проведен сравнительный и содержательный анализ ряда федеральных законов, кодексов и научных взглядов современных ученых по рассматриваемой проблематике. *Результаты.* Автор приходит к заключению, что «предание гласности в оперативно-разыскной деятельности» есть «правомерная целенаправленная деятельность должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, по раскрытию информации или сведений, являющихся государственной или служебной тайной, перед конкретным лицом, определенной или неопределенной группой лиц для решения задач ОРД». В то же время «разглашение информации» в оперативно-разыскной деятельности можно представить как «умышленное или неосторожное раскрытие в любой (активной или пассивной) форме конфиденциальной информации третьим лицам без соответствующего разрешения лицом, которому эта информация известна в связи с его профессиональной или иной правомерной деятельностью».

ВВЕДЕНИЕ

В рамках проводимого нами исследования частной теории негласности в оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) мы рассмотрели в своих предыдущих работах понятия «негласность» и «обеспечение негласности» [1]. Определившись с их содержанием и дефинициями, считаем обязательным и необходимым изу-

чить сущность взаимосвязанных с ними и важных в контексте темы нашего исследования понятий «предание гласности», «рассекречивание», «разглашение». Причиной этого является активное использование законодателем перечисленных терминов в положениях Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», федеральных за-

Andrei I. TAMBOVTSEV,
Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor,
ORCID 0009-0004-9418-7060
Saint-Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Saint-Petersburg, Russia)
Associate Professor of the Department of Operational
Investigative Activities in the Internal Affairs Bodies
bestcopat@mail.ru

CONTENT-LEGAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF «PUBLICITY» IN OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITIES

KEYWORDS. Operational-investigative activity, private theory of secrecy, secrecy in operational investigative activity, ensuring secrecy, institute of secrecy, conspiracy, making public, disclosure of information.

ANNOTATION. Introduction. Ensuring secrecy in operational-investigative activities (hereinafter referred to as OIA) and protecting state and official secrets are associated with the forced disclosure of certain previously classified operational-investigative information in order to solve the tasks of OIA and criminal proceedings, as well as with intentional or accidental disclosure of information about covert forces, means and methods of OIA containing state or official secrets. At the same time, a uniform understanding by theorists and practitioners of the essence of the concepts of «publicization» and «disclosure of information» seems to be a guarantee of their correct legal interpretation and use, as well as an increase in the level of efficiency of activities to directly ensure secrecy. Scientists note the lack of unity of views on these concepts, which gives rise to a collision of their scientific understanding and applied use. In the context of the study of the private theory of secrecy in operational-investigative activities, the author of the article analyzes the modern views of the legislator and legal scholars on the listed aspects. **Methods.** The study used dialectical and formal-logical general scientific methods, comparative-legal method and the method of content analysis of regulatory legal acts. A comparative and substantive analysis of a number of federal laws, codes and scientific views of modern scientists on the issue under consideration was conducted. **Results.** The author comes to the conclusion that «publicization in operational-investigative activities» is «a lawful targeted activity of officials of the bodies carrying out operational-investigative activities to disclose information or data that are a state or official secret to a specific person, a specific or unspecified group of persons in order to solve operational-search tasks». At the same time, «disclosure of information» in operational-investigative activities can be presented as «intentional or careless disclosure in any (active or passive) form of confidential information to third parties without the appropriate permission of a person to whom this information is known in connection with his professional or other lawful activities».

конов от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон об ОРД), от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне», от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности», от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке», от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране», от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Кроме того, рассматриваемый термин «разглашение», помимо вышеназванных федеральных законов, имеющих процессуальную основу, также многократно используется и в материальном праве – в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации, напрямую регламентирующих уголовную ответственность за разглашение различных видов информации и в том числе – государственной тайны, что в рамках нашего исследования представляется весьма важным. Таковыми являются ст. 147 «Нарушение изобретательских и патентных прав», ст. 155 «Разглашение тайны усыновления (удоче-

рения)», ст. 183 «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», и что особо интересно и важно для нас – ст. 283 «Разглашение государственной тайны», ст. 310 «Разглашение данных предварительного расследования», ст. 311 «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса», ст. 320 «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа». При этом необходимо констатировать отсутствие в российском законодательстве единых официальных легитимных дефиниций изучаемых нами понятий и общепризнанного в российском юридическом сообществе понимания их определений и содержания. Это обстоятельство и предопределяет актуальность проведенного исследования.

МЕТОДЫ

Для всестороннего изучения понятий «предание гласности», «рассекречивание», «разглашение» были использованы общенаучный диалектический метод познания бытия, методы сравнительно-правового и контент-анализа нормативных правовых актов, а также метод формальной

логики, что позволило сформулировать аутентичные воззрения о сущности и содержании рассматриваемых понятий. В процессе исследования автором изучен ряд федеральных законов и кодексов, а также научных позиций правоведов, выявлены несогласованные и противоречивые положения некоторых статей нормативных актов, порождающие коллизионность их юридической интерпретации и последующей реализации в правоприменительной деятельности. Это позволяет констатировать недостаточность правовой регламентации указанных аспектов и необходимость скорейшей оптимизации системы нормативной регламентации институтов предания гласности, рассекречивания и разглашения информации.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Вопросы обеспечения негласности в процессе осуществления оперативно-разыскной деятельности, в том числе предания гласности и разглашения информации оперативно-разыскного характера, содержащей государственную тайну, рассматривались целым рядом видных российских ученых в комментариях к федеральному закону об ОРД¹, а также во многих научных публикациях [2, 3, 4, 5, 6, 7]. При этом до настоящего времени научное сообщество не пришло к единству в понимании изучаемых нами терминов, активно используемых в оперативно-разыском и ином законодательстве. Как отмечает профессор Н.В. Павличенко, «несмотря на достаточно частое использование данных лексических образований на законодательном уровне, часть из них понимается неоднозначно, что влияет на правоприменительную практику сотрудников оперативных подразделений» [8, с. 62], а правильное понимание данной терминологии является своего рода гарантом неразглашения информации, то есть – обеспечения негласности. Очевидно, что при своей смысловой схожести, рассматриваемые понятия все-таки не идентичны в своих значениях и могут иметь различные функциональные, правовые и даже эмоциональные «окраски». А учитывая, что они имеют отношение к таким важнейшим для оперативно-разыскной деятельности сферам, как конфиденциальное содействие, персональные данные субъектов и участников негласных оперативно-разыскных мероприятий, организационно-тактические особенности использования сил, средств и методов ОРД, составляющим служебную и государственную тайны, следует признать указанную проблему весьма значимой для оперативно-разыскной деятельности в целом и каждого из ее участников в частности.

Основываясь на весьма словарных значениях слова «гласность», можно констатировать, что под гласностью понимается «доступность для общественного ознакомления и обсуждения»², «известность, оглашение, огласка»³, а слово «предание» толкуется через значение исходного для него глагола «предать» – «подвергнуть действию чего-нибудь»⁴. Таким образом, на наш взгляд, предание гласности подразумевает некую деятельность по раскрытию информации или сведений, являющихся тайной. Здесь необходимо пояснить некоторые аспекты специфики рассматриваемой терминологической конструкции.

Во-первых, мы изначально и осознанно не соотносим терминологическую конструкцию «предание гласности» с гласностью в судопроизводстве (гласностью судебного заседания), которая является принципом уголовного процесса, признается практически всеми современными учеными в области оперативно-разыскной деятельности и уголовного процесса [9, 10, 11, 12, 13], но имеет иную функционально-правовую природу. В данном случае подразумевается именно наиболее общее значение рассматриваемого собирательного термина.

Во-вторых, следует отметить «просматривающийся» в данной терминологической конструкции официальный административно-распорядительный характер. То есть предание гласности – это не самовольное индивидуальное решение некоего лица уведомить общество об известных ему фактах (что может быть противоправным деянием), а официальный юридический акт уполномоченного на то органа в отношении каких-либо сведений, ранее недоступных для ознакомления. Более того, профессор Н.В. Павличенко связывает предание гласности именно с наличием к тому правовых оснований, предпосылок и условий у государственного органа, ранее уполномоченного на обеспечение негласности (конспирации) в отношении какой-то информации (сведений, событий, лиц, предметов) [8].

В-третьих, предание гласности и рассекречивание представляются нам хоть и близкими, но все же различными по своей природе явлениями. «Предание гласности», по нашему мнению, является более общим (родовым) понятием для понятия «рассекречивание» и охватывает собой гораздо более широкий массив сведений (и информации как таковой), которые могут и не быть засекреченными. Статья 13 «Порядок рассекречивания сведений» и ст. 14 «Порядок рассекречивания носителей сведений, составляющих государственную тайну» закона «О государственной

¹ См., например: Киселев А.П. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»; Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». М.: Изд-ль Шумилова И.И., 2002. 262 с.; Смирнов М.П. Комментарий оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран: Учебное пособие. М.: Экзамен, 2002. 430 с.; Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий. Омск: Омский ЮИ МВД России, 1999. 111 с.; Дубонос Е.С. Основы оперативно-розыскной деятельности: Курс лекций / под ред. Г.К. Синилова. М.: ЮИ МВД России, Книжный мир, 2002. 184 с. и др.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка / 8-е изд., стереотип. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 128.

³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. А-З. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. С. 355.

⁴ Ожегов С.И. Указ. соч.

тайне» определяют рассекречивание сведений и их носителей как «снятие ранее введенных в предусмотренном настоящим Законом порядке ограничений на распространение сведений, составляющих государственную тайну, и на доступ к их носителям» и устанавливают единый для всей России порядок рассекречивания. В то же время предаваться гласности может информация, ранее хоть и «закрытая» для распространения, но не составляющая государственной тайны и не являющаяся секретной, то есть не имеющая соответствующих грифов секретности (например коммерческая, банковская, уголовно-процессуальная и пр.).

В-четвертых, как нами упоминалось выше, предание гласности следует рассматривать как снятие официального запрета на широкое и беспрепятственное обращение информации в социуме, которого может и не произойти в виду отсутствия у общества интереса к ней или по иным причинам, а не как обязанность органа публично распространить сведения в средствах массовой информации, аналогичную той, которая закреплена предписаниям ч. 1 ст. 63 «Порядок ликвидации юридического лица» Гражданского кодекса Российской Федерации.

Применительно к преданию гласности в сфере ОРД необходимо соотносить все вышеизложенное с правовым статусом соответствующих субъектов ОРД и их должностных лиц, имеющимися к тому правовыми основаниями, а также решаемыми в рамках оперативно-разыскной деятельности задачами. В контексте сказанного под преданием гласности в ОРД следует понимать исключительно правомерную целенаправленную деятельность должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность по раскрытию информации или сведений, являющихся государственной или служебной тайной, перед конкретным лицом, определенной или неопределенной группой лиц для решения задач ОРД.

Теперь представим результаты анализа понятия «разглашение», которое имеет непосредственное отношение к исследуемому нами вопросу. Термин, используемый для его обозначения, достаточно часто встречается в нормативных правовых актах. Очевидно, что оно является производным от понятий «гласность», «огласка» и в максимально обобщенном значении предполагает «раскрытие информации перед лицами, которым она ранее была неизвестна». Однако семантический анализ нескольких определений понятия «разглашение» позволяет нам говорить о существенных его отличиях от понятия «предание

гласности», о совершенно ином по сравнению с ним значении (отчасти даже негативном, противоправном). Так, различные источники под разглашением понимают:

- умышленные или неосторожные действия с конфиденциальными сведениями, приведшие к ознакомлению с ними лиц, не допущенных к ним; разглашение выражается в сообщении, передаче, предоставлении, пересылке, опубликовании, утечке и в других формах обмена информацией¹;

- несанкционированное доведение защищаемой информации до лиц, не имеющих права доступа к этой информации²;

- разванивание, выбалтывание, разбалтывание, оглашение, огласку, передачу, растрезвонивание, рассказывание³;

- умышленное раскрытие тайны без согласия ее владельца лицом, которому тайна известна в связи с профессиональной или служебной деятельностью, совершенное из корыстных или иных личных побуждений⁴;

- опубликование или распространение в устной или письменной форме, через средства массовой информации или иным способом сведений, составляющих тайну, лицом, которому эти сведения были доверены⁵.

Анализируя эти и другие, аналогичные им, определения, можно выделить следующие существенные признаки разглашения:

1. Разглашение информации – это не обязательно какие-либо действия, направленные на получение и распространение некой закрытой информации (конфиденциальных сведений). Разглашение может выражаться и бездействием, например в непринятии мер безопасности, в результате которого информация стала известна посторонним. В данном случае реализация разглашения будет носить явно пассивный характер, который при этом не исключает противоправности самого деяния, умысла и вероятности наступления в результате его совершения негативных последствий.

2. Функционально формы разглашения могут значительно отличаться друг от друга. Они заключаются в неких поведенческих вербальных и невербальных – устных (непосредственных или опосредованных техническими устройствами), письменных, объектных, знаковых, жестовых, публикационных и пр. – способах раскрытия каких-то сведений, информации в любом ее виде. Данные поведенческие акты могут совершаться в активной либо пассивной форме.

Интересно, что ст. 121 «Разглашение, сообщение, передача или собиранье в целях передачи

¹ РД 21-02-2006: Типовая инструкция о защите информации в автоматизированных средствах центрального аппарата, территориальных органов и организаций федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору.

² ГОСТ Р 53114-2008: Защита информации. Обеспечение информационной безопасности в организации. Основные термины и определения.

³ Словарь синонимов // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/147536/разглашение (дата обращения: 03.05.2024).

⁴ Словарь бизнес-терминов // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/11065> (дата обращения: 03.05.2024).

⁵ Модельный закон «О банковской тайне» (принят на 14-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ постановлением от 16 октября 1999 г. № 14-7) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ. 2000. № 23.

должностным лицом сведений, не подлежащих оглашению» Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. дифференцировала способы разглашения в самом названии статьи. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. в ст. 184 «Разглашение данных предварительного следствия или дознания» и ст. 184.1 «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи, должностного лица правоохранительного или контролирующего органа и их близких родственников» уже оперировал обобщенным понятием «разглашение», подразумевая все возможные способы осуществления деяния. Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации содержит ст. 310 «Разглашение данных предварительного расследования», в ней также использован обобщающий все способы термин.

Считаем важным обратить внимание на то, что в контексте данного смыслового блока нашего исследования нарушение правил конспирации представляется своеобразной опосредованной, но исключительно поведенческой формой разглашения тайны (умышленно или по неосторожности) – то есть той информации, ради защиты которой конспиративными методами и обеспечивалась негласность. При этом отметим, что организационно-тактические, функционально-технические, кадровые и многие иные аспекты негласно-конспиративных способов и методов обеспечения негласности сами по себе являются секретными и по смыслу Закона «О государственной тайне» представляют собой эту самую тайну.

Необходимо признать, что нарушение оперативным сотрудником, конфиденентом или иным вовлеченным в ОРД лицом правил конспирации может ситуативно и не повлечь за собой разглашения сведений об оперативно-разыскных силах, средствах и методах. Хотя само по себе его деяние и не перестанет от этого быть нарушением. Вопрос об ответственности в данном случае остается открытым. Его решение зависит, по нашему мнению, от совокупности объективных и субъективных факторов. В то же время, в соответствии со ст. 23 «Условия прекращения допуска должностного лица или гражданина к государственной тайне» Закона «О государственной тайне», однократное нарушение должностным лицом или гражданином взятых на себя предусмотренных трудовым договором (контрактом) обязательств, связанных с защитой государственной тайны, может являться основанием для прекращения его допуска к государственной тайне со всеми вытекающими из этого негативными дисциплинарными, материальными, гражданско-правовыми или уголовно-правовыми последствиями в виде мер ответственности. При этом закон не упоминает о наступлении (или ненаступлении) неблагоприятных последствий допущенного нарушения. Важен сам факт!

3. Разглашение информации может быть как умышленным, так и случайным (по неосторожности или неосмотрительности), в то время как предание гласности, будучи целенаправленным юридическим актом (действием) государства или

организации, не может быть случайным. Считаем обоснованным акцентировать внимание на ряде обстоятельств. Сохранение в тайне каких-либо фактов допускает умышленное и целенаправленное, полное или дозированное распространение целиком или частично достоверной или заведомо ложной для реципиента информации (а иногда и требует этого). Кроме того, распространение официальных сведений о своей деятельности может быть правом или обязанностью субъекта и осуществляться в его интересах. То есть, говоря о предохранении от распространения информации, под ее распространением (на устоявшемся профессиональном сленге – «утечкой информации») следует понимать исключительно несанкционированное, умышленное или случайное распространение информации о каких-либо сферах деятельности субъекта ОРД, осуществляемое вопреки его интересам, волеизъявлению и безопасности.

В соответствии с положениями ч. 2 ст. 12 «Защита сведений об органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» закона об ОРД «предание гласности сведений о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе, допускается лишь с их согласия в письменной форме и в случаях, предусмотренных федеральными законами». Это достаточно серьезно ограничивает права организаций и их должностных лиц на предание гласности сведений определенного характера. То есть, в подобных случаях наличие у инициатора рассекречивания сведений такого законодательно провозглашенного права еще не является полным и достаточным условием для его (права) реализации: должно быть еще и письменно оформленное согласие упомянутого в приведенной выше цитате лица либо оно должно быть привлечено к уголовной ответственности (обязательное условие).

4. Разглашением информации может считаться только такое ее раскрытие (распространение), когда лицо обладает ею в связи со своей профессиональной деятельностью или иной правомерной активностью, но не вправе ею распоряжаться без разрешения собственника или уполномоченного на то лица.

Подтверждение находим в научно-правовом комментарии профессора А.Ю. Шумилова по поводу терминологической конструкции «разглашение сведений, составляющих государственную тайну». Он акцентирует внимание на функциональных особенностях разглашения информации, имеющей отношение к институту обеспечения негласности, – активный или пассивный характер разглашения, вариативность способов, специальный субъект разглашения¹. С этим мы, опираясь на результаты нашего исследования, как и некоторые другие ученые [14, 15, 16], придерживающиеся аналогичного мнения, всецело согласны.

¹ Оперативно-розыскная энциклопедия / Автор-составитель профессор А.Ю. Шумилов. М.: Изд-ль Шумилова И.И., 2004. С. 256.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя вышеизложенные размышления, считаем возможным сделать следующие выводы:

1) под преданием гласности в оперативно-розыскной деятельности следует понимать *исключительно правомерную целенаправленную деятельность должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по раскрытию информации или сведений, являющихся государственной или служебной тайной, перед конкретным лицом, опреде-*

ленной или неопределенной группой лиц для решения задач оперативно-розыскной деятельности;

2) разглашение информации в оперативно-розыскной деятельности представляется как *умышленное или неосторожное раскрытие в любой (активной или пассивной) форме конфиденциальной информации третьим лицам без соответствующего разрешения лицом, которому эта информация известна в связи с его профессиональной или иной правомерной деятельностью.* ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тамбовцев А.И. Содержательно-правовой анализ понятий «гласность» и «негласность» с позиций уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум. Материалы международной научно-практической конференции. СПб, 2024. С. 503-507.
2. Павличенко Н.В. Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности: Монография. М., 2016. 186 с.
3. Луговик В.Ф. Негласность расследования и оперативно-розыскная деятельность // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2014. № 1 (3). С. 27-29.
4. Луговик В.Ф., Баранов А.М. Негласное правоприменение в уголовном преследовании // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2 (57). С. 7-11.
5. Бобров В.Г. Некоторые суждения в защиту позиции К.В. Суркова и других сторонников сочетания гласности и негласности оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2008. № 3. С. 12-17.
6. Кольцов Д.В. Гласность и негласность как критерии классификации оперативно-розыскных мероприятий // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения - 2019. Сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции. Гатчина, 2019. С. 336-338.
7. Железняк Н.С. О проблемах соблюдения конспирации в работе с конфидентами // Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: материалы научно-практической конференции. М.: ВНИИ МВД России, 2002. С. 152-156.
8. Павличенко Н.В. «Конспирация» и «предание гласности» в оперативно-розыскной деятельности: содержание и соотношение // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 1 (11). С. 62-68.
9. Гурбанов А.Г., Михайлов Н.Н. Принцип гласности уголовного судопроизводства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 4 (28-2). С. 297-299.
10. Вилкова Т.Ю. Принцип гласности уголовного судопроизводства: история, современность, перспективы: Монография. М.: Юрайт, 2024. 286 с.
11. Потапенко С.В. Гласность как общее условие судебного разбирательства и как конституционный принцип в уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2022. № 1 (167). С. 103-107.
12. Колосович М.С. Современные аспекты гласности судебного разбирательства и деятельности суда // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 2. С. 64-71.
13. Рыжаков А.П. Обновленные правила реализации гласности в уголовном процессе // Советник юриста. 2017. № 8. С. 8-23.
14. Камалова Г.Г. Информационно-правовая сущность раскрытия и разглашения информации // Информационное право: актуальные проблемы теории и практики. Сборник докладов Международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 329-341.
15. Бавсун И.Г., Векленко С.В. Проблемы административной ответственности за разглашение информации с ограниченным доступом // Вопросы правовой теории и практики: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. Омск: Омская академия МВД России, 2005. С. 84-90.
16. Бондаренко Э.Н. Проблемы ответственности работника за разглашение конфиденциальной информации // Российский ежегодник трудового права. 2009. № 4. С. 239-242.

REFERENCES

1. Tambovtsev A.I. Soderzhatel'no-pravovoy analiz ponyatiy «glasnost'» i «neglasnost'» s pozitsiy ugovol'nogo protsesssa i operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Sankt-Peterburgskiy mezhdunarodnyy kriminalisticheskiy forum. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb, 2024. S. 503-507.
2. Pavlichenko N.V. Pravovyye i teoreticheskiye problemy obespecheniya neglasnosti v operativno-rozysknoy deyatel'nosti: Monografiya. M., 2016. 186 s.
3. Lugovik V.F. Neglasnost' rassledovaniya i operativno-rozysknaya deyatel'nost' // Pravovaya mysl' v obrazovanii, nauke i praktike. 2014. № 1 (3). S. 27-29.

4. Lugovik V.F., Baranov A.M. Neglasnoye pravoprimereniye v ugovnom presledovanii // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. 2015. № 2 (57). S. 7-11.
5. Bobrov V.G. Nekotoryye suzhdeniya v zashchitu pozitsii K.V. Surkova i drugikh storonnikov sochetaniya glasnosti i neglasnosti operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Operativnik (syshchik). 2008. № 3. S. 12-17.
6. Kol'tsov D.V. Glasnost' i neglasnost' kak kriterii klassifikatsii operativno-rozysknykh meropriyatiy // Aktual'nyye problemy nauki i praktiki: Gatchinskiye chteniya - 2019. Sbornik nauchnykh trudov po materialam VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Gatchina, 2019. S. 336-338.
7. Zheleznyak N.S. O problemakh soblyudeniya konspiratsii v rabote s konfidentami // Problemy teorii i praktiki operativno-rozysknoy deyatel'nosti: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.: VNII MVD Rossii, 2002. S. 152-156.
8. Pavlichenko N.V. «Konspiratsiya» i «predaniye glasnosti» v operativno-rozysknoy deyatel'nosti: sodержaniye i sootnosheniye // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2010. № 1 (11). S. 62-68.
9. Gurbanov A.G., Mikhaylov N.N. Printsip glasnosti ugovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2005. № 4 (28-2). S. 297-299.
10. Vilkova T.Yu. Printsip glasnosti ugovnogo sudoproizvodstva: istoriya, sovremennost', perspektivy: Monografiya. M.: Yurayt, 2024. 286 s.
11. Potapenko S.V. Glasnost' kak obshcheye usloviye sudebnogo razbiratel'stva i kak konstitutsionnyy printsip v ugovnom sudoproizvodstve // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2022. № 1 (167). S. 103-107.
12. Kolosovich M.S. Sovremennyye aspekty glasnosti sudebnogo razbiratel'stva i deyatel'nosti suda // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 2. S. 64-71.
13. Ryzhakov A.P. Obnovlennyye pravila realizatsii glasnosti v ugovnom protsesse // Sovetnik yurista. 2017. № 8. S. 8-23.
14. Kamalova G.G. Informatsionno-pravovaya sushchnost' raskrytiya i razglasheniya informatsii // Informatsionnoye pravo: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Sbornik dokladov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M., 2017. S. 329-341.
15. Bavsun I.G., Veklenko S.V. Problemy administrativnoy otvetstvennosti za razglasheniye informatsii s ogranichenym dostupom // Voprosy pravovoy teorii i praktiki: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 2. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2005. S. 84-90.
16. Bondarenko E.N. Problemy otvetstvennosti rabotnika za razglasheniye konfidentsial'noy informatsii // Rossiyskiy yezhegodnik trudovogo prava. 2009. № 4. S. 239-242.

© Тамбовцев А.И., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Тамбовцев А.И. Содержательно-правовой анализ понятия «предание гласности» в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 112-118.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Ульяна Валерьевна САДИОКОВА,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0009-0008-0944-0551

Академия управления МВД России (г. Москва)

доцент кафедры управления органами расследования преступлений

ulyana578@list.ru

Научная статья
УДК 331.103.3:351.87

НОРМИРОВАНИЕ ТРУДА СЛЕДОВАТЕЛЕЙ: МЕТОДОЛОГИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Следственные органы, следователь, нормирование труда, оценка деятельности, трудозатратность, методика расчета нагрузки.

АННОТАЦИЯ. Введение. Актуальность темы статьи обусловлена тем, что современная оценка работы следственных органов базируется на статистических показателях, не принимающих в расчет условия их функционирования, кадровую укомплектованность и обусловленную ими нагрузку, распределяемую на следователей. Данное обстоятельство не позволяет достоверно оценить их деятельность и принять соответствующие ее результатам управленческие решения. По этой причине необходимо совершенствование подходов к нормированию труда следователей. Одним из таких подходов представляется определение оптимальных отраслевых нагрузочных норм их процессуальной деятельности. Эти нормы могут стать значимым средством в работе по повышению качества организации функционирования следственных органов. Важность решения задачи по определению отраслевых нагрузочных норм обусловила обращение Следственного департамента МВД России в Академию управления МВД России с инициативой о проведении научного исследования по данной тематике. **Постановка проблемы.** Методика расчета оптимальной нагрузки на следователей нормативно не регламентирована. Попытки создать ее предпринимались с применением различных подходов не раз, преимущественно в рамках выработки методики расчета штатной численности следственных органов. В настоящее время процессы, связанные с изменениями в правовом регулировании организации деятельности территориальных органов внутренних дел, в состоянии преступности и с увеличением в связи с этим объемов трудозатратности производства предварительного расследования, обусловили потребность в возвращении к вопросу о методике расчета оптимальной нагрузки и определении нагрузочных показателей, адекватных современному состоянию условий работы следственных органов. **Методы.** Для достижения поставленных целей использовались: метод исследования документов, формально-юридический, логический, сравнительный методы. **Результаты.** Основой методики определения разумной нагрузки на одного следователя должно стать вычисление соотношения годового фонда его рабочего времени и трудоемкости его профильной процессуальной деятельности. Трудоемкость целесообразно устанавливать посредством хронометрирования данной деятельности и с учетом мнения экспертного сообщества. Оптимальность и достоверность расчетов обуславливаются границами и объемами используемого для них эмпирического материала и подтверждаются результатами изучения материалов проверок сообщений о преступлениях и уголовных дел.

ВВЕДЕНИЕ

Нормы нагрузки в части процессуальной деятельности следователей органов внутренних дел на протяжении длительного времени не раз становились предметом изучения в рамках специально инициируемых для этого на-

учных исследований¹. Конечной целью предпринимавшихся ранее попыток осмысления нормирования труда следователей являлась прежде всего выработка методики расчета штатной численности следственных органов в системе отечественного МВД для оптимального ее распределения.

¹ Научная организация управления и труда в следственном аппарате органов внутренних дел. М.: Академия МВД СССР, 1974. 230 с.; Управление органами расследования преступлений: Учебное пособие. М.: Академия управления МВД России, 2000. 196 с.; Организация деятельности следственных аппаратов и органов дознания: Учебно-методические материалы. М.: Академия МВД России, 1996. 187 с.

Ulyana V. SADIOKOVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0009-0008-0944-0551

Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow, Russia)

Associate Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies

ulyana578@list.ru

RATIONING THE WORK OF INVESTIGATORS: METHODOLOGY AND PROSPECTS

KEYWORDS. Investigative bodies, investigator, labor standards, performance assessment, labor intensity, workload calculation methodology.

ANNOTATION. Introduction. The relevance of the article is due to the fact that the modern assessment of the work of investigative bodies is based on statistical indicators that do not take into account the conditions of their functioning, staffing and the resulting workload distributed among investigators. This circumstance does not allow for a reliable assessment of their activities and making management decisions corresponding to their results. For this reason, it is necessary to improve approaches to regulating the work of investigators. One of such approaches may be the definition of optimal industry workload standards for their procedural activities. These standards may become a significant tool in improving the quality of the organization of functioning of investigative bodies. The importance of solving the problem of determining industry workload standards led the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia to contact the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia with an initiative to conduct a scientific study on this topic. **Statement of the problem.** The methodology for calculating the optimal workload on investigators is not regulated by law. Attempts to create it have been made more than once using various approaches, mainly within the framework of developing a methodology for calculating the staffing level of investigative bodies. Currently, the processes associated with changes in the legal regulation of the organization of activities of territorial internal affairs bodies, in the state of crime and the increase in this regard of the labor intensity of preliminary investigation, have determined the need to return to the issue of the methodology for calculating the optimal workload and determining workload indicators adequate to the current state of working conditions of investigative bodies.

Methods. The study used: document research method, formal-legal, logical, comparative methods. **Results.** The basis for the methodology for determining a reasonable workload for one investigator should be recognized as the calculation of the ratio of the annual fund of his working time and the labor intensity of his profile procedural activity. It is advisable to establish labor intensity by timing this activity and taking into account the opinion of the expert community. The optimality and reliability of the calculations are determined by the boundaries and volumes of the empirical material used for them and are confirmed by the results of the study of materials from checks of reports of crimes and criminal cases.

Напомним, штатная численность структурных подразделений территориальных органов внутренних дел сегодня определяется по методикам, утвержденным в приказе МВД России от 6 октября 2014 г. № 859 «Об утверждении примерных нормативов численности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации» (далее – приказ № 859) или специальных отраслевых, прежде всего статутных, нормативных правовых актах, регулирующих вопросы организации подразделений по отдельным направлениям деятельности органов внутренних дел. Расчетные нормативы штатной численности сформированы на основании годовых нагрузочных показателей. Так, например, приказом № 859 штатная численность подразделений дознания, выполняющих, как и следственные органы, функцию расследования, устанавливается исходя из нагрузки 180 материалов проверок сообщений о преступлениях или 55 уголовных дел, находящихся в производстве, в год на одну штатную единицу.

Штатная численность органов (подразделений), для которых методика ее расчета не регламентирована названными выше правовыми актами, определена приказом МВД России от 14 февраля 2023 г. № 70 «Об утверждении штатной численности отдельных территориальных органов МВД России»: в приложении к этому приказу для каждого региона закреплены ее размеры,

исчисляемые в единицах. Таким образом установлена и штатная численность сотрудников органов предварительного следствия регионального уровня для всех субъектов Российской Федерации. По мере увеличения или уменьшения годовой нагрузки на те или иные территориальные органы МВД России в указанный приказ вносятся изменения. При этом необходимо подчеркнуть, что нормы нагрузки в части процессуальной деятельности следователей не определены.

Следует обратить внимание, что масштабно и централизованно расчеты нагрузочных норм для подразделений органов внутренних дел разрабатывались по распоряжению Министра внутренних дел Российской Федерации в 2011 году специально созданной для этого рабочей группой, включавшей в себя представителей центрального аппарата и семи ведущих научных и образовательных организаций МВД России. В основу расчетов были положены методы экспертного опроса и хронометрирования затрат рабочего времени¹. Результаты деятельности рабочей группы нашли отражение в нормативных правовых актах МВД России, в том числе и в приказе № 859. Нагрузочные показатели для следователей органов предварительного следствия рассчитать не удалось, и поэтому они закреплены не были.

Выработкой таких показателей в разное время, делая акцент на разных их аспектах, занимались:

¹ Нормативы численности по основным направлениям деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: Методические рекомендации. М.: ВНИИ МВД России, 2015. 116 с.

1) ВНИИ МВД России (2004 г.) – проведен анализ фактических затрат рабочего времени следователей¹;

2) ВНИИ МВД России, Волгоградская академия МВД России и Следственный департамент МВД России (2013 г.) – разработана методика определения нагрузки в следственных органах по результатам их деятельности, отраженным в формах государственной статистической отчетности 1-Е, 1-ЕМ²;

3) Волгоградская академия МВД России совместно с Организационно-штатным управлением МВД России (2019 г.) – разработана методика расчета штатной численности следственных органов³.

Кроме того, попытки экспериментальных расчетов нагрузки на примере следственных органов г. Москвы предпринимались ВНИИ МВД России в 2012 г. и 2015 г. Однако по разным причинам результаты этих исследований так и не были использованы в правоприменительной деятельности следственных органов [1, с. 17-18].

Считаем, что наиболее серьезные затруднения в деятельности по выработке отраслевых нагрузочных показателей для следователей связаны со спецификой следственной деятельности. Речь о том, что для разных категорий расследуемых преступлений характерен разный объем трудозатрат. На нагрузку оказывает влияние и такой фактор, как исключительная компетенция следственных органов на районном, региональном и федеральном уровнях (в зависимости от объема и сложности уголовных дел) [2, с. 364; 3, с. 142]. Невозможно одинаково оценивать трудозатратность расследования преступлений в следственных органах на районном уровне и в управлениях по расследованию организованной преступной деятельности Следственного департамента МВД России. К тому же препятствия для точности расчета создают различия в объемах следственной работы по разным категориям и видам преступлений, даже если они расследуются на одном уровне органов предварительного следствия.

В связи с этим расчет отраслевых нагрузочных показателей для следователей, как представляется, должен осуществляться дифференцированно для следственных органов на различных уровнях, а выработанные в результате расчета нормы могут носить скорее ориентировочный, рекомендательный характер.

В настоящее время вопрос о разработке отраслевых нагрузочных показателей для следователей приобрел особую актуальность. Это связано с необходимостью оптимизации оценки деятельности

органов предварительного следствия. Действующая система оценки базируется на статистических данных. Она не принимает в расчет условия функционирования этих органов, оперативную обстановку, состояние кадровой укомплектованности и обусловленную им нагрузку следователей по расследованию преступлений [4, с. 93; 5, с. 18; 6, с. 44]. Данное обстоятельство не позволяет достоверно оценивать результаты их процессуальной деятельности и принимать соответствующие им управленческие решения. По этой причине необходимо совершенствование подходов к оценке деятельности органов предварительного следствия, в том числе определение обоснованных оптимальных отраслевых норм нагрузки в части процессуальной деятельности следователей. Это будет способствовать, во-первых, обеспечению качественного расследования по уголовным делам, а во-вторых, сохранению здоровья и работоспособности следователей, желанию эффективно трудиться и уважения к службе. Последнее становится особенно важным в условиях растущего кадрового некомплекта в органах предварительного следствия.

Изложенное выше обусловило обращение Следственного департамента МВД России в Академию управления МВД России с предложением провести научное исследование с целью расчета оптимальных отраслевых нагрузочных норм процессуальной деятельности следователей.

МЕТОДЫ

В специальной литературе отмечается, что нормирование труда, являясь средством оценки деятельности, стимулирует к совершенствованию ее организации, выявлению и использованию резервов повышения ее эффективности [7, с. 78-79; 8, с. 20-21; 9 с. 12].

В основу методики определения норм труда следователя, разумного объема распределяемой на него нагрузки закладывается вычисление соотношения годового фонда его рабочего времени, затрачиваемого на профильную деятельность, и трудоемкости его процессуальной деятельности по рассмотрению сообщений о преступлениях, по приостановленным производством и оконченным уголовным делам. Такая трудоемкость выявляется посредством экспертного опроса и хронометрирования процессуальной деятельности следователей.

Рассматривая вопросы методологии, следует отметить, что методы экспертного опроса и хронометрирования работы в качестве базовых традиционно использовались и используются при расчете нагрузочных показателей не только для дознавателей и следователей органов внутренних

¹ Оценка затрат рабочего времени следователей органов предварительного следствия в системе МВД России // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. 2004. № 3 (121). С. 14-21; О нормативах нагрузки на следователей и дознавателей органов внутренних дел и компенсации за работу сверх установленного законом рабочего времени // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. 2006. № 3 (129). С. 30-31.

² Методические рекомендации по расчету нормативов численности следственных подразделений. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, Следственный департамент МВД России, ВНИИ МВД России, 2013. 7 с.

³ Янин С.А., Маков М.А., Смагоринский Б.П. Разработка отраслевых норм труда и методических рекомендаций по расчету на их основе штатной численности подразделений предварительного следствия: Методические рекомендации. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, Организационно-штатное управление МВД России, 2019. 32 с.

дел (как в представленных выше исследованиях), но и для судей, а также работников бюджетных организаций в целом¹, расчет нагрузки которых также вызывает сложности [10, с. 96; 11, с. 593; 12, с. 36].

В настоящее время невозможно ориентироваться на результаты ранее предпринимавшихся попыток расчета отраслевых норм нагрузки в части процессуальной деятельности следователей. Развивается законодательство, корректируются подзаконные акты, в том числе регламентирующие организацию деятельности органов внутренних дел², совершенствуется правоприменительная практика, динамично изменяется преступность, что обуславливает повышение сложности и увеличение объема производства расследования по уголовным делам³. В связи с этим необходимо определение нагрузочных норм, которые соответствовали бы современным условиям осуществления деятельности следственных органов и обеспечения ее эффективности (в том числе с учетом характерных для нее ныне проблем и возможных путей их разрешения).

Новизна проведенного нами исследования заключается, в частности, в выборе методики расчета нагрузочных показателей. Отметим наиболее значимые ее элементы:

1. Границы собирания и объем эмпирического материала. Для расчета трудоемкости процессуальной деятельности следователей централизованно (с участием Следственного департамента МВД России) в качестве экспертов опрошены руководители органов предварительного следствия территориальных органов внутренних дел районного уровня всех субъектов Российской Федерации – всего 841 человек.

Это позволило определить показатель средневзвешенных трудозатрат по уголовным делам и материалам проверок для всей страны с учетом специфики деятельности следственных органов в системе МВД России в каждом отдельно взятом регионе Российской Федерации. Количество субъектов, в которых проводились экспертные опросы в ходе ранее проведенных исследований, не превышало шести.

2. В качестве экспертов были выбраны руководители следственных органов, так как они являются субъектами управления, обладающими наиболее объективной и достоверной информацией о средних уровнях затрат времени следователями при расследовании преступлений в возглавляемых ими органах. В рамках предыдущих исследований опрашивались следователи. Но, на наш взгляд, они более субъективны в предоставлении сведений, и на их ответы влияют личные качества и опыт работы.

¹ Рекомендации по определению штатной численности работников бюджетных организаций на основе нормативов по труду (подготовлены специалистами Управления нормативов по труду ФГУП «Научно-исследовательский институт труда и социального страхования», утв. Росздравом) // СПС «КонсультантПлюс».

² К примеру, увеличение в два раза в 2024 г. времени, выделяемого для морально-психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел.

³ Например, ежегодно увеличивается количество сложных и объемных в расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, преступлений экономической направленности и т.д.

⁴ Янин С.А., Маков М.А., Смагоринский Б.П. Указ. соч.

3. При хронометрировании процессуальной деятельности следователя нами учитывались временные затраты не только непосредственно на производство процессуальных действий, но и на подготовку к ним, на которую зачастую затрачивается гораздо больше времени, чем на само действие. В объем временных затрат включено также время на выезд к месту производства процессуального действия, подготовку материалов для обоснования перед судом ходатайства следователя (ксерокопирование, формирование материалов и т.п.), вызов участников процессуального действия, в том числе адвокатов, педагогов, переводчиков и т.д., выбор тактических приемов его проведения и др. В некоторых регионах нашей страны с учетом их административно-территориального деления, географического положения, природных и погодных условий (в северных районах, например, в Сибири и на Дальнем Востоке) на подготовку к следственным действиям следователям нередко требуется не один и не два рабочих дня. Такие временные затраты ранее при расчетах нагрузочных показателей в исследованиях не учитывались.

4. При определении годового фонда рабочего времени, используемого для процессуальной деятельности, нами не учитывалось время, затрачиваемое следователем на работу, не связанную непосредственно с расследованием преступлений, а также время на отдых и отпуск. Из результатов проведенных расчетов следует, что 49% общего годового фонда рабочего времени следователя, вычисленного в соответствии с трудовым законодательством, не связано с рассмотрением находящихся в его производстве материалов проверок сообщений о преступлениях и расследованием по уголовным делам. В объем времени, не связанного непосредственно с расследованием преступлений, нами включено и время дежурства в составе следственно-оперативных групп, и время отдыха следователя после дежурных суток. Сложно согласиться с мнением некоторых авторов научных работ, полагающих, что в связи с гипотетической возможностью производства следственных действий по находящимся в производстве следователя уголовным делам при отсутствии в дежурные сутки сообщений о преступлениях время, затрачиваемое им на дежурство, следует при расчете нагрузки включать в фонд времени расследования по уголовным делам, находящихся в производстве следователя⁴.

Итак, для расчета фонда рабочего времени следователя, используемого им для осуществления профильной процессуальной деятельности по рассмотрению материалов проверок сообщений о преступлениях и производству расследования по уголовным делам, из общего годового фонда

рабочего времени, которое он в течение календарного года должен отработать в соответствии с условиями контракта, правилами внутреннего трудового распорядка, требованиями иных локальных нормативных актов органов внутренних дел при 40-часовой рабочей неделе, вычтено время, затрачиваемое следователем на деятельность, не связанную непосредственно с расследованием преступлений, а также время на отдых и отпуск.

Показатель нормы рабочего времени определялся на основе ежегодно разрабатываемого производственного календаря¹, для предстоящего 2025 г. он составляет 1972 часа².

В объем времени, не связанного непосредственно с процессуальной деятельностью следователя, включено время, затрачиваемое на занятия по профессиональной служебной, физической, огневой и морально-психологической подготовке, служебные совещания (из расчета в среднем одно совещание длительностью один час в неделю); время ежегодного отпуска (включая основной отпуск и дополнительные отпуска за стаж службы и ненормированный рабочий день); время отдыха, предоставляемого в качестве компенсации за работу в выходные и праздничные дни; время работы в дежурные сутки и отдыха после них. Итого – 1001 час. Таким образом, при 8-часовой продолжительности рабочего дня объем времени, не связанного непосредственно с процессуальной деятельностью следователя, составляет 125 рабочих дней.

В основу расчета трудоемкости профильной деятельности следователя лег хронометраж работы по рассмотрению сообщений о преступлениях, а также выполненной по приостановленным производством и оконченным уголовным делам. Необходимые данные были получены посредством анкетирования руководителей органов предварительного следствия территориальных органов районного уровня всех субъектов Российской Федерации, а также изучения уголовных дел и материалов проверок.

В специально подготовленной анкете руководителями органов предварительного следствия с учетом специфики условий деятельности возглавляемых ими следственных органов (географические и этнические особенности региона, кадровая укомплектованность, квалификация сотрудников органа, его ресурсная обеспеченность, оперативная обстановка на обслуживаемой территории и т.д.) дифференцированно по видам следственных действий и иных процессуальных мероприятий были зафиксированы медианные значения длительности их проведения, времени, затрачиваемого на их подготовку и организацию, их повторяемости в одном материале проверки сообщения о преступлении или уголовном деле.

Разработанная нами форма позволяет отдельно определить трудоемкость по материалу проверки, уголовному делу, приостановленному по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, оконченному (прекращенному и направленному в суд), а также выявить

изменение трудозатратности в зависимости от количества привлекаемых к уголовной ответственности обвиняемых и эпизодов совершенных преступлений по одному уголовному делу. Таким образом, стало возможным рассчитать коэффициенты увеличения объема временных затрат в ходе расследования в случаях изменения объема и сложности уголовных дел.

В хронометрируемые перечни были включены следственные действия и иные процессуальные мероприятия, необходимые для установления определенных УПК РФ обстоятельств на соответствующих этапах досудебного производства. Важно отметить, что при изучении в ходе исследования материалов проверок (109) и уголовных дел, приостановленных производством (318), выявлено тождество включенных в хронометрируемый перечень следственных действий с наиболее часто проводимыми следователями по материалам проверок и уголовным делам процессуальными действиями, что подтверждает объективность и достоверность выбранной методики исследования.

Для определения трудоемкости деятельности следователя по рассмотрению одного материала проверки сообщения о преступлении, по осуществлению расследования по одному уголовному делу произведен расчет средних (медианных) значений трудозатрат по России по приведенной выше формуле.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате проведенного расчета получены значения трудозатрат следователя, которые рассматриваются как константы. Трудозатратность по одному материалу проверки сообщения о преступлении составляет 21 час. Трудозатратность по оконченному уголовному делу различается в зависимости от количества привлекаемых к уголовной ответственности лиц и эпизодов преступной деятельности. Трудоемкость расследования одного уголовного дела на одно преступление, совершенное одним лицом, составляет 72 часа; на одно преступление, совершенное двумя лицами – 107 часов; на два эпизода преступной деятельности одного лица – 92 часа. Трудоемкость расследования преступления, по которому лицо, его совершившее, не установлено, составляет 36 часов.

Рассчитанные значения трудоемкости расследования по уголовным делам о совершении одного и двух преступлений, а также преступлений, совершенных одним или двумя обвиняемыми, позволяют вычислить коэффициенты увеличения трудозатратности относительно увеличения количества эпизодов преступной деятельности или привлекаемых к ответственности лиц. Коэффициент увеличения трудозатратности относительно увеличения количества привлекаемых к ответственности лиц по оконченным уголовным делам – 1,49. Коэффициент увеличения трудозатратности относительно увеличения количества эпизодов преступной деятельности по оконченным уголовным делам – 1,28. Большой размер ко-

¹ Приказ Минздравсоцразвития России от 13.08.2009 № 588н «Об утверждении порядка исчисления нормы рабочего времени на определенные календарные периоды времени (месяц, квартал, год)».

² Информация с официального сайта Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

эффicientа в первом случае обусловлен прежде всего кратным увеличением количества проводимых трудозатратных процессуальных действий и применяемых мер процессуального принуждения (обыск, наложение ареста на имущество, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и т.д.), а также увеличением количества назначенных и произведенных экспертиз, в том числе судебно-психиатрических.

Итоги проведенного нами масштабного экспертного опроса руководителей следственных органов районного уровня всех регионов нашей страны свидетельствуют о полноте, достоверности, объективности, репрезентативности и беспрецедентности осуществленных расчетов и сделанных выводов.

Результаты хронометрирования деятельности следователей посредством анкетирования экспертов коррелируются с результатами хронометража процессуальных действий, состоявшегося при изучении материалов проверок сообщений о преступлениях и уголовных дел. Вместе с тем следует иметь в виду, что метод исследования документов ограничивает возможность определения трудозатрат исключительно временем, затраченным следователем непосредственно на производство процессуальных действий, что указывает на приоритетность метода опроса экспертов.

Полученные нами цифровые показатели трудозатрат позволяют определить оптимальную нагрузку на одного следователя в год. Вычисляется она путем деления годового фонда рабочего времени следователя для профильной деятельности на трудоемкость его процессуальной деятельности по рассмотрению сообщений о преступлениях, а также по приостановленным производством и оконченным уголовным делам. Рассчитанная таким образом оптимальная нагрузка на одного следователя в год составляет:

48 материалов проверок сообщений о преступлениях *или*

14 уголовных дел на один эпизод на одного обвиняемого *или*

9 уголовных дел на один эпизод на двух обвиняемых *или*

11 уголовных дел на два эпизода на одного обвиняемого *или*

28 уголовных дел, приостановленных производством в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности.

Цифровые показатели трудозатратности работы следователя, определенные в результате проведенного нами исследования, более высокие, чем те, которые были рассчитаны ранее другими учеными. Обусловлено это прежде всего включением в хронометраж времени, затрачиваемого на подготовку к следственным действиям и их организацию, что занимает, как уже отмечалось выше, значительную часть рабочего дня следователя. В хронометрируемый перечень следственных действия включены в объеме, необходимом для

качественного, полного и объективного установления в соответствии с УПК РФ всех обстоятельств по материалам проверки и уголовным делам. В то же время результаты их изучения в ходе исследования свидетельствуют о том, что среднее количество следственных действий, детерминированное в первую очередь реальной нагрузкой, возлагаемой в настоящее время на следователей, составляет не более 4-5 по отказным материалам и 6-7 по уголовным делам, по которым лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности, не установлено.

Представляется, что рассчитанные цифровые значения не только позволяют определить действительно необходимые временные затраты для полного, всестороннего, объективного расследования по уголовному делу, но и разумную нагрузку на следователей, что будет способствовать сохранению их здоровья, работоспособности и интереса к службе [13, с. 121; 14, с. 70]. Последнее обстоятельство особенно актуально сейчас с учетом ежегодно увеличивающегося некомплекта следственных подразделений в системе МВД России. По данным Следственного департамента МВД России такой некомплект в июне 2024 г. достиг 22,5%.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенные тезисы позволили нам прийти к следующим выводам:

1. Результаты анализа проводимых на протяжении длительного времени исследований свидетельствуют о высокой степени потребности в выработке показателей нагрузки следователей. В зависимости от приоритетов исследований менялась применяемая ими методология расчетов.

2. Важность определения отраслевых норм нагрузки в настоящее время обусловлена, в частности, необходимостью оптимизации оценки деятельности органов предварительного следствия, которая должна осуществляться с учетом вложенного труда, нормальной интенсивности следственной деятельности и обоснованной загруженности следователей ею. Это будет способствовать сохранению их здоровья и работоспособности, повышению эффективности труда и интереса следователей к нему.

3. Определенные в результате исследования отраслевые нормы нагрузки на одного следователя по рассмотрению сообщений о преступлениях и по производству расследования по уголовным делам в год могут быть положены в основу динамической оценки деятельности органов предварительного следствия системы МВД России. В условиях, когда реальная нагрузка превышает оптимальную, рассчитанные показатели могут использоваться в рамках организации финансового стимулирования следователей [15; с. 95]. Кроме того, они должны быть безусловно полезны при формировании методики расчета штатной численности органов предварительного следствия системы МВД России. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеевская Е.И. Мониторинг верховенства права и доступа в суд: 25 лет судебной реформе. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 176 с.

2. Садиокова У.В. Вопросы разграничения компетенции органов предварительного следствия территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б.Я. Гаврилова): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. М.: Академия управления МВД России. 2023. С. 363-370.
3. Ульянов А.Д. Организационно-правовые аспекты разграничения полномочий в подразделениях расследования преступлений территориальных органов МВД России регионального и районного уровней // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68). С. 142-151.
4. Рыбак А.В., Бондарь К.М. Новый подход в оценке эффективности деятельности территориальных подразделений МВД России (на примере следственных подразделений) // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 4. С. 93-10.
5. Ковалевская М.А. Оценка эффективности и качества деятельности следственных подразделений. Формирование общественного мнения // Проблемы применения законодательства об административной ответственности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 17-20.
6. Рыбак А.В., Юрьева Г.Ю. Вопросы оценки эффективности деятельности следственных подразделений // Актуальные проблемы науки и практики: сборник научных трудов. Хабаровск, 2021. С. 44-49.
7. Бычин В.Б., Новикова Е.В. Нормирование труда как элемент эффективного внутрифирменного управления в современных условиях // Экономика и бизнес. 2018. № 1. С. 77-84.
8. Капкаева А.Р., Япуллина А.Р. Нормирование труда в России и за рубежом // Вестник магистратуры. 2016. № 6 (57). С. 20-22.
9. Бухалков М.И. Управление качеством норм труда на предприятии. Монография. М.: Экономика и финансы, 2004. 304 с.
10. Киршин С.Р. Нормирование труда судей федеральных судов общей юрисдикции // Российской правосудие. 2009. № 9 (41). С. 96-100.
11. Сомов Е.А. Разработка научно обоснованных нормативов нагрузки судей и работников аппаратов судов: цели, задачи и общие принципы // Организационные модели обеспечения деятельности судов в XXI веке: российский и зарубежный опыт и перспективы развития: сборник статей к 25-летию судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. М.: Российский государственный университет правосудия, 2023. С. 592-600.
12. Панарина М.М. Управление судебной нагрузкой как необходимая мера в организации деятельности судов // Адвокатская практика. 2024. № 2. С. 36-41.
13. Сороченко В.В. Методы нормирования труда, обеспечивающие равную напряженность норм труда // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. 2009. № 1. С. 120-124.
14. Белова А.Д. Возможности использования типовых норм труда в процессе организации труда и производства // Анализ социально-экономического состояния и перспектив развития Российской Федерации: материалы 6-й международной студенческой научно-практической конференции. М.: Государственный университет управления, 2019. С. 70-73.
15. Можаяева И.П., Богатырева Л.И. Направления повышения эффективности стимулирования деятельности сотрудников органов предварительного следствия в системе МВД России // Общество и право. 2022. № 4 (82). С. 93-98.

REFERENCES

1. Alekseyevskaya Ye.I. Monitoring verkhovenstva i dostupa v sud: 25 let sudebnoy reforme. M.: Infotropik Media, 2017. 176 s.
2. Sadiokova U.V. Voprosy razgranicheniya kompetentsii organov predvaritel'nogo sledstviya territorial'nykh organov MVD Rossii na regional'nom i rayonnom urovnyakh // Ugolovnyy protsess i kriminalistika: pravovyye osnovy, teoriya, praktika, didaktika (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya professora B.Ya. Gavrilova): sbornik nauchnykh statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii. 2023. S. 363-370.
3. Ul'yanov A.D. Organizatsionno-pravovyye aspekty razgranicheniya polnomochiy v podrazdeleniyakh rassledovaniya prestupleniy territorial'nykh organov MVD Rossii regional'nogo i rayonno urovney // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2023. № 4 (68). S. 142-151.
4. Rybak A.V., Bondar' K.M. Novyy podkhod v otsenke effektivnosti deyatel'nosti territorial'nykh podrazdeleniy MVD Rossii (na primere sledstvennykh podrazdeleniy) // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 4. S. 93-10.
5. Kovalevskaya M.A. Otsenka effektivnosti i kachestva deyatel'nosti sledstvennykh podrazdeleniy. Formirovaniye obshchestvennogo mneniya // Problemy primeneniya zakonodatel'stva ob administrativnoy otvetstvennosti: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 2020. S. 17-20.
6. Rybak A.V., Yur'yeva G.Yu. Voprosy otsenki effektivnosti deyatel'nosti sledstvennykh podrazdeleniy // Aktual'nyye problemy nauki i praktiki: sbornik nauchnykh trudov. Khabarovsk, 2021. S. 44-49.
7. Bychin V.B., Novikova Ye.V. Normirovaniye truda kak element effektivnogo vnutfirmennogo upravleniya v sovremennykh usloviyakh // Ekonomika i biznes. 2018. № 1. S. 77-84.
8. Kapkayeva A.R., Yapullina A.R. Normirovaniye truda v Rossii i za rubezhom // Vestnik magistratury. 2016. № 6 (57). S. 20-22.

9. Bukhalkov M.I. Upravleniye kachestvom norm truda na predpriyatii. Monografiya. M.: Ekonomika i finansy, 2004. 304 s.

10. Kirshchin S.R. Normirovaniye truda sudey federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii // Rossiyskoy pravosudiye. 2009. № 9 (41). S. 96-100.

11. Somov Ye.A. Razrabotka nauchno obosnovannykh normativov nagruzki sudey i rabotnikov apparatov sudov: tseli, zadachi i obshchiye printsipy // Organizatsionnyye modeli obespecheniya deyatel'nosti sudov v XXI veke: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt i perspektivy razvitiya: sbornik statey k 25-letiyu sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii. M.: Rossiyskiy gosudarstvennyy universitet pravosudiya, 2023. S. 592-600.

12. Panarina M.M. Upravleniye sudebnoy nagruzkoy kak neobkhodimaya mera v organizatsii deyatel'nosti sudov // Advokatskaya praktika. 2024. № 2. S. 36-41.

13. Sorochenko V.V. Metody normirovaniya truda, obespechivayushchiye ravnuyu napryazhennost' norm truda // Aktual'nyye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii. 2009. № 1. S. 120-124.

14. Belova A.D. Vozmozhnosti ispol'zovaniya tipovykh norm truda v protsesse organizatsii truda i proizvodstva // Analiz sotsial'no-ekonomicheskogo sostoyaniya i perspektiv razvitiya Rossiyskoy Federatsii: materialy 6-y mezhdunarodnoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.: Gosudarstvennyy universitet upravleniya, 2019. S. 70-73.

15. Mozhayeva I.P., Bogatyreva L.I. Napravleniya povysheniya effektivnosti stimulirovaniya deyatel'nosti sotrudnikov organov predvaritel'nogo sledstviya v sisteme MVD Rossii // Obshchestvo i pravo. 2022. № 4 (82). S. 93-98.

© Садиокова У.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛІА ЦИТИРОВАНИЯ

Садиокова У.В. Нормирование труда следователей: методология и перспективы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 119-126.

Людмила Станиславовна КРАВЧУК,
доцент, ORCID 0000-0001-9590-355X
Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина
заведующая кафедрой иностранных языков
krawtschuk@mail.ru

Научная статья
УДК 342.732

МЕДИАЦИЯ НА СЛУЖБЕ ПОЛИЦИИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Конфликт, конфликтный менеджмент, урегулирование конфликта, медиативные методы, медиатор, деэскалация конфликта, медиативные процессы, конфликтологическая компетентность.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Благоприятный морально-психологический климат в служебном коллективе, высокий уровень корпоративной культуры и коммуникативной компетентности сотрудников полиции, отсутствие конфликтных ситуаций или быстрое конструктивное их разрешение способствуют успешности выполнения профессиональных задач, стоящих перед органами внутренних дел. Возможности поддержания здорового климата в коллективе зависят, в частности, от таких обстоятельств, как наличие у руководителей и сотрудников конфликтологической компетентности, успешное управление возникающими конфликтами посредством рациональных методов, ориентированных на позитивный результат, владение медиативными навыками, умение быстро реагировать и находить эффективные средства деэскалации конфликтов. В связи с этим представляется интересным изучение зарубежного опыта использования медиации при разрешении внутренних конфликтов в структурных подразделениях полиции. Медиация в этих целях, например, активно применяется в течение уже нескольких десятилетий в Федеративной Республике Германии. Однако медиативные методы и приемы в настоящее время всё еще не имеют достаточного научного обоснования, требуется разработка стандартных моделей их применения, необходимо современное осмысление и рассмотрение в межкультурной перспективе. Автором статьи исследованы теоретические основы, правовые основания, различия функций, компетенций и процедур медиации, показавшей высокую эффективность в решении внутренних конфликтов в полиции Германии. *Методы.* В ходе исследования комплексно использовались общенаучные и эмпирические методы познания. *Результаты.* В статье описана история возникновения медиации как альтернативного способа внесудебного разрешения конфликтов, раскрыты причины возникновения конфликтов в полицейском подразделении. Представлен зарубежный опыт применения в конфликтном менеджменте современной полиции медиации как одной из действенных стратегий разрешения конфликтов и установления толерантных отношений, в центре внимания которой находятся интересы человека. Материал статьи может быть использован для дальнейших исследований и, в частности, для разработки стандарта модели медиации и ее развития в образовательном контексте.

ВВЕДЕНИЕ

Социальное взаимодействие и межличностные отношения в любом сообществе, в том числе в трудовом коллективе, предполагают неизбежное возникновение конфликтов, которые являются обыденными, принадлежат к сущности человеческой жизни и свойственны человеческой природе. Поскольку зачастую они представляют собой опасность и воспринимаются болезненно, большинство индивидов предпринимают попытки уклониться от них. Попытка избежать конфликта часто заканчивается его эскалацией, вследствие чего негативное восприятие трудностей еще больше усиливается. Тем не менее, как уже отмечалось, конфликты были всегда и возникают повсеместно. Именно поэтому должны существовать конструктивные способы разреше-

ния конфликтных ситуаций. Необходимо иметь в виду, что конфликты, как бы негативно они не отражались на сообществе, дают и положительный эффект. Они являются важным сигналом того, что в коллективе ненормальная обстановка, и сложившуюся ситуацию требуется изменить. Более того, конфликт может скрывать в себе шанс для развития и улучшения взаимных отношений, который обнаруживается при успешном преодолении возникших противоречий. Именно поэтому в различных отраслях знания проводятся многочисленные научные исследования, посвященные природе конфликтов, их видам и способам разрешения, создаются конфликтологические концепции.

Правоохранительным органам, как и любой социальной организации, также присущи конфликты: они – часть повседневной реальности. Несмо-

Liudmila S. KRAVCHUK,

Associate Professor, ORCID 0000-0001-9590-355X
Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior
of Russia named after I.D. Putilin (Belgorod, Russia)
Head of the Department of Foreign Languages
krawtschuk@mail.ru

MEDIATION IN THE SERVICE OF THE POLICE: INTERNATIONAL EXPERIENCE

KEYWORDS. Conflict, conflict management, conflictological competence, conflict resolution, mediation methods, mediator, conflict de-escalation, mediation processes.

ANNOTATION. Introduction. A favorable moral and psychological climate in the work team, a high level of corporate culture and communicative competence of police officers, the absence of conflict situations or their rapid constructive resolution contribute to the successful fulfillment of professional tasks facing the internal affairs agencies. The possibilities of maintaining a healthy climate in the team also depend on such circumstances as the presence of conflictological competence among managers and employees, successful management of emerging conflicts through rational methods focused on a positive result, possession of mediation skills, the ability to quickly respond and find effective means of de-escalation of conflicts. In this regard, it seems interesting to study foreign experience in using mediation in resolving internal conflicts in structural units of the police. Mediation for these purposes, for example, has been actively used for several decades in the Federal Republic of Germany. However, mediation methods and techniques currently still do not have sufficient scientific justification, the development of standard models of their application is required, their modern understanding and consideration in an intercultural perspective is necessary. The author of the article has studied the theoretical foundations, legal grounds, differences in functions, competencies and procedures of mediation, which has shown high efficiency in resolving internal conflicts in the German police. **Methods.** General scientific and empirical methods of cognition were used in the course of the study. **Results.** The article describes the history of the emergence of mediation as an alternative method of extrajudicial conflict resolution, reveals the causes of conflicts in the police unit. Foreign experience of using mediation in conflict management of the modern police as one of the effective strategies for resolving conflicts and establishing tolerant relations, focusing on human interests, is presented. The material of the article can be used for further research and, in particular, for the development of a standard mediation model and its development in the educational context.

тря на то, что одной из задач профессиональной деятельности сотрудников полиции является как раз разрешение конфликтов, в ходе выполнения своих служебных обязанностей они неизбежно оказываются в конфликтных ситуациях: как при взаимодействии с гражданами, так и внутри служебного коллектива. В связи с этим, отмечает А.В. Гайнуллина, «к проблеме эффективного разрешения конфликтов, проведения переговоров и достижения взаимопонимания проявляют огромный интерес не только психологи, социологи и педагоги, но и сотрудники органов внутренних дел» [1, с. 282].

На эффективность работы полиции и обеспечение личной безопасности ее сотрудников при выполнении профессиональных функций во многом влияет наличие у них навыков управления конфликтами. Полицейские в основном работают в команде, и результат совместных действий зависит от сотрудничества и взаимопонимания, степени доверия и бесконфликтности взаимодействия. Как и во всех других социальных группах, в полицейском сообществе проявляется влияние факторов, обусловленных теми или иными ожиданиями отдельных членов коллектива. Осуществление правоохранительной деятельности связано с необходимостью работать в сложных ситуациях, характеризующихся высоким уровнем конфликтности. Возникающие в процессе совместной деятельности конфликты необходимо решать незамедлительно и эффективно, с минимальными репутационными потерями для органов внутренних дел. Успешность выполнения профессиональ-

ных обязанностей находится в прямой зависимости от степени развитости у сотрудника полиции коммуникативных навыков (в том числе навыков межкультурной коммуникации), проявления им толерантного отношения к гражданам, умения применять деэскалирующие стратегии поведения, иными словами – от его конфликтологической компетентности, являющейся неотъемлемой составляющей профессиональной компетентности полицейского. По мнению О.С. Возжениковой, «проявление конфликтологической компетентности в сложных ситуациях взаимодействия с гражданами должно быть нормой повседневного поведения сотрудника полиции» [2, с. 1536].

Большое значение для снижения уровня конфликтности имеет наличие у полицейских медиативных навыков, необходимых для проведения примирительных процедур, ведения переговоров, выявления причин конфликтов и совместного поиска оптимальных путей выхода из них, творческого рассмотрения возможностей учета интересов оппонентов, снижения эмоционального напряжения и уровня агрессии, грамотного ведения диалога.

По нашему мнению, интересен опыт применения медиативных методов разрешения конфликтов в полицейских подразделениях Федеративной Республики Германии. По утверждению профессора П. Зенгхауса, «имеется недостаточно литературы по данному вопросу, и только немногие ученые занимаются изучением медиации, подвергая метод посредничества для внесудебного разрешения конфликтов критическому анализу» [3, с. 9].

Наиболее известными зарубежными исследователями теоретических основ, функций, компетенций, процедур применения альтернативной технологии внесудебного разрешения конфликтов и возможностей расширения ее использования в межкультурной перспективе являются К.Г. фон Шлифен, Ф. Бензелер, Б. Кейль, Ф. Хафт [4, 5, 6]. Все они приводят веские аргументы в пользу медиации. Вопросы применения стратегий медиации в полиции, ее перспективы в качестве наиболее приемлемого и эффективного метода разрешения конфликтов в профессионально значимых ситуациях общения с гражданами и внутри служебных коллективов рассматривались рядом немецких ученых. В их числе Х. Кури, А. Сегура, Н. Клапперт, П. Зенгхаус, С. Гнант, Г. Делаттре, С. Хенке, А. Рёхлинг, Э. Кутзера и другие [3, 7, 8, 9]. Внимания заслуживают также научные исследования проблем медиации, проведенные российскими учеными: П.Н. Бирюковым, К.Н. Лобановым, В.А. Максимовым, Д.Е. Михель, К.К. Огановым и другими.

Процедура медиации прочно утвердилась и успешно поддерживает деятельность полиции Германии, в частности в городах с большим количеством мигрантов, социально неустойчивого населения, с высоким уровнем безработицы и низким уровнем образования (эти обстоятельства обуславливают особые требования к работе правоохранительных органов). Зачастую в таких условиях сложные конфликтные ситуации оказывается весьма затруднительно разрешить только при помощи полицейских средств, и тогда используются альтернативные, а именно – медиация. Как пишет Д.Е. Михель, «закрепление положений о медиации в законодательных актах Германии служит целям реформирования порядка разрешения споров и направлено на их завершение на более ранних стадиях. При этом немецкий законодатель исходит из того, что в ходе полюбовного урегулирования спора интересы сторон и общественного порядка соблюдаются и удовлетворяются в более полной форме, нежели это происходит в ходе судебного разбирательства» [10, с. 52].

МЕТОДЫ

При проведении исследования, результаты которого представлены в данной статье, использован комплекс общенаучных и общелогических методов, которые подобраны в соответствии с отличительными чертами и особенностями предмета изучения. Сравнительно-исторический анализ и ознакомление с историей вопроса об использовании медиации в работе полиции позволили обогатить исследование необходимыми для полноты его содержательной части фактами и выявить причинно-следственные связи.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Термин «медиация» вошел в обиход несколько десятилетий назад, хотя с исторической точки зрения медиация известна человечеству достаточно давно: о подобных ей способах улаживания споров упоминается в древних рукописях, напри-

мер в библейских текстах. Схожие способы издавна применялись в сельских общинах, по большей части женщинами.

Этимологически термин «медиация» восходит к латинскому слову «mediare» – посредничать (один из вариантов перевода слова «medium» с латыни – «посредник»). В современном значении и применении медиация получила развитие в США в 80-е годы XIX столетия как один из способов разрешения споров. Причинами тому стала чрезмерная нагрузка на суды и нарастающее стремление к демократизации общества. Наряду с медиацией к числу альтернативных возможностей разрешения споров относились переговоры и третейский суд. В 60-е и 70-е годы прошлого века в Соединенных Штатах медиация успешно осуществлялась во многих сферах жизни. Во времена студенческих бунтов там пришли к выводу, что судебные процессы слишком дороги, и был найден более простой и наименее затратный способ разрешения конфликтов – посредством оказания помощи в коммуникации и сотрудничестве.

В буквальном значении медиация представляет собой посредничество в примирении сторон, помощь в достижении в результате улаживания спора компромиссного соглашения с учетом интересов всех сторон. Медиация – это гибкое производство по урегулированию спора, в котором объективная третья сторона – медиатор – оказывает помощь сторонам конфликта в поиске приемлемого решения проблемы. При этом речь не идет о том, что медиатор выносит по своему усмотрению итоговый вердикт: стороны конфликта сами разрабатывают и принимают приемлемое для них решение. Условием для этого, понимается, является открытость, готовность участников конфликта к совместному поиску решения при поддержке медиатора в качестве нейтрального лица. Медиация способствует выработке неординарного внесудебного решения спора для сторон конфликта при участии одного или нескольких посредников. Ставя во главу угла интересы обеих сторон, медиация усиливает у них чувство ответственности, повышает степень их готовности к диалогу, благоприятствует их сотрудничеству, придает им уверенности в своих силах, помогает развивать их коммуникативные навыки.

Первое нормативно-правовое упоминание о медиации содержится в § 2 Закона об оказании внесудебных юридических услуг от 12 декабря 2007 г. (последняя поправка в него была внесена в марте 2023 г.)¹, который регулирует полномочия по осуществлению внесудебного разбирательства в Федеративной Республике Германии в виде посредничества и любой сопоставимой форме альтернативного разрешения споров. К числу внесудебных юридических услуг относятся: представление научных заключений, экспертиз; деятельность согласительных (примирительных) комиссий, судей третейских судов; рассмотрение правовых вопросов, касающихся сотрудников, с участием избранных ими представителей их ин-

¹ Rechtsdienstleistungsgesetz vom 12. Dezember 2007 (BGBl. I S. 2840), das zuletzt durch Artikel 2 des Gesetzes vom 10. März 2023 (BGBl. 2023 I Nr. 64) geändert worden ist. Stand: Zuletzt geändert durch Art. 2 G v. 10.3.2023 I Nr. 64 // URL: www.gesetze-im-internet.de/rdg/RDG.pdf (дата обращения: 21.07.2024).

тересов; медиация и любая сопоставимая форма альтернативного урегулирования спора при условии, что эти действия не предполагают внесения предложений по правовому регулированию спора сторон; доведение ориентированной на широкую общественность информации и обсуждение правовых вопросов и судебных дел в средствах массовой информации; разрешение правовых споров.

Таким образом, под медиацией понимают процесс внесудебного разрешения разногласий всех участников конфликта при содействии одного или нескольких медиаторов в качестве независимых, нейтральных и сторонних лиц, обязанностью которых является установление рациональной коммуникации (обмена мнениями) между сторонами. Целью данного процесса является творческое рассмотрение взаимных интересов и урегулирование конфликта самими его участниками. Сферы применения медиации очень многогранны: дела в области семейного права (развод, установление опеки), гражданского права (аренда, потребительские отношения, споры соседей), наследственного права, трудового права, конфликты между врачами и пациентами, школьные конфликты, внутриорганизационные конфликты, внесудебное примирительное урегулирование конфликта между преступником и жертвой. Для обеспечения эффективности медиативного процесса обычно привлекаются опытные медиаторы из числа психологов, юристов, педагогов, теологов и социологов.

Сотрудники полиции несут профессиональную ответственность за управление конфликтами в обществе. Однако конфликты внутри коллективов полицейских подразделений возникают также часто, как и в других организациях. Они являются частью повседневной жизни полицейских. Как правило, это конфликты между коллегами, между руководством и подчиненными, «причиной которых являются разные взгляды на решение служебных задач, что обусловлено различным опытом и степенью профессионализма, отношением к работе, индивидуально-личностными особенностями, интеллектуальным развитием и этическими нормами поведения» [11, с. 148]. На разрешение конфликтов в коллективе тратится значительная часть рабочего времени как участников, так и руководителей, а также «сочувствующих и сопереживающих» коллег. Если конфликты внутри служебного подразделения не получают быстрого разрешения, мотивация и желание работать у их участников резко снижаются. Это часто приводит к напряженности в коллективе, проявлению агрессивности, отсутствию толерантности и взаимоуважения в деловых отношениях, увольнению со службы и даже к таким заболеваниям, как синдром профессионального выгорания. В связи с этим психологами, педагогами, специалистами в области межличностной коммуникации предпринимаются многочисленные попытки разработать стратегии быстрого и эффективного разрешения конфликтов внутри полицейских организаций.

В профессии полицейского умение общаться с другими людьми является важным професси-

ональным навыком. Способность сотрудников полиции соответствовать подобного рода требованиям зависит наряду с прочими факторами также и от их индивидуальных условий труда. Увлеченность профессией, целеустремленность, осознание своей роли в обеспечении эффективности служебной деятельности коллектива нуждаются в наличии функционирующей внутри полицейской организации культуры общения. Конфликты с коллегами или руководством, неудовлетворенность профессиональной деятельностью, ощущение себя не полноправной личностью, а лишь частью безликой массы: всё это оказывает негативное эмоциональное воздействие на сотрудника полиции, мешает выполнению повседневных служебных обязанностей, затрудняет контакты с гражданами и, безусловно, пагубно отражается на деятельности всей полицейской организации. Поэтому прозрачные методы принятия решений, кооперативный стиль руководства и социальные компетенции получают всё большее значение для формирования чувства сопричастности у каждого сотрудника полиции. Конфликты и процессы их разрешения касаются всех, поэтому не только руководители (хотя они в наибольшей степени), но и все сотрудники должны обладать способностями и навыками распознавать и конструктивно решать конфликты.

Разумеется, руководителю подразделения отводится важнейшая роль в деэскалации, в управлении межличностными конфликтами и их эффективном разрешении. Как пишет Т.Х. Джантеев, «факторами конфликта в организации могут быть как личностные качества руководителя, его стиль управления, так и управленческая культура, под которой принято понимать преобладающие способы управления внутри той или иной организации» [12, с. 151]. «Конфликт в деятельности сотрудников ОВД, – отмечает А.С. Семченко, – носит деятельностно-профессиональный характер, то есть связан с особенностями выполняемых профессиональных задач» [13, с. 77]. Следовательно, от интеллектуального уровня руководителя, его способностей поддерживать благоприятный социально-психологический климат в коллективе, выявлять причины возникающих противоречий и воздействовать на них зависит возможность конструктивного управления конфликтами. Не менее важным является владение – не только руководителями, но и всеми сотрудниками полиции – основами социальной психологии, педагогическими методами успешного управления конфликтами, медиативными навыками. Всё это необходимо для принятия компромиссных решений, снижения уровня конфликтности в коллективе, восстановления в нем здорового микроклимата. Однако многие конфликты не получают эффективного разрешения с использованием традиционных методов, а многие руководители до сих пор не практикуют скоординированного управления конфликтами. Конфликты часто «замалчиваются», а принимаемые по ним решения зачастую не основаны на интересах противостоящих друг другу сторон.

В связи с этим нам представляется целесообразным использование положительного опыта

полицейских организаций Германии, которые на протяжении уже десятков лет реализуют возможности медиации как современного подхода к разрешению споров и конфликтов с соблюдением принципов добровольности, конфиденциальности, гибкости, отсутствия коррупционных рисков, нейтральности. Впрочем, разрешение конфликтов внутри полицейского подразделения на основе применения медиативных моделей сегодня всё ещё вызывает очевидное скептическое отношение, так как при этом не учитываются эмпирический опыт личного состава подразделения и результаты внутренних проверок. По мнению К.Н. Лобанова и К.С. Колесникова, «медиация на службе полиции – явление пока еще новое и не всегда осмысленное должным образом» [14, с. 32].

Около двадцати лет назад в полиции Германии было положено начало созданию системы управления внутренними конфликтами. Согласно результатам ряда исследований, существенная доля рабочего времени руководящего состава полиции и сотрудников немецких предприятий затрачивается на улаживание конфликтов. В ФРГ управленцы считают, что причиной 34% конфликтов являются межличностные проблемы, причиной еще 15% оказывается нарушение режима рабочего времени [10].

Медиацию не следует рассматривать как универсальный подход к разрешению конфликтов. Он не может и не имеет целью заменить традиционные модели, такие как юридические процедуры улаживания споров. Посредничество служит дополнительным профессионально значимым элементом в комплексе стратегий по урегулированию конфликтов. По нашему мнению, современная полиция должна располагать разнообразными инструментами эффективного разрешения внутренних проблем. С этой точки зрения медиация весьма значима в равной мере как для отдельно взятого полицейского, так и для полицейской организации в целом.

В полиции практически всех федеральных земель Германии увидели этот потенциал много лет назад, и медиация была интегрирована в институты внутреннего полицейского управления конфликтами. Примером может служить полиция федеральной земли Баден-Вюртемберг, в которой уже на протяжении десятилетий функционирует система консультирования по вопросам разрешения конфликтов. Сегодня в полиции всех федеральных земель работают консультанты по конфликтам и координационные центры по урегулированию конфликтов и кризисному менеджменту. Чтобы расширить спектр способов оказания содействия при решении спорных ситуаций (традиционно в этой деятельности принимают участие полицейские капелланы, психологи и врачи), полиция подготовила множество консультантов по конфликтным ситуациям. Они состоят в штате полицейских организаций (в том числе образовательных) или оформлены по совместительству на неполный рабочий день. В каждом полицейском подразделении есть штатные консультанты по

конфликтам, за деятельностью которых осуществляется систематический надзор в соответствии с Административным регламентом Министерства внутренних дел по рассмотрению конфликтов, консультационной работе по профилактике кризисов в полиции. Для повышения квалификации медиаторов регулярно проводятся семинары (продолжительностью от двух дней до двух недель).

Кроме того, обратим внимание, что в ФРГ созданы группы медиаторов из числа сотрудников старшего начальствующего состава полиции, прошедших специальную подготовку, которые занимаются разрешением наиболее сложных конфликтов. Посредством распространения листовок, брошюр, направления официальных писем руководителям подразделений происходит информирование сотрудников полиции о предложениях услуг по урегулированию конфликтов. Как отмечает Н. Клапперт, «на волне энтузиазма, больших ожиданий и личных стараний посредников медиация уже давно перешагнула порог эксперимента, став вполне пригодной стратегией комфортного разрешения конфликтов в полиции» [8].

Существует множество сфер применения процедуры медиации. Это, например, конфликты между советом по личному составу (представительский орган сотрудников полиции) и руководством служебного подразделения в рамках дисциплинарного производства, споры между коллегами, между руководителями подразделений и отдельными сотрудниками. Возможно также применение медиации в ходе разбирательства жалоб на работу полиции. С помощью независимого посредника стороны спора получают возможность найти собственное, устраивающее их решение.

Таким образом, можно сделать вывод, что успешное посредничество способствует развитию новой культуры разрешения конфликтов. Медиация как способ улаживания споров была разработана на основе концепции ведения рациональных переговоров, которая рассматривает разрешение конфликта не как утверждение позиций, а как творческий подход к определению совместных интересов. В настоящее время медиация используется для урегулирования конфликтов во многих сферах жизни: в партнерских и семейных отношениях, в трудовых коллективах. Специфическая характеристика медиации состоит в том, что участники конфликта пытаются найти решение под свою ответственность и добровольно. Все этапы медиации подчиняются пяти принципам: нейтральность, личная ответственность, добровольность, информированность и конфиденциальность. Этих принципов медиатор должен придерживаться неукоснительно¹. Медиатор поддерживает стороны, не имея никаких полномочий по принятию решений. В ходе медиации, как и в переговорах, сторонам предоставлена свобода самим решать, заключать или расторгнуть соглашение. Медиаторы несут ответственность за контроль над процессом улаживания конфликта и поиск возможных решений. Медиация возникла на основе исследований в области переговоров

¹ Schlieffen K. Mediation // Staatslexikon online // URL: <https://www.staatslexikon-online.de/Lexikon/Mediation> (дата обращения: 29.10.2024).

и является посредничеством: медиатор поддерживает переговоры между сторонами. В отличие от судьи или арбитра он не имеет полномочий навязывать сторонам решение. «Роль медиатора, – пишут П.Н. Бирюков и А.В. Пронин, – может быть сведена к модерированию и улучшению коммуникации между сторонами» [15, с. 13]. Результат медиации определяется сторонами, которые действуют независимо и добровольно. Стороны свободны в принятии решений по переговорам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время медиация успешно интегрирована в деятельность полиции Германии как альтернативная стратегия разрешения конфликтов в служебном подразделении, в ее пользу и эффективности по большому счету нет сомнений. Однако она всё ещё является институтом, требующим тщательного научного изучения по причине отсутствия единых теоретических концептов в ее отношении. Не выработаны ключевые стандарты медиации, нет четкого представления об оценке ее качества. Не созданы базы справочной информации для специалистов и лиц, интересующихся медиацией. Не обобщены результаты анализа практического опыта проведения медиативных процедур. Не существует научных разработок, касающихся правовых, коммуникационных, психологических и социологических аспектов медиации.

Тем не менее представляется целесообразным использовать зарубежный опыт применения медиативных практик для несудебного разрешения межличностных конфликтов внутри коллективов российской полиции. В том числе и потому, как считают Х. Кури и О.Ю. Ильченко, что «медиация является плодотворным и позитивным методом, способствующим снижению конфликтов в обществе, требует меньше времени и стоит дешевле, чем классические процедуры [16, с. 127].

Поддержание благоприятного социально-психологического климата в полицейском подразделе-

нии, успешное разрешение межличностных конфликтов и споров, применение медиативных техник для достижения социального согласия в коллективе являются важными факторами обеспечения эффективности правоохранительной и правоприменительной деятельности полиции. Представляется важным, чтобы в рамках профессиональной подготовки с сотрудниками полиции проводились занятия, ориентированные на формирование и развитие у них конфликтологической компетенции. На таких занятиях, кроме общего информирования о возможностях медиативного подхода к решению возникающих внутри коллектива конфликтов, необходимо осуществлять педагогическую деятельность по выработке у полицейских умений и навыков применения медиативных инструментов. Их они смогут применять не только для налаживания межличностных отношений в служебном коллективе, но и в работе с населением при исполнении должностных обязанностей.

Современная полиция должна располагать инструментами, которые способствовали бы эффективному решению ее внутренних проблем собственными силами. С этой точки зрения использование медиации представляется оправданным применительно как к отдельно взятому сотруднику, так к полицейской организации в целом.

Таким образом, есть основания сделать вывод о необходимости приобретения сотрудниками органов внутренних дел знаний о сущности и функциях медиации, о потенциале медиативных подходов к решению возникающих в подразделениях внутренних конфликтов. По нашему мнению, важно начинать формирование навыков применения таких инструментов еще на этапе обучения полицейских в образовательных организациях МВД России. Эти навыки окажут существенную помощь выпускникам при налаживании межличностных отношений в новых для них служебных коллективах и осуществлении в дальнейшем профессиональной деятельности. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гайнуллина А.В. Формирование конфликтной компетентности сотрудников ОВД в процессе профессиональной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 282-287.
2. Возженикова О.С. Формирование конфликтологической компетентности у сотрудника полиции // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № Т31. С. 1536-1540.
3. Senghaus P. (Hrsg.) Mediation und Polizei. Rothenburg / OL: Hochschule der Sächsischen Polizei (FH), 2010.
4. Schlieffen K.G.v. Berufsbild Mediator: In jedem Ende liegt ein neuer Anfang // MEDIATOR: Mediation für Wissenschaft und Praxis. 2018. Vol. 6 № 1. S. 5-11.
5. Haft F., Schlieffen K.G.v. Handbuch Mediation. München, 2016.
6. Benseler F., Blanck B., Keil R., Loh W. (Hrsg.) Mediation braucht Standards, aber keine universellen // Erwägen, Wissen, Ethik. Jg. 2009. № 20. H. 4. S. 571.
7. Segura A. Mediation in der Polizei – was soll man damit? // Deutsche Polizei. 2010. № 6. S. 13.
8. Klappert N. Chancen der Mediation als Verfahren zur Konfliktlösung innerhalb der Polizei // Medium: Taschenbuch. 2009. № 3. S. 96.
9. Segura A. Mediation in der Polizei: Konflikt in der Kooperation (Schriften zur Mediation) // Berliner Wissenschafts. 2014. V. 27. S. 384.
10. Михель Д.Е. Развитие медиации в Германии как социального и правового института // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 4. С. 50-58.
11. Павликова Л.А., Возженикова О.С. Анализ причин конфликтного взаимодействия сотрудников полиции // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 12. С. 144-150.

12. Джантеев Т.Х. Роль руководителя органов внутренних дел в разрешении конфликтов // Академическая мысль. 2020. № 3 (12). С. 150-152.
13. Семченко А.С. Педагогические аспекты управления профессиональными конфликтами в деятельности руководителя территориального органа МВД России // Прикладная психология и педагогика. 2019. Т. 4. № 4. С. 77-87.
14. Лобанов К.Н., Колесник К.С. Медиация в деятельности органов внутренних дел: некоторые аспекты теории и практики // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2020. № 2. С. 27-32.
15. Бирюков П.Н., Пронин А.В. Об институте медиации в Германии // Российский судья. 2015. № 2. С. 12-14.
16. Кури Х., Ильченко О.Ю. Медиация и восстановительное правосудие как современные тенденции уголовного процесса: российский и зарубежный опыт // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 1. С. 120-129.

REFERENCES

1. Gaynullina A.V. Formirovaniye konfliktnoy kompetentnosti sotrudnikov OVD v protsesse professional'noy deyatel'nosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 2. S. 282-287.
2. Vozzhenikova O.S. Formirovaniye konfliktologicheskoy kompetentnosti u sotrudnika politzii // Nauchno-metodicheskii elektronnyy zhurnal «Kontsept». 2017. № Т31. S. 1536-1540.
3. Senghaus P. (Hrsg.) Mediation und Polizei. Rothenburg / OL: Hochschule der Sächsischen Polizei (FH), 2010.
4. Schlieffen K.G.v. Berufsbild Mediator: In jedem Ende liegt ein neuer Anfang // MEDIATOR: Mediation für Wissenschaft und Praxis. 2018. Vol. 6 № 1. S. 5-11.
5. Haft F., Schlieffen K.G.v. Handbuch Mediation. München, 2016.
6. Benseler F., Blanck B., Keil R., Loh W. (Hrsg.) Mediation braucht Standards, aber keine universellen // Erwägen, Wissen, Ethik. Jg. 2009. № 20. H. 4. S. 571.
7. Segura A. Mediation in der Polizei – was soll man damit? // Deutsche Polizei. 2010. № 6. S. 13.
8. Klappert N. Chancen der Mediation als Verfahren zur Konfliktlösung innerhalb der Polizei // Medium: Taschenbuch. 2009. № 3. S. 96.
9. Segura A. Mediation in der Polizei: Konflikt in der Kooperation (Schriften zur Mediation) // Berliner Wissenschafts. 2014. V. 27. S. 384.
10. Mikhel' D.Ye. Razvitiye mediatsii v Germanii kak sotsial'nogo i pravovogo instituta // Severo-Kavkazskiy yuridicheskii vestnik. 2018. № 4. S. 50-58.
11. Pavlikova L.A., Vozzhenikova O.S. Analiz prichin konfliktного vzaimodeystviya sotrudnikov politzii // Gumanitarnyy nauchnyy vestnik. 2020. № 12. S. 144-150.
12. Dzhanteyev T.Kh. Rol' rukovoditelya organov vnutrennikh del v razreshenii konfliktov // Akademicheskaya mysl'. 2020. № 3 (12). S. 150-152.
13. Semchenko A.S. Pedagogicheskiye aspekty upravleniya professional'nymi konfliktami v deyatel'nosti rukovoditelya territorial'nogo organa MVD Rossii // Prikladnaya psikhologiya i pedagogika. 2019. Т. 4. № 4. S. 77-87.
14. Lobanov K.N., Kolesnik K.S. Mediatsiya v deyatel'nosti organov vnutrennikh del: nekotoryye aspekty teorii i praktiki // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. 2020. № 2. S. 27-32.
15. Biryukov P.N., Pronin A.V. Ob institute mediatsii v Germanii // Rossiyskiy sud'ya. 2015. № 2. S. 12-14.
16. Kuri KH., Il'chenko O.Yu. Mediatsiya i vosstanovitel'noye pravosudiye kak sovremennyye tendentsii ugovornogo protsesssa: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt // Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2015. Т. 9. № 1. S. 120-129.

© Кравчук Л.С., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кравчук Л.С. Медиация на службе полиции: зарубежный опыт // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 127-133.

Александр Иванович МЕЛИХОВ,
доктор юридических наук, доцент,
ORCID 0000-0001-8987-713X
Академия управления МВД России (г. Москва)
профессор кафедры теории и методологии
государственного управления
stl13913@gmail.com

Николай Иванович КОСТЮЧЕНКО,
доктор юридических наук, доцент
Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России (г. Симферополь)
профессор кафедры административного
права и административной деятельности
nikiv1948@gmail.com

Научная статья
УДК 342:[321.01:314.74]

КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Национальная безопасность, обеспечение национальной безопасности, миграция, государство-цивилизация, социальная система, информационно-аналитическая система, потребитель, гражданин.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Новейшая история в очередной раз показала, что уничтожить государство-цивилизацию, коей является Российская Федерация, путем внешней агрессии практически невозможно. В связи с этим усилия ее геополитических противников направлены на дестабилизацию обстановки внутри страны, и в первую очередь – в сфере миграции. **Методы.** В ходе проведения исследования, результаты которого излагаются в настоящей статье, были востребованы система, схемы и понятия авторской теории национальной безопасности, теории управления социальными системами, междотраслевые и межнаучные связи естественных и гуманитарных наук. **Результаты.** В целях системного использования термина «безопасность» авторами предлагается употреблять его исключительно в отношении субъектов, способных самостоятельно удовлетворить свои потребности в самосохранении, самовоспроизводстве и самоподдержании. А прилагательное «национальная» использовать только в тех словосочетаниях, где речь идет о безопасности многонационального народа Российской Федерации. Указание на область обеспечения безопасности обязательно должно употребляться с обозначением субъекта безопасности, например – национальная безопасность в сфере миграции (демографии, борьбы с преступностью и т.д.). По мнению авторов, мигранты для получения гражданства России должны исполнить конституционные условия инициации гражданина в виде принятия национального мировоззрения, участия в обеспечении национальной безопасности своими силами или средствами, в том числе путем оказания целевой материальной помощи, направляемой на нужды сил и средств национальной безопасности. Необходимо продолжить совершенствование взаимодействия систем государственного информационно-аналитического обеспечения и контроля, которые позволяют передавать информацию о мигрантах, регистрируемых в пунктах пропуска, в правоохранительные органы и специальные службы, расположенные на территориях, куда «запланирован» приезд данных лиц. Неприбытие мигранта к месту работы должно быть поводом для объявления его в розыск, а признаки поведения, свидетельствующие о его враждебных намерениях, – основанием для проведения оперативных мероприятий.

ВВЕДЕНИЕ

Практически все исследователи феномена безопасности справедливо утверждают, что в настоящее время понятие безопасности стало довольно размытым. Причинами этого признаются многообразие форм проявления безопасности, а также некорректное использование термина «безопасность» в теории, в результате чего в гуманитарной науке появились различные определения безопасности [1, 2, 3, 4]. Данные определения, как правило, лишь частично отражают содержание понятия «безопасность» и не раскрывают его объективной сущности. Результаты их сравнительного анализа не дают представления об истинной природе этого явления. В отечественной юриспруденции есть не так много работ, цель которых – приблизиться к пониманию сущности безопасности [5, 6, 7]. Отсутствие сущностного понятия безопасности и всесторонне обоснованного понятийного аппарата в этой отрасли знаний затрудняет теоретическое исследование конкретных форм проявления феномена безопасности в различных сферах жизни общества, в том числе в сфере миграции.

Несмотря на активное использование категориального аппарата теории безопасности в международном и отечественном федеральном законодательстве, понятия и алгоритмы, предусмотренные Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, недостаточно популяризированы в научной и практической среде, редко применяются в нормативных базах публичных органов власти.

Поэтому мы считаем, что теоретическое обеспечение национальной безопасности следует начинать с разработки общей концепции правового института национальной безопасности, ее принятия в качестве руководящей парадигмы представителями науки и практики всех отраслей военной и правоохранительной деятельности.

МЕТОДЫ

Для определения и изучения современных ключевых факторов обеспечения национальной безопасности в сфере миграции были использованы следующие научные методы исследования: анализ (проведен глубокий анализ понятия безопасности, его различных трактовок в научной и правовой сферах, что позволило выявить размытость термина и основные проблемы, связанные с его использованием), сравнительный метод (использован для сопоставления имеющихся определений безопасности, что позволило оценить недостатки и неполноту существующих подходов, а также выявить различия в восприятии безопасности разными научными школами и направлениями); метод моделирования (разработана концептуальная модель безопасности для гуманитарных наук, представляющая безопасность как процесс самосохранения и самоподдержания), метод прогнозирования (сформулированы предложения по улучшению систем информационно-аналитического обеспечения, используемых для предсказания и своевременного выявления угроз, таких, например, как террористическая деятельность, с целью повышения безопасности),

системный подход (рассмотрена необходимость создания интегрированных информационно-аналитических систем для управления и координации усилий в сфере безопасности, охватывающих возможности взаимодействия различных субъектов и подсистем).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Понятие безопасности в настоящее время неоднозначно и не имеет четкого определения в гуманитарных науках. Из-за множества трактовок и некорректного использования термин потерял свой исходный смысл, что создает сложности в его применении в научных исследованиях и практике. Для укрепления научной базы и правового обеспечения национальной безопасности требуется разработка единой концепции и общего понятийного аппарата теории национальной безопасности, которые будут приняты и применены в науке и на практике.

Предлагается использовать термин «безопасность» лишь в отношении субъектов, способных самостоятельно обеспечивать свою выживаемость и суверенитет, таких как нация, общество и государство. Подобный подход требует более осторожного использования понятия безопасности и предложений для защиты несамостоятельных территорий и субъектов.

Миграция рассматривается нами как фактор риска для национальной безопасности, особенно с учетом возможности прибытия в Россию лиц с враждебными намерениями. Поэтому предложены меры усиления информационно-аналитического контроля за мигрантами с целью выявления потенциальных угроз. Отсутствие в системе органов внутренних дел эффективного информационного и аналитического обеспечения негативно сказывается на своевременности выявления угроз безопасности. Для повышения эффективности деятельности в этой сфере необходимо внедрение современных систем контроля и обмена информацией между правоохранительными органами.

Общественное согласие и единое мировоззрение являются критически значимыми факторами национальной безопасности. Граждане, разделяющие общие ценности и готовые участвовать в защите своей страны, способствуют сохранению устойчивости государства. Мигрантам, претендующим на гражданство Российской Федерации, следует принимать национальные ценности и мировоззрение, а также вносить вклад в обеспечение безопасности страны, что может предусматривать оказание материальной помощи или выражаться в иных формах поддержки.

Нами разработаны предложения по внесению изменений в законодательство о воинской обязанности и военной службе. Их принятие позволило бы рассматривать материальные взносы в систему обеспечения безопасности в качестве альтернативы военной службе, а также укрепило бы требования к безопасности в миграционной сфере.

ОБСУЖДЕНИЕ

Многочисленные теории безопасности разноаспектно пытаются отразить сущность безопасности как научной категории. Ученым она представляется как «определенное состояние всех

Aleksandr I. MELIKHOV,

Doctor of Law, Associate Professor, ORCID 0000-0001-8987-713X

Academy of Management of the Ministry of Interior of Russia (Moscow, Russia)

Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration

stl13913@gmail.com

Nikolay I. KOSTYUCHENKO,

Doctor of Law, Associate Professor,

Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Interior of Russia (Simferopol, Russia)

Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities

nikiv1948@gmail.com

KEY FACTORS FOR ENSURING NATIONAL SECURITY IN THE FIELD OF MIGRATION

KEYWORDS. National security, ensuring national security, migration, state-civilization, social system, information and analytical system, consumer, citizen.

ANNOTATION. *Introduction.* Recent history has once again shown that it is virtually impossible to destroy a state-civilization such as the Russian Federation by means of external aggression. In this regard, the efforts of its geopolitical opponents are aimed at destabilizing the situation within the country, primarily in the area of migration. *Methods.* In the course of the study, the results of which are presented in this article, the system, schemes and concepts of the author's theory of national security, the theory of social systems management, intersectoral and interscientific connections of natural and humanitarian sciences were used. *Results.* For the purpose of systematic use of the term «security», the authors propose to use it exclusively in relation to entities capable of independently satisfying their needs for self-preservation, self-reproduction and self-maintenance. And the adjective «national» should be used only in those phrases that refer to the security of the multinational people of the Russian Federation. Reference to the area of security must necessarily be used with the designation of the subject of security, for example, national security in the area of migration (demography, fight against crime, etc.). According to the authors, in order to obtain Russian citizenship, migrants must fulfill the constitutional conditions of initiation of a citizen in the form of adoption of a national worldview, participation in ensuring national security by their own efforts or means, including through the provision of targeted financial assistance directed to the needs of the forces and means of national security. It is necessary to continue improving the interaction of state information and analytical support and control systems that allow the transfer of information about migrants registered at checkpoints to law enforcement agencies and special services located in the territories where the arrival of these persons is «planned». Failure of a migrant to arrive at his place of work should be a reason for declaring him wanted, and signs of behavior indicating his hostile intentions should be grounds for conducting operational activities.

участников общественных отношений», «результат деятельности», «мера соотношения между факторами «угроза» и «уязвимость»», «свобода от угроз», «состояние отношений между субъектами», «система гарантий, обеспечивающих устойчивое развитие, защита основных ценностей», «защищенность от угроз», «свойство (атрибут) системы», «отсутствие опасности» и, наконец, просто как «ситуация», «способность», «совокупность факторов» [8, 9, 10, 11].

Представленная разнородность подходов к определению безопасности говорит об отсутствии в гуманитарной науке понимания сущности используемого для обозначения данного феномена термина, что порождает его бессистемное употребление.

Беспорядочное использование термина «безопасность» обесценивает ключевое значение обозначаемого им явления (здесь речь о достижении безопасности как приоритетной задаче) и размывает исследовательские усилия по научному осмыслению данного явления. Ментальное размывание рассматриваемого нами понятия началось с распада СССР, когда «потребительская» тенденция к «монетизации» науки и культуры затронула и концепцию безопасности. Процесс уступки суверенитета как на государственном, так и на ментальном уровне повлиял на мышление политико-административной элиты. Это привело

к тому, что независимость и обеспечение безопасности начали восприниматься как ответственность зависимых и недостаточно самостоятельных субъектов и даже объектов публичной власти. В угоду частным интересам безопасность стала рассматриваться как самоцель, без учета реальных угроз. Это сместило акцент исследований на мнимые, а не на подлинные угрозы, в результате чего внимание сосредоточилось на мерах, не способствующих самосохранению общества, а лишь обосновывающих выделение ресурсов, создание и поддержание ненужных структур, порождающих конфликты и в конечном итоге способствующих аномии и разрушению государственности.

С опорой на объективные знания о физиологии человека нами сформулировано определение понятия «безопасность» для гуманитарных наук: это одна из моделей выживания, в которой субъект безопасности самостоятельно удовлетворяет свои витальные потребности в самосохранении, самоподдержании и самовоспроизводстве посредством изучения опасных и полезных свойств себя самого и окружающего его мира, их проявлений в прошлом, настоящем и будущем с последующим использованием полученных знаний для выживания [12].

На наш взгляд, необходимы ограничения по использованию термина «безопасность» в отноше-

нии объектов, которые не обладают достаточной самостоятельностью и политической независимостью и потому не имеют реальной возможности обеспечить собственные самосохранение, самоподдержание и самовоспроизводство. Речь в данном случае идет о субъектах федерации и иных несuverенных территориальных образованиях. Например, нельзя говорить о наличии в полной мере национальной безопасности у стран, входящих в блок НАТО, так как все их собственные военные силы, специальные и полицейские службы фактически подчиняются соответствующим структурам США. В этом случае (как и в других подобных) правильнее говорить об их защищенности как несuverенных субъектов.

Субъектностью в плане обеспечения безопасности обладают многонациональный народ Российской Федерации и формы его существования – личность, общество и государство. Его специализированные органы, созданные для обеспечения различных аспектов безопасности во всех временных и пространственных функциональных сферах жизни государственно организованного общества, не могут обладать суверенностью и «собственной» безопасностью. Когда же их наделяют этой функцией, интересы безопасности обеспечивающего и обеспечиваемого субъектов входят в неразрешимое противоречие (в случае, например, отказа солдата обеспечивать безопасность Родины из-за риска, который эта деятельность представляет для его личной безопасности).

По нашему мнению, толкование термина «безопасность» должно содержать указание на пространственно-временную соотнесенность (национальная безопасность в муниципальном образовании, городе, субъекте Российской Федерации и т.п.) и функциональную сферу обеспечения безопасности суверенного субъекта – многонационального народа России (национальная безопасность в сфере миграции, энергетики, продовольствия, государственной власти, гражданского общества, промышленности и т.д.).

Представляется, что употребление термина «безопасность» только применительно к субъектам, способным самостоятельно обеспечивать свою выживаемость, должно способствовать концентрации сил и средств обеспечения их безопасности как в науке, так и на практике. В связи с этим уверены, что правильно говорить не о миграционной безопасности, а о национальной безопасности России в сфере миграции.

Ключевым фактором, определяющим идентичность гражданина или представителя народа и питающим его существование (наряду с другими ранее упомянутыми [12]), является наличие общего мировоззрения, основанного на осознании необходимости сохранения нации. Это мировоззрение служит источником и средством передачи жизненно важной информации об оптимальных способах удовлетворения индивидуальных и социальных потребностей, а также выступает в качестве пространства для реализации и расширения возможностей. С другой стороны, оно выражается в готовности гражданина или представителя народа направить свое поведение на самостоятель-

ное обеспечение общей безопасности, исходя из общего мировоззрения и/или реального удовлетворения потребностей существующим национальным порядком.

На наш взгляд, возможность приобретения гражданства мигрантом необходимо рассматривать именно с позиций реализации описанных факторов в его поведении и мировоззрении.

Порядок общества, обусловленный культурой, проявляется не столько в праве, сколько в едином мировоззрении, в том числе в области безопасности. Мировоззрение есть информация об успешных алгоритмах поведения в обществе, обеспечивающая его выживание. Так, например, в Московском царстве до церковного раскола население российского государства от социальных низов до верховной власти обладало единым соборным, церковным и мирским, мировоззрением. Г.В.Ф. Гегель называет такое мировоззрение «Volkgeist», в переводе с немецкого – «дух народа». Он представляет собой духовную сторону государства. Именно этому духу принадлежат его граждане: «Каждое отдельное лицо является сыном своего народа и вместе с тем сыном своего времени, поскольку его государство развивается, ни один не остается позади его, и еще менее того – опережает его» [13, с. 157].

Важность и действенность единого государственно-общественного мировоззрения описывает и основоположник тектологии А.А. Богданов. Организационное совпадение усилий множества людей будет достигнуто, по его мнению, лишь тогда, когда их цели сольются в сознании каждого из них и каждым будут пониматься как одна и та же для всех, то есть когда они выяснят общность своих задач и планов. И чем более полно выясняется эта общность, чем больше элементов приводится к действительному совпадению, тем большая при прочих равных условиях создается организованность для работы в нужном направлении [14, с. 154].

Таким образом, если сознание и поведение мигранта не сливаются в единую волну альтруизма к государству пребывания, то возникает вопрос о том, можно ли его допускать к цивилизационным благам, порожденным этим государством.

В заключение изложения результатов теоретической части нашего исследования приведем пример, иллюстрирующий фактор готовности направить свои действия на самостоятельное обеспечение национальной безопасности, исходя из общего мировоззрения и реального удовлетворения потребностей в существующем национальном порядке. Сущность человека включает в себя природную и социальную составляющие: гены обуславливают совокупность врожденных черт, сформировавшихся благодаря многовековому отбору, тогда как социальные качества формируются через знания, традиции и ценности народа, частью которого человек является, а также через различные коллективные формы существования, такие как семья, религиозные общины, государство и др. Если человек выступает физическим носителем генетической информации, то социальные структуры общества служат носителями

или источниками приобретения им полезных социальных качеств. Сохранение и передача этих качеств – одна из задач безопасности, учитывая конституционное положение о человеке как высшей ценности государства (ст. 2 Конституции Российской Федерации). Преодоление личного эгоизма ради выживания нации позволяет сохранить человеческую сущность и различные коллективные формы существования, включая общество и государство. Это предполагает выполнение гражданином своего долга по защите Отечества в качестве одного из способов обеспечения безопасности государства. Отказ некоторых лиц от этого долга снижает шансы на выживание народа, и данный юридический факт должен приводить к ограничению прав таких лиц, поскольку здесь налицо отказ от правосубъектности в рамках государственной формы существования народа как единого субъекта безопасности.

Представляется, что подобное поведение должно вести к изменению правового статуса такого субъекта: вместо «силы и средства обеспечения национальной безопасности» его следует рассматривать как «платного потребителя услуг по обеспечению безопасности». В этом статусе «потребитель» утрачивает возможность участвовать в управлении коллективными механизмами выживания и должен быть лишен активного и пассивного избирательного права, права на приобретение средств обеспечения безопасности (например оружия), права на государственную службу в органах власти, силовых и правоохранительных структурах, а также обязан уплачивать дополнительный налог за пребывание в пространственно-временной зоне обеспечения безопасности. Такие ограничения фактически приближают его к статусу лица без гражданства. Однако в связи с действием положений ряда международных конвенций и соглашений, подписанных Российской Федерацией, которые требуют избегать ситуаций возникновения «бесхозных» людей, не включенных в коллективные формы выживания, по нашему мнению, возникает необходимость в разработке особого статуса гражданина Российской Федерации, являющегося «потребителем услуг по обеспечению безопасности», с ограниченной правоспособностью. Таким образом, граждан можно условно разделить на «хозяев субъекта коллективного выживания» и «потребителей услуг субъекта коллективного выживания». Переход от статуса гражданина-потребителя к гражданину-хозяину может быть осуществлен путем участия в обеспечении национальной безопасности своими силами или средствами, включая целевую материальную помощь, направляемую на повышение эффективности системы безопасности. Это требует внесения изменений в Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», которые позволили бы заменить службу в вооруженных силах на целевые взносы для нужд национальной безопасности.

Теперь перейдем к практической стороне национальной безопасности России в сфере миграции.

В нашем государстве проблемам миграции иностранцев уделялось серьезное внимание, о чем

свидетельствует целый ряд федеральных законов и приказов, изданных государственными органами. В их числе можно назвать: федеральные законы от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ и № 110-ФЗ, от 6 января 2007 г. № 2-ФЗ, приказ МВД России от 13 мая 2003 г. № 325 и др. Эти акты регламентировали въезд, проживание, трудовую занятость иностранцев. Для лиц данной категории в законодательство было введено понятие «иностранный гражданин».

В то же время необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что мигранты, въезд которых регламентирован перечисленными выше законами, приказами и другими нормами, основанными на международном праве, во многих случаях не соблюдали и не соблюдают требований законодательства Российской Федерации. В связи с этим в основах теории национальной безопасности нашего государства миграция (легальная и нелегальная) рассматривается как одна из угроз национальной безопасности, прежде всего как канал возможного въезда в страну иностранных граждан с враждебными целями.

Такой взгляд на это явление сформировался неслучайно. Он основывается на множестве примеров, демонстрирующих осуществление прибывшими в Россию мигрантами противозаконной деятельности, которая наносила ущерб нашему государству и его гражданам. Следует отметить, что подобного рода деятельность лиц рассматриваемой категории признается противоправной и в других государствах, что нашло отражение и в международном праве. На протяжении многих лет отечественными правоохранительными органами фиксировались многочисленные случаи, когда мигранты-иностранцы активно занимались противоправной и враждебной деятельностью, направленной не только против граждан Российской Федерации, но и против самой Российской Федерации.

В настоящее время такие случаи стали выявляться все чаще. Это связано с активизацией враждебной деятельности неонацистского режима на Украине, который занимается организацией осуществления террористических актов на территории России с участием легальных и нелегальных мигрантов из числа представителей населения бывших республик Советского Союза. Такая ситуация предполагает необходимость повышения эффективности работы правоохранительных органов по выявлению среди мигрантов лиц, которые могут участвовать во враждебной деятельности и прежде всего в подготовке и проведении террористических актов.

Как известно, для своевременного выявления подобного рода угроз требуется *своевременное получение предупреждающей информации* о признаках поведения мигрантов, которые свидетельствуют об их враждебных намерениях. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость функционирования систем информационного, аналитического обеспечения и контроля в рассматриваемой нами сфере. К сожалению, есть все основания констатировать, что в настоящее время таких систем в нашем государстве, государственных органах, в том числе и в органах внутренних дел, нет.

О негативном эффекте существования такой ситуации размышляют многие ученые. Например, Ю.А. Болт, А.А. Крылов, А.А. Вишнеvский, А.Г. Сачек, рассматривая проблемы информационно-аналитического обеспечения органов внутренних дел, детально анализировали его состояние, а также причины низкой эффективности работы по реализации информационной и аналитической функций в системе органов внутренних дел. В своих рассуждениях они пришли к выводу о том, что «в территориальных подразделениях аналитические сотрудники отсутствуют, а сбор и анализ информации – это проблема оперативного сотрудника»¹.

Выход из создавшейся ситуации возможен только при соблюдении объективно существующих законов создания и функционирования социальных систем, социального управления и диалектики. В нашем случае – только посредством создания систем информационно-аналитического обеспечения и контроля в соответствии с объективным существующим законом детерминации элементов социальных систем: цель – задача – функция – структура. В настоящее время названные нами выше законы не воспринимаются субъектами управления, что и приводит к возникновению проблем. Н.И. Глазунова отмечает, что сейчас, вопреки этим законам, мы «создаем сначала целые министерства, а потом придумываем для них виды занятий»².

Негативное влияние описанной нами ситуации в полной мере распространяется, в частности, и на подразделения участковых уполномоченных, где также нет систем информационно-аналитического обеспечения, и их создание даже не планируется. В ходе опроса участковых, проходивших повышение квалификации в вузах МВД России, выяснилось, что информационно-аналитическая работа, поиск информации по банкам данных и другим учетам, подготовка статистики, ожидание ответов на запросы занимает до 60% их рабочего времени. Как следствие – несвоевременное получение оперативной информации, необходимой для предотвращения противоправных действий нарушителей закона. Это относится и к работе участковых по выявлению мигрантов, а также иных лиц, склонных к осуществлению противоправных действий, которые прибывают на жительство на территории обслуживаемых участков.

Справиться с обозначенной нами проблемой можно лишь при условии создания в органах внутренних дел современных систем и подсистем информационного и аналитического обеспечения, а также организации информационного взаимодействия между правоохранительными органами, которое в настоящее время, к сожалению, отсутствует.

В качестве подтверждения вышесказанного обратимся к недавним трагическим событиям, произошедшим в «Крокус Сити Холле» в Подмосковье. Как известно, для совершения теракта в

этом концертном зале были использованы мигранты, которые прибыли на территорию Российской Федерации легально. По месту их прибытия своевременно выявить имеющиеся у них преступные намерения оказалось невозможно именно по причине отсутствия информационно-аналитического обеспечения деятельности органов внутренних дел, в том числе и подразделений участковых уполномоченных.

Если рассматривать данную ситуацию с позиций существующей практики оперативной деятельности, факт прибытия и «поселения» таких лиц должен выявлять участковый. Однако в условиях большой служебной загруженности участковых и отсутствия эффективного информационного обеспечения их деятельности необходимые меры, которые могли бы помочь предупредить совершение теракта, предприняты не были. В связи с этим возникают вопросы о том, какая информация и каким образом могла бы обеспечить своевременную фиксацию факта прибытия таких мигрантов и как должно функционировать информационное обеспечение для своевременного получения данной информации еще до прибытия мигрантов в пункт назначения, где они собирались остановиться.

На первый взгляд, этого можно добиться только в результате ежедневной работы участкового, связанной с «обходами» участка. Но и эта деятельность в условиях служебной загруженности участковых и их малочисленности (ввиду недоуконтнованности штатов соответствующих подразделений) вряд ли позволит достичь желаемого результата при отсутствии систем информационно-аналитического обеспечения и контроля. Сказанное наглядно подтвердили события в «Крокус Сити Холле».

Не вызывает сомнений, что если бы такие системы были созданы и функционировали, задачу можно было бы решить достаточно просто в рамках информационного взаимодействия всех правоохранительных органов. В этом случае участковые и оперативные сотрудники знали бы о предстоящем появлении на подведомственной им территории мигрантов (предположительно с противоправными намерениями) задолго до их прибытия. Для этого достаточно, чтобы информация о таких лицах, фиксируемая в пунктах пропуска, сразу отправлялась в органы внутренних дел, на территорию которых «запланирован» их приезд. Дальнейший «контроль» приезда (или неприезда) легко фиксировал бы факт их прибытия, что обеспечивало бы возможность своевременного принятия необходимых мер. Неприбытие мигрантов дает основания для их розыска, а признаки поведения, свидетельствующие об их враждебных намерениях, – для организации оперативно-розыскных мероприятий.

В связи со сказанным могут возникнуть закономерные вопросы относительно того, что потребуется значительное увеличение штатной числен-

¹ Информационно-аналитическое обеспечение противодействия криминализации различных видов экономической деятельности: аналитический обзор с предложениями / А.А. Крылов, Ю.А. Болт, А.А. Вишнеvский, А.Г. Сачек. М.: ВНИИ МВД России, 2017. 56 с.

² Глазунова Н.И. Государственное управление: Учебник для вузов. М.: Муниципальный мир, 2004. С. 144.

ности сотрудников как в пунктах пропуска, так и на местах, чтобы обеспечивать отбор, обработку, движение и доставку информации о мигрантах. Пожалуй, в настоящее время добиться расширения штатов невозможно. А вопросы, безусловно, справедливые в условиях отсутствия в правоохранительных органах систем информационно-аналитического обеспечения. Однако вполне вероятно, что помощь в решении проблемы могла бы оказать технология искусственного интеллекта. Необходимо создать на ее базе специализированные компьютерные программы, которые будут осуществлять перечисленные выше операции с информацией в автоматическом режиме. И тогда в данном процессе не потребуется участия сотрудников, оформляющих документы в пунктах пропуска, и тех, которые несут службу в местах, куда следуют мигранты и где они будут проживать.

К сожалению, феномен искусственного интеллекта у нас воспринимают только как средство, которое сможет в перспективе заменить работника, принимающего управленческие решения. Такой подход, безусловно, неверен. Даже если когда-нибудь и удастся создать подобного «управленца», он не сможет принимать решения без наличия непрерывно поступающей информации, то есть без использования системы информационно-аналитического обеспечения.

Поэтому еще раз подчеркнем, что в сложившейся ныне ситуации для повышения эффективности деятельности органов внутренних дел (в том числе связанной с национальной безопасностью в сфере миграции) прежде всего необходимо создать системы информационно-аналитического обеспечения и контроля. Каким образом это можно сделать и какими должны быть эти системы – тема закрытого научного исследования.

Итак, есть основания утверждать, что для того, чтобы деятельность органов внутренних дел была

эффективной в любых сферах охраны общественного порядка и своевременного выявления угроз национальной безопасности, необходимо рассматривать государство и государственные органы как объективно существующие виды социальных систем [15]. В них в соответствии с объективно существующими законами социальных систем должны существовать подсистемы информационно-аналитического обеспечения и контроля. Они позволят повысить качество работы по выявлению и предотвращению угроз национальной безопасности, в том числе в сферах миграции и противодействия терроризму.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанные в статье ключевые факторы обеспечения национальной безопасности в сфере миграции не представляют собой исчерпывающего перечня. Систему обеспечения национальной безопасности в названной сфере составляют не только процедуры декларации лояльности к национальному мировоззрению страны пребывания и проверки ее на подлинность посредством участия в обеспечении национальной безопасности страны, но и слаженная система сил и средств, осуществляющих добычу, обработку и понимание (прогнозирование, выявление, анализ, оценку) информации и знаний об опасных и полезных свойствах субъекта безопасности и окружающего его мира (в виде иных субъектов и окружающей среды), их проявлениях в прошлом, настоящем и будущем с последующей реализацией полученных информации и знаний для профилактики и контроля опасных свойств, разработки и применения комплекса оперативных и долговременных мер по выявлению, предупреждению и устранению их проявлений, а также локализации и нейтрализации их последствий. Дальнейшее исследование различных аспектов данной системы – актуальная задача для ведомственной науки. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Глебова Ю.И. Понятие и сущность национальной безопасности // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2023. № 1 (55). С. 11-16.
2. Конин В.Н. Понятие и сущность безопасности // Административное право и процесс. 2012. № 3. С. 72-74.
3. Моздаков А.Ю. Понятие безопасности в классической и современной философии // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 18-25.
4. Петрянин А.В., Петрянина О.А. Понятие безопасности: законодательно-доктринальные подходы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 173-176.
5. Белов П.Г. Методологические аспекты национальной безопасности России. М.: ФЦНТП «Безопасность», 2002. 300 с.
6. Рыбалкин Н.Н. Природа безопасности // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2003. № 5. С. 36-40.
7. Арямов А.А. Общая теория риска (юридический, экономический и психологический анализ): Монография. М.: Российская академия правосудия, 2009. 171 с.
8. Молчановский В.Ф. Безопасность – атрибут социальной системы // Социально-политические аспекты обеспечения государственной безопасности в современных условиях: Сборник статей. М.: Граница, 1994. С. 101-107.
9. Петров В.В. К вопросу о внешних угрозах безопасности Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2009. № 1 (10). С. 30-34.
10. Короткий Ю.Ф. К вопросу о понятии безопасности // Социально-политические аспекты обеспечения государственной безопасности в современных условиях: Сборник статей. М.: Граница, 1994. С. 47-54.
11. Балуев Д.Г. Личностная и государственная безопасность: международно-политическое измерение: Монография. Н.Новгород, 2004. 231 с.

12. Мелихов А.И. Национальная безопасность в свете органической теории государства // Вопросы безопасности. 2022. № 3. С. 79-92.
13. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб: Наука, 1993. 480 с.
14. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука / В 2 кн. Кн. 1. М.: Экономика, 1989. 303 с.
15. Костюченко Н.И. Классификация социальных систем и их подсистем управления как основополагающих элементов теории и практики управления: Монография. Симферополь: Ариал, 2023. 192 с.

REFERENCES

1. Glebova Yu.I. Ponyatiye i sushchnost' natsional'noy bezopasnosti // Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. 2023. № 1 (55). S. 11-16.
2. Konin V.N. Ponyatiye i sushchnost' bezopasnosti // Administrativnoye pravo i protsess. 2012. № 3. S. 72-74.
3. Mozdakov A.Yu. Ponyatiye bezopasnosti v klassicheskoy i sovremennoy filosofii // Voprosy filosofii. 2008. № 4. S. 18-25.
4. Petryanin A.V., Petryanina O.A. Ponyatiye bezopasnosti: zakonodatel'no-doktrinal'nyye podkhody // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2013. № 21. S. 173-176.
5. Belov P.G. Metodologicheskiye aspekty natsional'noy bezopasnosti Rossii. M.: FTSNTP «Bezopasnost'», 2002. 300 s.
6. Rybalkin N.N. Priroda bezopasnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. 2003. № 5. S. 36-40.
7. Aryamov A.A. Obshchaya teoriya riska (yuridicheskiy, ekonomicheskoy i psikhologicheskoy analiz): Monografiya. M.: Rossiyskaya akademiya pravosudiya, 2009. 171 s.
8. Molchanovskiy V.F. Bezopasnost' – atribut sotsial'noy sistemy // Sotsial'no-politicheskiye aspekty obespecheniya gosudarstvennoy bezopasnosti v sovremennykh usloviyakh: Sbornik statey. M.: Granitsa, 1994. S. 101-107.
9. Petrov V.V. K voprosu o vneshnikh ugrozakh bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2009. № 1 (10). S. 30-34.
10. Korotkiy Yu.F. K voprosu o ponyatii bezopasnost' // Sotsial'no-politicheskiye aspekty obespecheniya gosudarstvennoy bezopasnosti v sovremennykh usloviyakh: Sbornik statey. M.: Granitsa, 1994. S. 47-54.
11. Baluyev D.G. Lichnostnaya i gosudarstvennaya bezopasnost': mezhdunarodno-politicheskoye izmereniye: Monografiya. N.Novgorod, 2004. 231 s.
12. Melikhov A.I. Natsional'naya bezopasnost' v svete organicheskoy teorii gosudarstva // Voprosy bezopasnosti. 2022. № 3. S. 79-92.
13. Gegel' G.V.F. Lektsii po filosofii istorii. SPb: Nauka, 1993. 480 s.
14. Bogdanov A.A. Tektologiya. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka / V 2 kn. Кн. 1. М.: Экономика, 1989. 303 с.
15. Kostyuchenko N.I. Klassifikatsiya sotsial'nykh sistem i ikh podsystem upravleniya kak osnovopolagayushchikh elementov teorii i praktiki upravleniya: Monografiya. Simferopol': Arial, 2023. 192 s.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Мелихов А.И., Костюченко Н.И., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Мелихов А.И., Костюченко Н.И. Ключевые факторы обеспечения национальной безопасности в сфере миграции // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 134-141.

Анатолий Яковлевич РЫЖЕНКОВ,
доктор юридических наук, профессор, ORCID 0000-0002-2015-1709
Калмыцкий государственный университет (г. Элиста)
профессор кафедры гражданского права и процесса
Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия
4077778@list.ru

Научная статья
УДК 341.1/8:504.06

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Международное экологическое право, тенденции и перспективы, климат, почва, Мировой океан, водные биоресурсы, природные ресурсы, энергия.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В настоящее время большинство стран мира и международное сообщество в целом уже осознали настоятельную необходимость охраны окружающей среды. Несмотря на это, они крайне неохотно заключают международные соглашения, устанавливающие для них конкретные обязательства, влияющие на экономический рост и уровень жизни их граждан. Типичным примером запретов и ограничений в международном экологическом праве является принятие на себя государством обязанности использовать свою территорию таким образом, чтобы не причинять трансграничный ущерб другим странам. Это и многие другие международные обязательства реализуются государствами плохо, что стимулирует ведущиеся уже много лет доктринальные дискуссии о путях и способах реформирования международного экологического права. *Методы.* В ходе исследования, результаты которого представлены в статье, был использован комплекс методов научного познания: диалектический метод, метод системного анализа, логический метод, сравнительно-правовой метод. Материалом для исследования являлись международно-правовые нормы, регулирующие отношения в области охраны окружающей среды, а также научные дискуссии по вопросам международного публичного и сравнительного права, отражающие тенденции и перспективы современного этапа международного сотрудничества в сфере охраны природы. *Результаты.* Международное экологическое право за почти 200-летнюю историю своего существования вполне успешно решило десятки серьезных экологических проблем. Многие вредные химические вещества теперь контролируются, озоновый слой восстанавливается, а популяции редких видов диких животных возрождаются. С другой стороны, некоторые иные показатели глобального качества окружающей среды продолжают ухудшаться. Действующие международные договоры остаются в значительной степени невыполненными; ряд государств в них не участвует. Всё это требует не просто конструктивной критики отдельных международных природоохранных норм, но и реформирования международного права с созданием более надежных контрольных механизмов, дальнейшей экологизации международного права, укрепления взаимодействия между отраслями международного права, правом и политикой.

ВВЕДЕНИЕ

Повышение уровня общественного внимания к вопросам охраны окружающей среды стало важнейшим событием последних десятилетий. Тенденции глобализации способствовали налаживанию международного экологического сотрудничества, поскольку экологические проблемы давно уже выходят за рамки национальных границ и оказывают серьезное воздействие на состояние экосистем всей Земли. Однако для того, чтобы страны пожертвовали частью своего суверенитета, необходимо убедить их в том, что взамен они получают некоторые выгоды в случае коллективного решения проблемы [1, с. 181-190].

Как правило, страны обращаются к международному сотрудничеству, когда воздействие на окружающую среду является трансграничным (как это происходит, например, в случае с загрязнением Великих озер) или глобальным (изменение климата); когда та или иная международная

деятельность должна быть запрещена, поскольку способствует нанесению невосполнимого вреда окружающей среде (международная торговля слоновой костью или убийство китов, например); когда международная координация финансовой или технической поддержки может способствовать международному экологическому сотрудничеству (в частности, это касается глобального сохранения биоразнообразия). При наличии этих обстоятельств международное сотрудничество (в форме обязывающего договора или необязательной для исполнения декларации «мягкого права») может стать эффективным способом реагирования на экологические вызовы.

Между тем в последнее время международное экологическое право (далее – МЭП) характеризуется двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны, большинство стран мира и международное сообщество в целом осознали настоятельную необходимость охраны окружаю-

Anatoly YA. RYZHENKOV,
Doctor of Law, Professor, ORCID 0000-0002-2015-1709
Kalmyk State University (Elista, Russia)
Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Honored Scientist of the Republic of Kalmykia
4077778@list.ru

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION: THEORETICAL ISSUES

KEYWORDS. International environmental law, trends and prospects, climate, soil, World Ocean, aquatic bioresources, natural resources, energy.

ANNOTATION. Introduction. Currently, most countries in the world and the international community as a whole have already realized the urgent need for environmental protection. Despite this, they are extremely reluctant to enter into international agreements that establish specific obligations for them that affect economic growth and the standard of living of their citizens. A typical example of such prohibitions and restrictions in international environmental law is the assumption by a state of the obligation to use its territory in such a way as not to cause transboundary damage to other countries. This and many other international obligations are poorly implemented by states, which stimulates the doctrinal discussions that have been ongoing for many years about the ways and means of reforming international environmental law. **Methods.** In the course of the study, the results of which are presented in the article, a set of scientific methods of cognition was used: the dialectical method, the method of systems analysis, the logical method, the comparative legal method. The material for the study was international legal norms regulating relations in the field of environmental protection, as well as scientific discussions on international public and comparative law, reflecting the trends and prospects of the current stage of international cooperation in the field of nature conservation. **Results.** International environmental law has successfully solved dozens of serious environmental problems over its nearly 200-year history. Many harmful chemicals are now controlled, the ozone layer is being restored, and populations of rare wild animal species are being revived. On the other hand, some other indicators of global environmental quality continue to deteriorate. Current international treaties remain largely unimplemented; a number of states do not participate in them. All this requires not only constructive criticism of individual international environmental standards, but also reform of international law with the creation of more reliable control mechanisms, further greening of international law, and strengthening of interaction between the branches of international law, law, and politics.

щей среды; в то же время, с другой стороны, они неохотно заключают международные соглашения, устанавливающие для них конкретные обязательства, влияющие на экономический рост и уровень жизни населения. Типичным примером сложностей с установлением запретов и ограничений в рамках МЭП является принятие на себя государством обязанности использовать свою территорию таким образом, чтобы не причинять трансграничный ущерб другим странам. Это и многие другие международные обязательства на практике реализуются плохо, что стимулирует ведущиеся уже много лет доктринальные дискуссии о путях и способах реформирования МЭП.

МЕТОДЫ

В ходе исследования, результаты которого послужили основой для написания данной статьи, были использованы различные методы научного познания: диалектический метод познания окружающей действительности, предполагающий полное и всестороннее изучение явлений, рассмотрение связей и противоречий между ними; метод системного анализа как подход к изучению сложных конструкций, включающий в себя изучение и моделирование их структуры, взаимосвязей и поведения; логический метод, позволивший дать определение понятия «международное сотрудничество в области охраны окружающей среды» и выявить его состав; сравнительно-правовой метод, основная идея которого заключается в изучении

законодательства, судебной практики и других правовых институтов различных стран для понимания и сравнения основных принципов и подходов к регулированию интересующих нас правовых отношений. Материалом для исследования стали международно-правовые нормы, регулирующие отношения в области охраны окружающей среды, а также научные работы по вопросам международного публичного и сравнительного права, отражающие тенденции и перспективы современного этапа международного сотрудничества в деятельности по охране природы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Несмотря на высокую востребованность МЭП и многолетние дискуссии, развернувшиеся вокруг него, в правовой науке до сих пор нет единого мнения относительно определения данного феномена, а также его места в системе международного публичного права. Некоторые ученые полагают, что международная охрана окружающей среды – это совокупность правовых принципов и практики национальных, международных и транснациональных систем экологического регулирования, ориентированных на защиту окружающей среды и управление природными ресурсами. Соответственно этому выделяются три подсистемы: международное публичное экологическое право; национальное экологическое законодательство; транснациональное право (нормы и принципы последнего используются для регулирования

трансграничных отношений между частными лицами и организациями) [2, с. 2]. Данный подход к пониманию целей и структуры МЭП может быть обозначен как широкий. Другие сторонники широкого подхода пишут, что МЭП – это набор соглашений и принципов, отражающих коллективные усилия стран мира по управлению переходом к антропоцену путем решения существующих серьезных экологических проблем, включая изменение климата, истощение озонового слоя и массовое вымирание диких животных. В более общем плане МЭП предназначено для достижения целей устойчивого развития, то есть развития, которое позволяет людям иметь высокое качество жизни сегодня, не жертвуя качеством жизни будущих поколений [3].

В свою очередь, сторонники узкого подхода к пониманию МЭП отмечают, что это «совокупность принципов и норм, направленных на обеспечение рационального использования природных ресурсов и защиту окружающей среды от загрязнения»¹. Такой подход может быть назван классическим, и он весьма распространен в российской науке международного экологического права. В несколько более объемной версии сторонники классического (узкого) подхода исходят из того, что МЭП – это совокупность «принципов и норм, регулирующих отношения субъектов международного права по рациональному использованию природных ресурсов, охране окружающей среды от загрязнения и сотрудничеству государств в целях обеспечения для человечества благоприятной среды обитания»².

Признавая ценность представленных общепринятых подходов к пониманию сущности и целей МЭП, отметим, что в настоящее время МЭП объективно стоит перед выбором новой стратегии развития, что должно отражаться и в его определении. В этом смысле широкий подход, упоминающий новые цели МЭП (включая устойчивое развитие, изменение климата, охрану озонового слоя), выглядит более перспективным.

Между тем в российской правовой науке уже много лет ставится под сомнение само название данной отрасли международного публичного права. Некоторые ученые полагают, что использование термина «международное экологическое право» нецелесообразно, поскольку он не совсем точен и не отражает всей сути данной отрасли международного публичного права. Взамен как более удачный предлагается термин «международное право окружающей среды»³. Хотя многие юристы-международники считают данные термины тождественными⁴. Представляется, что между ними и правда нет принципиальной разницы, и преимущественный выбор одного вместо другого отражает лишь эстетические воззрения автора.

Развивая высказанные точки зрения, необходимо обратить внимание на ряд аспектов:

1. Одной из объективно существующих ныне тенденций развития МЭП является расширение сферы его правового регулирования, вовлечение в неё всё новых групп общественных отношений (климат и др.). Результатом осмысления этой динамики в научной литературе стало обоснование предложений о дополнении двух традиционных (классических) групп отношений, регулируемых нормами МЭП (по поводу охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов), еще двумя группами, а именно отношениями по поводу обеспечения экологической безопасности [4] и соблюдения экологических прав человека [5, с. 54-55]. Сама по себе идея расширения предмета правового регулирования МЭП не вызывает никаких возражений, однако предложенные дополнения, при всей их безусловной ценности, всё-таки носят дискуссионный характер. Дело в том, что в российском внутригосударственном экологическом праве давно идут дискуссии о соотношении понятий «охрана окружающей среды» и «обеспечение экологической безопасности». Диапазон мнений достаточно широк: одни авторы считают экологическую безопасность институтом экологического права [6]; другие – принципом охраны окружающей среды [7]; третьи – целью охраны природы [8]. Последняя точка зрения применительно к национальному праву представляется наиболее обоснованной: если охрана окружающей среды – это деятельность органов публичной власти и гражданского общества, направленная на снижение антропогенного давления промышленной и иной хозяйственной деятельности на состояние окружающей среды, то какова будет ее цель? Логично предположить, что таковой является достижение состояния защищенности жизненно важных для человека экосистем, снижение объема выбросов и сбросов [9]. Думается, что такая логика может быть распространена и на сферу МЭП. При этом соблюдение экологических прав человека допустимо рассматривать как одну из целей обеспечения экологической безопасности.

2. Не менее важным доктринальным вопросом является определение того, между кем возникают международные экологические отношения. По мнению М.М. Бринчука, это отношения в сфере взаимодействия человечества с природой⁵. Такой вывод носит эгоцентричный характер, однако в существующей в нашей стране научной правовой доктрине общественные отношения могут возникать только между людьми (или созданными ими организациями, государством), но не между людьми и природными объектами. Последние в рамках действующего международного и национального

¹ Международное публичное право: Учебник / Л.П. Ануфриева, Д.К. Бекашев, К.А. Бекашев, В.В. Устинов [и др.]; отв. ред. К.А. Бекашев. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. С. 625.

² Международное право: Учебник / Под ред. К.К. Гасанова, Д.Д. Шалягина. М.: Юнити-Дана, 2010. С. 384.

³ Дикусар В.М. Международно-правовые проблемы охраны окружающей среды: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2007. С. 8.

⁴ См., например: Трусов А.Г. Международное экологическое право (Международное право окружающей среды): Учебно-методическое пособие. М., МНЭПУ, 1999. 83 с.

⁵ Бринчук М.М. Экологическое право: Учебник. М., 1998. С. 633.

законодательства всё-таки являются объектом, а не субъектом права. С другой стороны, если мы увлечемся идеей поиска только конкретных субъектов МЭП, то рискуем прийти к другой крайности – к выводу о том, что общее наследие человечества, например океанское дно, в связи с тем, что не имеет конкретного субъекта, не может иметь права на существование. Однако подобный вывод противоречил бы нормам и принципам МЭП, закрепленным в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН и Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Таким образом, вопрос о субъекте международно-правовой охраны окружающей среды остается открытым в сфере научных дискуссий и поиск ответа на него будет продолжен. Почву для такого поиска создают доклады Генерального секретаря ООН¹, в которых отстаивается идея правосубъектности Природы (Матери-Земли) вслед за законами и конституциями некоторых стран Латинской Америки, где данная идея впервые была озвучена исследователями [10] и законодателями (ст. 71 Конституции Республики Эквадор, например). В рамках этого подхода всё чаще говорят о системном праве Земли как новой концепции, которая сможет открыть новую эру в юридической науке, позволит всесторонне реагировать на нормативные вызовы, возникающие в связи с изменением экосистемы Земли в антропоцене. Сторонники данной концепции формулируют основные положения права Земли, что должно привести, по их мнению, к ряду концептуальных и нормативных изменений, необходимых для того, чтобы в конечном итоге перейти от МЭП к более зрелой форме законодательства о системных правах Земли [11]. Следует подчеркнуть, что идея прав Природы (или прав Земли) не имеет ничего общего с концепцией прав человека. Говоря о правах Природы, речь идет скорее о необходимости учета экосистемных связей при планировании хозяйственной и иной деятельности человека или о создании более эффективного механизма защиты окружающей среды посредством международного и национального правосудия. Применительно к правовой политике Российской Федерации все эти цели могут быть достигнуты не через радикальное изменение представлений о правосубъектности, а путем развития категории «объект правоотношений», улучшения средств правовой защиты этого объекта.

3. В правовой науке уже много лет идут дискуссии о структуре МЭП. И если, например, самостоятельность международного энергетического права не вызывает особых сомнений (при признании горизонтальных связей с МЭП), то по поводу существования международного природоресурсного права ученые расходятся во мнениях. С одной стороны, к числу главных специальных принципов МЭП относится принцип суверенитета государств над своими природными ресурсами (и в этой части никакого международного природоресурсного права не может быть в принципе). С другой стороны, существуют водные и биологи-

ческие ресурсы, которые не находятся в юрисдикции конкретного государства, обладают высокой стоимостью и используются в целях извлечения прибыли представителями разных стран. На вопросы, касающиеся регламентации статуса таких ресурсов, пытается дать ответ международное публичное право, и это означает выделение «международного природоресурсного права в качестве формирующейся подотрасли международного права окружающей среды»². Данная подотрасль сейчас представлена (как минимум) нормами о районе морского дна Конвенции ООН по морскому праву, а также рядом двусторонних соглашений о сотрудничестве в области рыболовства.

4. Объективные данные о низкой эффективности МЭП обуславливают позицию ряда ученых о необходимости сокращения сферы его действия. Такие авторы научных работ пишут, что внедрение оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) и принципа предосторожности за пределами юрисдикции государств чрезмерно перегружает и обременяет государство. Этот подход отличается от изложенного во множестве публикаций мнения большинства, которое весьма благоприятно оценивает полезный вклад ОВОС и принципа предосторожности в международное экологическое право. Однако результаты их тщательного и детального анализа показывают, что целесообразность действия ОВОС и принципа предосторожности в сфере МЭП вызывает сомнения, касающиеся их правового содержания и легитимности. Существует ряд нерешенных вопросов, имеющих отношение как к ОВОС, так и к принципу предосторожности, включая неопределенность их содержания, нечеткость их положения в общем международном праве, отсутствие универсальности в их формулировании и применении [12].

Соглашаясь с подобного рода критическими оценками, тем не менее подчеркнем, что если мы пойдем по пути исключения малоэффективных норм и создания дополнительных пробелов в правовом регулировании экологических отношений, то он может завести нас только в тупик. Более прагматичным представляется переосмысление концепции МЭП, принципов, на которых она основана, причин неэффективности некоторых международных конвенций и договоров, внесение в них изменений и дополнений, широкое обсуждение сложной ситуации с МЭП и поиск совместных решений по его развитию.

5. В рамках последней дискуссии уже предлагается новая концепция МЭП, сильно выходящая за существующие нормативные рамки. Автор этой новой концепции отмечает, что нынешний кризис МЭП был обусловлен тем, что проблемы, с которыми оно сталкивается, распространяются далеко за пределы собственно экологии. И они требуют принятия мер, намного более действенных, чем те, которые доступны при использовании традиционных или даже новых инструментов экологического права.

¹ См., например: Доклад Генерального секретаря ООН от 19.07.2017 «В гармонии с природой» // Организация Объединенных Наций: сайт // URL: <https://undocs.org/ru/A/72/175> (дата обращения 22.10.2024).

² Василенко Е.В. Формирование международного природоресурсного права: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2016. С. 11-20.

Речь идет о признании того, что, хотя усилия по улучшению функционирования МЭП имеют жизненно важное значение и должны продолжаться, есть настоятельная необходимость в том, чтобы эти усилия не ограничивались сферой действия международного экологического права. По сути, большая часть экологического права (как национального, так и международного) предполагает поиск путей учета негативных внешних факторов человеческого поведения. Однако мы достигли точки, когда внешние факторы и масштабы человеческой деятельности, особенно в части потребления энергии, слишком велики, чтобы их можно было рассматривать исключительно в рамках экологического права. В результате эти важнейшие проблемы, особенно изменение климата, больше не могут быть отнесены к компетенции группы субъектов и институтов, которые принципиально не способны к самостоятельному принятию эффективных мер реагирования, и им приходится заручаться необходимой для этого политической волей, основанной на традиционном подходе к решению проблем.

В период своей молодости МЭП было способно решать экологические проблемы, которые тогда считались серьезными (и трудно разрешимыми), например сброс отходов в океан, китобойный промысел (поскольку эта проблема стала экологической) и даже разрушение озонового слоя. Однако эти серьезные проблемы с практической точки зрения вполне укладывались в рамки международного экологического права и были достаточно понятными, чтобы их можно было рассматривать и решать посредством права. Между тем сегодня перед нами стоят проблемы совсем другого (более высокого) уровня сложности, которые никак не может решить МЭП. Эти глобальные проблемы не могут быть решены нормами экологического права в его традиционном понимании. Дело в том, что как в части причин их возникновения, так и своими последствиями они затрагивают области права и политики, которые находятся далеко за пределами ведения традиционного экологического законодательства.

Изменение климата, безусловно, является самым простым примером такой проблемы. Невозможно говорить об изменении климата, не упоминая о свободе торговли, о выборе источников энергии, о гуманитарном праве и правах человека и даже о праве интеллектуальной собственности. Если торговля является частью глобальной экологической проблемы, то, например, корректировка торговых режимов ВТО должна стать одним из элементов ее решения. Международная политика в области изменения климата не может быть реализована только с помощью соответствующей рамочной конвенции Организации Объединенных Наций¹ и требует координации политики целого ряда международных учреждений как внутри системы ООН, так и за ее пределами. Однако в рамках традиционной научной доктрины, даже когда она признаёт, что причины и последствия изменения климата пересекаются, например, с вопро-

сами торговли, правами человека, гуманитарным правом, правом интеллектуальной собственности [13], всё равно границы между этими предметами изучения остаются незыблемыми. Изменение климата оказывается в значительной мере за пределами этих сфер, оно отнесено к области МЭП, несмотря на то обстоятельство, что многие попытки решения климатических проблем оказываются несовершенными, если не сказать провальными.

Такая фрагментация не является ни неожиданной, ни юридически предосудительной; только так работает международное право. Отсюда вытекает необходимость разработки новой концепции «глобального экологического права». Этот термин получил широкое распространение, как отмечает С.П. Карларн, в качестве рамочного инструмента для описания пересечений традиционного международного публичного экологического права с транснациональными и национальными системами экологического права [14, с. 14-20]. Полностью соглашаясь с мнением процитированного ученого в части ее оценок и предложений, заметим, что причина неэффективности МЭП заключается в нежелании государств налагать на собственную экономику экологические ограничения, которые могут обеспечить конкурентные преимущества соседним странам и их бизнесу. Или, по крайней мере, в очень осторожном подходе к решению этого вопроса. Переломить тенденцию посредством улучшения взаимодействия международных и национальных правовых систем едва ли получится, хотя локальный позитивный результат может быть достигнут.

ОБСУЖДЕНИЕ

Наряду с фундаментальными проблемами существования и развития международного экологического права в мировой юридической науке обсуждаются и проблемы МЭП, носящие более практический характер, вследствие чего их решение в большей степени представляется возможным.

1. В настоящее время правовая охрана почв оставлена на усмотрение национальных законодательств, поэтому она тесно привязана к национальной территории на суше. В рамках международного права охрана почв долгое время не учитывалась при заключении международных соглашений. В дальнейшем произошли изменения, направленные на укрепление международного «права почв», особенно в контексте стремления к декарбонизации и борьбы с опустыниванием и деградацией земель. Таким образом, состояние почв представляет международный интерес, поскольку оно имеет решающее значение для борьбы с изменением климата, для охраны здоровья людей, сохранения биоразнообразия и экосистем, обеспечения продовольственной безопасности.

Несмотря на то, что в нескольких международных документах признается важность сохранения почв, всеобъемлющих и транснациональных конвенций по этому вопросу не существует. Один из доводов, которые приводят противники всеобъемлющего, глобального и обязательного междуна-

¹ Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (принята 09.05.1992) // ООН: сайт // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml.

родного регулирования охраны почв, заключается в том, что почва неподвижна и имеет уникальные местные проблемы, которые и решать следует также на местном уровне. Европейская хартия почв 1972 года считается первым международным документом, касающимся почв. Всемирная хартия почв, согласованная Программой Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП) в координации с Продовольственной и сельскохозяйственной организацией (ФАО), была принята в 1981 году. Однако она содержит необязательные руководящие принципы, касающиеся сохранения почв, и призвана лишь помочь государствам в разработке внутренней политики.

Из этого следует, что международная система управления почвами остается в высшей степени фрагментированной, в то время как существующие международные правовые документы охватывают лишь отдельные аспекты охраны почв в относительно свободной форме. Почвы играют важную роль в обеспечении продовольственной безопасности и, следовательно, права на питание. А так как в международных соглашениях слабо отображаются задачи по защите почв (хотя цели в области климата не могут быть достигнуты без их защиты и сохранения), то же самое можно сказать и о задачах по обеспечению права на питание [15].

2. Одной из нерешенных проблем МЭП является отсутствие должного регулирования привлечения к ответственности за преступления экоцида. С точки зрения российской науки уголовного права экоцид – это массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных привести к экологической катастрофе. Экоцид косвенно упоминается в ряде международно-правовых актов (I Дополнительный протокол к Женевским конвенциям 1949 года, Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 года), однако специального международного акта, определяющего единые подходы к квалификации данного деяния, нет [16]. Отсюда возникает ряд проблем, например, не совсем ясно, что такое «экологическая катастрофа». Этого понятия ни российское, ни международное право не знает; не определены его признаки. Представляется обоснованным включение преступлений экоцида в юрисдикцию Международного уголовного суда.

3. В научной литературе всё чаще высказывается предложение о необходимости (в дополнение к двум пактам о правах человека 1966 года) разработать и принять Международный пакт об экологических правах человека. В нем следует отразить комплексный подход к регулированию международных отношений, связанных с обеспечением прав каждого человека на благоприятную окружающую среду. Первым шагом в этом направлении могло бы стать принятие разработанного Комиссией ООН по правам человека и Подкомиссией ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Декларации принципов по

правам человека и окружающей среде. С учетом положений этого документа впоследствии может быть разработан и принят названный нами выше пакт, в рамках которого целесообразно предусмотреть учреждение нового контрольного органа – Комитета ООН по экологическим правам человека, определив его задачи, функции и полномочия¹.

4. Наряду с универсальными проблемами охраны окружающей среды в поле зрения МЭП всё чаще попадают региональные экологические проблемы. Показательным примером является охрана экосистем Каспийского моря. Одна из главных проблем их международно-правовой защиты заключается в том, что в праве прикаспийских стран слабо представлена специфика нормативного регулирования экологических проблем Каспийского моря. Среди принципов, которые следует в нем отразить, необходимо особо выделить принцип предосторожности, который был закреплен в ряде конвенций по экологической защите морской среды [17].

Перечисленными проблемами текущая повестка дня МЭП не исчерпывается. Остаются актуальными проблемы контроля массы стойких органических загрязнителей в окружающей среде; регулирования всё еще плохо изученных рисков, связанных с нанотехнологиями [18]; борьбы с глобальным изменением климата; снижения объемов образования отходов, особенно пластика и микропластика. Решение этих проблем требует как международного сотрудничества, так и развита национального законодательства. Например, Россия до сих пор не ратифицировала такой важный акт МЭП, как Орхусская конвенция 1998 года, разработка которой была ориентирована на создание дополнительных гарантий защиты прав человека на благоприятную окружающую среду, на доступ к информации, на участие общественности в процессе принятия решений, на доступ к правосудию по вопросам охраны природы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Международное экологическое право за почти 200-летнюю историю своего существования успешно решило немало очень серьезных проблем. Немало вредных химических веществ теперь находится под контролем, озоновый слой восстанавливается, а популяции редких видов диких животных, включая китов и морских черепах, увеличиваются благодаря международным экологическим соглашениям. С другой стороны, множество показателей глобального качества окружающей среды, включая сокращение рыбных запасов, повышение температуры и увеличение объемов вырубки лесов, ухудшилось за десятилетия, прошедшие после решений, закрепленных Конференциями ООН в Стокгольме и Рио-де-Жанейро. Уже достаточно доказательств того, что проблемы антропогенного изменения окружающей среды будут иметь негативные последствия глобального масштаба, если их не решать. Международное экологическое право – это всего лишь один (хотя и необходимый) инструмент для успешного решения подобного рода новых проблем.

¹ Пушкарева Э.Ф. Международный экологический правопорядок и экологические права человека: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. С. 15-17.

К сожалению, многие действующие международные экологические договоры остаются в значительной степени невыполненными. Более того, многие важные международные договоры имеют обязательную силу только для тех государств, которые стали их участниками, что зачастую вносит значительные коррективы в сферу действия природоохранных соглашений. До сих пор не существует международного договора, в котором были бы сформулированы обязатель-

ные всеобъемлющие принципы, объединяющие отраслевые природоохранные соглашения. Всё это требует не просто конструктивной критики тех или иных международных природоохранных норм, но и реформирования МЭП с созданием более надежных международных контрольных механизмов, дальнейшей экологизации международного права, укрепления взаимодействия МЭП с торговым и иными отраслями международного права. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Актуальные проблемы теории экологического права / Е.Н. Абанина, А.П. Алексеева, А.П. Анисимов и др. М.: Юрлитинформ, 2019. 520 с.
2. Singh A. Principles and Development of International Environmental Law // Pen Acclaims. 2020. Vol. 10. P. 1-14.
3. Hunter D. International treaties and principles protect the environment and guard against climate change // Insights on Law & Society. 2021. Vol. 19. Iss. 1. Art. 1.
4. Алексеева А.П. Ответственность за экологические правонарушения (преступления) // Пути развития российской юридической науки и образования в XXI веке: Тезисы докладов научно-практической конференции. Волгоград: Волгоградский филиал МУПК, 2001. С. 129-132.
5. Копылов М.Н. Международное экологическое право как отрасль современного международного права // Государство и право. 2007. № 1. С. 54-63.
6. Жаворонкова Н.Г. Экологическая безопасность как институт экологического права России // Lex Russica (Русский закон). 2006. Т. 65. № 6. С. 1124-1134.
7. Бринчук М.М. Охранять окружающую среду или обеспечивать экологическую безопасность? // Государство и право. 1994. № 8/9. С. 118-127.
8. Анисимов А.П. Современные правовые проблемы обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3. С. 41-46.
9. Алексеева А.П., Анисимов А.П. «Экологический терроризм» и «экологический радикализм» в доктрине и законодательстве России: разграничение понятий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2 (65). С. 54-58.
10. Requena K.K.D., Lopez D.L.D., Cordova H.Y.R., Cabrera E.C.J. El Reconocimiento Del Agua Como Sujeto de Derecho en Peru: Una Perspectiva en Evolucion // Revista Catalana de Dret Ambiental. 2024. Vol. XV. № 1. P. 1-34.
11. Kotze L.J., Kim R.E. Earth System Law: The Juridical Dimensions of Earth System Governance // Earth System Governance. 2019. Vol. 1. 100003.
12. Fitzmaurice M. Legitimacy of International Environmental Law. The Sovereign States Overwhelmed by Obligations: Responsibility to React to Problems Beyond National Jurisdiction? // Heidelberg Journal of International Law. 2017. Vol. 77. P. 339-370.
13. Greene M. Three Letters Preventing the Success of International Environmental Treaties // Southeastern Environmental Law Journal. 2009. Vol. 18. Iss. 1. P. 137-171.
14. Carlarne C. Delinking International Environmental Law & Climate Change // Michigan Journal of Environmental & Administrative Law. 2014. Vol. 4. Iss. 1. P. 1-60.
15. Ruppel O.C. Overview of International Soil Law // Soil Security. 2022. Vol. 6. 100056.
16. Веревичева М.И. К вопросу об уголовной ответственности за экоцид // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2010. № 2. С. 64-66.
17. Джавадова А.С. Международно-правовая защита среды Каспийского моря // Приоритетные направления развития образования и науки. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2017. С. 387-393.
18. Анисимов А.П. Охрана окружающей среды от негативного воздействия нанотехнологий // Аграрное и земельное право. 2012. № 5. С. 93-95.

REFERENCES

1. Aktual'nyye problemy teorii ekologicheskogo prava / Ye.N. Abanina, A.P. Alekseyeva, A.P. Anisimov i dr. M.: Yurlitinform, 2019. 520 s.
2. Singh A. Principles and Development of International Environmental Law // Pen Acclaims. 2020. V. 10. P. 1-14.
3. Hunter D. International treaties and principles protect the environment and guard against climate change // Insights on Law & Society. 2021. Vol. 19. Iss. 1. Art. 1.
4. Alekseyeva A.P. Otvetstvennost' za ekologicheskkiye pravonarusheniya (prestupleniya) // Puti razvitiya rossiyskoy yuridicheskoy nauki i obrazovaniya v XXI veke: Tezisy докладов nauchno-prakticheskoy konferentsii. Volgograd: Volgogradskiy filial MUPK, 2001. S. 129-132.
5. Kopylov M.N. Mezhdunarodnoye ekologicheskoye pravo kak otrasl' sovremennogo mezhdunarodnogo prava // Gosudarstvo i pravo. 2007. № 1. S. 54-63.

6. Zhavoronkova N.G. Ekologicheskaya bezopasnost' kak institut ekologicheskogo prava Rossii // Lex Russica (Russkiy zakon). 2006. T. 65. № 6. S. 1124-1134.
7. Brinchuk M.M. Okhranyat' okruzhayushchuyu sredu ili obespechivat' ekologicheskuyu bezopasnost'? // Gosudarstvo i pravo. 1994. № 8/9. S. 118-127.
8. Anisimov A.P. Sovremennyye pravovyye problemy obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti v Rossiyskoy Federatsii // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2017. № 3. S. 41-46.
9. Alekseyeva A.P., Anisimov A.P. «Ekologicheskiy terrorizm» i «ekologicheskiy radikalizm» v doktrine i zakonodatel'stve Rossii: razgranicheniye ponyatiy // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. 2017. № 2 (65). S. 54-58.
10. Requena K.K.D., Lopez D.L.D., Cordova H.Y.R., Cabrera E.C.J. El Reconocimiento Del Agua Como Sujeto de Derecho en Peru: Una Perspectiva en Evolucion // Revista Catalana de Dret Ambiental. 2024. Vol. XV. № 1. P. 1-34.
11. Kotze L.J., Kim R.E. Earth System Law: The Juridical Dimensions of Earth System Governance // Earth System Governance. 2019. Vol. 1. 100003.
12. Fitzmaurice M. Legitimacy of International Environmental Law. The Sovereign States Overwhelmed by Obligations: Responsibility to React to Problems Beyond National Jurisdiction? // Heidelberg Journal of International Law. 2017. Vol. 77. P. 339-370.
13. Greene M. Three Letters Preventing the Success of International Environmental Treaties // Southeastern Environmental Law Journal. 2009. Vol. 18. Iss. 1. P. 137-171.
14. Carlarne C. Delinking International Environmental Law & Climate Change // Michigan Journal of Environmental & Administrative Law. 2014. Vol. 4. Iss. 1. P. 1-60.
15. Ruppel O.C. Overview of International Soil Law // Soil Security. 2022. Vol. 6. 100056.
16. Verevicheva M.I. K voprosu ob ugolovnoy otvetstvennosti za ekotsid // Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya «Pravo». 2010. № 2. S. 64-66.
17. Dzhavadova A.S. Mezhdunarodno-pravovaya zashchita sredey Kaspiyskogo morya // Prioritetnyye napravleniya razvitiya obrazovaniya i nauki. Sbornik materialov III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Cheboksary, 2017. S. 387-393.
18. Anisimov A.P. Okhrana okruzhayushchey sredey ot negativnogo vozdeystviya nanotekhnologiy // Agrarnoye i zemel'noye pravo. 2012. № 5. S. 93-95.

© Рыженков А.Я., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Рыженков А.Я. Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды: вопросы теории // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 142-149.

Тамара Михайловна ДЕРЕНДЯЕВА,

кандидат педагогических наук, ORCID 0000-0002-6337-4400

Калининградский государственный технический университет (г. Калининград)

доцент кафедры экономической теории и инструментальных методов

derendyaeva.tamara@mail.ru

Игорь Сергеевич СОРОКИН,

кандидат юридических наук, доцент, ORCID 0000-0003-3431-692X

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Калининград)

начальник кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права

issorokin@mail.ru

Научная статья

УДК 347.77:004

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ И ЕЁ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Институт интеллектуальной собственности, защита информации, управленческое решение, цифровые правовые технологии, цифровая экономика, неопределенность, риск, инструменты защиты прав.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В настоящее время интеллектуальная собственность является важным инструментом обеспечения конкурентного преимущества организаций. В связи с этим существует необходимость в активизации инновационного процесса и управленческой политики, ориентированной на разработку и применение объектов интеллектуальной собственности. Бурное развитие цифровых технологий и усложнение общественных отношений привели к возникновению потребности в изменении подходов к правовому регулированию некоторых правовых институтов. К числу таковых, безусловно, относятся и интеллектуальные права. Значимость интеллектуальных активов как фактора конкурентоспособности в условиях инновационной экономики обуславливает необходимость научного подхода к управлению интеллектуальной собственностью и правовой защите объектов интеллектуальной собственности. Данное обстоятельство свидетельствует об актуальности выбранной авторами статьи темы исследования. Ускорение процессов цифровизации различных сфер жизнедеятельности человека и внедрения технологии искусственного интеллекта предопределяют важность продолжения научного осмысления данной проблематики. **Методы.** В ходе исследования применялись системный, исторический, сравнительно-правовой, статистический, логический, комплексный методы. **Результаты.** Создание, защита, оценка и использование объектов интеллектуальной собственности зачастую оказывается основой для развития научной или производственной деятельности. Поэтому большое значение имеют правовые аспекты применения результатов творческой деятельности. Эффективность обеспечения их безопасности во многом зависит от понимания сущности интеллектуальной собственности, от обладания способами и ресурсами ее защиты, соответствующими правовым нормам, закрепленным в законодательстве. В целях совершенствования процесса управления результатами интеллектуальной деятельности необходимо разработать стратегию, предусматривающую не только механизм создания инновационного продукта, но и порядок обеспечения его юридической защиты с учетом исключительных прав на него и последующего вовлечения в единый оборот объектов интеллектуальной собственности.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из наиболее актуальных тенденций развития государства и общества в последнее время стала цифровая трансформация, основанная на использовании кибертехнологий в сочетании с интеллектуальными системами и человеческим разумом. Целями трансформационных процессов и построения новой цифровой

экосистемы общества являются улучшение благосостояния граждан, повышение качества жизни населения, обеспечение экономического роста за счет конкурентоспособности продукции, а также использования более совершенных механизмов управления и оказания услуг. В эпоху цифровой экономики массивы информации, инноваций и новых идей постоянно увеличиваются в объемах,

Tamara M. DERENDYAEVA,

Cand. Sci. (Pedagogics), ORCID 0000-0002-6337-4400

Kaliningrad State Technical University (Kaliningrad, Russia)

Associate Professor of the Department of Economic Theory and Instrumental Methods

derendyaeva.tamara@mail.ru

Igor S. SOROKIN,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor, ORCID 0000-0003-3431-692X

Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University

of the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)

Head of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal-Executive Law

issorokin@mail.ru

PROSPECTS FOR THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE FIELD OF MANAGEMENT AND LEGAL PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY

KEYWORDS. Institute of intellectual property, management decision, digital legal technologies, protection of information, digital economy, uncertainty, risk, intellectual property protection tools.

ANNOTATION. *Introduction.* Currently, intellectual property is an important tool for ensuring the competitive advantage of modern organizations. In this regard, there is a need to intensify the innovation process and management policy focused on the development and use of intellectual property. The rapid development of digital technologies and the increasing complexity of social relations have led to the need to change approaches to the legal regulation of some legal institutions. Intellectual property rights are certainly among these. The importance of intellectual assets as a factor of competitiveness in an innovative economy necessitates a scientific approach to intellectual property management and legal protection of intellectual property. This circumstance indicates the relevance of the research topic chosen by the authors of the article. Acceleration of digitalization processes in various spheres of human activity and the introduction of artificial intelligence technology predetermine the importance of continuing scientific understanding of this issue. *Methods.* The study used systemic, historical, comparative legal, statistical, logical, and complex methods. *Results.* Creation, protection, evaluation and use of intellectual property often serves as the basis for the development of scientific or industrial activities. Therefore, the legal aspects of the application of the results of creative activity are of great importance. The effectiveness of ensuring their security largely depends on understanding the essence of intellectual property, on the possession of methods and resources for its protection that correspond to the legal norms enshrined in legislation. In order to improve the process of managing the results of intellectual activity, it is necessary to develop a strategy that provides not only a mechanism for creating an innovative product, but also a procedure for ensuring its legal protection, taking into account exclusive rights to it and subsequent involvement in the unified circulation of intellectual property objects.

пул знаний генерируется киберсоциальными системами и получает материальное воплощение в новых технологиях и новых продуктах [1, 2]. Посредством виртуальной торговли происходит практически мгновенный обмен товарами, включая такие продукты интеллектуального труда, как аудио- и электронные книги, пакеты прикладных программ, текстовые документы, цифровой обучающий контент. Безостановочно расширяются возможности сбыта виртуальных продуктов: новые социальные сети, интернет-площадки, онлайн-платформы, мессенджеры. Рост популярности электронной коммерции настоятельно требует обеспечения защиты информации при создании новых товарных знаков и знаков обслуживания.

Для мирового сообщества в целом цифровая экономика предоставляет значительные возможности интенсификации развития. Целью нашего исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, являлась выработка предложений, касающихся перспектив применения цифровых технологий в сфере управления интеллектуальной собственностью и ее защиты, на основе анализа использования инноваций как продуктов интеллектуального труда, а также существующих научных разработок по рассматриваемой проблеме

[3]. Для достижения поставленной цели потребовалось выявить сущность и содержание понятия интеллектуальной собственности и специфику ее защиты с использованием современных цифровых технологических решений, а также обосновать необходимость коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности как научно-технической инновации с последующей передачей авторского права на нее юридическому или физическому лицу.

В результате активизации процессов внедрения в жизнедеятельность общества изобретений, основанных на информационно-телекоммуникационных технологиях, в условиях ускорения глобализации наблюдается заметное сближение цифровой и традиционной экономик. Это обуславливает необходимость формирования правовой базы функционирования экономических субъектов в цифровом пространстве, закрепления правового статуса новых феноменов, связанных с цифровой экономикой. На это обстоятельство обращают внимание в своих научных работах Е.Н. Васильева [4], А.В. Гаврилюк [1], Е.А. Оркина [2].

Методы и средства защиты объектов интеллектуального труда в каждый исторический период были тесно связаны с уровнем развития науки и техники и всегда применялись в соответствии с эко-

номическими, социально-политическими и военными интересами страны. Активное использование инноваций как продуктов интеллектуального труда требует наличия эффективных механизмов информационной защиты, что предполагает более всего остального разработку средств и мер коммерциализации результатов творческой деятельности.

В работах отечественных и зарубежных исследователей предлагаются различные методы и инструменты для обеспечения защиты прав на объекты интеллектуальной собственности [5]. Решением проблемы созидания интеллектуального капитала и управления им занимаются такие ученые, как Э. Брукинг, У. Букович, А.В. Гаврилюк, Е.А. Оркина, В.Г. Степанов-Егянц. Развитие механизмов управления интеллектуальной собственностью отражено в трудах А.М. Хахиной, А.С. Чеперегиной, С.А. Логачевой. В них рассмотрены юридические и экономические вопросы защиты результатов интеллектуального труда, а также особенности управления интеллектуальной собственностью [6].

МЕТОДЫ

В ходе проведения исследования были системно рассмотрены основные проблемы защиты интеллектуальных прав в условиях цифровизации; изучена хронология развития интеллектуальных прав; выявлены некоторые сходства и различия российского и евразийского права в области интеллектуальной собственности; проанализированы показатели, характеризующие преступность в сфере информационных технологий; с помощью формальной логики рассмотрены условия роста экономической прибыли от внедрения результатов интеллектуального труда; комплексно изучены механизмы защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в современной информационной среде.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Результатами развития законодательства в сфере управления интеллектуальной собственностью и ее защиты можно считать:

1) защиту посредством блокчейн-технологии, которая позволит усилить контроль над использованием интеллектуальной собственности и предотвратить возможные нарушения благодаря учету сведений об объектах интеллектуальной собственности;

2) развитие международного сотрудничества в целях предотвращения дублирования деятельности патентных служб различных стран за счет согласования национального патентного права с Конвенцией о выдаче европейских патентов¹;

3) создание слаженной системы взаимоотношений между странами, сотрудничающими в сфере защиты прав интеллектуальной собственности;

4) упрощение мер ответственности за несоблюдение прав интеллектуальной собственности, усиление наказания за несанкционированное ее использование;

5) расширение спектра альтернативных средств защиты в целях снижения вероятности рисков

нарушения прав интеллектуальной собственности и консолидация контроля за ее использованием посредством создания специализированных судов для разрешения споров в данной сфере.

ОБСУЖДЕНИЕ

Управление интеллектуальной собственностью представляет собой интегрированную систему подготовки и обеспечения различных уровней планирования, контроля и принятия управленческих решений относительно объектов интеллектуальной собственности. Развитие современной экономической системы неразрывно связано с цифровой трансформацией общественной жизни, переходом к новой ступени развития на основе автоматизированных систем управления техническими процессами и объектами и беспроводных сенсорных сетей, обеспечивающих взаимосвязь и координацию между вычислительными и физическими ресурсами [7].

Информационно-коммуникационные взаимоотношения членов общества становятся одной из основополагающих сторон поступательного движения современного мира. По мнению отечественных и зарубежных исследователей, научно-техническое развитие социума за счет внедрения результатов интеллектуальной деятельности способствует расширению существующих и формированию новых методов, способов и форм их функционирования и практического использования. Высокая скорость получения доступа к результатам интеллектуальной деятельности, нематериальным по своей природе, обуславливает увеличение числа и разнообразия состава пользователей, помогает разработке эффективных бизнес-идей и проектов.

В связи с этим интеллектуальная собственность привлекает внимание специалистов различных направлений деятельности. Однако до настоящего времени, всё, что связано с интеллектуальной собственностью как социально-правовым явлением, остается во многом нечетко трактуемым и отягощенным множеством неопределенностей [8]. Очевидные противоречия в ее определении продолжают побуждать исследователей к приведению касающейся интеллектуальной собственности терминологии в соответствие современным реалиям.

По мнению Е.Н. Васильевой, правовая природа интеллектуальной деятельности настолько неоднозначна, что требует «реализации публично-правовой функции государства, направленной на создание правовой основы для регулирования отношений по приобретению исключительных или лицензионных прав на результаты интеллектуальной деятельности, а также отношений, регулируемых моделью частного права» [4, с. 93].

Общеизвестно, что научно-технический прогресс является движущей силой социально-экономического развития, а эффективность внедрения результатов интеллектуальной деятельности служит фундаментом для дальнейших научно-технических инноваций. Узаконенные права на объекты интеллектуальной собственности должны га-

¹ Конвенция о выдаче европейских патентов (Европейская патентная конвенция) от 05.10.1973 // Роспатент: сайт // URL: https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/exhibition_corr_ormatted.pdf.

рантировать защиту инновационных результатов интеллектуальной деятельности в различных сферах человеческой жизни. Законодательством охраняются исключительные права на объекты интеллектуальной собственности и средства индивидуализации, субъективные права, относящиеся к категории нематериальных и материализованных благ и авторских произведений, которые приобретают правовое оформление и возможность юридической защиты (ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Результаты интеллектуальной деятельности, представленные в цифровом виде, позволяющем оптимизировать эффективность их функционирования, а также обеспечить необходимую конфиденциальность, внутренне присущую виртуальной среде их распространения, одновременно порождают угрозу нарушения баланса сотрудничества. В прошлом преобладали технико-технологические средства защиты результатов интеллектуальной деятельности, так как использованием объектов интеллектуальной собственности с разрешения патентообладателей могли заниматься только лица, которые имели необходимое для этого техническое оснащение [9]. В условиях цифровой революции внедрение современных технологий, имеющих потенциал выполнения правовых функций, способствовало снижению технических барьеров, препятствующих нарушению прав на объекты интеллектуальной собственности [10].

Известный юрист из США, один из основателей компьютерного права Л. Лессиг предполагает, что цифровые технологии, выполняющие функции права, ориентированные на упорядочение общественных отношений, могут стать источником социальной опасности. В современном социуме приходится решать проблемы преодоления противоречий, вызванных спецификой взаимодействия права и цифровых технологий. В случае негативного влияния таких противоречий на дальнейшее развитие информационного пространства обостряется необходимость выстраивания равноценной цифровой юридической системы, предназначенной для сферы использования и обращения объектов интеллектуальной собственности.

Очевидно, что интеллектуальная собственность и интеллектуальные права, будучи сложным, не до конца исследованным экономико-правовым явлением, формируются из совокупности социально-экономических взаимоотношений индивидов по поводу возможности потребления результатов использования авторских произведений, выступающих трансформацией закрепления экономического содержания интеллектуальной деятельности. Немаловажен учет специфики неосязаемой сущности объектов интеллектуальной собственности, которые в виртуальной среде приобретают наиболее конкретную и правомочную форму материального носителя [11].

Понятие интеллектуального права было предложено в 1879 году бельгийским юристом Э. Пикаром, который считал, что любое интеллектуальное право относится к замыслу автора, а не к его вещественному результату или материальной ре-

ализации. Французский психолог, социолог и юрист Г. Тард писал: «Если хорошенько поискать причину большинства перемен в установившемся юридическом порядке, то всегда можно обнаружить ее в виде какого-нибудь нового ... изобретения. Благодаря изобретениям эволюционируют и совершенствуются прогрессивные юридические институты и отмирают институты отживших формаций» [12, р. 161].

История социального развития свидетельствует о том, что самосохранение в наибольшей степени конкурентоспособных бизнес-идей и проектов путем их внедрения в социально-экономические реалии происходит прежде всего как следствие развития института интеллектуальной собственности, выражающего интересы защиты изобретателей, рационализаторов и первооткрывателей. Формирование оптимальной институциональной структуры системы прав интеллектуальной собственности в целях адаптации к изменяющимся внешним условиям предстает важным фактором последующего развития основных сфер жизни общества. Для эффективного раскрытия возможностей новых информационных технологий необходимо надлежащее юридическое институциональное переустройство, в меру податливое и приспособляемое к факторам правового регулирования [13].

Для модернизации сущности содержания и способов реализации законодательных норм необходимо время. В течение этого времени востребованные, но еще не узаконенные результаты интеллектуальной деятельности и научно-технические инновации обрастают вне сферы правовых отношений. Подтверждением служит наличие в современном цифровом пространстве компьютерных методик и разработок, с помощью которых всё ещё возможно неправомерное использование результатов интеллектуального труда, принадлежащих правомочным патентообладателям. Последние в связи с этим несут экономические потери.

Экономико-юридическим базисом интеллектуальной собственности до сих пор остается рыночная конкурентная среда, основой которой является частная собственность, из-за чего сохраняются устаревшие правовые формы, не соответствующие новым реалиям, формируемым цифровыми трансформациями. Поэтому экономико-правовая сущность интеллектуальной собственности практически не эволюционирует, устаревшие правовые формы оказывают тормозящее воздействие на рост экономической прибыли от внедрения результатов интеллектуального труда. Безусловно, обновление правовых форм реализации общественных институтов должно следовать за происходящими в цифровом мире изменениями с минимальным временем запаздывания [14].

Деятельность в интересах национальной безопасности Российской Федерации подразумевает грамотное использование информационных ресурсов, эффективное участие государства в процессах цифровой трансформации, что неразрывно связано с обеспечением информационной безопасности каждого участника экономической

деятельности в информационном пространстве¹. Изменения в социально-экономической сфере и жизни людей происходят сегодня так быстро, что правовая система не успевает изменяться в соответствии с новыми условиями, поэтому вопросы совершенствования правового регулирования экономических взаимоотношений, в том числе информационных, относятся к числу наиболее актуальных для современной юриспруденции. Уровень развития цифровых технологий в настоящее время требует приведения в соответствие ему содержания правовой базы. В большинстве стран мира цифровые технологии открывают широкие возможности для дальнейшего поступательного развития. Однако возможности, предоставляемые цифровыми технологиями, сопряжены с рисками, которые связаны с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности, ростом показателей, характеризующих динамику компьютерной преступности, а также несанкционированным доступом к частной информации.

Развитие цифровых технологий, широкое внедрение инноваций и результатов интеллектуальной деятельности влияют на существующие бизнес-процессы и модели, что создает непредвиденные осложнения, связанные с безопасностью, а потому возникает необходимость в защите прав на интеллектуальную собственность. Новые противоречия и проблемы, вызванные цифровой экономикой, требуют выработки дополнительных гарантий соблюдения законодательства во избежание потенциальных угроз нарушения интеллектуальных прав. Востребованные объекты интеллектуальной собственности и инновации, технологические новшества, результаты научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ оказывают позитивное влияние на социально-экономические процессы, что требует разработки критериев их оценки как перспективного механизма экономического развития. Это подчеркивает значимость обеспечения защиты прав на интеллектуальную собственность.

Одной из наиболее важных целей созданной в России Федеральной службы по интеллектуальной собственности является совершенствование законодательства в области охраны результатов интеллектуального труда и правомерной деятельности экономических субъектов в цифровой среде².

Прошедший год был отмечен значительными изменениями в российском и евразийском праве в области интеллектуальной собственности, а также корректировками законодательства и подзаконных нормативных актов, касающихся регулирования предоставляемых государством услуг, в целях их дальнейшего совершенствования [6]. Количество поступающих в Роспатент в цифровом формате запросов о предоставлении государственных услуг увеличивается год от года. В электронной форме подается более 92% запросов в отношении товарных знаков. Роспатент заинтересован в со-

здании благоприятного налогового режима для компаний, которые инвестируют в научно-технические разработки. Для того чтобы достижения интеллектуальной деятельности превращались в инновации, необходим трансфер результатов научных исследований, который осуществляется посредством заключения правовых договоренностей в сфере наукоемких разработок, что позволяет, используя возможности рыночных механизмов, передавать интеллектуальную собственность контрагентам. В данном случае речь идет о формировании и становлении рынка интеллектуальных услуг, который играет заметную роль в мировой экономике на современном этапе ее развития.

Цифровые технологии позволяют своевременно проводить диагностику достоверности данных, содержащихся в информационных системах, формировать необходимый массив релевантной информации для использования в организациях, автоматизировать производственные и управленческие процессы, в результате чего обеспечивается снижение трудозатрат на работу с информацией, сокращается время доставки документов, исключаются ошибки, связанные с ручной обработкой данных.

Активное внедрение цифровых технологий вызвало потребность в разработке надежных методов защиты информации, более эффективных, чем используемые при решении аналогичных задач традиционными методами. Несанкционированное копирование и нелегальное скачивание информации, нарушающие авторские права, оказывают негативное воздействие на научно-исследовательскую и производственную деятельность, подрывают эффективность рыночной конкуренции, способствуют росту социальных издержек. Поэтому защита прав интеллектуальной собственности стала одним из главных императивов в обсуждении путей и способов решения данной проблемы. Непрерывно растущая кодификация знаний и их распространение по информационным сетям стимулируют пользователей к постоянному обучению и самообучению с целью приведения своих компетенций в соответствие современному уровню развития цифровой экономики.

Поиск путей повышения эффективности защиты прав интеллектуальной собственности и вовлечения объектов интеллектуальной собственности в экономическую деятельность представляет собой важное направление развития социально-экономической системы государства. Перспективы использования цифровых технологий сопряжены с определенными ограничениями и рисками, обусловленными развитием киберпреступности и неправомерным использованием интеллектуальной собственности. По данным МВД России, в 2023 году число преступлений, связанных каким-либо образом с информационными технологиями, в нашей стране достигло 677 тысяч, удельный вес

¹ Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 21.03.2012 № 218 «О Федеральной службе по интеллектуальной собственности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 14. Ст. 1627.

уголовных дел, возбужденных по таким преступлениям, вырос до 34,8% (с 26,5% годом ранее)¹.

В настоящее время внедряются новые методы защиты от дистанционных действий злоумышленников, активно вскрываются преступные схемы в информационном пространстве. Важно постоянно держать население в курсе новых разновидностей преступлений, совершаемых в сфере высоких технологий, обучать людей тому, как обезопасить себя, в том числе посредством повышения уровня цифровой компетентности. С этой точки зрения необходим комплексный подход, предусматривающий совместное использование общественных, технологических и правовых механизмов и способов защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в современной информационной среде.

Одним из актуальных направлений международного сотрудничества нашей страны в сфере правовой охраны интеллектуальной собственности является экономическое, политическое, финансовое, социально-культурное и научно-технологическое взаимодействие с группой стран, в которых наблюдается значительный экономический рост, – Бразилией, Индией, Китаем, ЮАР [15]. Сотрудничество заключается в поощрении торговли за счет упрощения доступа к рынкам других стран, финансировании новых проектов, содействии всеобщему миру, стабильности и безопасности при одновременном решении коллективных проблем, обмене передовым опытом и поддержке инициатив².

Одним из инструментов конкурентной борьбы становится правильно определенная стратегия развития предприятия, основанная на сопоставлении собственного ресурсного потенциала с возможностями внешнего окружения, в котором оно действует. Правильно выбранная стратегия позволяет сохранять конкурентоспособность предприятия в долговременной перспективе. В связи с этим возникает необходимость проведения целенаправленной политики развития предприятий, направленной на создание, использование и коммерциализацию объектов интеллектуальной собственности, а также активизацию инновационного процесса [16].

Рост значимости интеллектуальной собственности как фактора повышения конкурентоспособности предприятия в условиях инновационной экономики предопределяет необходимость качественного и квалифицированного управления интеллектуальной собственностью, которое должно осуществляться на основании современных научных подходов. Теоретические аспекты обеспечения защиты прав на объекты интеллектуальной собственности как в нашей стране, так и за рубежом в последние годы вызывают интерес многих

исследователей³ [17]. Вместе с тем результаты анализа многочисленных научных работ по данной проблематике позволяют сделать вывод о том, что действующая система применения цифровых технологий пока еще не в полной мере отвечает требованиям обеспечения качественной организации и функционирования правовой охраны интеллектуальной собственности. Использование цифровых платформ породило потребности в уточнении содержания и сущности правовых взаимоотношений, возникающих в связи с внедрением новых технологических сетевых систем производства, распределения, обмена и потребления интеллектуального продукта. На развитие сферы интеллектуальных услуг, как и других отраслей хозяйственного комплекса страны, негативно влияют введенные недружественными государствами санкции, так как динамика изменения ситуации во многих сферах экономики зависит, в частности, и от внешнеэкономических условий оборота результатов интеллектуальной деятельности.

Как представляется, для защиты интеллектуальной собственности в цифровой экономике необходимо комплексно применять следующие технические и правовые меры, методы и инструменты:

- пользовательские соглашения, предоставляющие пользователям право на использование интеллектуальной собственности исключительно в личных некоммерческих целях путем просмотра и воспроизведения на условиях простой неисключительной лицензии;
- процедуры электронного депонирования с транзакцией в блокчейн-инфраструктуру управления интеллектуальными правами (это позволит исключить вероятность изменения информации, зафиксировать авторство на объект и установить временной приоритет в случаях, требующих его подтверждения);
- контроль за соблюдением авторских прав на аудиовизуальные произведения, размещенные на видеохостинге или сайтах-хранилищах, на которых допускаются просмотр и заимствование контента;
- регистрация товарных знаков и брендов с получением свидетельства как доказательства исключительного права на объект;
- отслеживание незаконных заимствований с использованием автоматизированного сервиса, предоставляющего возможность фиксировать случаи нелегального копирования объектов интеллектуальной собственности и направляющего в автоматическом режиме досудебную претензию о нарушении авторских прав;
- обращение в суд для возбуждения гражданского дела по урегулированию конфликта с приложением к исковому заявлению доказательств,

¹ В России за год совершено почти 680 тыс. IT-преступлений // Известия: сайт. 22.02.2024 // URL: <https://iz.ru/1654427/2024-02-22/v-rossii-za-god-soversheno-pochti-680-tys-it-prestuplenii>.

² Шахназарова Э.А. БРИКС – актуальное направление сотрудничества в сфере правовой охраны интеллектуальной собственности // Журнал Суда по интеллектуальным правам: сайт. 03.11.2023 // URL: <http://ipcmagazine.ru/legal-issues/brics-current-area-of-cooperation-field-of-legal-protection-of-intellectual-property>.

³ Купчина Е.В. Разрешение споров в сфере интеллектуальной собственности международным арбитражем в условиях цифровизации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2024; Пушков А.М. Влияние цифровых технологий на развитие системы охраны авторских и смежных прав: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2023.

подтверждающих права на объекты интеллектуальной собственности.

Следует отметить, что защита интеллектуальной собственности в цифровой экономике связана с рядом проблем, обусловленных сложностью определения правообладателя, существованием возможностей обхода технических средств защиты, различиями правовых подходов в разных странах и регионах. Всё перечисленное создает препятствия для эффективной защиты интеллектуальной собственности. В связи с этим существует необходимость в разработке новых методов и инструментов для ее защиты в условиях цифровой экономики, а также в совершенствовании действующих в этой области правовых норм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Правовое обеспечение защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в киберпространстве является важнейшим условием цифровой трансформации, которая необходима для эффективного развития социально-экономической системы нашей страны на современном этапе ее развития. Представляется, что в сфере оборота результатов интеллектуальной деятель-

ности использование технологии блокчейн может существенно повысить уровень их защиты посредством придания юридической силы механизмам обеспечения достоверности сведений, находящихся в блокчейн-реестрах.

Внедрение альтернативных методов урегулирования споров, таких как переговоры, посредничество, арбитраж, совместное право, по нашему мнению, может снизить вероятность рисков нарушения интеллектуальных прав.

Несмотря на трудности, которые обусловлены санкционной политикой коллективного Запада, система охраны интеллектуальной собственности в Российской Федерации продолжает развиваться. Создание же слаженной системы взаимоотношений между дружественными странами, сотрудничающими в сфере защиты прав интеллектуальной собственности, позволит совместно использовать имеющиеся ресурсы и эффективно осуществлять деятельность по достижению более высокого качества жизни населения, а также продвижению инноваций. В данном аспекте особое внимание следует уделять укреплению взаимодействия между странами БРИКС. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гаврилюк А.В. Интеллектуальная собственность в цифровой экономике: теоретические и практические аспекты // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 2. С. 20-33.
2. Оркина Е.А. Интеллектуальная собственность в цифровой среде: проблемы и решения // Философия права. 2020. № 2 (93). С. 44-50.
3. Болотаева О.С. Влияние цифровых технологий на развитие права интеллектуальной собственности // Право и государство: теория и практика. 2022. № 10 (214). С. 52-54.
4. Васильева Е.Н. Договор об отчуждении исключительного права: понятие и правовая природа // Государство и право. 2009. № 12. С. 90-95.
5. Карцхия А.А. Новеллы Гражданского кодекса РФ: цифровые права и новые технологии // Нотариальный вестник. 2019. № 9. С. 6-16.
6. Хахина А.М., Чеперегина А.С., Логачева С.А. Цифровые технологии в российском праве // Устойчивое развитие России: правовое измерение. Сборник докладов X Московского юридического форума. М.: МГЮА, 2023. С. 574-577.
7. Иншакова А.О. Право как основа инфраструктурного обеспечения цифровой экономики и технологии Интернета вещей // Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 3. С. 6-11.
8. Сегеда Е.А., Кирова И.В. Современные проблемы защиты прав интеллектуальной собственности в России // Экономика и бизнес: теория и практика. Серия: Право. 2021. № 1 (71). С. 94-89.
9. Москвин В.Н. Перспективы использования интеллектуальной собственности при подготовке кандидатских и магистерских диссертаций по направлению «Землеустройство и кадастры» // Вестник Сибирского государственного университета геосистем и технологий. 2015. № 3 (31). С. 151-157.
10. Седова Н.П., Макаренко С.С. Новаии гражданского права в области цифровых технологий // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2022. № 3 (66). С. 89-92.
11. Дайвер Л., Макбрайд П. Цифровые технологии и правовая аргументация: влияние статистических юридических технологий на право // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 3 (13). С. 8-22.
12. Tarde G. Les transformations du droit. Paris, 1893.
13. Тиунова А.И., Павлова-Семион Ю.К., Романова С.К. [и др.] Свободное использование объектов авторских и смежных прав в условиях развития цифровых технологий на примере технологий TDM // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 1 (35). С. 29-58.
14. Оганесян Т.Д. Право быть забытым в эпоху цифровых технологий // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 238-248.
15. Уваров А.А. Проблемы использования цифровых технологий при реализации прав и свобод граждан // Право и цифровая экономика. 2020. № 2 (08). С. 5-11.
16. Степанов-Егиянц В.Г. Конституционные основы уголовно-правового обеспечения безопасности компьютерной информации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2016. № 2. С. 161-164.
17. Краснова В.С. Направления совершенствования защиты прав интеллектуальной собственности // Экономика и безопасность. 2024. № 4. С. 72-78.

REFERENCES

1. Gavrilyuk A.V. Intellektual'naya sobstvennost' v tsifrovoy ekonomike: teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty // Intellekt. Innovatsii. Investitsii. 2021. № 2. S. 20-33.
2. Orkina Ye.A. Intellektual'naya sobstvennost' v tsifrovoy srede: problemy i resheniya // Filosofiya prava. 2020. № 2 (93). S. 44-50.
3. Bolotayeva O.S. Vliyaniye tsifrovyykh tekhnologiy na razvitiye prava intellektual'noy sobstvennosti // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 10 (214). S. 52-54.
4. Vasil'yeva Ye.N. Dogovor ob otchuzhdenii isklyuchitel'nogo prava: ponyatiye i pravovaya priroda // Gosudarstvo i pravo. 2009. № 12. S. 90-95.
5. Kartskhaya A.A. Novelly Grazhdanskogo kodeksa RF: tsifrovyye prava i novyye tekhnologii // Notarial'nyy vestnik. 2019. № 9. S. 6-16.
6. Khakhina A.M., Cheperegina A.S., Logacheva S.A. Tsifrovyye tekhnologii v rossiyskom prave // Ustoychivoye razvitiye Rossii: pravovoye izmereniye. Sbornik dokladov X Moskovskogo yuridicheskogo foruma. M.: MGYuA, 2023. S. 574-577.
7. Inshakova A.O. Pravo kak osnova infrastruktornogo obespecheniya tsifrovoy ekonomiki i tekhnologii Interneta veshchey // Pravovaya paradigma. 2019. T. 18. № 3. S. 6-11.
8. Segeda Ye.A., Kirova I.V. Sovremennyye problemy zashchity prav intellektual'noy sobstvennosti v Rossii // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. Seriya: Pravo. 2021. № 1 (71). S. 94-89.
9. Moskvina V.N. Perspektivy ispol'zovaniya intellektual'noy sobstvennosti pri podgotovke kandidatskikh i magistrskikh dissertatsiy po napravleniyu «Zemleustroystvo i kadastry» // Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta geosistem i tekhnologiy. 2015. № 3 (31). S. 151-157.
10. Sedova N.P., Makarenkov S.S. Novatsii grazhdanskogo prava v oblasti tsifrovyykh tekhnologiy // Uchenyye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata. 2022. № 3 (66). S. 89-92.
11. Dayver L., Makbrayd P. Tsifrovyye tekhnologii i pravovaya argumentatsiya: vliyaniye statisticheskikh yuridicheskikh tekhnologiy na pravo // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya. 2022. № 3 (13). S. 8-22.
12. Tarde G. Les transformations du droit. Paris, 1893.
13. Tiunova A.I., Pavlova-Semion Yu.K., Romanova S.K. [i dr.] Svobodnoye ispol'zovaniye ob'yektov avtorskikh i smezhnykh prav v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy na primere tekhnologiy TDM // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2022. № 1 (35). S. 29-58.
14. Oganetsyan T.D. Pravo byt' zabytym v epokhu tsifrovyykh tekhnologiy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 481. S. 238-248.
15. Uvarov A.A. Problemy ispol'zovaniya tsifrovyykh tekhnologiy pri realizatsii prav i svobod grazhdan // Pravo i tsifrovaya ekonomika. 2020. № 2 (08). S. 5-11.
16. Stepanov-Yegiyants V.G. Konstitutsionnyye osnovy ugolovno-pravovogo obespecheniya bezopasnosti komp'yuternoy informatsii // Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo. 2016. № 2. S. 161-164.
17. Krasnova V.S. Napravleniya sovershenstvovaniya zashchity prav intellektual'noy sobstvennosti // Ekonomika i bezopasnost'. 2024. № 4. S. 72-78.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Дерендяева Т.М., Сорокин И.С., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Дерендяева Т.М., Сорокин И.С. Перспективы применения цифровых технологий в сфере управления интеллектуальной собственностью и ее правовой защиты // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 150-157.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО

Татьяна Валентиновна АНИСИМОВА,
доктор филологических наук, профессор,
ORCID 0000-0002-6386-2041
Калининградский филиал Санкт-Петербургского
университета МВД России (г. Калининград)
профессор кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин
atoritor@yandex.ru

Научная статья
УДК 378.147:808.5

СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖПРЕДМЕТНЫХ СВЯЗЕЙ РИТОРИКИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ЮРИСТОВ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Риторика, методика риторики,
коммуникативная компетенция, межпредметные связи,
междисциплинарная интеграция, эффективность обучения.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Усиление интегративных процессов в науке привело к переосмыслению назначения межпредметных связей в высшем образовании. Актуальность исследования, результаты которого представлены в статье, обусловлена важностью внедрения в образовательный процесс таких межпредметных связей, которые способны поднять качество образования, обеспечить целостность компетентностного подхода к обучению, возможность мобильности и адаптивности в практической деятельности. Целью исследования являлся анализ межпредметных связей риторики с другими дисциплинами, преподаваемыми в вузе, а также способов повышения их эффективности. **Методы.** В процессе исследования была использована совокупность дополняющих друг друга общенаучных (анализ, обобщение педагогического опыта, классифицирование и др.) и педагогических (сопоставительный анализ педагогических концепций, педагогическое наблюдение за образовательным процессом, описание видов межпредметных связей и др.) методов. **Результаты.** Сначала автор рассматривает традиционные формы межпредметных связей, с помощью которых устанавливаются интеграционные отношения между учебными дисциплинами для лучшего усвоения обучающимися учебного материала. Из всего многообразия таких связей в вузовской практике особенно актуальными признаются: методологические межпредметные связи, помогающие осознать диалектическую взаимосвязь учебных дисциплин; содержательные межпредметные связи, которые требуют интегративного изложения материала, отражающего достижения всех участвующих в процессе познания наук; операционные межпредметные связи, отвечающие за формирование умений и навыков, имеющих комплексный характер. Далее рассматриваются межпредметные связи, необходимые для формирования сложных компетенций. Предлагается разработать единую программу формирования таких компетенций с точной фиксацией вклада каждой дисциплины в этот процесс. В заключение представляется ряд форм возможного использования в междисциплинарной работе дисциплин, не входящих в программу обучения юристов.

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия наблюдается существенное усиление интегративных процессов в науке, связанное с особенностями постнеклассического этапа ее развития. Суть этого

явления заключается в установлении связанности отдельных наук в единое целое и осмыслении тех процессов, которые ведут к такому состоянию, то есть к восстановлению единства научного знания. Эта тенденция привела и к переосмыслению на-

Tatyana V. ANISIMOVA,

Doctor of Philology, Professor, ORCID 0000-0002-6386-2041

Kaliningrad Branch of Saint-Petersburg University

of the Ministry of Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)

Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines

atoritor@yandex.ru

WAYS TO INCREASE THE EFFECTIVENESS OF INTERDISCIPLINARY RELATIONS OF RHETORIC IN THE PROCESS OF TRAINING LAWYERS

KEYWORDS. Rhetoric, methods of rhetoric, communicative competence, interdisciplinary connections, interdisciplinary integration, learning efficiency.

ANNOTATION. Introduction. Strengthening of integrative processes in science has led to a rethinking of the purpose of interdisciplinary connections in higher education. The relevance of the study, the results of which are presented in the article, is due to the importance of introducing into the educational process such interdisciplinary connections that can improve the quality of education, ensure the integrity of the competence-based approach to learning, the possibility of mobility and adaptability in practice. The purpose of the study was to analyze the interdisciplinary connections of rhetoric with other disciplines taught at the university, as well as ways to improve their effectiveness. **Methods.** The study used a set of complementary general scientific (analysis, generalization of pedagogical experience, classification, etc.) and pedagogical (comparative analysis of pedagogical concepts, pedagogical observation of the educational process, description of types of interdisciplinary connections, etc.) methods. **Results.** First, the author considers traditional forms of interdisciplinary connections, with the help of which integrative relations are established between academic disciplines for better assimilation of educational material by students. Of all the variety of such connections in university practice, the following are considered to be especially relevant: methodological interdisciplinary connections that help to understand the dialectical interrelation of academic disciplines; substantive interdisciplinary connections that require an integrated presentation of the material reflecting the achievements of all sciences participating in the process of cognition; operational interdisciplinary connections responsible for the formation of skills and abilities of a comprehensive nature. Further, the interdisciplinary connections necessary for the formation of complex competencies are considered. It is proposed to develop a unified program for the formation of such competencies with an accurate recording of the contribution of each discipline to this process. In conclusion, a number of forms of possible use in interdisciplinary work of disciplines not included in the training program for lawyers are presented.

значения межпредметных связей в высшем образовании: к пониманию того, что эффективность образовательной технологии в значительной степени зависит от того, будет ли в ней достигнута интегративность всех компонентов образования, формирующих научную картину мира обучающегося. Установление осмысленных межпредметных связей между смежными учебными дисциплинами способствует активизации мыслительной деятельности обучающихся, совершенствованию системы контроля знаний, повышению эффективности всего учебного процесса, улучшению качества подготовки специалистов. Важность согласованности действий преподавателей в этом направлении требует доработки учебных планов и другой учебно-методической документации с целью оптимизации процесса координирования усилий и осознанного использования тех преимуществ, которые он предоставляет.

Этот тезис никем не оспаривается. Французский историк Л. Февр даже полагал, что «способность к согласованию смежных дисциплин, к взаимобмену между ними» является верным показателем прогресса в соответствующей отрасли науки [1, с. 97]. Вместе с тем проблема реализации межпредметных связей по-прежнему весьма актуальна, так как в практику обучения (как в вузовскую, так и в школьную) они внедряются с большим трудом, о чем пишут многие ученые (на-

пример Е.С. Попченко [2], Л.Н. Синельникова [3] и др.).

Таким образом, актуальность проведенного нами исследования обусловлена важностью внедрения в образовательный процесс таких междисциплинарных связей, которые способны поднять качество образования, обеспечить целостность компетентного подхода к обучению, возможность мобильности и адаптивности в практике образовательной деятельности. Соответственно, целью исследования являлся анализ межпредметных связей риторики с другими дисциплинами, преподаваемыми в вузе, а также способов повышения их эффективности.

МЕТОДЫ

Для разрешения поставленной проблемы нами были использованы теоретические (исследование и обобщение педагогического опыта; анализ результатов внедрения в педагогический процесс новых технологий; классификация видов межпредметных связей и т.п.) и эмпирические (педагогическое наблюдение за образовательным процессом; описание видов межпредметных связей, используемых в педагогическом процессе; тестирование и т.д.) методы педагогического исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В настоящее время перед образовательными учреждениями стоит важная задача: перейти с мо-

дели, имеющей целью изучение отдельных учебных предметов, на модель, ориентированную на формирование у студентов целостной картины мира. В связи с этим, как полагают многие исследователи, необходима междисциплинарная интеграция, под которой понимают «наивысшую форму единства целей, принципов и смысла образования, создания масштабной взаимосвязи всех учебных дисциплин образовательной программы» [4, с. 19]. Для обеспечения такой интеграции требуется использование комплексного научно обоснованного подхода к обучению, поскольку только в этом случае происходит дополнительное обогащение всех задействованных в процессе дисциплин [5, 6]. Современная педагогическая наука подчеркивает, что интеграция всех учебных дисциплин обусловлена практико-ориентированным подходом к обучению, который требует опоры «на связность смежных знаний, традиционных и инновационных способов действий, моделирование учебной сложности и трудности плановых учебных, учебно-исследовательских заданий» [7, с. 121].

Риторика занимает здесь особое место, поскольку по своему назначению отвечает за организацию речевого общения между всеми участниками образовательного процесса. Именно практико-ориентированная модель, которая, кроме прочего, требует развивать коммуникативную компетентность, обучать общаться и аргументировать свою позицию, быстро и четко устанавливать деловые и дружеские контакты с людьми и т.д. [8, с. 509], делает необходимым налаживание межпредметных связей риторике почти со всеми другими дисциплинами. И поэтому ее связи и формы их реализации должны быть описаны особенно точно.

Какие же формы интеграции учебных дисциплин наиболее актуальны в практике вузовского преподавания?

1. Традиционные формы межпредметных связей состоят в том, что разные предметные области устанавливают интеграционные отношения для лучшего усвоения обучающимися учебного материала. Эти связи обычно классифицируются по нескольким основаниям: по составу (содержательные, операционные, методические, организационные); по направлению (односторонние, двусторонние, многосторонние); по способу взаимодействия связующих элементов (преемственные, синхронные, перспективные) и т.д. Если такие связи организованы грамотно, они помогают создавать целостное представление о мире, развивать критическое мышление обучающихся, способствуют более глубокому усвоению знаний. Этот вид межпредметных связей использовался в обучении всегда, однако в последние десятилетия он получил всеобщее распространение и приобрел обязательный характер.

Для повышения эффективности профессионального образования наиболее значимыми представляются следующие формы:

1) *Методологические межпредметные связи*. Они помогают осознать диалектическую взаимосвязь учебных дисциплин. Их назначение состоит в приобщении обучающихся к системному методу

мышления; в выработке у них осознания связей между элементами знаний из разных учебных дисциплин в качестве объектов усвоения; в формировании методологических ориентиров в познании и оценке явлений действительности. Все эти задачи могут быть решены только в результате кропотливой совместной работы в соответствующем направлении (см. об этом, например, у Я.В. Бондаревой [9], К.С. Сердобинцева [10]). Вместе с тем организованное, целевое совершенствование методики формирования у обучающихся мыслительных способностей невозможно без совместного обсуждения принципов единства основных законов природы и общества. Это приводит ученых к выводу о ведущей роли коммуникативной компетенции в данном процессе: «Благодаря межпредметным связям не только более глубоко осознается роль общения, но и организуется это общение. Но тогда обучение идет впереди развития, создавая зоны ближайшего развития, а это и есть собственно развивающее обучение» [11, с. 263].

2) *Содержательные межпредметные связи*. Поскольку изучение сложного объекта предполагает участие разных наук, рассматривающих этот объект с разных точек зрения, то и в процессе обучения должно сохраняться интегративное изложение материала, отражающее достижения всех включенных в процесс познания наук. Так, в области гуманитарного знания основой для межпредметных связей стала антропоцентрическая парадигма, на основе которой взаимодействуют все научные дисциплины, имеющие отношение к изучению бытия человека. Более того, «естественно идущий процесс односторонней спецификации должен компенсироваться не просто интегративными связками, но «сквозными» теориями, способными работать не в меж-, а в метадисциплинарности, то есть соответствовать критериям метаязыка для отдельных дисциплин» [12, с. 170].

Риторика является одной из ветвей коммуникативной лингвистики, поэтому на равных участвует в процессе обмена достижениями с другими ветвями. Так, из социолингвистики риторика заимствует понятия и методы анализа влияния внешних социальных факторов на восприятие и интерпретацию сообщений. Однако если социолингвистика исследует, какие языковые единицы принимают участие в выражении человеком своей социальной идентичности (классовой, этнической или профессиональной принадлежности, например), то риторика использует эти знания для создания более действенных и эффективных аргументов. В свою очередь, риторика обогащает коммуникативную лингвистику разработкой понятия «убедительность воздействия», принципов и способов выстраивания и структурирования аргументативных конструкций и т.п. Эта особенность позволяет А.Л. Дединкину говорить о телеономности дискурса, под которой он понимает «такую методологию гуманитарного знания, в которой присутствует целесообразность, каузативность, то есть полученные знания способны создать некую причинно-объяснительную конструкцию, а не просто фиксировать и анализировать отдельные

факты языка» [13, с. 220]. В качестве примера автор ссылается на то, что «ответ на причины молчания в диалоге находим в философии у М. Бубера» [13, с. 220]. Такой обмен знаниями обогащает обе дисциплины.

Вместе с тем по отношению к риторике межпредметные связи в области интеграции знаний часто понимаются излишне прямолинейно и некорректно и сводятся к прямому заимствованию фрагментов других наук. Как правило, в такой роли выступают логика и культура речи, реже – психология и этика (более подробно этот вопрос мы рассматривали ранее в другой работе [14]). Вот, например, как выглядит фрагмент оглавления недавно вышедшего учебника по риторике для вузов: «Основы аргументации: Понятие. Суждение. Умозаключение. Законы логики. Принципы правильного мышления. (...) Культура академической речи: Понятие культуры речи. Коммуникативные качества речи. Функциональные стили речи. Нормы современного русского литературного языка. Выразительные средства языка»¹. Эти разделы занимают не менее половины объема учебника, однако их содержание не имеет ни малейшего отношения к риторике, поскольку первый из них является частью учебника по логике, а второй – учебника по культуре речи. Подобные фрагменты являются реализацией не межпредметных связей, а межпредметного плагиата, что весьма пагубно отражается на усвоении изучаемой дисциплины. Риторика – это самостоятельная научная дисциплина со своими собственными (весьма оригинальными) предметом и задачами, а не домик, составленный из кубиков, принадлежащих другим дисциплинам. Подобный подход был простителен в начале 90-х гг. XX века, когда риторика была впервые введена в учебные программы многих вузов, но еще не имелось ни методических пособий, ни учебников для ее преподавания. Однако за прошедшие 30 лет теория риторики была подробно разработана и описана, в связи с чем, на наш взгляд, такое примитивное понимание содержания дисциплины недопустимо. Но, к сожалению, оно регулярно проявляется в учебниках, рекомендуемых для внедрения в вузовский образовательный процесс.

3) *Операционные межпредметные связи.* Формирование умений применять знания на практике многие исследователи считают более важной задачей вуза, чем собственно усвоение знаний [15, 16]. При этом авторы научных работ отмечают, что реально необходимые будущему специалисту умения и навыки редко могут быть соотнесены только с одной учебной дисциплиной, они имеют комплексный характер. В связи с этим и выбирать их следует с участием всех заинтересованных сторон. Наиболее популярными формами решения этой задачи является использование деловых игр, кейс-метода и других активных форм, требующих совместной работы преподавателей разных дисциплин по составлению программы учебного занятия и разработке его содержания с учетом интересов всех участников.

Особое внимание педагогов привлекает проектная деятельность, основанная на использовании сведений из разных научных областей и направленная на выработку умения самостоятельно добывать знания и приобретение первоначальных навыков исследовательской деятельности. Ее целью является «формирование универсальных учебных действий, развитие способности к самостоятельному поиску информации и выбору методики исследования, развитие способности к коммуникации и познавательных навыков, открытие новых знаний» [17, с. 256]. Если над проектом работает группа студентов, это (дополнительно к перечисленному выше) формирует у ее участников компетенцию, которую можно назвать «умение работать в малых группах», что требует развитых навыков коммуникации (и, следовательно, обязательного привлечения в команду организаторов преподавателя-филолога).

Вместе с тем и в этой области не все так хорошо, как хотелось бы. К примеру, М.В. Бутакова и ее соавторы сетуют на несовершенство применения в вузах проектной деятельности, поскольку «сами проекты, вне зависимости от их характера, зачастую носят реферативный и компилятивный характер и более напоминают обыкновенный реферат, нежели полноценный проект» [18, с. 80]. В качестве причины такого положения они указывают, с одной стороны, на слабую подготовку обучающихся, уровень которой недостаточен для осуществления самостоятельных исследований, а с другой стороны, на «неспособность педагога организовать обучающегося при осуществлении проекта» [18, с. 80].

Еще одной причиной неэффективности использования предлагаемых педагогами передовых методов организации обучения часто называются постоянные изменения, вносимые в учебные планы и образовательные программы, что «значительно упрощает, сокращает не только содержание специализированных знаний, но нивелирует формирование профессиональных умений, навыков. Бесконечные изменения не позволяют полноценно осуществить реализацию системного подхода в развитии и профессиональном становлении личности студента-выпускника» [19, с. 60]. Обычно необходимость внесения изменений объясняется имеющейся в настоящее время тенденцией к конвергенции образования, которая заключается в необходимости объединения учебных дисциплин для преодоления метакомпетентностных противоречий. Этот подход отражает актуальную для современной науки конвергенцию дисциплин и технологий и имеет целью формирование качественно нового мышления, позволяющего учитывать достижения всех участвующих в образовательном процессе наук.

На практике же все подобные изменения направлены только на вытеснение недостаточно профильных гуманитарных дисциплин и сокращение количества аудиторных часов, выделяемых на них, и не приводят ни к какому объединению усилий разных дисциплин для осмысления действительности. Так, долгое время в программе

¹ Зверев С.Э., Ефремов О.Ю., Шаповалова А.Е. Риторика: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2024. 303 с.

последипломного обучения юристов сосуществовали три самостоятельные дисциплины (по 24 часа каждая): «Основы делопроизводства в органах внутренних дел РФ»; «Русский язык в деловой документации. Культура речи»; «Основы режима секретности в органах внутренних дел». С 2023 года они объединены в одну дисциплину «Основы организационного и документационного обеспечения органов внутренних дел РФ. Русский язык в деловой документации. Культура речи». При этом времени на данную дисциплину выделено значительно меньше, чем на три исходных. Казалось бы, объединение должно было привести к интеграции перечисленных дисциплин и усилий преподавателей, особенно если учесть, что изучение документов, необходимых юристу, прекрасно сочетается с освоением навыков грамотного их составления и заполнения. Однако этого не произошло. Новую дисциплину ведут три разных преподавателя (каждый отвечает за свой модуль), которые никак не взаимодействуют и не обмениваются впечатлениями. Этот пример наглядно иллюстрирует ситуацию в нашем образовании, когда в теории все выглядит разумно и прогрессивно, а в реальной практике сводится к существенному ухудшению ситуации, поскольку старые формы активно разрушаются, а новые не создаются.

2. Междисциплинарность, необходимая для формирования сложных компетенций.

Особую актуальность проблема междисциплинарных связей приобрела с внедрением в образование компетентностного подхода, поскольку понимание действительности как некоей интеграции требует объединения усилий преподавателей нескольких предметов для выработки сложных компетенций. Результаты анализа педагогических исследований и практический опыт преподавательской деятельности позволяют констатировать, что для реализации компетентностной образовательной парадигмы необходим активный поиск новых междисциплинарных форм обучения, обеспечивающих формирование необходимых компетенций. В связи с этим исследователи обращают внимание на эффективность мультидисциплинарного интегрированного подхода к формированию и совершенствованию наиболее важных комплексных компетенций, а также на необходимость сближения речеведческих дисциплин с разнообразными профессиональными дисциплинами базовой части учебного плана [20]. Поскольку многие компетенции имеют сложную структуру и должны формироваться несколькими предметами, междисциплинарные связи между такими предметами жизненно необходимы. В связи с этим учебные программы должны отражать данный процесс и фиксировать формы межпредметных связей, характерные для каждой специальности. В первую очередь это касается выработки ключевых компетенций и освоения метапредметных знаний, в чем должны принимать участие все учебные дисциплины. Причем делать это следует согласованно, по заранее разработанной методике. «Отбор учебного материала с учетом междисциплинарных связей дает возможность сформиро-

вать у обучающихся целостную картину мира, способность самому «открывать» новые знания, творчески подходить к проблеме» [21, с. 31].

Вместе с тем, чтобы сформировать объединенными усилиями целостную картину мира, необходимо разработать единую программу или создать методические пособия, в которых был бы зафиксирован вклад каждой дисциплины в формирование той или иной компетенции. Этот документ должен содержать методологическую составляющую (прописывающую концепцию разделения усилий по формированию компетенции между всеми дисциплинами), организационную составляющую (прописывающую формы согласования действий всех преподавателей, направленных на то, чтобы содержание дисциплин не дублировалось, а дополняло и расширяло знания обучающихся) и информационную составляющую (прописывающую вклад дисциплин в формирование единого информационного потока, в который каждая из них вносит свою лепту, но не дублирует другую). При таком подходе, с одной стороны, исключается дублирование получаемых знаний, с другой стороны, не возникает незаполненных лакун в информации; прослеживается связь между взаимодействующими дисциплинами, гарантирующая преемственность и последовательность результатов обучения.

Если в процессе формирования компетенции участвует более трех дисциплин, необходимо определить одну из них как ответственную за общий результат. Соответственно, преподаватель этой дисциплины обязан отвечать за общую сформированность компетенции и координировать усилия остальных преподавателей. Дополнительно к этому в учебной программе должны быть целенаправленно выделены часы на консультации, в рамках которых преподаватели могли бы разъяснять обучающимся межпредметные связи дисциплин. Это особенно важно в тех случаях, когда участвующие в процессе предметы изучаются на разных курсах или когда для формирования компетенции дополнительно требуются знания по дисциплине, не включенной в данную комплексную матрицу.

Последнее замечание особенно актуально для формирования коммуникативной компетенции, являющейся одной из самых важных в юридическом образовании, поскольку без освоения навыков грамотного общения в профессионально значимых ситуациях невозможны ни правоохранительная, ни правоприменительная, ни правотворческая, ни консультационная, ни педагогическая, ни организационно-управленческая виды деятельности, осуществление которых является сутью труда юриста. В профессиональную (обобщенную эталонную модель успешного специалиста в данной области), содержащую перечень ценностных установок и качеств, а также знаний, умений и навыков, необходимых специалисту, обязательно включаются навыки, требующие полноценной риторической подготовки: умение выступать публично; умение консультировать клиентов по правовым вопросам; умение проводить правовое исследование на основе изучения

судебной практики; умение проводить переговоры и осуществлять медиацию; умение работать в команде и др. Все эти навыки имеют большое значение для участия как в процессуальных (допрос, очная ставка, судебная полемика и т.п.), так и в непроцессуальных (консультация, медиация, переговоры и т.п.) речевых событиях, характерных для работы юриста. Перечисленные умения обязательно должны вырабатываться в процессе обучения в вузе, и в этой деятельности необходимо участие специалиста по юридической риторике.

Во всех названных выше ситуациях между риторикой и соответствующими юридическими дисциплинами происходит строгое разделение полномочий: специальные дисциплины отвечают за концепцию и отбор научно обоснованного содержания, а риторика – за грамотный выбор тех форм, с помощью которых это содержание может быть донесено до адресата. Так, преподаватель риторики может объяснить обучающимся принципы создания жанра *инструкция*: назначение, учет специфики адресата, композиция текста, языковые особенности и т.п. Затем по этим правилам можно составить инструкции, например, о том, как пользоваться пылесосом, как следует поступить, если человек хочет открыть свой бизнес, или должностную инструкцию юридического консультанта. Содержание каждой из этих инструкций будет разным (и его задает соответствующий специалист), а принципы построения текста – абсолютно одинаковыми (и это регламентируется риторикой). Такую универсальность риторического знания, возможность использовать его в самых разных сферах общения подметил еще Аристотель: «Так как действие при подаче совета, при всякого рода разъяснениях и убеждениях, приводимых для одного лица или для целых собраний по существу одинаково, то риторика так же мало, как и диалектика, имеет дело с какой-нибудь одной определенной областью: она обнимает все сферы человеческой жизни» [22].

3. Формирование коммуникативной компетенции в условиях исключения дисциплины из программы обучения.

В ситуации, когда предмет риторика оказался исключенным из программы обучения юристов, восполнение этого пробела в образовании возможно только с помощью установления прочных межпредметных связей со всеми смежными дисциплинами и общей координации усилий по формированию у обучающихся коммуникативной компетенции. Важными представляются следующие меры.

1. **Создание учебников по риторике.** Прежде всего, следует настаивать на том, чтобы учебники по риторике (как по общей, так и по всем востребованным практикой частным риторикам) продолжали создаваться. При этом важно отделять профессионально написанные пособия от всевозможной недостаточно качественной конъюнктурной продукции, в большом количестве опубликованной в последнее десятилетие. Отбранные учебники целесообразно включать в списки дополнительной литературы по предметам, имеющим с риторикой межпредметные связи.

Это необходимо для того, чтобы обучающиеся могли самостоятельно ознакомиться с описаниями полезных для их будущей профессиональной деятельности риторических форм.

2. Проведение консультаций по риторике.

Такие консультации должны быть приурочены к изучению тем, имеющих риторическую составляющую. Так, формирование профессиональной компетенции ПК-5 (Способен давать квалифицированные юридические заключения и консультации в конкретных сферах правоотношений) требует не только юридических знаний, но и подробного анализа жанра *консультация*: особенностей учета специфики адресата, способов отбора аргументов, а главное – структуры композиции, типичной для этого жанра. Если при вузе имеется «юридическая клиника», где обучающиеся оказывают бесплатную юридическую помощь населению, в ней обязательно должен работать и филолог, оптимизирующий риторические формы их общения с клиентами.

3. Создание методических рекомендаций.

В случаях, когда риторическая составляющая оказывается достаточно объемной и сложной (например, когда реализуются такие задачи, сформулированные в Федеральном государственном образовательном стандарте, как «организация работы малых коллективов и групп исполнителей», «осуществление правового воспитания» и т.п.), есть смысл создавать специальные методички, описывающие состав необходимых для выполнения этой функции риторических жанров; структуру и организационные особенности соответствующих речевых событий; особенности отбора аргументов; типичные виды ораторских предосторожностей и т.п.

4. Участие филолога в проведении интерактивных мероприятий других преподавателей.

Во многих учебниках и методических пособиях в качестве прогрессивного метода интерактивного обучения предлагается проведение дискуссий и дебатов. Пишущие об этом ученые понимают, что в организации дискуссии должен принимать участие и филолог, отвечающий за организацию речи обучающихся, однако обычно круг его обязанностей ограничивают необходимостью следить за тем, чтобы участники «грамотно и корректно говорили», поскольку «речевое общение в условиях отклонения от нормы литературного языка искажает содержание юридически значимой информации» [23, с. 360].

На самом деле филологическая помощь должна заключаться в объяснении принципов сосредоточенного спора, правил отбора и расположения аргументов с учетом особенностей адресата и задачи спора, требований, предъявляемых к выстраиванию действенной стратегии спора, в описании риторической модели жанра *возражение* и т.п. В нашей практике обучающимся в освоении всего этого никто не помогает. В лучшем случае преподаватель бегло представляет только организационную процедуру предстоящего спора. В результате вместо содержательной дискуссии получается бесформенный обмен заготовленными заранее сообщениями.

С целью решения этой проблемы необходимо создавать краткие видеокурсы «Учимся спорить», содержащие небольшую вводную часть, где описываются общие принципы построения спора, и примеры разных видов споров из художественных фильмов и общественной жизни с подробным анализом их достоинств и недостатков, а также пояснениями, как эти недостатки должны быть устранены. Практика показывает, что по сравнению с различными методическими указаниями, такие видеокурсы оказываются гораздо более эффективными: обучающиеся проявляют интерес к их просмотру и лучше усваивают предлагаемые в них риторические методики. Однако важно, чтобы эти методики имели действительно риторический характер, а не сводились к напоминаниям о правильности и точности речи, советам по использованию терминологии, к отработыванию правил этикета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, междисциплинарный подход в науке – это актуальная совокупность методологических подходов, обеспечивающих получение нового научного результата с использованием понятийного аппарата, методов, теоретических положений и эмпирических данных разных наук. Междисциплинарный подход в образовании – это построение образовательной парадигмы с учетом знаний и методов различных дисциплин для более глубокого понимания обучающимися сложных проблем и явлений. Этот подход позволяет демонстрировать связи между различными областями знаний и обучать их применению в ходе решения профессиональных задач.

Чтобы реализовать этот принцип, в вузе должны разрабатываться регулирующие этот процесс документы, а их требования – неукоснительно исполняться.

- Процесс формирования каждой компетенции должен быть разбит на несколько этапов, соответствующих изучению всех дисциплин, участвующих в ее формировании.

- Для каждого этапа определяется цель, устанавливаются формы преемственности в выработке обобщенных умений и навыков. Определяется единый подход к формированию интегративных понятий, умений и навыков. Формулируются общие требования к усвоению знаний и овладению обобщенными умениями и навыками.

- Должны быть разработаны способы использования опыта, полученного на предыдущих этапах, демонстрации общности методов исследования, применяемых в различных науках, использования взаимосвязи явлений, изучаемых на учебных занятиях по различным дисциплинам, и т.п.

- Необходимо разработать приемы формирования ключевых компетенций и так называемых гибких навыков (от англ. soft skills), которые помогают людям эффективно взаимодействовать с другими и адаптироваться к различным ситуациям. Для формирования этих умений и навыков не предусмотрено отдельных учебных дисциплин, однако они признаются более важными для успешности будущего специалиста, чем собственно профессиональные умения и навыки. На этом этапе к участию в работе обязательно должен привлекаться филолог, который отвечал бы за выработку разнообразных коммуникативных компетенций. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 632 с.
2. Попченко Е.С. Предпосылки и становление синергетической методологии в организации образовательной деятельности // Проблемы современного образования. 2023. № 2. С. 43-50.
3. Синельникова Л.Н. Резервы дискурсологии в реализации концепции междисциплинарности // Текст культуры и культура текста: Материалы IV Международного педагогического форума. Сочи: Общество преподавателей русского языка и литературы, 2017. С. 321-325.
4. Васильева Е.В., Селиверстова Л.В. Интегративный междисциплинарный подход в развитии профессиональных компетенций студентов вузов // Балтийский гуманитарный журнал. 2024. Т. 13. № 1 (46). С. 19-22.
5. Evers A.W.M., Jensen L.E., Paul H. Grensverleggend: kansen en belemmeringen voor interdisciplinair onderzoek. Amsterdam: De Jonge Akademie, 2015. 86 p.
6. Klaassen R.G. Interdisciplinary education: a case study // European journal of engineering education. 2018. V. 43. № 6. P. 842-859.
7. Круковская Т.Ю. Некоторые проблемы междисциплинарности в структуре профессиональной подготовки специалистов железнодорожного транспорта (на примере математических дисциплин) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2023. № 207. С. 120-126.
8. Кузнецова Ю.В., Куликова Ю.К. Использование междисциплинарных связей в целях повышения коммуникативных компетенций студентов СПО // Вестник науки. 2023. Т. 1. № 12 (69). С. 508-515.
9. Бондарева Я.В. Философско-педагогический аспект метапредметности в системе современного образования // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. 2023. № 4 (34). С. 157-161.
10. Сердобинцев К.С. Проблема модернизации и развития гражданского общества в России: диалектика «Я» и «Мы» // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 3. С. 110-119.
11. Карнаух И.Е., Петров А.В. Методологические и дидактические основы межпредметных связей // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4 (23). С. 261-263.
12. Иванов Д.И., Лакербай Д.Л. Антропоцентрическая парадигма современного гуманитарного знания: метадисциплинарный «дом теорий» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 58. С. 68-195.

13. Дединкин А.Л. Юридический дискурс как многомерный интегративный феномен и юрислингвистика как синкретическая наука // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1 (85). С. 220-228.
14. Анисимова Т.В. Роль риторики в формировании коммуникативной компетентности студента вуза // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (45). С. 225-243.
15. Кабанова Л.В., Брагина З.В., Никерина Е.В. Проблемы формирования национальной системы квалификаций в России и пути решения // Вестник Евразийской науки. 2018. № 4. С. 17.
16. Лабзина П.Г., Меньшенина С.Г. Междисциплинарное взаимодействие как условие развития гибких навыков студентов вуза // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9. № 2. С. 2.
17. Ручка О.Н. Сущность проектной деятельности школьников // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 63. С. 254-257.
18. Бутакова М.В., Воропай Л.М., Чесноков Е.Н. Проектная деятельность обучающихся как метод формирования межпредметных связей физики и химии // Гуманитарный научный вестник. 2024. № 5. С. 79-83.
19. Логинова С.Л. Надпрофессиональные компетенции – основа формирования будущего выпускника // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании: материалы 25-й Международной научно-практической конференции. Т. 2. Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2020. С. 60-62.
20. Шишкина Т.А. Этапы формирования коммуникативной компетенции студентов аграрного вуза в курсе «Культура речи и делового общения» // Культура речи и деловое общение в современном информационном обществе: I Международная научно-практическая конференция. М.: Мегapolis, 2022. С. 97-104.
21. Осмоловская И.М. Методологические аспекты междисциплинарных исследований в образовании // Ценности и смыслы. 2023. № 4 (86). С. 28-40.
22. Аристотель. Риторика // Античные риторики / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Издательство МГУ, 1978. С. 15-164.
23. Солдатова О.Б. Правовые дебаты как средство развития культуры речи обучающегося // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 6. № 2 (12). С. 359-362.

REFERENCES

1. Fevr L. Boi za istoriyu. M.: Nauka, 1991. 632 s.
2. Popchenko Ye.S. Predposylki i stanovleniye sinergeticheskoy metodologii v organizatsii obrazovatel'noy deyatel'nosti // Problemy sovremennogo obrazovaniya. 2023. № 2. S. 43-50.
3. Sinel'nikova L.N. Rezervy diskursologii v realizatsii kontseptsii mezhdistsiplinarnosti // Tekst kul'tury i kul'tura teksta: Materialy IV Mezhdunarodnogo pedagogicheskogo foruma. Sochi: Obshchestvo prepodavateley russkogo yazyka i literatury, 2017. S. 321-325.
4. Vasil'yeva Ye.V., Seliverstova L.V. Integrativnyy mezhdistsiplinarnyy podkhod v razvitii professional'nykh kompetentsiy studentov vuzov // Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal. 2024. Т. 13. № 1 (46). S. 19-22.
5. Evers A.W.M., Jensen L.E., Paul H. Grensverleggend: kansen en belemmeringen voor interdisciplinair onderzoek. Amsterdam: De Jonge Akademie, 2015. 86 p.
6. Klaassen R.G. Interdisciplinary education: a case study // European journal of engineering education. 2018. V. 43. № 6. P. 842-859.
7. Krukovskaya T.Yu. Nekotoryye problemy mezhdistsiplinarnosti v strukture professional'noy podgotovki spetsialistov zheleznodorozhnogo transporta (na primere matematicheskikh distsiplin) // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2023. № 207. S. 120-126.
8. Kuznetsova Yu.V., Kulikova Yu.K. Ispol'zovaniye mezhdistsiplinarnykh svyazey v tselyakh povysheniya kommunikativnykh kompetentsiy studentov SPO // Vestnik nauki. 2023. Т. 1. № 12 (69). S. 508-515.
9. Bondareva Ya.V. Filosofsko-pedagogicheskiy aspekt metapredmetnosti v sisteme sovremennogo obrazovaniya // Gumanitarnyy vestnik Voyennoy akademii Raketnykh voysk strategicheskogo naznacheniya. 2023. № 4 (34). S. 157-161.
10. Serdobintsev K.S. Problema modernizatsii i razvitiya grazhdanskogo obshchestva v Rossii: dialektika «Ya» i «My» // Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya. 2011. № 3. S. 110-119.
11. Karnaukh I.Ye., Petrov A.V. Metodologicheskiye i didakticheskiye osnovy mezhpredmetnykh svyazey // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2010. № 4 (23). S. 261-263.
12. Ivanov D.I., Lakerbay D.L. Antropotsentricheskaya paradigma sovremennogo gumanitarnogo znaniya: metadistsiplinarnyy «dom teoriy» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2019. № 58. S. 68-195.
13. Dedin'kin A.L. Yuridicheskiy diskurs kak mnogomernyy integrativnyy fenomen i yurislingvistika kak sinkreticheskaya nauka // Vestnik Kemeroevskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. Т. 23. № 1 (85). S. 220-228.
14. Anisimova T.V. Rol' ritoriki v formirovaniі kommunikativnoy kompetentnosti studenta vuzа // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2023. № 1 (45). S. 225-243.

15. Kabanova L.V., Bragina Z.V., Nikerina Ye.V. Problemy formirovaniya natsional'noy sistemy kvalifikatsiy v Rossii i puti resheniya // Vestnik Yevraziyskoy nauki. 2018. № 4. S. 17.
16. Labzina P.G., Men'shenina S.G. Mezhdistsiplinarnoye vzaimodeystviye kak usloviye razvitiya gibkikh navykov studentov vuza // Vestnik Mininskogo universiteta. 2021. T. 9. № 2. S. 2.
17. Ruchka O.N. Sushchnost' proyektnoy deyatel'nosti shkol'nikov // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2017. № 63. S. 254-257.
18. Butakova M.V., Voropay L.M., Chesnokov Ye.N. Proyekt'naya deyatel'nost' obuchayushchikhsya kak metod formirovaniya mezhpredmetnykh svyazey fiziki i khimii // Gumanitarnyy nauchnyy vestnik. 2024. № 5. S. 79-83.
19. Loginova S.L. Nadprofessional'nyye kompetentsii – osnova formirovaniya budushchego vypusknika // Innovatsii v professional'nom i professional'no-pedagogicheskom obrazovanii: materialy 25-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. T. 2. Yekaterinburg: Izdatel'stvo RGPPU, 2020. S. 60-62.
20. Shishkina T.A. Etapy formirovaniya kommunikativnoy kompetentsii studentov agrarnogo vuza v kurse «Kul'tura rechi i delovogo obshcheniya» // Kul'tura rechi i delovoye obshcheniye v sovremennom informatsionnom obshchestve: I Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. M.: Megapolis, 2022. S. 97-104.
21. Osmolovskaya I.M. Metodologicheskiye aspekty mezhdistsiplinarnykh issledovaniy v obrazovanii // Tsennosti i smysly. 2023. № 4 (86). S. 28-40.
22. Aristotel'. Ritorika // Antichnyye ritoriki / Pod red. A.A. Takho-Godi. M.: Izdatel'stvo MGU, 1978. S. 15-164.
23. Soldatova O.B. Pravovyye debaty kak sredstvo razvitiya kul'tury rechi obuchayushchegosya // Uchenyye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. T. 6. № 2 (12). S. 359-362.

© Анисимова Т.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Анисимова Т.В. Способы повышения эффективности межпредметных связей риторики в процессе обучения юристов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 158-166.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Валерия Валерьевна АРТЕМОВА,

кандидат юридических наук, доцент

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва)

заместитель начальника кафедры предварительного расследования

Artval13@mail.ru

Надежда Владимировна УХАНОВА,

кандидат юридических наук, доцент

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва)

доцент кафедры предварительного расследования

Nadezhda-ukhanova@yandex.ru

Научная статья

УДК 378.147.88

ПРАКТИКА КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ В МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРЕСА К ПРОФЕССИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Интерес к профессии, подготовка следователей, практика вне учебного заведения, практическое обучение, активность практиканта, психологическое благополучие, роль преподавателя, активность руководителя практики, активно-позитивный следователь, руководитель следственного органа.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* Авторы статьи полагают, что практика является важнейшим элементом механизма формирования интереса обучающихся к профессии следователя. Интерес к профессии – главная движущая сила, способствующая укреплению мотивации к обучению, а впоследствии – к работе в должности следователя. Формированию и развитию такого интереса помогают следователь-наставник и преподаватель, являющийся руководителем практики. Они – каждый со своей стороны – направляют деятельность практиканта. *Методы.* При проведении исследования, результаты которого представлены в статье, использовались теоретические и эмпирические методы: анализ, синтез, обобщение, моделирование, наблюдение, изучение педагогического опыта и документов (продуктов творческой деятельности практикантов), беседы, опросы. Проводились опросы практикантов, следователей-наставников и руководителей следственных органов. Анализировались такие продукты творческой деятельности практикантов, как отчеты о результатах их работы на практике и презентации, посвященные ее прохождению. Осуществлялось систематическое наблюдение за практикантами, во время и после практики с ними проводились беседы, изучался педагогический опыт по руководству практикой. В ходе исследования применялся системный подход, заключающийся в выявлении закономерностей отношений и взаимосвязей в системе со следующими элементами: практикант – следователь-наставник – преподаватель – руководитель практики – руководитель следственного органа. *Результаты.* Важнейшим условием готовности выпускников образовательных организаций МВД России работать в должности следователя является эффективность проведения практики во время обучения. Эта эффективность предопределяется активно-позитивной позицией следователя-наставника, грамотной организацией практики руководителями следственных органов, а также активной деятельностью преподавателя – руководителя практики. Именно от него зависит возможность эффективного проведения практики в случае отсутствия активно-позитивной позиции следователя-наставника.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к профессии – это движущая сила, способствующая укреплению мотивации к обучению. Именно стойкий интерес к профессии побуждает выпускников Московского университета имени В.Я. Кикотя (далее – Университет) продолжать службу в органах внутренних дел в должности следователя (по полученной специальности).

Качество обучения курсантов и слушателей Университета, разнообразие форм и методов обучения, практические тренинги на занятиях, интерактивный элемент в обучении, и получение в конечном итоге профессиональных знаний, первоначальных умений и навыков – всё это является необходимыми предпосылками для формирования интереса к профессии. Однако решающую роль в формировании интереса к профессии следователя играет, на наш взгляд, практика. Именно на практике ситуативный интерес, который возникает на младших курсах, а затем познавательный интерес к специальным дисциплинам, изучаемым на 2-4 курсах [1], перерастают в устойчивый интерес к профессии, который способствует целенаправленному продолжению обучения, его успешному окончанию и эффективной работе в следственных органах.

Интерес к профессии крайне важен: ученые считают, что именно несформированность внутренней устойчивой мотивации к службе обуславливает низкий уровень подготовленности следователя к практической деятельности, что, в свою очередь, порождает серьезную опасность в виде различных следственных ошибок [2, с. 123]. Не только результаты и качество расследования, но и сроки его осуществления напрямую зависят от профессиональных качеств следователя [3, с. 60].

Практика как форма обучения является необходимым элементом для подготовки будущих следователей. Она помогает решить проблему психологического неприятия реальной работы в сравнении с представлениями о ней, сложившимися, в частности, в ходе аудиторных занятий во время обучения. Ведь не секрет, что в ходе теоретической подготовки часто «за кадром» остаются многие аспекты выбранной профессии [4, с. 135].

Практика – это разновидность практической подготовки обучающихся, которая организуется путем непосредственного выполнения ими определенных видов работ, связанных с будущей профессиональной деятельностью¹. Данная разновидность подготовки реализуется преподавателями кафедр предварительного расследования, уголовного процесса, криминалистики в ходе руководства практикой в тесном взаимодействии с сотрудниками следственных подразделений [5, с. 241].

Эффективность проведения практики курсантов и слушателей во многом зависит от активной позиции следователей-наставников, руководителей следственных органов, а также от форм и ме-

тодов работы руководящих практикой преподавателей, которые должны помогать следователям-наставникам формировать у практикантов стойкий интерес к профессии.

МЕТОДЫ

При написании статьи использовались следующие методы:

1) теоретические: долгосрочный ретроспективный анализ [6, с. 43], синтез, индуктивное обобщение [6, с. 226], моделирование;

2) эмпирические: длительное систематическое наблюдение, изучение педагогического опыта и документов (продуктов творческой деятельности практикантов), беседы, опросы.

На кафедре предварительного расследования Университета по специально разработанным анкетам проводились опросы практикантов, следователей-наставников и руководителей следственных органов.

Кроме того, изучались и анализировались продукты творческой деятельности практикантов:

- отчеты о результатах работы на практике;

- презентации о работе на практике (в них предусматривались такие разделы, как «Характеристики структуры преступности на обслуживаемой территории», «Рабочее место практиканта», «Самое интересное уголовное дело» и др.);

- ежедневные записи практикантов о работе на практике.

Во время и после проведения практики были организованы беседы с курсантами и слушателями. Со следователями-наставниками и руководителями следственных органов беседы проводились на начальном этапе практики и, при необходимости, на любом другом из ее этапов (по телефону или лично в ходе посещений следственных подразделений г. Москвы и Московской области).

Осуществлялось наблюдение за поведением курсантов и слушателей:

- на рабочем месте во время прохождения ими практики (при личном посещении следственных подразделений преподавателем - руководителем практики);

- во время их ответов на зачетах и экзаменах по практике, а также на аудиторных занятиях, когда затрагивались вопросы, связанные с практической деятельностью следователей.

Изучался педагогический опыт профессорско-преподавательского состава кафедры предварительного расследования Университета по руководству учебной ознакомительной, оперативно-служебной и преддипломной практикой курсантов и слушателей.

В результате за период с 2015 по 2024 годы была получена информация:

1) о разных типах взаимодействия и взаимоотношений между практикантами и их следователями-наставниками;

2) о влиянии психологического климата, сформированного в следственном подразделении, на формирование у курсантов и слушателей интереса к профессии;

¹ См. Положение о практической подготовке обучающихся, утвержденное приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Министерства просвещения Российской Федерации от 05.08.2020 г. № 885/390.

Valeria V. ARTEMOVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor
Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow, Russia)
Deputy Head of the Preliminary Investigation Department
Artval13@mail.ru

Nadezhda V. UKHANOVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor
Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow, Russia)
Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation
Nadezhda-ukhanova@yandex.ru

PRACTICE AS THE MOST IMPORTANT ELEMENT IN THE MECHANISM OF FORMING INTEREST IN THE PROFESSION OF AN INVESTIGATOR

KEYWORDS. Interest in the profession, investigator training, practice outside the educational institution, practical training, trainee activity, psychological well-being, role of the teacher, activity of the practice supervisor, active-positive investigator, head of the investigative body.

ANNOTATION. Introduction. The authors of the article believe that practice is the most important element of the mechanism for developing students' interest in the profession of an investigator. Interest in the profession is the main driving force that helps strengthen motivation for learning and subsequently for working as an investigator. The formation and development of such interest is facilitated by the investigator-mentor and the teacher, who is the head of the practice. They – each for their part – direct the activities of the trainee. **Methods.** In conducting the study, the results of which are presented in the article, theoretical and empirical methods were used: analysis, synthesis, generalization, modeling, observation, study of pedagogical experience and documents (products of creative activity of trainees), conversations, surveys. Surveys were conducted among trainees, investigator-mentors and heads of investigative bodies. Such products of creative activity of trainees as reports on the results of their work in practice and presentations dedicated to its passage were analyzed. Systematic observation of trainees was carried out, conversations were held with them during and after practice, pedagogical experience in managing practice was studied. The study used a systematic approach, which consists in identifying patterns of relationships and interrelations in the system with the following elements: trainee – investigator-mentor – teacher – practice supervisor – head of the investigative body. **Results.** The most important condition for the readiness of graduates of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia to work as an investigator is the effectiveness of the practice during training. This effectiveness is predetermined by the active-positive position of the investigator-mentor, competent organization of the practice by the heads of investigative bodies, as well as the active work of the teacher – practice supervisor. It is he who determines the possibility of effectively conducting practice in the absence of an active-positive position of the investigator-mentor.

3) об изменениях в личности и компетентности курсантов и слушателей, происходящих в результате прохождения ими практики;

4) о влиянии на стимулирование интереса к практике и профессии следователя заинтересованности преподавателя – руководителя практики, а также различных форм представления результатов работы на практике.

Полученная информация проанализирована, выделены и обобщены общие закономерности.

Кроме того, проведен анализ научной литературы, посвященной вопросам эффективности подготовки следователей (работы А.Д. Аветисяна, Т.В. Барковой, В.В. Конины, В.М. Кочергина, В.П. Краморенко и других ученых).

В ходе исследования системный подход был использован для выявления закономерностей отношений и взаимосвязей в системе со следующими элементами: практикант – следователь-наставник – преподаватель – руководитель практики – руководитель следственного органа.

На основе собранной и проанализированной информации выработана абстрактная модель поведения преподавателя – руководителя практики в период руководства практикой.

РЕЗУЛЬТАТЫ

При подведении итогов проведенных нами опросов практикантов, следователей-наставников, руководителей следственных органов установлено, что в большинстве случаев (более 50%) результатом прохождения практики является укрепление желания работать следователем либо появление такого желания (если его не было в начале обучения).

Впечатления у курсантов и слушателей после прохождения практики складываются разные. Условно обучающихся можно разделить на две группы в соответствии с их отзывами о полученных впечатлениях:

А) «Очень понравилось. Желание работать возросло. Быстрей бы на практику!»;

Б) «Мне не понравилось. Неинтересно».

Рассмотрим предпосылки формирования мотивации у курсантов и слушателей, у которых желание работать в органах предварительного следствия после прохождения практики возросло (группа «А»).

Пожалуй, наиболее значительную роль в формировании интереса практикантов к профессии следователя играют руководители практики – сле-

дователи-наставники. Наблюдения показывают, что у обучающихся группы «А» это были следователи, любящие свою профессию, как правило, из дружных коллективов, способные передать свой интерес к профессии практиканту. Эти следователи, передавая практикантам свои знания и опыт, часто не считают с личным временем, чтобы обучить курсантов (слушателей) составлять сложные процессуальные документы, разъяснить правовые и организационные вопросы, рассказать подробно о расследуемом преступлении и т.д. Такие следователи-наставники строят свои отношения с практикантами по типу «наставник-товарищ». В общении со следователем-наставником и при наблюдении за его деятельностью практиканты получают первый опыт профессионального общения, который чрезвычайно важен в ходе становления будущего следователя [7, с. 262]. Успешная адаптация в профессии во многом зависит именно от наставника. Это касается как практики, так и первого, адаптационного, периода «вхождения в профессию» молодого следователя [8, с. 26-27].

При этом возраст следователя-наставника и его стаж в должности зачастую не играют решающей роли. Главное – заинтересованность в профессии и желание работать с практикантом, что в целом можно обозначить как активно-позитивную позицию следователя. Характерно, что такие следователи часто проявляют заботу о практиканте в бытовых вопросах, в отношениях с ним выказывают неподдельную заинтересованность. Если эта активно-позитивная позиция следователя подкреплена благоприятным психологическим климатом коллектива следственного подразделения, то практикант получает «двойной положительный заряд», благодаря чему его стремление к тому, чтобы работать следователем, значительно возрастает.

Примеры таких благополучных коллективов есть: о них рассказывают курсанты и слушатели, когда возвращаются с практики. Некоторые из них характеризуют следственный коллектив как сплоченную семью, отмечают слаженность во взаимодействии с оперативными подразделениями и успешности в профессиональной деятельности, а также позитивный настрой следователей, несмотря на сравнительно невысокий уровень денежного довольствия. Следственный коллектив с благоприятной психологической атмосферой характеризуется не только дружбой, взаимопомощью, повседневной заботой о каждом сотруднике, но и разумной, справедливой требовательностью, постоянным контролем за выполнением заданий со стороны руководителей и старших коллег [9, с. 118].

В связи с этим интересен и поучителен опыт организации практики в следственных органах Управления МВД России по Юго-Восточному административному округу г. Москвы. Все курсанты и слушатели, проходящие практику в следственных подразделениях самого УМВД, а также территориальных (районных) отделов (Лефорто-

во, Люблино, Кузьминки и др.), участвуют в еженедельных совещаниях, на которых докладывают руководству Следственного управления о проделанной за неделю работе и получают указания по дальнейшему прохождению практики.

Еще одним важным условием формирования у обучающихся интереса к профессии следователя является предоставление им возможности выполнять ту или иную деятельность самостоятельно, проявляя творческую инициативу. Это может выражаться:

- в подготовке к следственным действиям (составлении плана допроса, например) с последующим разбором совместно со следователем-наставником;
- в участии в следственных действиях в качестве наблюдателя (допросах, очных ставках, обысках, проверках показаний на месте и др.);
- в подготовке проектов неrutинных процессуальных документов (постановления о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока домашнего ареста, об отмене меры пресечения и т.п.);
- в участии в судебных заседаниях в связи с избранием мер пресечения, продлением их сроков, наложением ареста на имущество и т.д.;
- во взаимодействии с различными органами и должностными лицами (проведении, например, бесед по телефону с представителями организаций, из которых необходимо получить характеризующие данные на подследственных, или посещения этих организаций¹).

Расследование преступлений представляет собой сложную многогранную деятельность, имеющую правовую, тактико-организационную, мыслительно-аналитическую, психологическую и социальную стороны [10, с. 57; 11, с. 81; 12, с. 475]. Чтобы изучить их все во время практики, курсанты и слушатели должны проявлять активность и инициативу. Активная позиция практиканта часто играет решающую роль в успешности познавательного процесса, предусмотренного условиями прохождения практики. Проявляющие активность курсанты задают следователям вопросы, с интересом наблюдают за производством следственных действий, работой следственно-оперативной группы во время суточного дежурства, расспрашивают наставников о значении тех или иных действий, просят разрешения участвовать в составлении проектов сложных процессуальных документов. При этом очень важно, чтобы следователи объясняли своим практикантам, что и для чего делается, а не просто поручали им выполнение того или иного действия, «вырванного из контекста» расследования по уголовному делу.

При прохождении практики неизбежно «дробление» деятельности следователя, с которой знакомятся курсанты и слушатели, на отдельные операции, так как полностью всю эту деятельность или какие-то значительные ее части практиканты, особенно на младших курсах, выполнять не могут в силу ряда ограничений. Но при такого

¹ В частности, обучающиеся рассказывали, что интерес у них вызвало взаимодействие с представителями исправительных учреждений, которые они обзванивали в целях получения оттуда характеристик на обвиняемых.

рода «дроблении» наставнику важно обеспечить целостность восприятия работы следователя посредством соответствующей этой задаче организации внутренней мыслительной деятельности практиканта. Выполнение даже небольшой и рутинной операции становится более интересным, когда практикантом осознана ее значимость в общем ходе расследования. Например, если поручено составление проекта постановления о назначении товароведческой экспертизы, следователь объясняет ему, какие вопросы и для чего необходимо поставить перед экспертом, какие объекты направляются эксперту. В дальнейшем заключение эксперта потребуется для изменения обвинения в части уточнения стоимости похищенного имущества, то есть после его получения обвиняемому предъявят обвинение «в уточненной редакции».

Далее обратим внимание на группу «Б», составившим которую практикантам «не понравилось» на практике в следственном подразделении. Негативные отзывы мы получаем в тех случаях, когда:

- во-первых, практикантов раньше времени отпускают с практики, не давая себе труда чем-то занять их;

- во-вторых, следователи не желают объяснять практикантам, как выполнять ту или иную сложную работу (составлять, например, процессуальные документы), а ограничиваются простыми и (или) однообразными поручениями (отвезти документы, заполнить статистические карточки, внести запись в учетный журнал и т.д.);

- в-третьих, следователи проявляют к практикантам эмоциональное равнодушие (практикант может часами сидеть, не зная, чем ему заняться, а следователь не обращает на него внимания, даже не интересуясь, наблюдал ли тот, например, за производством допроса свидетеля).

При проведении практики в 2024 году было отмечено следующее явление: в некоторых следственных подразделениях, где наблюдался большой некомплект кадров, не стремились использовать потенциал практикантов для какой-либо значимой помощи следователям. В таких подразделениях курсантов отпускали ранее положенного времени, либо поручали им весьма ограниченный объем работы (например, был случай, когда практиканты в течение месяца не присутствовали ни на одном допросе). Отчасти это можно объяснить нехваткой у следователей времени на работу с практикантами. Вместе с тем это может свидетельствовать и об «упадническом» настроении среди следователей подразделений с большим некомплексом кадров, об утере ими стимулов к качественной работе. Профессор Г.А. Зорин еще в 2013 г. отмечал, что современный следователь находится в сложном состоянии внутреннего конфликта с самим собой, «с ощущением безнадежной беспомощности» [2, с. 123]. Главное негативное последствие такого состояния следователей, на наш взгляд, – это их нежелание работать с практикантами, воспитывать из них своих преемников. А между тем следователем-наставником должен назначаться тот, кто проявляет склонность к воспитательной работе, так как в его задачу входит

поддержание мотивации молодого сотрудника к эффективному решению служебных задач [13, с. 406].

С другой стороны, значительный некомплект следователей в ряде случаев способствует тому, что многие заинтересованные следователи-наставники ставят перед практикантами большое количество задач, тщательно разъясняя и контролируя порядок их выполнения. Это приближает практиканта к следователю, заинтересовывает его. Кроме того, повышается самооценка курсанта, который пробует выполнять многие функции следователя самостоятельного. Научившись выполнять большое количество операций, он начинает получать удовольствие от правильно сделанной работы, чувствует себя успешным. Иными словами, «срабатывает» механизм психологии деятельности, описанный в работах А.Н. Леонтьева: «Внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет» [14, с. 94]. В итоге формируется стойкий интерес к профессии именно вследствие успешности при овладении ею.

А.Н. Леонтьев отмечает, что «предметно-вещественные «потребности для себя» насыщаемы, и их удовлетворение ведет к тому, что они низводятся до уровня условий жизни, которые тем меньше замечаются человеком, чем привычнее они становятся. Поэтому личность не может развиваться в рамках потребления, ее развитие необходимо предполагает смещение потребностей на созидание, которое одно не знает границ» [14, с. 117]. Кроме того, важно понимать, что «превалирование внешних, утилитарных мотивов ведет к тому, что индивид работает формально, у него отсутствует творческий подход, самостоятельная постановка целей» [15, с. 331].

Учитывая такое свойство человеческой личности, как потребность в созидании, руководящему практикой преподавателю необходимо воспитывать курсантов и слушателей, прививая им интерес к профессии следователя. Контроль с его стороны необходим и в тех случаях, когда следователь-наставник успешно выполняет свои обязанности в рамках организации практики, и в тех, когда он с ними не справляется.

Преподаватель осуществляет контроль за прохождением практики посредством телефонных звонков, выездов в следственные подразделения и бесед с практикантами во время так называемых «дипломных дней», когда они должны прибывать в Университет. Выезды в следственные подразделения могут осуществляться не во всех случаях, а только тогда, когда закрепленные за преподавателем практиканты проходят практику в Москве или городах ближнего Подмосковья, в пределах досягаемости.

В связи с этим интересен опыт Барнаульского юридического института МВД России, где проверка прохождения преддипломной практики осуществлялась в ходе служебных командировок и с применением видео-конференц-связи [16, с. 13-14].

Схожий опыт имеется и в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя, где по видео-конференц-связи проводятся совещания руководителей следственных подразделений г. Москвы

с участием представителей Университета (в том числе его кафедр) и практикантов. На этих совещаниях курсанты и слушатели докладывают о мероприятиях, в которых они приняли участие во время практики, отвечают на вопросы о порядке прохождения и содержании практики.

Результаты внедрения в учебный процесс в 2022 году методических рекомендаций по подготовке отчета о работе на практике показывают, что эти рекомендации дисциплинируют практикантов. В своих отчетах они должны указывать количество и виды следственных и иных процессуальных действий, в которых приняли участие, квалификацию преступлений, при расследовании которых эти действия проводились, и многое другое. Требование о включении в отчет конкретных сведений и деталей, связанных с прохождением практики, порождает необходимость ежедневного подведения итогов деятельности практиканта. Это приучает его к анализу и обобщению результатов своей работы.

Использование в ходе аудиторных занятий и зачетов по практике презентаций, посвященных работе на практике, показывает, что курсанты и слушатели, как правило, с большим желанием делятся с преподавателями своим опытом прохождения практики. При условии внимательного отношения преподавателя они готовы делиться не только положительными впечатлениями от практики, но и неудачным опытом (например, когда мало что удалось сделать из-за того, что следователь-наставник не поручал ответственных и интересных заданий). Если преподаватель включается в обсуждение (задает вопросы, уточняет детали, подводит итоги, дает советы), это приносит большую пользу: обучающиеся, убеждаясь в том, что их деятельность в ходе практики заинтересовала преподавателя, получают дополнительный импульс к дальнейшему овладению профессией следователя.

Систематический контроль со стороны преподавателя - руководителя практики является одним из важнейших условий успешности ее проведения. Данный контроль начинается с детальной консультации курсантов и слушателей перед началом практики. В ходе консультации перед практикантом ставятся задачи на период практики, ему разъясняется порядок фиксации информации о выполняемой во время прохождения практики деятельности, а также содержание его будущего отчета [17, с. 112-113].

В дальнейшем преподавателю следует еженедельно получать от практиканта информацию о проделанной работе. При этом необходимо давать ему рекомендации по отражению наиболее интересных сведений в проекте отчета о практике. Преподаватель осуществляет методическое руководство, которое заключается главным образом в том, чтобы обеспечить освоение практикантом всех тем рабочей программы практики (это не только наблюдение за производством следственных действий и подготовка проектов документов, но и изучение оперативной обстановки, методических рекомендаций по производству предварительного расследования, статистических данных

и др.). Еженедельный контроль помогает своевременно обнаруживать недостатки в проведении практики: однотипность выполняемых заданий, игнорирование интересов практиканта и т.п. Это обеспечивает возможность своевременного принятия мер для устранения выявленных недостатков.

Кроме того, еженедельный контроль выполняет психологическую функцию: практикант как личность, находящаяся на стадии становления, нуждается в систематическом внимании со стороны старшего наставника. Данное обстоятельство приобретает особую важность, если обстановка в следственном коллективе не совсем благополучная. Например, курсант жалуется на непонимание со стороны следователей, на большое количество поручений, некоторые из которых, по его мнению, не связаны с расследованием преступлений. В таких случаях преподаватель, безусловно, должен вступить в активное взаимодействие с руководителем следственного подразделения. Но и просто «разговор по душам» преподавателя с практикантом при выявлении каких-либо проблем в ходе практики оказывает последнему весомую психологическую поддержку.

Особое внимание преподавателю следует уделять подготовке обучающимся отчета о прохождении практики. Эту работу целесообразно начинать на начальном этапе практики: уже на первой консультации преподаватель должен объяснить, что практиканту необходимо ежедневно делать записи о том, какие задания ему приходилось выполнять. Обязательно нужно акцентировать внимание на том, чтобы записи были полными, то есть раскрывали не только наименование видов деятельности, но и то, по каким уголовным делам она проводилась. Такого рода систематическое подведение итогов дня помогает практиканту приучаться к дисциплине, способствует формированию осознанности выполнения своих обязанностей, что позитивно отражается на уровне интереса к практической деятельности следователя.

Важнейшим фактором проявления или утраты интереса к профессии следователя во время практики является отношение к практиканту руководителя следственного подразделения. При этом важен даже не столько стиль общения в коллективе (дружеский или официальный), сколько профессионализм начальника, в том числе его умение организовать работу следственного подразделения, органично включив в нее курсанта или слушателя, пришедшего на практику. Именно начальник следственного органа определяет следователя-наставника, который должен осуществлять руководство практикантом. От руководителя зависит также обеспечение возможности участия практиканта в совещаниях, работе следственно-оперативной группы, поездках в вышестоящие следственные органы. Чтобы включиться в работу коллектива, практикант должен привлекаться к самым разнообразным видам работ, осуществлять как можно больше самостоятельных операций.

Основная задача следователя-наставника и руководителя следственного органа – найти для практиканта занятия, в ходе которых он может реализовать свои способности. Чтобы, успешно выполнив

задание, он поверил в свои силы и почувствовал интерес к работе. Для успешного достижения этой цели еще в самом начале практики, руководителю следственного органа, в котором она организована, необходимо проводить личный инструктаж практиканта и его следователя-наставника.

Следует также иметь в виду, что важен контроль за прохождением обучающимися практики и со стороны вышестоящего руководства следственных органов. Например, одним из проблемных аспектов практики является участие курсантов и слушателей в выездах на место происшествия в составе следственно-оперативной группы. Это связано со спецификой специализации ряда следственных органов (расследуются, например, преступления экономической направленности или дистанционные мошенничества и т.д.). В таких органах выезды на места происшествия происходят крайне редко или их вообще не бывает (такая ситуация характерна, в частности, для следственных частей следственных управлений).

В связи с этим заслуживает внимания практика Главного следственного управления Главного управления МВД России по г. Москве (далее – ГСУ г. Москвы). Курсанты и слушатели, проходящие практику в ГСУ г. Москвы, имеют возможность по специально разработанному графику выезжать в следственные отделы территориальных органов внутренних дел в целях наблюдения за работой следственно-оперативных групп на местах происшествия. Данное решение было принято руководством ГСУ г. Москвы с учетом пожеланий профессорско-преподавательского состава.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе изложенного выше мы приходим к выводу о том, что преподаватель – руководитель практики выполняет координирующую функцию в ходе проведения практики курсантов и слушателей в следственных подразделениях. Эта функция выражается в следующих формах:

1) *взаимодействие с практикантом:*

- знакомство и первичная консультация: а) по содержанию программы практики; б) по текущей ежедневной деятельности на практике;

- систематический контроль посредством встреч и (или) бесед с практикантом, которые могут носить контрольно-удостоверительный, консультирующий характер, а также (дополнительно) проводиться с целью психологической поддержки;

- руководство подготовкой отчетных документов, их проверка и допуск для предоставления на промежуточную аттестацию (зачет или экзамен) по результатам проведения практики;

2) *взаимодействие со следователем-наставником:*

- знакомство и выяснение степени осведомленности следователя о содержании программы практики, доведение (при необходимости) до его сведения основных элементов программы (общая характеристика содержания практики, в виде обзора);

- встречи и (или) беседы со следователем для проверки выполнения практикантом его обязанностей, выявления уровня проявляемых им грамотности, инициативности, дисциплинированности и т.д.;

- в случае необходимости – разъяснение тех элементов содержания программы практики, которые не нашли отражения в деятельности практиканта (по прошествии некоторого времени с начала практики);

3) *взаимодействие с руководителем следственного подразделения, в котором организована практика* (имеет место, как правило, в случае выявления недостатков в проведении практики):

- постановка проблемы (отсутствие условий для выполнения практикантом каких-либо элементов программы практики, игнорирование следователем-наставником своих обязанностей по отношению к практиканту и др.);

- разъяснение содержания программы практики и отчетных документов, обоснование необходимости полного выполнения программы практики;

- в случае, если ситуация не изменилась, – повторное обращение к руководителю следственного подразделения для выяснения причин неустранения недостатков;

4) *взаимодействие с руководством кафедры образовательной организации* (в случаях возникновения конфликтных ситуаций или отсутствия непонимания со стороны руководителя следственного подразделения, в котором проводится практика):

- постановка проблемы с доведением до сведения руководства всех предпринятых действий;

- предложение решения проблемы;

- выполнение указаний руководства кафедры по устранению выявленных недостатков в проведении практики;

5) *взаимодействие с вышестоящим руководством следственных органов* (во время совместных совещаний, посвященных вопросам проведения практики курсантов и слушателей):

- доведение до сведения руководства следственных органов положительного опыта проведения практики с выражением благодарности личному составу подразделений, участвовавших в ее организации;

- методические разъяснения полезности той или иной формы работы следователей-наставников с практикантами с опорой на научные сведения и аргументы;

- постановка (при необходимости) перед руководством следственных органов тех проблемы, которые не могут быть решены профессорско-преподавательским составом самостоятельно (например, во время совещания могут быть заданы вопросы).

Эффективность проведения практики курсантов и слушателей в конечном итоге во многом предопределяет их дальнейшую мотивацию к работе в должности следователя. Многолетние наблюдения показывают, что «костык» следственного аппарата органов внутренних дел составляют опытные следователи с большим стажем работы (в их числе многие – руководители), которые имеют устойчивый интерес к своей профессии. А значит, формирование у курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России интереса к профессии следователя – это главное условие обеспечения кадровой стабильности и высокого уровня профессионализма следственного аппарата. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кузнецов О.М. Система формирования интереса к профессии офицера тыла у курсантов // Научные исследования в образовании. 2008. № 11. С. 20-24.
2. Крамаренко В.П. Превенция следственных ошибок в коммуникативной деятельности следователя, возникающих при допросе лиц, не достигших совершеннолетия // Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика. Материалы научно-практической конференции. Минск: Белорусский государственный университет, 2023. С. 121-127.
3. Баркова Т.В. Профессиональная компетентность следователя как залог успешного расследования // Вестник науки и образования. 2020. № 5-1 (83). С. 58-60.
4. Кочергин В.М. Вопросы реализации практико-ориентированного подхода при психологической подготовке будущего следователя // Юридическая орбита. Материалы IV Нижегородских юридических чтений. Нижний Новгород, 2023. С. 134-135.
5. Аветисян А.Д., Рясов А.А., Жигалова Г.Г. Отдельные аспекты практической направленности подготовки следователей в высшем учебном заведении МВД России // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 3 (70). С. 240-242.
6. Власов М.П. Методы проведения научных исследований: Монография. СПб: Издательство СПбГЭУ, 2023. 251 с.
7. Конин В.В., Конин А.В. Значение криминалистики для успешной деятельности следователя // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). С. 259-270.
8. Белоусов А.Д. Учет когнитивно-стилевых особенностей следователей и дознавателей для их успешной профессиональной адаптации // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2022. С. 26-31.
9. Яснева Е.В. Научная организация труда следователя – залог успешного раскрытия и расследования преступления // Вестник Костромского государственного технологического университета. Государство и право: вопросы теории и практики (серия «Юридические науки»). 2015. № 1. С. 115-119.
10. Логвин В.М. Криминалистическая подготовка как элемент профессиональной подготовки следователя // Предварительное расследование. 2018. № 2 (3). С. 55-63.
11. Лакомская М.Ю. Индивидуальные личностные качества следователя и его мыслительная деятельность в процессе расследования преступлений // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXIII международной научно-практической конференции. В 2-х т. Иркутск: ВСИ МВД России, 2018. Т. II. С. 81-84.
12. Петрова А.М., Рогожников М.А. Психофизиологические качества следователя // E-SCIO. 2019. № 10. С. 473-475.
13. Агафонов М.А., Алиев А.И. Институт наставничества как инструмент успешной адаптации молодых следователей // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития. Материалы VII Всероссийской молодежной научно-практической конференции. М.: МА СКР, 2024. С. 405-408.
14. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 126 с.
15. Пряхина А.Б., Дмитриева Л.А. Мотивационный профиль выпускников факультета подготовки следователей как предикатор их успешной профессионализации // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 330-334.
16. Асеев А.А. Об организации и проведении практики курсантов, слушателей и студентов БЮИ МВД России // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2013. № 2 (25). С. 10-14.
17. Аветисян А.Д. Организация проведения производственной практики в образовательных организациях МВД России – завершающий этап процесса обучения следователей // Мир науки, культуры и образования. 2024. № 2 (105). С. 111-113.

REFERENCES

1. Kuznetsov O.M. Sistema formirovaniya interesa k professii ofitsera tyla u kursantov // Nauchnyye issledovaniya v obrazovanii. 2008. № 11. S. 20-24.
2. Kramarenko V.P. Preventsiya sledstvennykh oshibok v kommunikativnoy deyatelnosti sledovatelya, vznikayushchikh pri doprose lits, ne dostigshikh sovershennoletiya // Kontseptual'nyye osnovy sovremennoy kriminalistiki: teoriya i praktika. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Minsk: Belorusskiy gosudarstvennyy universitet, 2023. S. 121-127.
3. Barkova T.V. Professional'naya kompetentnost' sledovatelya kak zalog uspehnogo rassledovaniya // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2020. № 5-1 (83). S. 58-60.
4. Kochergin V.M. Voprosy realizatsii praktiko-oriyentirovannogo podkhoda pri psikhologicheskoy podgotovke budushchego sledovatelya. // Yuridicheskaya orbita. Materialy IV Nizhegorodskikh yuridicheskikh chteniy. Nizhniy Novgorod, 2023. S. 134-135.
5. Avetisyan A.D., Ryasov A.A., Zhigalova G.G. Otdel'nyye aspekty prakticheskoy napravlenosti podgotovki sledovateley v vysshem uchebnom zavedenii MVD Rossii // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2018. № 3 (70). S. 240-242.
6. Vlasov M.P. Metody provedeniya nauchnykh issledovaniy: Monografiya. SPb: Izdatel'stvo SPbGEU, 2023. 251 s.

7. Konin V.V., Konin A.V. Znachenije kriminalistiki dlya uspeshnoy deyatel'nosti sledovatelya // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 3 (90). S. 259-270.

8. Belousov A.D. Uchet kognitivno-stilevykh osobennostey sledovateley i doznavateley dlya ikh uspeshnoy professional'noy adaptatsii // Pedagogika i psikhologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: integratsiya teorii i praktiki. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2022. S. 26-31.

9. Yasneva Ye.V. Nauchnaya organizatsiya truda sledovatelya – zalog uspeshnogo raskrytiya i rassledovaniya prestupleniya // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Gosudarstvo i pravo: voprosy teorii i praktiki (seriya «Yuridicheskiye nauki»). 2015. № 1. S. 115-119.

10. Logvin V.M. Kriminalisticheskaya podgotovka kak element professional'noy podgotovki sledovatelya // Predvaritel'noye rassledovaniye. 2018. № 2 (3). S. 55-63.

11. Lakomskaya M.Yu. Individual'nyye lichnostnyye kachestva sledovatelya i yego myslitel'naya deyatel'nost' v protsesse rassledovaniya prestupleniy // Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh. Sbornik materialov XXIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. V 2-kh t. Irkutsk: VSI MVD Rossii, 2018. T. II. S. 81-84.

12. Petrova A.M., Rogozhnikov M.A. Psikhofiziologicheskiye kachestva sledovatelya // E-SCIO. 2019. № 10. S. 473-475.

13. Agafonov M.A., Aliyev A.I. Institut nastavnichestva kak instrument uspeshnoy adaptatsii molodykh sledovateley // Sledstvennaya deyatel'nost': problemy, ikh resheniye, perspektivy razvitiya. Materialy VII Vserossiyskoy molodezhnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.: MA SKR, 2024. S. 405-408.

14. Leont'yev A.N. Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'. M.: Politizdat, 1975. 126 s.

15. Pryakhina A.B., Dmitriyeva L.A. Motivatsionnyy profil' vypusknikov fakul'teta podgotovki sledovatelya kak predikator ikh uspeshnoy professionalizatsii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 6. S. 330-334.

16. Aseyev A.A. Ob organizatsii i provedenii praktiki kursantov, slushateley i studentov BYuI MVD Rossii // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2013. № 2 (25). S. 10-14.

17. Avetisyan A.D. Organizatsiya provedeniya proizvodstvennoy praktiki v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii – zavershayushchiy etap protsessa obucheniya sledovateley // Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya. 2024. № 2 (105). S. 111-113.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© **Артемова В.В., Уханова Н.В., 2024.**

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Артемова В.В., Уханова Н.В. Практика как важнейший элемент в механизме формирования интереса к профессии следователя // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 167-175.

Елена Владимировна КОВШИКОВА,
кандидат филологических наук, доцент, ORCID 0000-0002-8298-0772
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
доцент кафедры русского языка
kelenav1@yandex.ru

Ирина Викторовна ШИНДРЯЕВА,
кандидат социологических наук, ORCID 0000-0002-4055-3166
Волгоградская академия МВД России (г. Волгоград)
заведующий кафедрой русского языка
i.shindryaeva@yandex.ru

Научная статья
УДК 378.1

КОММУНИКАТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Русский язык, методика преподавания русского языка, образовательная организация МВД России, ситуационное обучение, коммуникативный подход, профессиональная служебная деятельность.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В настоящее время в рамках развития идей современной концепции образования активно обсуждаются вопросы практико-ориентированного обучения. Они приобрели особую актуальность с внедрением в педагогическую парадигму компетентностного подхода к формированию программ подготовки специалистов с высшим образованием. Система высшего профессионального образования в России находится на стадии глубоких реформ. Их необходимость обусловлена не только обострившейся геополитической ситуацией, но и четко обозначившимся социальным запросом на подготовку выпускников высшей школы таким образом, чтобы они по окончании вуза могли незамедлительно включаться в трудовые процессы, задействуя компетенции, сформированные в процессе обучения. *Методы.* В ходе проведенного авторами статьи исследования применялись методы описания, обобщения, ситуационного анализа, интерпретации. *Результаты.* Сформулирован вывод о том, что сотрудники органов внутренних дел в рамках профессиональной служебной деятельности остро нуждаются в коммуникативных навыках, основанных на компетенциях, сформированных в период обучения в образовательных организациях. Опора в преподавании русского языка по программе ведомственного вуза исключительно на грамматический подход, основанный на изучении правил и закреплении их на практике, недостаточна, так как не позволяет формировать коммуникативных компетенций необходимого уровня. В такой ситуации при преподавании русского языка следует задействовать коммуникативный подход, предусматривающий применение методик проблемного ситуационного обучения, разработанных с учетом результатов анализа коммуникативных практик будущей профессии. Перспективным методом ситуационного обучения профессиональному русскому языку представляется метод кейс-стади (англ. case-study). Его применение открывает для преподавателя широкие возможности актуализации в работе с обучающимися образовательных организаций МВД России как интралингвистических, так и экстралингвистических аспектов обучения профессиональной коммуникации сотрудника органов внутренних дел.

ВВЕДЕНИЕ

В современный период реформирования высшей школы в России актуализировалась проблема языковой компетентности выпускников вузов. Осознание того, что уровень языковой культуры новых поколений, включая все виды их языковой грамотности, критически снизился, наконец достигнуто [1, с. 140]. Сформировалось понимание, что для восстановления утраченных позиций в области коммуникативной культуры современной молодежи необходимы значитель-

ные усилия и продолжительное время [2, с. 338]. Такая ситуация сложилась в результате ряда взаимосвязанных процессов, происходивших в новейшей истории России. В частности, в постперестроечные годы в стране были утрачены многие образовательные традиции, подвергнуты пересмотру методики обучения, переписаны учебники. Более того, прагматиками от образования сейчас ставится под сомнение сама необходимость формирования высококачественных языковых компетенций у выпускников неязыковых вузов.

Elena V. KOVSHIKOVA,

Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID 0000-0002-8298-0772
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)
Associate Professor of the Russian Language Department
kelenav1@yandex.ru

Irina V. SHINDRYAEVA,

Cand. Sci. (Sociology), ORCID 0000-0002-4055-3166
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Volgograd, Russia)
Head of the Russian Language Department
i.shindryaeva@yandex.ru

COMMUNICATIVE COMPONENTS OF THE METHODOLOGY OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

KEYWORDS. Russian language, methods of teaching Russian language, educational organization, Ministry of Internal Affairs of Russia, situational training, communicative approach, professional service activity.

ANNOTATION. Introduction. Currently, within the framework of the development of ideas of the modern concept of education, the issues of practice-oriented training are actively discussed. They have acquired particular relevance with the introduction of a competency-based approach to the formation of training programs for specialists with higher education into the pedagogical paradigm. The system of higher professional education in Russia is at the stage of profound reforms. Their necessity is due not only to the aggravated geopolitical situation, but also to a clearly defined social demand for the preparation of higher education graduates in such a way that upon graduation they could immediately join the labor processes, using the competencies formed during the training process. **Methods.** In the course of the study conducted by the authors of the article, the methods of description, generalization, situational analysis, and interpretation were used. **Results.** The conclusion is formulated that employees of the internal affairs bodies, within the framework of their professional service activities, are in dire need of communication skills based on the competencies formed during their training in educational organizations. Relying exclusively on the grammar approach based on studying the rules and consolidating them in practice when mastering the Russian language in the program of a departmental university is insufficient, since it does not allow for the formation of communicative competencies of the required level. In such a situation, when teaching the Russian language, it is necessary to use a communicative approach that involves the use of problem-based situational learning methods developed taking into account the results of the analysis of communicative practices of the future profession. The case-study method seems to be a promising method of situational teaching of professional Russian. Its use opens up broad opportunities for the teacher to actualize both intralinguistic and extralinguistic aspects of teaching professional communication to employees of internal affairs bodies in work with students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Эта тенденция представляется исключительно опасной для будущего нашей страны. Очевидно, что без хорошей языковой подготовки не может быть обеспечено высокое качество любого профильного образования: ни гуманитарного, ни естественнонаучного [3, с. 94].

Исторический путь развития России предопределяет роль русского языка как знаковой системы весьма сложных свойств. Элиты, диктовавшие в обществе языковую норму для образованного человека, оказывали существенное влияние на требования, предъявляемые к уровню его языковой компетентности [4, с. 37]. Такого человека должны были отличать высокий уровень владения навыками устной и письменной речи, широкая эрудиция, риторическая компетентность и коммуникативная успешность. В современном обществе круг представителей нации, обладающих вышеперечисленными характеристиками, резко сузился. Более того, значительные трансформации в языковой норме, изменения в объеме тезауруса наших современников постепенно ослабляют и межпоколенческие связи. И это самим обществом современной России оценивается как существенная проблема [5, с. 41]. Названные выше

процессы вывели на первый план актуальность исследований в области технологий преподавания русского языка в образовательных организациях отечественной высшей школы. Эти процессы повлекли за собой размывание ценностного поля нации, ее нравственных ориентиров. Тенденции «упрощения» языка приводят к потере многих исторических кодов и скрытых смыслов, которые развивали язык как духовную скрепу, как единый код нации [6, с. 36]. Подчеркнем, что представленные процессы свойственны и для профессиональных сообществ, в частности – для сотрудников органов внутренних дел.

В рамках проведенного нами исследования была предпринята попытка актуализации коммуникативного подхода к изучению русского языка в вузах МВД России. Это обстоятельство предопределило актуальность и практическую востребованность результатов данного исследования.

В качестве цели исследования рассматривалось выявление методических перспектив применения коммуникативного подхода к преподаванию русского языка в вузах МВД России. Поставленная цель была конкретизирована в следующих задачах:

1) обосновать актуальность коммуникативных компонентов в преподавании русского языка в вузах МВД России;

2) описать теоретические аспекты использования кейс-стади в качестве метода ситуационного обучения русскому языку в вузах МВД России;

3) описать практику применения кейс-стади в качестве метода ситуационного обучения русскому языку в вузах МВД России.

Научную новизну исследования мы усматриваем в том, что выявлена перспективность использования коммуникативного подхода к преподаванию русского языка в вузах МВД России с применением метода ситуационного обучения кейс-стади.

Теоретическая значимость полученных результатов заключается, на наш взгляд, в расширении комплекса методик преподавания русского языка в высшей школе методиками, основанными на коммуникативном походе, в частности теми, которые предполагают использование метода кейс-стади.

Практическая ценность исследования состоит в том, что его результаты могут найти применение в преподавании сотрудникам органов внутренних дел дисциплин «Русский язык в профессиональной служебной деятельности», «Русский язык в деловой документации».

Итак, для сотрудника органов внутренних дел в силу обстоятельств, при которых он осуществляет профессиональную коммуникацию с различными представителями социума на принципиально разном уровне коммуникативной компетентности (например: правонарушитель, судья, законопослушный гражданин и др.), важны и теоретическая грамотность, и способность на практике применять языковые знания, навыки и умения для преодоления конкретных проблем в реальных ситуациях профессионального общения. Установление контакта с гражданином, подготовка и редактирование документов, аргументирование своих действий, координация деятельности подчиненных, консультирование граждан – вот далеко не полный перечень ситуаций профессионального общения, к которым должен быть готов сотрудник полиции [7, с. 110].

Успех освоения дисциплин, связанных с русским языком, в образовательном процессе вуза МВД России зависит от использования методик, представляющих собой последовательность обучающих приемов и учебных действий, которые обеспечивают формирование профессиональных коммуникативных компетенций сотрудников органов внутренних дел [8, с. 91]. Посредством формирования профессиональных знаний с применением коммуникативно-ориентированного подхода осуществляется развитие профессиональных качеств обучающегося, его речевых навыков и умения эффективно использовать русский язык в реальных ситуациях профессионального общения.

Как показывает педагогическая практика, обучающиеся испытывают трудности, характер которых зависит от уровня сформированности языковой, речевой, социокультурной, стратегической, компенсаторной, учебной и других компетенций [9, с. 57].

В настоящее время повышенную актуальность приобрели вопросы преподавания русского языка в вузах МВД России. Это обусловлено необходимостью совершенствования ведомственного образования. В первую очередь следует отметить потребность в практикоориентированности преподавания русского языка, которая особенно ярко проявляется на фоне внедрения компетентностного подхода к формированию программ подготовки специалистов с высшим образованием. Современное высшее профессиональное образование в России проходит стадию глубоких реформ. Их необходимость вызвана не только обострившейся геополитической ситуацией, но и сформулированным обществом социальным заказом на подготовку выпускников таким образом, чтобы по окончании вузов они могли оперативно включаться в реальные трудовые процессы, задействовав компетенции, сформированные в процессе обучения.

«Практико-ориентированное обучение – это вид обучения, приоритетной целью которого является развитие у обучающихся способностей и готовности к практической работе, необходимых сегодня в разнообразных сферах профессиональной деятельности, – подчеркивает Л.И. Мартынова, – а также достижение понимания: для чего были сформированы данные умения, где и как они используются в реальной практике» [10, с. 182].

Востребованность технологии конкретных ситуаций обусловлена тем, что она прежде всего ориентирована на развитие общего интеллектуального и коммуникативного потенциала обучающегося и лишь затем – на усвоение конкретных знаний. Тем не менее при формировании практики ее внедрения в рамках дисциплины «Русский язык в профессиональной служебной деятельности» преподаватели сталкиваются с противоречиями и проблемами методического обеспечения, разрешение которых затруднено многими факторами. С одной стороны, преподавание русского языка в вузе МВД России предполагает формирование у обучающихся компетенции УК-4, трактуемой как способность осуществления деловой коммуникации в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации. С другой стороны, суть преподавания русского языка повсеместно методически сводится к освоению и повторению его правил на основе выполнения комплексов упражнений, структурированных по языковым уровням. Безусловно, такие методики также нацелены на формирование коммуникативных компетенций, но они не могут быть единственными и окончательными, так как ориентированы на получение знаний о нормах официально-делового стиля языка, овладение умениями логически верно строить устную и письменную речь, публично представлять на русском языке результаты профессиональной деятельности, но совершенно недостаточны для формирования умений составлять тексты служебных документов различных жанров, овладевать навыками осуществления профессиональной коммуникации в соответствии с нормами официально-делового стиля с использованием профессиональной юридической

лексики *в различных коммуникативных ситуациях*, в том числе сопровождаемых подготовкой многообразных служебных документов.

Таким образом, можно говорить о том, что традиционные отечественные методики преподавания русского языка в образовательном процессе вуза МВД России мало отличаются от школьных. Они имеют выраженную грамматико-правописную основу, опираются на механическое запоминание, повторение и применение правил, что негативно сказывается на результате их освоения обучающимися. Этот подход не способствует формированию коммуникативных компетенций, его реализация мало затрагивает вопросы будущей профессиональной коммуникативной деятельности, поэтому эффективность образовательного процесса остается невысокой. С точки зрения методики преподавания русского языка очевидно обострение противоречия между актуальностью формирования у обучающихся в вузах МВД России практически востребованных компетенций и недостаточной методической разработанностью технологий практико-ориентированного обучения и его образовательных возможностей.

Всякая практическая деятельность динамична, и ее актуализация в процессе обучения требует разработки специального методического инструментария для использования техник, методов, приемов изучения профессионального русского языка с включением в комплекс рассматриваемых вопросов как непосредственно интралингвистических, так и экстралингвистических. Существенной проблемой современного общества, оказывающей деструктивное влияние на изучение государственного языка Российской Федерации в вузах МВД России, является языковая агрессия, волна которой захлестнула все сферы частной и общественной жизни людей. «Конец XX - начало XXI века – период тотальной языковой агрессии, которая проявляется ... и в усилении враждебности между участниками общения, в том числе делового, профессионального дискурса» [3, с. 94].

Наиболее распространенной формой языковой агрессии в современном обществе стало нарушение в публичном пространстве норм современного русского языка, что некоторые представители средств массовой коммуникации преподносят в молодежной среде как моду. Публичное пространство общества, частями которого являются и телевидение, и Интернет, и деловая среда, изобилует текстами, в которых массово нарушаются нормы русского литературного языка: агрессивно искажаются словоформы, игнорируются нормы грамматики и т.д. Само понятие языковая норма подвергается критике в рамках дискуссий, разворачивающихся в средствах массовой коммуникации. Масштабность данных процессов приводит к тому, что находящиеся в ненормированном языковом пространстве курсанты и слушатели вузов МВД России на занятиях по русскому языку не могут опознать неточность в письменном или устном тексте, они не умеют грамотно высказать свою мысль, не владеют навыками составления документных текстов, затрудняются при построении аргументации и, увы, делают непозволитель-

но много орфографических и пунктуационных ошибок.

«Хочешь убить народ – убей его язык», – гласит известная поговорка. Очевидно, что культура мысли и культура слова неразделимы. Человек, владеющий словом, способен выразить мысль. Для современного преподавателя культуры профессиональной речи, риторики, документной лингвистики и других языковых дисциплин вуза МВД России проблема формирования коммуникативных компетенций обучающихся лежит, в частности, в плоскости методик их преподавания.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что преподавание русского языка в вузе не может сводиться только к утилитарному уровню, предусматривающему лишь повторение правил орфографии и пунктуации. Основной целью обучения должно быть формирование носителей высокой языковой культуры.

МЕТОДЫ

В рамках исследования нами были использованы методы описания, анализа, интерпретации, ситуационного анализа.

Сегодня особую актуальность приобретают методики, ориентированные на коммуникативные свойства языка, на пополнение словарного запаса обучающихся. В последнее время объем их словарного запаса катастрофически уменьшается. И не только из-за отсутствия привычки (несформированной с детских лет) к чтению художественной литературы, но и по причине тотальной информатизации учебного процесса. Работа над внедрением в образовательный процесс новых – коммуникативных – методов преподавания русского языка может отчасти скорректировать данные процессы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Методики преподавания русского языка в вузах МВД России, где он не является «профильным» предметом изучения, однако считается существенным компонентом успешности в профессии, традиционно сводятся к выполнению упражнений, подготовке и редактированию текстов на заданную тему, выучиванию правил. Не отрицая важности применения таких методик преподавания русского языка в этих вузах, считаем продуктивным использование новых, нестандартных для филологических дисциплин методов. К числу таковых относится и метод кейс-стади (ситуационного обучения).

Идеи данного метода достаточно просты. Он традиционно используется для получения знаний по дисциплинам, истина в которых плюралистична. Предполагается отсутствие однозначного ответа на поставленный вопрос, наличие вариативности, то есть нескольких ответов, которые могут быть соотнесены по степени истинности. Преподавание в данном случае направлено на получение не единственной, а многих истин и ориентацию в их проблемном поле [11, с. 484].

Цель обучения переносится с освоения готового знания на его выработку, сотворчество самих обучающихся, а также их взаимодействие с преподавателями. Отсюда принципиальное отличие кейс-стади от традиционных методов: в процесс

получения знания добавляется демократия, обучающийся практически равноправен с преподавателями в рамках учебной деятельности по разрешению проблемы. Результатом применения метода кейс-стади в преподавании русского языка в вузах должно быть не только получение знаний, но и формирование коммуникативных компетенций, а также навыков профессиональной деятельности.

В преподавании русского языка в вузе кейс-стади как метод ситуационного анализа предполагает разработку проблемной модели профессиональной ситуации, требующей использования комплекса полученных теоретических знаний и апробации коммуникативных навыков в процессе разрешения конкретной профессиональной проблемы [12, с. 8]. Результатом применения метода ситуационного анализа является не только получение знаний в области профессионального русского языка и формирование практических навыков их применения, но и развитие профессиональных воззрений, системы ценностей обучающихся, их жизненных установок, своеобразного профессионального миропреобразования и мироощущения [13, с. 236].

Использование метода кейс-стади при изучении русского языка в вузе привносит в образовательный процесс эмоциональное начало, заменяет командные формы работы на коллективные, что порождает творческую конкуренцию, дает начало дискуссиям, запускает соревновательность. Преподавателю, по сути, отводится роль модератора [14, с. 10]. Тем не менее его задача – способствовать формированию возможности высказывать различные мнения, учиться мыслить самостоятельно, совершенствовать коммуникативные и аналитические практики, выбирать наиболее рациональное решение рассматриваемой проблемы. Как правило, использование метода кейс-стади при изучении русского языка встречается аудиторией позитивно, органично сочетает теоретический материал разнопланового свойства с практикой и положительно воздействует на профессионализацию обучающихся [15, с. 246].

Например, при изучении курсантами дисциплины «Русский язык в профессиональной служебной деятельности» используется следующий кейс:

«В академии МВД кадровая служба организовала проверку дисциплины в части соблюдения требований к внешнему виду сотрудников/работников и распорядку дня. По итогам проверки установлено, что курсант 2-го курса Орлова Н.А. обута в модельные туфли (она объяснила это тем, что выданные туфли натерли ноги), а работник архивной службы Корунов И.Р. опоздал на один час 15 минут (он объяснил это тем, что встречал в аэропорту престарелую мать, а самолет сел с опозданием). Результаты проверки были изложены начальнику академии в форме рапорта.

Вопросы для обсуждения: Какой жанр документа следует использовать для доклада руководителю о проведенной проверке? Каков реквизитный состав данного документа? Какие факты из содержащихся в тексте кейса необходимо отобразить для изложения в документе? Из каких элементов состоит структура текста документа? Какой коммуникативной стратегии

следует придерживаться при подготовке документа? Какой вектор коммуникации уместен в данной коммуникативной ситуации? Какие слова, использованные в тексте кейса, стилистически неуместны в тексте документа?

Задание: составьте рапорт о нарушении дисциплины, обратите внимание на состав и расположение реквизитов документа».

При решении кейса курсанты достаточно живо обсуждают как интралингвистические, так и экстралингвистические вопросы. Обучающиеся сталкиваются с проблемами оформления документа в жанре «рапорт», выбора адресата и адресанта (чтобы не нарушить принцип иерархии). Споры вызывают языковые нормы оформления реквизитов: расположение инициалов сотрудников до или после фамилии; наличие точки после названия вида документа; необходимость заголовка к тексту; и др. Трудности возникают при формулировании самой сути просьбы и ее аргументации: выбор идет между вариантами «Прошу провести административную проверку по указанным фактам», «Прошу принять меры дисциплинарного реагирования», «Прошу провести беседу с нарушителями» и др. Называя документ рапортом о «модельных туфлях», курсанты с трудом выбирают вместо этой формулировки официально-деловые аналоги «нарушение форменного стиля одежды» или «обувь неуставного образца», вступают в споры о том, какой вариант предпочтительнее.

Преподаватель инициирует вопросы о необходимости использования местоимения «Вас» в рапорте, проводя лингвокультуроведческий экскурс в историю; об иерархичности документной коммуникации, поясняя, что указанный документ встроен в вертикальный восходящий вектор обращения нижестоящего офицера к вышестоящему офицеру, поэтому языковые клише «Вам надлежит», «Вам необходимо», «Рекомендую Вам» неуместны в данном контексте; о категории коммуникативной точности документа, вводя в диалог с аудиторией понятия гипервербализация в тексте, гипerverбализация в тексте и релевантная информация в тексте.

Каждый курсант пишет свой вариант рапорта, и после проверки выполненных работ преподавателем возобновляется диалог о стилистических, грамматических и иных ошибках в документе, об имидже его составителя, основанном на качестве подготовленного документа.

Данная работа позволяет рассмотреть массу языковых явлений, закрепить на практике правила русского языка, проанализировать факторы эффективности документной коммуникации в профессиональной служебной деятельности сотрудника органов внутренних дел, типичные ошибки в текстах документов. Работа с такими кейсами, как показывает практика, автоматически снимает в аудитории курсантов и слушателей вопрос «Зачем нам это нужно знать?», часто возникающий, к сожалению, в современном образовательном процессе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведения исследования мы сочли возможным сформулировать ряд выводов.

Прежде всего подчеркнем, что актуальность коммуникативных компонентов в преподавании русского языка в вузах МВД России обусловлена не только необходимостью формирования у обучающихся общих и профессиональных коммуникативных компетенций, предусмотренных образовательными программами, но и особенностями профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел, основанной на коммуникации, как устной, так и письменной. Сотрудники органов внутренних дел в рамках профессиональной служебной деятельности остро нуждаются в коммуникативных навыках, опирающихся на сформированные в период обучения компетенции. Ориентация при изучении русского языка по программе образовательных организаций МВД России исключительно на грамматический подход с изучением правил и закреплением их на практике недостаточна, так как такой подход не позволяет сформировать коммуникативные компетенции необходимого уровня.

В рамках преподавания русского языка следует задействовать коммуникативный подход, предусматривающий применение методик проблемного ситуационного обучения, основанных на анализе коммуникативных практик будущей профессии. Перспективным методом ситуационного обучения является метод кейс-стади, использование которого позволяет преподавателю задействовать при работе с обучающимися как интралингвистические, так и экстралингвистические аспекты профессиональной коммуникации сотрудника органов внутренних дел.

Кейс-технология – это система обучения, основанная на рассмотрении ситуаций, реально имевших место либо смоделированных, с последующим их обсуждением, анализом и нахождением решения проблем. Обучающийся должен проанализировать ситуацию, разобраться в сути проблемы, сформулировать возможные решения и выбрать лучшее из них. Главная методическая

цель технологии – задействовать при решении кейса комплекс разнообразных теоретических знаний. Обучающимся предлагается осмыслить ситуацию, описание которой одновременно отражает практическую проблему и актуализирует определенный комплекс знаний, которые необходимо усвоить при разрешении данной проблемы. Технология применяется как для диагностики проблемы или поиска решения ранее выявленных проблем, так и для оценки обучающимися принятых по решению проблемы действий и их последствий. К числу факторов эффективности использования метода ситуационного анализа в аудитории относятся: проблемность ситуации; ее соответствие содержанию теоретического курса и профессиональным потребностям обучающихся; наличие в ситуации реального, а не вымышленного профессионального сюжета; отсутствие подсказок относительно решения представленной в кейсе проблемы.

Кейс-метод следует сочетать с другими методами обучения, в том числе традиционными, так как это способствует более глубокому усвоению учебного материала.

Практика применения метода кейс-стади в преподавании дисциплин русского языка в вузах МВД России показывает, что обучающиеся, анализируя проблемные профессиональные ситуации и роль коммуникативных компонентов в их разрешении, более ответственно подходят к изучению теоретических вопросов русского языка. У них возникают дискуссии о проблемах языковой этики, они осмысливают важность норм языкового этикета и церемониальных коммуникаций, что в целом способствует формированию у них устойчивых коммуникативных навыков.

Таким образом, мы приходим к выводу, что использование кейс-стади (метода ситуационного обучения) в преподавании русского языка будущим специалистам органов внутренних дел в вузах МВД России весьма перспективно. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ерещенко М.В., Зубарева С.С. Особенности языковой ментальности в контексте теории поколений: социологический анализ // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 4-1. С. 140-143.
2. Довгань Е.А. Повышение коммуникативных способностей слушателей юридического вуза Министерства внутренних дел в процессе изучения дисциплины «Русский язык в деловой документации. Культура речи» // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 6-2. С. 338-342.
3. Смирнов А.В. Особенности языковой подготовки для заочной формы обучения в образовательных организациях МВД России // Научное обозрение. Педагогические науки. 2019. № 2-1. С. 94-96.
4. Исмаилов А.М., Кононов А.Н. Русский язык и актуальные проблемы национальной безопасности России и стран Евразии: Монография. Новосибирск, 2016. 120 с.
5. Колин К.К. Русский язык и актуальные проблемы национальной безопасности России и стран Евразии // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 38-48.
6. Зубарева С.С. Особенности языковой ментальности поколения «Y»: социолингвистический анализ // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 26. С. 36-40.
7. Быхтина Н.В. Формирование лингвистической культуры курсанта юридического института МВД России в процессе изучения иностранного языка как одно из важнейших направлений реформирования образования // Проблемы правоохранительной деятельности и образования: Сборник научных трудов докторантов, адъюнктов, аспирантов. Т. 3. Белгород: БелЮИ МВД России, 2006. С. 110-114.
8. Куркин П.Г. Формирование речевых компетенций слушателей на учебных занятиях по дисциплине «Русский язык в деловой документации. Культура речи» // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 4 (83). С. 91-93.

9. Иванченко П.Л., Ткаченко А.Л. Анализ и возможности применения образовательной технологии «кейс-метод» в университете // Калужский экономический вестник. 2023. № 2. С. 57-59.
10. Мартынова Л.И. Проблемы практико-ориентированного обучения в вузе МВД России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26). С. 180-185.
11. Шиндряева И.В., Ковшикова Е.В., Секретёва А.В. Интерактивная технология «коммуникативные поединки» в практике преподавания русского языка в ведомственном юридическом вузе (на примере ВА МВД России) // ЦИТИСЭ. 2021. № 4 (30). С. 484-493.
12. Бабанова Е.М., Митяева А.М. Интерактивные технологии в формировании управленческой компетенции // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2023. № 3. С. 8-14.
13. Айтбаева Р.Р. К вопросу о специфике кейс-технологии и кейс-метода в системе образования // Научный альманах. 2015. № 7 (9). С. 236-239.
14. Иманалиева Т.И., Дуйшонбекова Г. Практика применения кейс-стади на занятиях русского языка как неродного в высшей школе // Новости науки Казахстана. 2024. № 3 (162). С. 9-15.
15. Расумов В.Ш. Возможности использования кейс-метода в обучении студентов // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 69-4. С. 246-249.

REFERENCES

1. Yereshchenko M.V., Zubareva S.S. Osobennosti yazykovoy mental'nosti v kontekste teorii pokoleniy: sotsiologicheskii analiz // Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya. 2016. № 4-1. S. 140-143.
2. Dovgan' Ye.A. Povysheniye kommunikativnykh sposobnostey slushateley yuridicheskogo vuza Ministerstva vnutrennikh del v protsesse izucheniya distsipliny «Russkiy yazyk v delovoy dokumentatsii. Kul'tura rechi» // Sovremennyye naukoemkiye tekhnologii. 2020. № 6-2. S. 338-342.
3. Smirnov A.V. Osobennosti yazykovoy podgotovki dlya zaachnoy formy obucheniya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii // Nauchnoye obozreniye. Pedagogicheskiye nauki. 2019. № 2-1. S. 94-96.
4. Ismailov A.M., Kononov A.N. Russkiy yazyk i aktual'nyye problemy natsional'noy bezopasnosti Rossii i stran Yevrazii: Monografiya. Novosibirsk, 2016. 120 s.
5. Kolin K.K. Russkiy yazyk i aktual'nyye problemy natsional'noy bezopasnosti Rossii i stran Yevrazii // Znaniye. Ponimaniye. Umeniye. 2008. № 1. S. 38-48.
6. Zubareva S.S. Osobennosti yazykovoy mental'nosti pokoleniya «Y»: sotsiolingvisticheskiy analiz // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept». 2016. T. 26. S. 36-40.
7. Bykhtina N.V. Formirovaniye lingvisticheskoy kul'tury kursanta yuridicheskogo instituta MVD Rossii v protsesse izucheniya inostrannogo yazyka kak odno iz vazhneyshikh napravleniy reformirovaniya obrazovaniya // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti i obrazovaniya: Sbornik nauchnykh trudov doktorantov, ad'yunktov, aspirantov. T. 3. Belgorod: BelyUI MVD Rossii, 2006. S. 110-114.
8. Kurkin P.G. Formirovaniye rechevykh kompetentsiy slushateley na uchebnykh zanyatiyakh po distsipline «Russkiy yazyk v delovoy dokumentatsii. Kul'tura rechi» // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2020. № 4 (83). S. 91-93.
9. Ivanchenko P.L., Tkachenko A.L. Analiz i vozmozhnosti primeneniya obrazovatel'noy tekhnologii «keys-metod» v universitete // Kaluzhskiy ekonomicheskii vestnik. 2023. № 2. S. 57-59.
10. Martynova L.I. Problemy praktiko-oriyentirovannogo obucheniya v vuze MVD Rossii // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2014. № 2 (26). S. 180-185.
11. Shindryayeva I.V., Kovshikova Ye.V., Sekretova A.V. Interaktivnaya tekhnologiya «kommunikativnyye poyedinki» v praktike prepodavaniya russkogo yazyka v vedomstvennom yuridicheskom vuze (na primere VA MVD Rossii) // TSITISE. 2021. № 4 (30). S. 484-493.
12. Babanova Ye.M., Mityayeva A.M. Interaktivnyye tekhnologii v formirovanii upravlencheskoy kompetentsii // Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta. 2023. № 3. S. 8-14.
13. Aitbayeva R.R. K voprosu o spetsifike keys-tekhnologii i keys-metoda v sisteme obrazovaniya // Nauchnyy al'manakh. 2015. № 7 (9). S. 236-239.
14. Imanaliyeva T.I., Duyshonbekova G. Praktika primeneniya keys-stadi na zanyatiyakh russkogo yazyka kak nerodnogo v vysshey shkole // Novosti nauki Kazakhstana. 2024. № 3 (162). S. 9-15.
15. Rasumov V.SH. Vozmozhnosti ispol'zovaniya keys-metoda v obuchenii studentov // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2020. № 69-4. S. 246-249.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Ковшикова Е.В., Шиндряева И.В., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ковшикова Е.В., Шиндряева И.В. Коммуникативные компоненты методики преподавания русского языка в образовательных организациях МВД России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 176-182.

Вера Игоревна ТАРАСОВА,

кандидат юридических наук, ORCID 0009-0004-7760-706X

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Калининград)

доцент кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки

tarasovav39@mail.ru

Илья Михайлович ПАРУНОВ,

ORCID 0009-0000-4312-0406

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России (г. Калининград)

старший преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки

parunov@bk.ru

Научная статья

УДК 378.147

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СЛУЖЕБНО-ПРИКЛАДНОГО СПОРТА В МЕТОДИКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ (на примере дисциплины «Троеборье»)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Профессиональная подготовка, сотрудник полиции, методика подготовки, соревновательная форма, служебно-прикладной спорт, троеборье.

АННОТАЦИЯ. *Введение.* В статье обоснована необходимость повышения качества профессиональной подготовки сотрудников полиции в связи с существенным обострением геополитической обстановки. Обеспечение готовности полицейских к действиям в особых условиях в целях защиты национальной безопасности требует постоянного совершенствования методов профессиональной подготовки, в том числе ориентированных на современную практику деятельности органов внутренних дел. Внимание авторов статьи сосредоточено на тактико-специальной, огневой и физической подготовке сотрудников полиции. Подчеркивается высокая эффективность использования в рамках методики обучения, реализуемой по данным видам подготовки, соревновательного метода, или иначе – соревновательной формы осуществления подготовки. Отмечается значительный методический потенциал служебно-прикладных видов спорта, в частности дисциплины «Троеборье» (стрельба из боевого оружия, демонстрация техники боевых приемов борьбы, бег на 1000 метров). **Методы.** При проведении исследования, результаты которого представлены в статье, использовались следующие методы: общенаучные (дедукция, анализ, синтез, обобщение), эмпирические (наблюдение, сравнение, беседа), общепедагогические (изучение и обобщение педагогического опыта, педагогический эксперимент). Были изучены различные аспекты подготовки к соревнованиям по служебному троеборью и участия в них, проанализирован педагогический опыт, накопленный кафедрой тактико-специальной, огневой и физической подготовки Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. **Результаты.** Авторами разработаны рекомендации по совершенствованию профессиональной подготовки сотрудников полиции с учетом необходимости устранения выявленных в системе ее осуществления недостатков. Перечислены преимущества, которые дает полицейским участие в соревнованиях по служебному троеборью. Делается вывод о необходимости взаимодействия образовательных организаций МВД России с территориальными подразделениями органов внутренних дел в целях дальнейшего развития служебно-прикладных видов спорта и активного внедрения соревновательных форм в методику профессиональной подготовки сотрудников полиции.

ВВЕДЕНИЕ

Значение профессиональной подготовки сотрудников полиции невозможно переоценить. В повседневной деятельности при выполнении служебных обязанностей полицейским требуются такие практические умения и навыки, которыми не обладают представители других профессий. Они формируются на занятиях по физической, огневой, тактико-специальной

подготовке и применяются в период всей службы. Главным критерием оценки качества подготовки представителей силовых ведомств является способность защитить себя, а также других людей от противоправных посягательств. В современной геополитической обстановке для сотрудников полиции особенно важно быть готовыми к деятельности по обеспечению национальной безопасности страны. На данное обстоятельство обратил

Vera I. TARASOVA,

Cand. Sci. (Jurisprudence), ORCID 0009-0004-7760-706X
Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of
the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Associate Professor of the Department of Tactical-Special,
Fire and Physical Training
tarasovav39@mail.ru

Илья М. PARUNOV,

ORCID 0009-0000-4312-0406
Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of
the Ministry of the Interior of Russia (Kaliningrad, Russia)
Senior Lecturer of the Department of Tactical-Special,
Fire and Physical Training
parunov@bk.ru

USING THE POSSIBILITIES OF SERVICE-APPLIED SPORTS IN THE METHODOLOGY OF PROFESSIONAL TRAINING OF POLICE OFFICERS (based on the example of the discipline «Triathlon»)

KEYWORDS. Professional training, police officer, training
methods, competitive form, service-applied sports, triathlon.

ANNOTATION. Introduction. The article substantiates the need to improve the quality of professional training of police officers in connection with a significant aggravation of the geopolitical situation. Ensuring the readiness of police officers to act in special conditions in order to protect national security requires constant improvement of professional training methods, including those oriented towards the modern practice of internal affairs agencies. The authors of the article focus on the tactical-special, fire and physical training of police officers. The high efficiency of using the competitive method, or otherwise - the competitive form of training, within the framework of the training methodology implemented for these types of training is emphasized. The significant methodological potential of service-applied sports is noted, in particular the discipline «Triathlon» (shooting from combat weapons, demonstration of combat wrestling techniques, 1000-meter run). **Methods.** The following methods were used in the study, the results of which are presented in the article: general scientific (deduction, analysis, synthesis, generalization), empirical (observation, comparison, conversation), general pedagogical (study and generalization of pedagogical experience, pedagogical experiment). Various aspects of preparation for competitions in service triathlon and participation in them were studied, the pedagogical experience accumulated by the Department of Tactical-Special, Fire and Physical Training of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia was analyzed. **Results.** The authors developed recommendations for improving the professional training of police officers, taking into account the need to eliminate the shortcomings identified in the system of its implementation. The advantages that participation in competitions in service triathlon gives to police officers are listed. A conclusion is made about the need for interaction between educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia with territorial divisions of the internal affairs bodies for the purpose of further development of service-applied sports and the active introduction of competitive forms in the methodology of professional training of police officers.

внимание Президент Российской Федерации В.В. Путин на расширенном заседании коллегии МВД России: «Одна из ключевых задач – укреплять тесную координацию всех правоохранительных и специальных служб. Исходить надо из того, что сегодня внутренние и внешние угрозы часто переплетаются и одинаково направлены против наших граждан и общества, на сдерживание России, на подрыв нашего суверенитета»¹. И важность стоящих перед органами внутренних дел задач предъясняет исключительно высокие требования к уровню подготовленности их кадрового состава.

Актуальность выбранной нами темы подтверждается результатами ряда научных исследований, проведенных за время, прошедшее с начала специальной военной операции [1, 2, 3]. Рассматривая вопросы тактико-специальной подготовки со-

трудников полиции, Т.В. Ковалев указывает на то, что неотъемлемой ее частью является служебная и боевая подготовка, предусматривающая, в частности, проведение оперативно-тактических учений, развитие навыков взаимодействия с подразделениями специального назначения [4, с. 26]. Согласимся с мнением названного автора и отметим, что применяемые методы профессиональной подготовки должны постоянно обновляться и быть неразрывно связаны с практикой деятельности органов внутренних дел. Проведение анализа научной литературы позволило нам сделать вывод о необходимости поиска новых научно обоснованных путей совершенствования служебно-боевой подготовки и методик ее осуществления, которые способствовали бы накоплению сотрудниками полиции знаний, умений и навыков, необходимых

¹ Расширенное заседание коллегии МВД России // Президент России: официальный сайт. 02.04.2024 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 01.07.2024).

им при исполнении служебных обязанностей, в том числе в особых условиях.

По нашему мнению, одним из таких путей является внедрение в процесс профессиональной подготовки соревновательного метода, который предполагает конкурентное сопоставление навыков обучающихся в условиях соперничества за первенство или наиболее высокое достижение. Как и в иных сферах жизнедеятельности человека (производство, искусство, спорт и т.д.), соревновательные формы организации двигательной активности нашли достаточное широкое применение в системе подготовки сотрудников органов внутренних дел. Однако, как справедливо замечает К.Р. Комоцкий, традиционные методики обучения в настоящее время не в полной мере позволяют решать образовательные задачи [5, с. 62]. Это объясняется тем, что участие в спортивных соревнованиях (плавание, футбол, кросс, волейбол и т.д.), во-первых, охватывает достаточно узкую группу людей (в основном это профессиональные спортсмены), во-вторых, оно ориентировано на популяризацию спорта и здорового образа жизни [6, с. 22].

Для сотрудников полиции требуется служебно-прикладная подготовка, которая не только совершенствует конкретный навык, укрепляет здоровье, но и позволяет повышать эффективность выполнения служебных задач. Данную точку зрения разделяют большинство представителей научно-педагогического сообщества, специализирующихся в области профессионально-прикладной физической подготовки. В последние годы, как пишет Т.С. Купавцев, служебно-прикладные виды спорта получили мощный импульс к развитию и динамично прогрессируют [7, с. 11]. Документами Всероссийского физкультурно-спортивного общества «Динамо» служебно-прикладные виды спорта определяются как продуманные до мелочей комплексы испытаний и задач, включающие в себя проверку физических навыков, профессиональных знаний и опыта¹. Так, например, если это служебное двоеборье, то спортсмен должен быстро бежать и метко стрелять; выступающему на полосе препятствий необходимо обладать скоростно-силовыми качествами, достаточными для ее преодоления; в плавании требуется не только быстро проплыть дистанцию в экстремальных условиях, но и продемонстрировать навыки оказания помощи. Служебно-прикладные виды спорта обладают рядом преимуществ, способствующих повышению эффективности профессиональной подготовки в органах внутренних дел: формирование навыков работы в команде; выработка умения преодолевать трудности, связанные со спецификой служебной деятельности; развитие способности оперативно принимать решения в нестандартных ситуациях. Кроме того, такие виды спорта учат быть собранным и сосредоточенным, своевременно переключаться с выполнения одной задачи на другую.

В ходе разворачивающихся в научной и учебно-методической литературе, а также в ходе проведения конференций и семинаров дискуссий по вопросам совершенствования служебно-прикладной физической подготовки сотрудников правоохранительных органов специалисты подчеркивают важность качественной подготовки сборных команд к чемпионатам МВД России, повышения уровня спортивного мастерства участников соревнований [8]. По нашему мнению, соревновательный метод действительно обладает большим потенциалом и имеет высокую эффективность.

Самым молодым видом служебно-прикладного спорта в МВД России является дисциплина «Служебное троеборье». Ее история берет начало с соревнований, проводившихся в системе Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков. После ликвидации ФСКН перед кадровыми подразделениями МВД России была поставлена задача сохранить и развивать данный вид прикладного спорта в полиции. В этих целях была проделана большая работа, и она дала позитивные результаты. С 2023 года спортсмены имеют возможность выступать на чемпионатах МВД России по служебному троеборью, совершенствуя свою профессиональную подготовку, а также выполняя нормативы, необходимые для присвоения спортивных званий и разрядов².

Согласно правилам проведения соревнований по служебному троеборью их участники должны проявить навыки в стрельбе из боевого оружия, продемонстрировать технику выполнения боевых приемов борьбы и пробежать дистанцию в 1000 метров. Участие в соревнованиях сопряжено с воздействием стрессобразующих факторов. Здесь, по сути, моделируется обстановка, в которой приходится действовать сотрудникам органов внутренних дел при исполнении ими служебных обязанностей, а прикладной характер физической активности способствует формированию у них навыков уверенных действий в самых опасных ситуациях.

Перед проведенным нами исследованием была поставлена цель раскрыть потенциал совершенствования методики профессиональной подготовки сотрудников полиции посредством использования возможностей соревновательного метода (на примере служебного троеборья).

МЕТОДЫ

В ходе исследования нами использовались общенаучные методы. В первую очередь это анализ (научно-методической литературы, рабочих программ по физической, огневой подготовке, положений о проведении соревнований), а также дедукция, синтез, обобщение, позволившие изучить и описать соревновательную форму осуществления подготовки. Вместе с тем были востребованы эмпирические методы: наблюдение за ходом проведения соревнований и подготовкой участников; сравнение техники выполнения боевых приемов

¹ Служим России // Общество «Динамо»: сайт // URL: <https://www.dynamo.su/about/applied-sport/> (дата обращения: 18.07.2024).

² Участие в соревнованиях по служебно-прикладным видам спорта дает возможность присвоения спортивного звания (разряда) и получения надбавки к окладу без соблюдения условия прохождения службы на профильной кафедре либо в отделе профессиональной подготовки.

борьбы представителями образовательных организаций из различных регионов страны; беседы с участниками соревнований, тренерами, сотрудниками ГУРЛС МВД России о значении троеборья как служебно-прикладного вида спорта в профессиональной подготовке сотрудников. Кроме того, применялись общепедагогические методы. В частности, изучены методики проведения занятий по специальным дисциплинам, обобщен педагогический опыт, организован педагогический эксперимент (привлечение к процессу осуществления профессиональной подготовки преподавателей кафедр Санкт-Петербургского университета МВД России, а также его Калининградского филиала).

В исследовании учтен собственный опыт участия во всероссийских соревнованиях и в чемпионате МВД России¹ по служебно-прикладному спорту в дисциплине «Троеборье», во всероссийском спортивном судейском семинаре МВД России, посвященном вопросам подготовки и аттестации судей по служебно-прикладным видам спорта, а также педагогической деятельности на кафедре тактико-специальной, огневой и физической подготовки.

Перечисленные методы позволили обосновать эффективность применения соревновательного метода (на примере служебного троеборья) в системе профессиональной подготовки сотрудников полиции.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Исследование показало, что участие в соревнованиях по служебно-прикладному спорту в дисциплине «Троеборье» требует тщательной подготовки. При ее осуществлении происходит взаимодействие профессорско-преподавательского состава, сотрудников, ответственных за служебно-боевую подготовку в территориальных органах внутренних дел, представителей кадровых подразделений ГУРЛС МВД России.

Высокий уровень подготовки демонстрируют не только курсанты и слушатели, но и тренеры сборных команд. Установлено, что в условиях конкуренции повышается стремление к совершенствованию профессионального мастера, происходит обмен опытом, который становится мощным импульсом для внедрения в процесс обучения сотрудников полиции новых форм и методов подготовки. В ходе научных мероприятий, а также семинаров спортивных судей обсуждаются актуальные вопросы организации и проведения соревнований, развития служебно-прикладного спорта, эффективности использования его возможностей в профессиональной подготовке полицейских, совершенствования ее методики, особенности организации судейства, права и обязанности участников соревнований. Полученные в ходе таких мероприятий навыки и умения могут быть использованы на практических занятиях по огневой, физической, тактико-специальной подготовке, а теоретические знания – для реализации научного и методического потенциала сотрудников, повышения квалификации преподавателей,

осуществляющих подготовку команд, а также для получения судейских категорий.

По итогам проведения анализа соревнований нами были выявлены недостатки в методике подготовки сотрудников полиции к участию в них. Одним из результатов исследования стала разработка рекомендации по устранению данных недостатков.

Ценность *стрельбы* как метода повышения уровня профессиональной подготовленности очевидна. Обучение навыкам стрельбы из боевого оружия и их последующее совершенствование является наиболее продолжительным (в сравнении с иными видами троеборья) и ограниченным по времени и месту проведения занятий (тиры, стрельбища, полигоны) процессом [9, с. 2]. Сотрудники полиции выполняют упражнение скоростной стрельбы, которое состоит из двух серий по 5 выстрелов (по одному в мишень) с переносом огня по фронту, каждая производится в течение 20 секунд. Стрелок должен поразить 5 грудных фигур с кругами и 5 фигурных мишеней со смещенным центром из положения стоя. Выполнение упражнения начинается с 25-метровой подбежки. Важно уметь быстро не только стрелять, но и извлекать оружие из кобуры, иметь навык производства выстрела после физической нагрузки. Условия выполнения упражнения максимально приближены к реальным условиям несения полицейской службы, что повышает его практическую значимость.

Скоростная стрельба улучшает психологическую устойчивость стрелка, необходимую для уверенного выполнения правильных действий, а также способность противостоять влиянию обстановки, являющуюся залогом благоприятного исхода огневого поединка. Поскольку в обучении стрельбе из боевого оружия большое значение имеет не только техническая, но и психологическая подготовка, курс стрельб в образовательных организациях МВД России должен предусматривать изучение мер безопасности, материальной части оружия, тактико-технических характеристик, вопросов организации стрельбы, внешней и внутренней баллистики, психологической готовности [10, с. 161]. Неслучайно в специальной литературе по стрельбе из боевого оружия содержатся разделы, посвященные психологии стрелка. Впервые методики подготовки спортсменов-стрелков с акцентом на общие положения психологии были рассмотрены в широко известном зарубежном издании «Спортивная стрельба из винтовки» Б. Пуллэма и Ф.Т. Хейненкарта, опубликованном в начале 70-х годов XX века (раздел «Психология – тайное оружие чемпиона») [11].

В результате проведенного исследования нами были сформулированы предложения по совершенствованию методики огневой подготовки сотрудников органов внутренних дел. Они предполагают обучение полицейских стрельбе из оружия разных видов, при разном освещении, в различных условиях и в нестандартной обстановке.

¹ В соревнованиях участвовали сборные команды из 16 образовательных организаций МВД России. Победители определялись в лично-командном зачете (3 мужчины, 1 женщина).

Второй вид троеборья – *демонстрация боевых приемов борьбы*. В профессиональной деятельности владение техникой выполнения таких приемов требуется не только для правомерного задержания правонарушителей (в рамках применения физической силы), но и в ситуациях, когда полицейскому приходится защищать себя [12, с. 174]. Демонстрация приема завершается осуществлением ограничения свободы передвижения асси́стента. В программу входят приемы задержания и сопровождения, освобождения от захватов и обхватов, защиты от ударов руками и ногами, обезоруживания правонарушителя, вооруженного ножом (палкой), пресечения действий с огнестрельным оружием, броски. Техника выполнения боевых приемов борьбы отрабатывается с партнером. Для того чтобы действия были точными и слаженными, оба сотрудника должны знать, что им делать: ассистент осуществляет предусмотренные заданием действия, а тот, кого оценивают, демонстрирует технику выполнения приема.

Во избежание травм расслабляющие удары только обозначаются, а не наносятся со всей силой; техника проведения приемов контролируется обоими сотрудниками; ассистент использует самостраховку [13, с. 378]. В случае совершения запрещенных действий, которые могут привести к получению травмы, руководитель занятия вправе отстранить сотрудника от демонстрации боевых приемов борьбы. При выполнении заданий оценивается каждый элемент техники выполнения приема в отдельности (например правильность захвата, постановки блока и т.п.), а так же весь прием в целом (соблюдение последовательности элементов, динамичность, эффективность). Несмотря на то, что существует подробное описание порядка действий при выполнении того или иного приема, индивидуальная техника его выполнения может различаться. Ее использование не является ошибкой при условии соблюдения требований динамичности и эффективности.

Обобщив сложившуюся практику демонстрации боевых приемов борьбы, мы определили наиболее распространенные типичные ошибки, допускаемые при их выполнении. Все они условно делятся на три группы: грубые ошибки, ошибки и незначительные ошибки, которые влияют на оценку действий сотрудника. Совершение грубой ошибки в реальных условиях профессиональной деятельности может привести к возникновению угрозы жизни и здоровью сотрудников полиции (например касание лезвия конечностями при защите от удара ножом, невыполнение ухода с линии направления ударов ножом, палкой, иным предметом и др.). Ошибки в действиях по применению физической силы обуславливают возможность перехода тактического преимущества от сотрудника полиции к нарушителю. Как правило, они снижают эффективность выполнения приема задержания либо препятствуют его завершению (потеря равновесия, отсутствие постоянного давления на захваченную руку во время загиба руки за спину и т.д.). Незначительные ошибки при стечении обстоятельств также могут повлечь за собой негативные последствия (недостаточные скорость

и четкость выполнения приема дают время нарушителю на оказание сопротивления).

По результатам исследования нами разработаны рекомендации по совершенствованию методики подготовки полицейских к применению физической силы:

1) проведение занятий разными специалистами (преподавателями) в целях освоения как можно большего количества вариантов выполнения приемов;

2) обращение особого внимания на практическую составляющую подготовки с учетом обстоятельств, возникающих в реальных условиях несения службы;

3) периодическая смена места и обстановки проведения занятий (на улице, на дорожном покрытии или песке, при различном освещении, в верхней одежде, головном уборе, форменной обуви);

4) работа в паре с разными (по росту, весу, возрасту, полу и т.д.) ассистентами;

5) выполнение приемов согласно описанию, изложенному в нормативных правовых актах [14].

Заключительный вид программы троеборья – *бег на 1000 метров*. Он позволяет сотрудникам полиции развивать выносливость, необходимую при выполнении ими служебных задач, а также способствует увеличению силы и общему укреплению здоровья [15, с. 46]. Легкоатлетические соревнования проводятся на сертифицированном стадионе (круг 400 метров) либо в закрытом манеже (круг 200 метров). Такой подход исключает неточности в замерах дистанции, влияние на результат подъемов и спусков, а также особенностей поверхности беговой дорожки (песок, асфальт, специальное резиновое покрытие). Участникам дается общий старт, после чего каждый из них в отработанном на тренировках темпе преодолевает дистанцию, равную 1000 метрам. Положением о проведении соревнований определяются правила, за нарушение которых спортсмен отстраняется от участия: повторное совершение фальстарта, создание на дистанции помех другим участникам забега, неправильное выполнение обгона, сокращение дистанции и т.д.

В ходе исследования было установлено, что наибольшие трудности сотрудники полиции испытывают при сдаче нормативов по бегу. Оказалось, что беговой подготовке полицейских уделяется недостаточное внимание. Так, например, технику производства выстрела изучают и совершенствуют на протяжении всего курса профессиональной подготовки, в рамках занятий по физической подготовке тщательно отрабатывается техника выполнения боевых приемов борьбы, и лишь самая незначительная часть учебного времени выделяется легкоатлетическим упражнениям. Существующие в настоящее время эффективные методы тренировки (компенсаторный бег, кроссовый бег, развивающий бег, интервальный бег, фартлек, бег в гору, силовая тренировка, прыжковая тренировка), которые укрепляют организм, подготавливая его к нагрузкам, в методике физической подготовки в органах внутренних дел, как правило, не используются.

По нашему мнению, следует учитывать, что физическая активность способствует выработке эндорфинов, поднимает настроение, снимает стресс, формирует ключевые навыки и качества, которые помогают добиться успеха как в профессии, так и в личной жизни [16, с. 333]. Поэтому в рамках профессиональной подготовки сотрудников полиции необходимо:

- 1) использовать все виды беговых тренировок;
- 2) регулярно проводить занятия в течение всего учебного года (а не только за неделю до начала итоговых испытаний или соревнований);
- 3) постепенно увеличивать объемы нагрузки (начинать занятия с быстрого шага, потом переходить на легкий бег, а затем бег в более высоком темпе);
- 4) укреплять организм комплексами общефизических упражнений;
- 5) выполнять подводящие тренировки.

Подготовка кадров для полиции осуществляется образовательными организациями МВД России, здесь формируются базовые навыки и умения будущих специалистов. Исходя из этого, мы пришли к выводу о необходимости взаимодействия ведомственных вузов с территориальными органами внутренних дел в целях выявления и устранения недостатков в профессиональной подготовке. В связи с этим большое значение приобретает участие представителей образовательных организаций и сотрудников территориальных органов в научно-практических мероприятиях,

судейских семинарах и соревнованиях различного уровня.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в результате исследования мы пришли к выводу о том, что участие сотрудников полиции в соревнованиях по служебно-прикладным видам спорта является эффективной формой реализации методики профессиональной подготовки. Выявлена объективная необходимость внедрения в систему подготовки полицейских предложенных нами методов, устранения имеющихся недостатков, а также проведения дальнейших научных исследований по вопросам развития служебно-прикладного спорта.

Соревновательная форма осуществления профессиональной подготовки сотрудников полиции обладает значительным педагогическим потенциалом. Ее применение расширяет возможности обмена опытом, обуславливает здоровую конкуренцию, вызывает у сотрудников полиции стремление быть лучшим. Описанный нами вид служебно-прикладного спорта впервые был заявлен в Планах спортивных мероприятий МВД России в 2023 году. Служебное троеборье можно рассматривать как действенный способ повышения мастерства в скоростной стрельбе, технике выполнения боевых приемов борьбы и выносливости в беге на средние дистанции. Данные навыки чрезвычайно важны для выполнения сотрудниками полиции служебных задач (в том числе в особых условиях). ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Горелов А.А., Виноградов И.Д. О подготовке курсантов образовательных организаций высшего образования системы МВД России к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (98). С. 176-186.
2. Горлов О.Ю., Фишер И.В. Требования к огневой подготовленности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, привлекаемых к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2023. № 1 (20). С. 114-119.
3. Сошин А.А. Подготовка сотрудников полиции и Росгвардии к действиям в особых условиях // Аграрное и земельное право. 2024. № 3 (231). С. 181-182.
4. Ковалев Т.В. Тактико-специальная подготовка сотрудников полиции для действий в особых условиях // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. XXVII международная научно-практическая конференция. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2024. С. 25-26.
5. Комоцкий К.Р. Обучение приемам самозащиты без оружия на основе факторов интенсификации профессионально-прикладной физической подготовки курсантов в учреждениях образования Республики Беларусь // Мир спорта. № 4 (93). 2023. С. 62-65.
6. Глубокий В.А., Астафьев Н.В., Филиппович В.А., Байкалов В.А. Использование спортивных игр для формирования навыков взаимодействия у сотрудников полиции // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2024. № 7. С. 19-25.
7. Купавцев Т.С. О подготовке мест проведения спортивных соревнований по служебно-прикладным видам спорта // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 11-15.
8. Панов В.П., Струганов С.М., Кравчук А.И. К вопросу развития служебно-прикладных видов спорта в Министерстве внутренних дел Российской Федерации // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2022. № 10 (212). С. 319-323.
9. Каримов А.А. Стрелковая компетентность сотрудников органов внутренних дел как показатель их профессионализма // Полицейская деятельность. 2023. № 4. С. 1-12.
10. Петров К.Н. Совершенствование подготовки сотрудников полиции, привлекаемых к несению службы в особых условиях // E-Scio. 2023. № 10 (85). С. 157-162.
11. Пуллэм Б., Хейненкарт Ф.Т. Спортивная стрельба из винтовки. М.: 1991. 272 с.
12. Хыбыртов Р.Б. Значение боевых приемов борьбы в структуре служебно-оперативной деятельности сотрудников полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 174-179.

13. Шуткин С.Н., Усков В.М., Ипполитов В.В. Меры безопасности и страховка при проведении самостоятельных занятий по физической подготовке // Проблемы обеспечения безопасности при ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2019. № 1-2. С. 378-379.
14. Чехранов Ю.В. Обязательная и вариативная техника боевых приемов борьбы // Вестник экономической безопасности. 2023. № 4. С. 236-238.
15. Носов С.А. Беговые упражнения как элемент физической подготовки в полиции // Наука-2020. 2019. № 10 (35). С. 45-47.
16. Деметьев В.Л., Платонов Д.А. Физическая культура и спорт в профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 331-334.

REFERENCES

1. Gorelov A.A., Vinogradov I.D. O podgotovke kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya sistemy MVD Rossii k vypolneniyu operativno-sluzhebnykh zadach v osobykh usloviyakh // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 2 (98). S. 176-186.
2. Gorlov O.Yu., Fisher I.V. Trebovaniya k ognevoy podgotovlennosti sotrudnikov organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, privlekayemykh k vypolneniyu operativno-sluzhebnykh zadach v osobykh usloviyakh // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. 2023. № 1 (20). S. 114-119.
3. Soshin A.A. Podgotovka sotrudnikov politsii i Rosgvardii k deystviyam v osobykh usloviyakh // Agrarnoye i zemel'noye pravo. 2024. № 3 (231). S. 181-182.
4. Kovalev T.V. Taktiko-spetsial'naya podgotovka sotrudnikov politsii dlya deystviy v osobykh usloviyakh // Aktual'nyye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki. XXVII mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Krasnoyarsk: SibYUI MVD Rossii, 2024. S. 25-26.
5. Komotskiy K.R. Obucheniye priyemam samozashchity bez oruzhiya na osnove faktorov intensivatsii professional'no-prikladnoy fizicheskoy podgotovki kursantov v uchrezhdeniyakh obrazovaniya Respubliki Belarus' // Mir sporta. № 4 (93). 2023. S. 62-65.
6. Glubokiy V.A., Astaf'yev N.V., Filippovich V.A., Baykalov V.A. Ispol'zovaniye sportivnykh igr dlya formirovaniya navykov vzaimodeystviya u sotrudnikov politsii // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport. 2024. № 7. S. 19-25.
7. Kupavtsev T.S. O podgotovke mest provedeniya sportivnykh sorevnovaniy po sluzhebno-prikladnym vidam sporta // Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ufa, 2020. S. 11-15.
8. Panov V.P., Struganov S.M., Kravchuk A.I. K voprosu razvitiya sluzhebno-prikladnykh vidov sporta v Ministerstve vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii // Uchenyye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. 2022. № 10 (212). S. 319-323.
9. Karimov A.A. Strelkovaya kompetentnost' sotrudnikov organov vnutrennikh del kak pokazatel' ikh professionalizma // Politseyskaya deyatel'nost'. 2023. № 4. S. 1-12.
10. Petrov K.N. Sovershenstvovaniye podgotovki sotrudnikov politsii, privlekayemykh k neseniyu sluzhby v osobykh usloviyakh // E-Scio. 2023. № 10 (85). S. 157-162.
11. Pullem B., Kheynekart F.T. Sportivnaya strel'ba iz vintovki. M.: 1991. 272 s.
12. Khybyrtov R.B. Znacheneye boyevykh priyemov bor'by v strukture sluzhebno-operativnoy deyatel'nosti sotrudnikov politsii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 1 (97). S. 174-179.
13. Shutkin S.N., Uskov V.M., Ippolitov V.V. Mery bezopasnosti i strakhovka pri provedenii samostoyatel'nykh zanyatiy po fizicheskoy podgotovke // Problemy obespecheniya bezopasnosti pri likvidatsii posledstviy chrezvychaynykh situatsiy. 2019. № 1-2. S. 378-379.
14. Chekhranov Yu.V. Obyazatel'naya i variativnaya tekhnika boyevykh priyemov bor'by // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2023. № 4. S. 236-238.
15. Nosov S.A. Begovyie uprazhneniya kak element fizicheskoy podgotovki v politsii // Nauka-2020. 2019. № 10 (35). S. 45-47.
16. Dement'yev V.L., Platonov D.A. Fizicheskaya kul'tura i sport v professional'noy podgotovke sotrudnikov organov vnutrennikh del // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2019. № 2. S. 331-334.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

© Тарасова В.И., Парунов И.М., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Тарасова В.И., Парунов И.М. Использование возможностей служебно-прикладного спорта в методике профессиональной подготовки сотрудников полиции (на примере дисциплины «Троеборье») // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 183-189.

Татьяна Андреевна ОГАРЬ,
кандидат юридических наук, доцент,
ORCID 0000-0002-9034-3108
Санкт-Петербургский университет
МВД России (г. Санкт-Петербург)
начальник кафедры уголовного права
tat-kap@yandex.ru

Обзорная статья
УДК [061.3:343.2/.7](048.8)

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА. МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО- ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (7-8 июня 2024 г., Санкт-Петербург)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Уголовное право, уголовная политика, уголовное законодательство, уголовная ответственность, квалификация преступлений, научно-практическая конференция.

АННОТАЦИЯ. 7-8 июня 2024 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России прошла ежегодная международная научно-практическая конференция «Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра». В фокусе внимания ее участников были актуальные вопросы состояния уголовного законодательства, практики его применения и науки уголовного права. В работе конференции приняли участие 86 представителей 34 научных и образовательных организаций и пяти структурных подразделений органов исполнительной власти, в том числе 25 докторов наук, 45 кандидатов наук, шесть сотрудников территориальных органов внутренних дел Российской Федерации. На пленарном заседании состоялось обсуждение вопросов, касающиеся масштабов уголовной политики, уголовно-правового противодействия преступлениям в сфере высоких технологий и террористического характера, рассмотрены направления реформирования норм, регулирующих ответственность за имущественные преступления, а также уголовного и уголовно-процессуального законодательства с учетом принятия Федерального закона «О пробации в Российской Федерации», поднимались проблемы криминологического характера, касающиеся формирования новой подотрасли – военной криминологии, анализировались подходы к определению временных периодов изучения современной преступности. В ходе работы секций обсуждались проблемные аспекты применения норм Общей и Особенной части УК РФ, связанные, в частности, с целями наказания, условиями освобождения от уголовной ответственности и от наказания, ошибками в квалификации вины в случаях нарушения правил безопасности при ведении строительных или иных работ, проблемами уголовной ответственности за осквернение символов воинской славы России. Были представлены направления совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной практики.

В Санкт-Петербургском университете МВД России 7 июня 2024 года состоялось пленарное заседание ежегодной международной научно-практической конференции «Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра». В работе конференции, в том числе с применением

средств видео-конференц-связи, приняли участие представители 34 образовательных организаций высшего образования из нескольких регионов Российской Федерации и стран ближнего зарубежья – Армении, Беларуси, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, а также сотрудники структурных

Tatyana A. OGAR,
Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor,
ORCID 0000-0002-9034-3108
Saint-Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia (Saint-Petersburg, Russia)
Head of the Department of Criminal Law
tat-kap@yandex.ru

**CRIMINAL LAW: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW.
INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
(June 7-8, 2024, Saint-Petersburg)**

KEYWORDS. Criminal law, criminal policy, criminal legislation, criminal liability, qualification of crimes, scientific and practical conference.

ANNOTATION. *On June 7-8, 2024, the annual international scientific and practical conference «Criminal legislation: yesterday, today, tomorrow» was held at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The participants focused on current issues of the state of criminal legislation, the practice of its application and the science of criminal law. The conference was attended by 86 representatives of 34 scientific and educational organizations and five structural divisions of executive authorities, including 25 doctors of science, 45 candidates of science, six employees of territorial bodies of internal affairs of the Russian Federation. The plenary session discussed issues related to the scale of criminal policy, criminal-legal counteraction to crimes in the sphere of high technologies and terrorist nature, considered the directions of reforming the norms regulating responsibility for property crimes, as well as criminal and criminal-procedural legislation taking into account the adoption of the Federal Law «On probation in the Russian Federation», raised criminological issues related to the formation of a new sub-sector – military criminology, analyzed approaches to determining the time periods of studying modern crime. During the work of the sections, problematic aspects of the application of the norms of the General and Special Parts of Criminal Code of the Russian Federation were discussed, related, in particular, to the purposes of punishment, conditions for exemption from criminal liability and from punishment, errors in the qualification of guilt in cases of violation of safety rules during construction or other work, problems of criminal liability for desecration of symbols of military glory of Russia. Directions for improving criminal legislation and law enforcement practice were presented.*

подразделений органов исполнительной власти Российской Федерации. Среди гостей мероприятия были ученые, которые внесли существенный вклад в развитие криминологической и уголовно-правовой науки: Ю.Е. Пудовочкин (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина), М.Ю. Воронин (Московский государственный лингвистический университет), С.Ф. Милюков (Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена), В.В. Векленко и В.Ф. Щепельков (Санкт-Петербургский государственный университет), М.Н. Урда (Юго-Западный государственный университет), Н.В. Тыдыкова (Алтайский государственный университет).

По результатам работы конференции издан в электронной форме сборник ее материалов¹. В него включено 62 статьи, отражающие содержание значительной части научных докладов и сообщений. В их подготовке приняли участие 66 авторов из 22 научных и образовательных организаций, в том числе из зарубежных стран, 16 докторов юридических наук, 33 кандидата юридических наук, 4 сотрудника структурных подразделений органов исполнительной власти Российской Федерации.

На открытии конференции выступил **заместитель начальника Санкт-Петербургского универ-**

ситета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации М.В. Бавсун. Он поблагодарил присутствовавших за проявленный интерес и отметил, что многие из них являются уже традиционными участниками данного мероприятия, в том числе **заместитель начальника Академии МВД Республики Таджикистан по науке, доктор юридических наук, доцент, подполковник милиции Р.Р. Рахмаджонзода.** В своей приветственной речи Рифат Рахмаджон Рахмаджонзода подчеркнул, что с огромным удовольствием вновь принимает участие в конференции. По его мнению, благодаря таким научно-представительским мероприятиям реализуются многие идеи, сверяются научные позиции и самое главное – это встреча коллег и единомышленников, друзей и знакомых. Содержание программы конференции уникально по объему, сформированные тематические секции свидетельствуют о стремлении организаторов сосредоточить внимание участников дискуссий на поиске решения наиболее актуальных проблем науки и практики уголовного права, уголовной политики в целом и ее отдельных направлений и разветвлений. Вопросы, предложенные для рассмотрения на конференции, по словам Р.Р. Рахмаджонзоды, имеют актуальный характер не только для Рос-

¹ Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 7-8 июня 2024 года / под ред. Т.А. Огарь, Д.М. Кокина; сост. Ю.А. Шутова [Электронный ресурс]. СПб: СПбУ МВД России, 2024.

сийской Федерации, но и для Республики Таджикистан.

Далее представлено краткое содержание некоторых докладов, прозвучавших на пленарном заседании.

С докладом на тему «Цифровая инфраструктура терроризма: стратегия уголовно-правового противодействия» выступил **проректор Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, старший советник юстиции Д.К. Боков**. Он отметил, что цифровая инфраструктура терроризма – это комплекс технологий и построенных на их основе цифровых продуктов, обеспечивающих вычислительные, телекоммуникационные и сетевые мощности для осуществления террористической деятельности. По мнению докладчика, в отношении действий, связанных с цифровой инфраструктурой терроризма, уголовное законодательство России может быть применено по нескольким направлениям:

- ч. 5 ст. 33 УК РФ закрепляет ответственность за пособничество, в том числе в совершении любого преступления террористического характера;

- п. «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ признает отягчающим обстоятельством совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма;

- ч. 1.1 и ч. 3 ст. 205.1 УК РФ устанавливают ответственность за финансирование терроризма и пособничество в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206 и ч. 1 ст. 208 УК РФ;

- ст. 205.4 и ст. 205.5 УК РФ применяются, когда деятельность с цифровой инфраструктурой терроризма являлась формой участия лица в террористическом сообществе либо организации;

- гл. 28 УК РФ содержит уголовно-правовые нормы об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации.

В заключение своего выступления Дмитрий Константинович сформулировал предложения о мерах, необходимых для купирования угроз от деятельности, связанной с цифровой инфраструктурой терроризма. Среди них – установление самостоятельной ответственности за оказание информационной, материально-технической или иной поддержки терроризму, если такие действия не содержат признаков содействия террористической деятельности по смыслу ст. 205.1 УК РФ.

Выступление **директора института международного права Московского государственного лингвистического университета, доктора юридических наук, профессора М.Ю. Воронина** было посвящено масштабам уголовной политики. Рассматривая в качестве критериев дифференциации границы (государственные, административно-территориальные и пр.), докладчик выделил три ее уровня: международная уголовная политика, федеральная (общегосударственная) уголовная политика и региональная уголовная политика. По мнению Михаила Юрьевича, первый уровень является наиболее «насыщенным»

по числу структурных элементов. Он включает в себя межгосударственную уголовную политику (например стран СНГ) и уголовную политику, которая разрабатывается и реализуется в рамках интеграции нескольких государств (например при двусторонних отношениях). Международная уголовная политика разделяется на два подуровня: межгосударственная уголовная политика в узком смысле и межгосударственная уголовная политика в широком понимании. В первом случае под таковой подразумевается взаимодействие национальных юрисдикций, а во втором – деятельность органов международной юстиции.

Важным событием международной уголовной политики России стало подписание Российской Федерацией Римского статута Международного уголовного суда. Другим – встречным – вектором российской международной уголовной политики является имплементация норм международного права в национальное законодательство, что отражает реализацию уголовной политики на нормотворческом (законодательном) уровне¹. Уголовная политика как системное явление наиболее полно отражается на общегосударственном уровне в таких ее структурных элементах, как профилактическая политика, уголовно-правовая политика, уголовно-исполнительная политика. Неоднородной является и региональная уголовная политика. Она включает в себя локальную уголовную политику, которая формируется и реализуется на уровне органов местного самоуправления.

Рассматривая уголовную политику как деятельность, необходимо иметь в виду, что она определяется культурой. Именно культура, в том числе и правовая, является критерием, определяющим как ценностную ориентацию уголовной политики, так и ее масштабы.

Профессор кафедры уголовного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор В.Ф. Щепельков в своем докладе рассказал о состоянии и перспективах уголовно-правового противодействия преступлениям против компьютерной безопасности. Владислав Фёдорович отметил, что рассматриваемая группа преступлений по-разному именуется в тексте закона, статистической отчетности и в доктрине уголовного права. Наблюдается абсолютный и относительный рост числа зарегистрированных на территории Российской Федерации компьютерных преступлений (с момента появления сведений о них в официальной статистике в 2017 году). Результаты анализа статистических данных показывают, что более чем две трети компьютерных преступлений совершается путем кражи или мошенничества, почти каждое восьмое – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств. При анализе изменений текста уголовного закона, осуществленных в рамках уголовно-правового противодействия преступлениям рассматриваемой группы, были выявлены следующие тенденции: терминологическая оптимизация; включение в ряд норм Особенной

¹ Богуш Г.И., Есаков Г.А., Русинова В.Н. Международные преступления: модель имплементации в российское законодательство: Монография. М.: Проспект, 2017. С. 5.

части УК РФ в качестве квалифицирующего признака компьютерного способа совершения преступления; усиление уголовно-правовой охраны компьютерной безопасности в наиболее чувствительных областях; включение в УК РФ специальных «компьютерных» составов за рамками главы о преступлениях в сфере компьютерной информации. По мнению докладчика, эти тенденции заслуживают поддержки и требуют дальнейшего развития¹. Кроме того, Владислав Фёдорович обозначил новые угрозы, в отношении которых требуется выстраивать уголовно-правовую защиту. Это угрозы обороту новых «компьютерных» объектов (различные квазисредства платежа, компьютерные объекты интеллектуальной собственности и др.); распространение деструктивных компьютерных объектов (некоторые разновидности дипфейков, треш-стримов и т.п.); дистанционное запугивание потерпевших; применение компьютерных технологий для распространения криминальной информации и организации протестов граждан; угрозы общественно опасных последствий от применения искусственного интеллекта.

Выступление профессора кафедры уголовного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктора юридических наук, профессора В.В. Векленко касалось вопросов совершенствования законодательства о преступлениях против собственности. Отмечая размах и распространенность хищений, астрономические суммы ущерба, докладчик сделал акцент на том, что в настоящее время имеются значительные резервы не только в стратегии, но и в тактике уголовно-правового противодействия имущественным преступлениям². В качестве стратегических направлений уголовного-правового противодействия преступлениям рассматриваемого вида им были названы: усиление наказания за посягательство на материальные ценности и ресурсы в сфере обеспечения обороны и безопасности государства с использованием публичной сферы, посредством применения современных коммуникационных средств; дифференциация уголовной ответственности и наказания в зависимости от размера похищенного и видов имущества; приведение наименования гл. 21 УК РФ в соответствие с ее фактическим содержанием – «Имущественные преступления»; оптимизация количества форм хищения, предусмотренных в тексте уголовного закона; создание механизма компенсации воздействия инфляционных процессов на стоимость при определении видов хищения чужого имущества; включение в текст уголовного закона основания уголовной ответственности за мелкое хищение; оптимизация количества и содержания квалифицирующих признаков хищений; законодательное закрепление наиболее важных понятий, таких как предмет и субъект имущественных преступлений, момент их окончания и др. В завершение своего выступления Василий

Владимирович отметил, что процесс совершенствования законодательства об имущественных преступлениях далеко не завершен и требует внимания со стороны уголовно-правовой науки при поддержке правоприменительной практики.

Профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор Ю.Е. Пудовочкин выступил с докладом «Гемпоральные наблюдения динамики преступности». Он поставил вопрос о том, какой срок наблюдения следует считать предпочтительным для формулировки криминологически значимых выводов, и что брать за «единицу времени» при изучении преступности? Были озвучены результаты изучения 80 авторефератов диссертаций: в большинстве случаев период исследования не превышал 10 лет. Результаты анализа данных статистики за различные периоды времени показали, что в среднем статистические показатели, взятые за месяц, год и пять лет, практически не отличаются друг от друга.

Затем докладчик обратился к вопросу о том, какой временной период охватывает понятие «современная преступность»? В итоге проведенного им изучения 15 авторефератов диссертаций, авторы которых использовали понятие «современная преступность», было выявлено, что оно относится к периодам от 4 до 25 лет, и в большинстве случаев начало таких периодов связывают с 1997 годом. Кроме того, Юрий Евгеньевич обратил внимание аудитории на два важных обстоятельства: рассмотрение преступности в произвольно избранный 10-летний период нельзя считать ее исследованием, это может быть изучение практики применения норм закона или деятельности правоохранительных органов; изучение преступности только в избранный период не позволяет анализировать ее как процесс, который протекает вне рамок этого периода.

По мнению докладчика, современная преступность – это преступность не в какой-то конкретной временной период, не в период действия конкретного закона, а преступность в тот период, когда сохраняется тот или иной конкретный криминологический тренд. При этом большое значение имеют факторы, влияющие на преступность. Подводя итог, Юрий Евгеньевич отметил, что создание теории изменения преступности является насущной потребностью современной криминологической науки, а сделать это можно, только сняв хронологические рамки с криминологических исследований.

Трудности, возникающие в ходе изъятия доходов, полученных в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, в своем докладе рассмотрел заведующий кафедрой управления следственной деятельности (Высших академических курсов) факультета повы-

¹ См. об этом также: Рускевич Е.А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2020. 521 с.

² Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / под ред. В.Н. Бурлакова, В.В. Векленко, В.Ф. Щепелькова. СПб: СПбГУ, 2021. 896 с.

шения квалификации Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции С.В. Петраков. Он отметил, что с позиции уголовного закона доходы, полученные в результате совершения такого преступления, не могут быть конфискованы, так как оно не включено в перечень тех, по делам о которых возможна конфискация. Из-за этой проблемы суды при вынесении обвинительных приговоров по ст. 172 УК РФ принимают решения о возвращении осужденным изъятых у них доходов от незаконной банковской деятельности. В связи с этим необходим поиск возможностей, которые позволили бы не возвращать такие доходы. По мнению докладчика, выходом из ситуации является обращение рассматриваемых доходов не в рамках уголовно-правовых отношений, а в рамках уголовно-процессуальных. Данный способ представляет собой сложную правовую конструкцию, которая сама по себе требует дополнительного правового исследования, поскольку в п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ речь идет о возвращении доходов законному владельцу. Из позиции, занятой Санкт-Петербургским городским судом, следует, что законным владельцем преступно полученных доходов является государство. На это было указано в одном из правоприменительных решений¹. В заключение докладчик подчеркнул, что наилучшим решением проблемы было бы внесение необходимых изменений в ст. 104.1 УК РФ.

Профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор А.П. Скиба посвятил свой доклад направлениям развития уголовного, уголовно-процессуального и иных отраслей законодательства с учетом принятия Федерального закона «О пробации в Российской Федерации». В части, касающейся уголовного законодательства, Андрей Петрович перспективным считает: определение критериев оценки достижения целей применения наказаний и целей пробации; проведение анализа уголовно-правовых основ постпенитенциарной помощи и контроля за поведением лиц, освобожденных от отбывания наказания; изучение уголовно-правового регулирования правового положения осужденных и иных лиц, к которым применяется пробация; выявление особенностей учета поведения осужденных в контексте применения к ним пробационных мер при принятии решения об их условно-досрочном освобождении, замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания и освобождении от наказания в связи с тяжелой болезнью; изучение уголовно-правовых основ в связи с целесообразно-

стью постпенитенциарного контроля за поведением лиц, освобожденных от отбывания наказания в связи с тяжелой болезнью². По поводу направленного развития уголовно-процессуального законодательства докладчик отметил следующие: необходима всесторонняя оценка поведения осужденного при решении вопросов в стадии исполнения приговора³ с точки зрения соблюдения пробационных мер, исполнения мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой; возможно отнесение тех или иных действий осужденного к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию; следует закрепить возможность участия субъектов и участников пробации в возбуждении производства и в судебном заседании при разрешении вопросов в стадии исполнения приговора. Завершая выступление, Андрей Петрович выразил мнение, что принятие Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» ознаменует начало нового этапа развития институтов исполнения наказаний, досрочного освобождения от их отбывания, применения ряда иных мер уголовно-правового характера, а также вызовет необходимость дальнейшего совершенствования отечественного уголовного права.

С докладом «Война как криминогенный фактор» выступил профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. Герцена, доктор юридических наук, профессор С.Ф. Милоков. Он рассказал о формировании новой отрасли российского преступноведения под названием «военно-полевая криминология» и возникших при этом трудностях. Под предметом военно-полевой криминологии следует понимать причины и условия, порождающие войны, и сопутствующие им демографические, социальные, экономические, культурно-нравственные и психологические процессы. Войны, даже справедливые, освободительные, негативно сказываются на состоянии правопорядка не только в странах, потерпевших поражение, но и в победивших. В качестве примеров Сергей Фёдорович привел Отечественную войну 1812 года, Великую Отечественную войну 1941-1945 годов и их последствия. Еще более очевидны негативные криминальные последствия войн неудачных, проигранных. Это обстоятельство было проиллюстрировано на примерах Крымской войны 1853-1856 годов и русско-японской войны 1904-1905 годов. Ведущиеся с 2014 года на Донбассе боевые действия, резко интенсифицировавшиеся с 24 февраля 2022 года, по мнению автора, имеют черты гражданской войны. В настоящее время глубинные причины войн и других социальных конфликтов, включая, безусловно, преступность, следует изучать криминологам и правоведам. Они могли бы участвовать в разработке методов про-

¹ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 19.11.2019 № 33-28428/2019 по делу № 2-1081/2019 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

² Ермасов Е.В. Вопросы совершенствования нормативно-правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний в рамках реализации Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Введение пробации в Российской Федерации: взаимодействие государственных органов и общественных организаций: сборник материалов научно-практической конференции. СПб; Рязань, 2023. С. 12-13.

³ Скиба А.П., Малолеткина Н.С. Законопроект «О пробации в Российской Федерации»: некоторые аспекты обсуждения в 2021-2022 годах // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17 (1-4). № 2. С. 176-194.

тиводействия вооруженным конфликтам в рамках военно-полевой криминологии.

Профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации А.Г. Хлебушкин в своем выступлении затронул вопросы обеспечения системности и эффективности уголовно-правового противодействия террористической, экстремистской и диверсионной деятельности. Артём Геннадьевич отметил факторы, влияющие на такое противодействие: характер и степень общественной опасности; формирование и изменение регулятивного и уголовного законодательства, тесная фактическая и юридическая взаимосвязь терроризма, экстремизма и диверсионной деятельности; наличие концептуальных и стратегических положений, определяющих актуальные угрозы для безопасности; формирование правоприменительной практики, возникновение и решение проблем правоприменения.

С учетом этих факторов им были определены средства обеспечения системности и эффективности уголовно-правового противодействия террористической, экстремистской и диверсионной деятельности:

1. Исходные (общие, регулятивные) нормативно-правовые средства. Они содержат общие положения, принципы, подходы к противодействию деятельности перечисленных видов.

2. Правоприменительные средства. Совершенствование применения уголовно-правовых норм во многом обеспечивается путем принятия и изменения постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащих разъяснения по квалификации преступлений.

3. Доктринальные средства. В науке уголовного права анализируются самые разные вопросы, касающиеся названных видов незаконной деятельности, начиная с самых общих¹.

Выступающий подчеркнул необходимость рационального использования методов уголовно-правовой политики с соблюдением принципов, выработанных теорией.

В качестве общих требований к использованию перечисленных средств Артём Геннадьевич назвал:

- а) сочетание унификации и дифференциации подходов в правотворчестве и правоприменении;
- б) использование различных видов публично-правовой ответственности;
- в) анализ эффективности реализуемых законодательных решений.

Старший научный сотрудник научно-образовательного центра Юго-Западного государственного университета, кандидат юридических наук, доцент М.Н. Урда выступила с докладом «Миграционный контроль и средства его обеспечения (по следам трагедии «Крокус Сити Хол-

ла)». К числу основных механизмов миграционного контроля Маргарита Николаевна отнесла административный механизм установления и поддержания порядка, предполагающий установление миграционного режима и контроль за соблюдением порядка в виде административной ответственности, а также уголовно-правовой механизм противодействия нарушению порядка, предусматривающий установление запретов, наказание и иные меры. Рассматривая уголовно-правовой механизм, она обратила особое внимание на норму об ответственности за организацию незаконной миграции и специфику ее применения. Были представлены основные модели организации незаконной миграции, в том числе с использованием «Программы добровольного переселения соотечественников», описаны сопутствующие им преступные посягательства. Перспективными направлениями развития миграционного контроля в уголовно-правовой сфере докладчик назвала: установление запрета на применение ст. 73 УК РФ в отношении мигрантов-нелегалов; придание уголовно-правового значения выдворению иностранцев, совершивших преступления; усиление ответственности за организацию незаконной миграции в составе организованной группы; формирование модели уголовно-правовой оценки маятниковых перевозок.

Завершило планарное заседание выступление **доцента кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, кандидата юридических наук, доцента Н.В. Тыдыковой** с докладом «О проблемах санкций норм главы 18 Уголовного кодекса Российской Федерации». Надежда Владимировна представила результаты исследования множественных несоответствий степени общественной опасности деяний и строгости наказаний, за них предусмотренных (например в санкциях ч. 2 ст. 105, ч. 4 ст. 131 и ч. 4 ст. 132, ч. 5 ст. 131 и ч. 5 ст. 132 УК РФ). Были приведены примеры как недооценки общественной опасности деяний, так и излишней строгости предусмотренных наказаний (в частности, наказание в виде пожизненного лишения свободы за предусмотренные ч. 6 ст. 134 УК РФ деяния, не связанные с насилием, угрозой его применения и использованием беспомощного состояния малолетнего потерпевшего).

По мнению докладчика, выявленные проблемы требуют решения путем внесения изменений в нормы гл. 18 УК РФ. Однако сама возможность таких изменений сопряжена не только со сложностями технико-юридического характера, но и с возможной негативной их оценкой со стороны общества².

8 июня 2024 года в рамках работы секций были рассмотрены научные доклады сотрудников и работников образовательных и научно-исследовательских организаций, в том числе представляющих МВД России: Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета

¹ Лопашенко Н.А. Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовно-правовые принципы. Уголовная ответственность. Авторский курс: Монография / Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Юрлитинформ, 2024. 408 с.

² Плаксина Т.А. Санкции за насильственные преступления против половой неприкосновенности малолетних: вопросы совершенствования // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 46. С. 58-75.

прокуратуры Российской Федерации (Л.В. Готчиной), Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (С.Н. Бычкова, М.А. Дворжицкой), Волгоградской академии МВД России (О.В. Стрильца), Омской академии МВД России (К.Н. Карпова), Кубанского государ-

ственного университета (В.Н. Куфлевой), Кузбасского института ФСИН России (Е.С. Витовской), Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации (В.В. Семеновой, П.Л. Сердюка), Санкт-Петербургского университета МВД России. ■

© Огарь Т.А., 2024.

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Огарь Т.А. Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. Международная научно-практическая конференция (7-8 июня 2024 г., Санкт-Петербург) // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4 (78). С. 190-196.

ВЕСТНИК

КАЛИНИНГРАДСКОГО ФИЛИАЛА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

№ 4 (78)
2024

Vestnik of the Kaliningrad Branch
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia

Главный редактор
М.В. Бавсун
Заместитель главного редактора
А.П. Алексеева

Над выпуском работал:
А.В. Стулов
(дизайн, редактирование,
компьютерный макет)

Сдано в набор - 02.12.2024. Подписано в печать - 27.12.2024. Дата выхода в свет - 28.12.2024.
Формат 60x90 1/8. Объем - 24,5 у.п.л. Заказ № 466. Тираж - 200 экз.
Информация о цене выпуска: свободная цена.

Отпечатано на полиграфической базе Калининградского филиала СПбУ МВД России
Адрес типографии: Россия, 236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.